

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (19)

2017

Главный редакторчлен-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленев**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:****Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Симферополь, Россия)**П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** – доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** – кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** – доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** – кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2017

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017

© Журнал «Поволжская археология», 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue – Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2017

© Mari State University, 2017

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия).
На стыке двух тысячелетий (Марийской археологической экспедиции 60 лет)..... 8

Житенев В.С. (Москва, Россия).
Новое свидетельство использования серпентинитового сырья в Каповой пещере (Южный Урал)..... 18

Bugrov D.G., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).
Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites of Switzerland (the “Swiss Collection” of the National Museum of Tatarstan Republic, Kazan)..... 26

Выборнов А.А. (Самара, Россия).
Спорные вопросы изучения раннего неолита Марийского Поволжья 38

*Чижевский А.А., Шпилов А.В. (Казань, Россия),
Капленко Н.М. (Н.Челны, Россия).*
Итоги исследования Каентубинской Островной стоянки в 2004 году 50

Королев А.И., Шалапинин А.А. (Самара, Россия).
Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в лесостепном Поволжье..... 71

Патрушев В.С. (Казань, Россия).
«Текстильная» керамика Марийского Поволжья (по материалам раскопок поселений эпохи бронзы)..... 92

Савельев Н.С. (Уфа, Россия).
О южной границе лесных и лесостепных культур на Урале в I тысячелетии до н.э..... 114

Иванов В.А. (Уфа, Россия).
Памятники эпохи раннего железного века - средневековья Южного Предуралья: источниковедческий контекст (лес и лесостепь)..... 130

Лукпанова Я.А. (Уральск, Казахстан).
Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога..... 145

Алтынбеков К., Досаева Д.К. (Астана, Казахстан).
Опыт реконструкции «археологического» костюма..... 157

Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).
Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II 172

Вихляев В.И. (Саранск, Россия).
Могильники мордвы III–V вв. и проблема единства древней культуры ... 205

<i>Красноперов А.А., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).</i> Женский головной убор из Дубровского могильника IV–V вв. н. э.	216
<i>Голдина Е.В., Черных Е.М. (Ижевск, Россия).</i> Бусы Дубровского могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование	238
<i>Останина Т.И. (Ижевск, Россия).</i> Наборные пояса из Кузбаевского клада VII века	257
<i>Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Работы Марийской археологической экспедиции по изучению средневековых древностей Поветлужья	272
<i>Белавин А.М., Крыласова Н.Б. (Пермь, Россия).</i> Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X–XI вв.	284
<i>Акилбаев А.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Смена инвентаря в погребениях середины XI–XIII веков могильников Нижнего Поветлужья	298
<i>Михеев А.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> К методике определения границ территории объектов археологического наследия (на опыте работы МарАЭ)	311
<i>Кузьминых С.В. (Москва, Россия),</i> Марийская археологическая экспедиция: люди и судьбы	327

Критика и библиография

<i>Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).</i> Рецензия на монографию: Мордовские племена накануне великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV Вв.): монография / В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов, О.В. Седышев, А.Н. Сомкина; Мордов.гос. пед. ин-т. . Саранск, 2016. 195 с.	339
---	-----

Хроника

<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия).</i> Научная конференция «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации»	347
<i>Никитина Т.Б., Никитин В.В. (Йошкар-Ола, Россия).</i> О работе межрегиональной научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия»	357
Список сокращений	360
Правила для авторов	363

CONTENTS

Researches and Publications

Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).
 On the Turn of Two Millennia
 (60 Years of the Mari Archaeological Expedition) 8

Zhitenev V.S. (Moscow, Russian Federation).
 New Evidence of Serpentine Raw Material Exploitation
 in the Kapova Cave (The Southern Urals) 18

Bugrov D.G., Galimova M.Sh. (Kazan, Russian Federation).
 Antler Sleeves from the Neolithic Lake-Dwelling Sites
 of Switzerland (the “Swiss Collection” of the National Museum
 of Tatarstan Republic, Kazan). 26

Vybornov A.A. (Samara, Russian Federation).
 Controversial Questions of the Early Neolithic Studies
 in the Mari Volga Region..... 38

*Chizhevsky A.A., Shipilov A.V. (Kazan, Russian Federation),
 Kaplenko N.M. (N. Chelny, Russian Federation).*
 Study Results on Kaen-Tube Island Site in 2004 50

Korolyov A.I., Shalapinin A.A. (Samara, Russian Federation).
 Lebyazhinka VI Settlement: Eneolithic Site in the Forest-Steppe Volga Region 71

Patrushev V.S. (Kazan, Russian Federation).
 “Textile” Ceramics of Mari Volga (by the Materials of Excavations
 on the Bronze Age Settlements) 92

Savelev N.S. (Ufa, Russian Federation).
 On the Southern Border of the Forest and Forest-Steppe Cultures
 in the Urals in the Ist Millennium BC 114

Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation).
 Early Iron Age and Medieval Sites in the Southern Ural Region:
 Context of Sources (Forest and Forest-Steppe)..... 130

Lukpanova Ya.A. (Ural'sk, Kazakhstan).
 Reconstruction of Female Costume From the Elite Burial Ground
 Taksay-I: a View of the Archaeologist 145

Altynbekov K., Dosayeva D. (Astana, Kazakhstan).
 Experience of a Reconstruction of "Archaeological" Costume..... 157

Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).
 Chronology of 3rd–5th Centuries Male Graves
 from the Tarasovo Burial Ground..... 172

Vikhlyaev V.I. (Saransk, Russian Federation).
 Mordovian Cemeteries of 3rd–5th Centuries and the Unity
 of Their Early Culture..... 205

<i>Krasnopeorov A.A., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).</i> Female Headdress from Dubrovskiy Burial Ground of 4 th –5 th Centuries	216
<i>Goldina E.V., Chernykh E.M. (Izhevsk, Russian Federation).</i> Beads of the Dubrovskiy Burial Ground (4 th –5 th Centuries A.D.) in the Middle Kama Region: Classification and Use.....	238
<i>Ostanina T.I. (Izhevsk, Russian Federation).</i> The Seventh Century Composite Belts from Kuzebaev Hoard	257
<i>Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Progress of Mari Archaeological Expedition in Study of Medieval Antiquities of Vetluga Region	272
<i>Belavin A.M., Krylasova N.B. (Perm, Russian Federation).</i> Ancient Russian Materials in the Perm Cis-Urals During the 10 th –11 th Centuries	284
<i>Akilbaev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Change of Grave Goods in the Middle 11 th –13 th Centuries in the Burial Grounds in the Lower Vetluga Area	298
<i>Mikheev A.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> Delineating Sites of Archaeological Heritage: Methodology Based on Endeavours of the Mari Archaeological Expedition	311
<i>Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Mari Archaeological Expedition: People and Destinies	327

Critics and Bibliography

<i>Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).</i> Review of the Monograph: Mordvinia's Tribes on the Eve of the Great Migration (Ust-Uzinsky Burial 3 rd –4 th Cent.): Monograph / V.V. Grishakov, S.D. Davidov, O.V. Syedyshev, A.N. Somkina. Saransk, 2016. 195 P.....	339
--	-----

Chronicle

<i>Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation),</i> <i>Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation).</i> Scientific Conference 'Ananyino World: Cultural Space, Connections, Traditions and Innovations'	347
<i>Nikitina T.B., Nikitin V.V. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).</i> On Proceedings of the Inter-Regional Scientific Conference on Conservation and Popularization of Archaeological Heritage	357
List of Abbreviations.....	360
Submissions	363

Исследования и публикации

УДК 902

НА СТЫКЕ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ (МАРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 60 ЛЕТ)

© 2017 г. В.В. Никитин

Статья посвящена 60-летию юбилею Марийской археологической экспедиции. В ней подведены итоги работы МарАЭ за последние 20 лет (1996–2016) в области изучения древней культуры населения Марийского края начиная с эпохи первоначального заселения (мезолит), в периоды неолита-энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья по исследованным экспедицией стоянкам и поселениям первобытности, селищам, городищам и некрополям. Особое направление исследований представляет формирование и развитие древнемарийской культуры, материальная и духовная культура средневековых марийцев. Продолжаются разведочные работы по выявлению новых памятников археологии. В рассматриваемый период по материалам экспедиции издано 12 и подготовлено три монографии.

Ключевые слова: археология, Марийская археологическая экспедиция, археологические исследования, мезолит, неолит, эпоха бронзы, средневековье, поселения, могильники, городища, этногенез и культура марийцев.

Созданная в 1956 году МарАЭ отметила свой 60-летний сезон полевых работ. Первым ее руководителем стал Альфред Хасанович Халиков, заместителем Геннадий Андреевич Архипов. Этот солидный возраст предполагает и некоторые достижения в изучении древнейших периодов истории населения Марийского края. С первых лет деятельности экспедиция ставила своей задачей выявление археологических объектов и дальнейшее их изучение с целью сбора информации для создания трудов по всем периодам исторического прошлого племен и народов, населявших Среднее Поволжье.

Краткий обзор достижений археологической экспедиции дан в отдельных статьях (Архипов, 1976, с. 5–11; Зенкин, Никитин, 1996, с. 55–63; Ни-

китин, 2007а, с. 3–19; 2007б, с. 5–25; 2010, с. 74–93).

В данном обзоре излагаются результаты работ экспедиции за последние два десятилетия. Основные цели исследований сосредоточены на следующих направлениях: 1 – Каменный и медно-каменный периоды (исполнитель В. Никитин). 2 – Бронзовый век (исполнители Б. Соловьев и С. Большов). 3 – Раннее средневековье (исполнитель А. Михеев). 4 – Этногенез, этническая, материальная и духовная культура средневековых марийцев (исполнитель Т. Никитина). 5 – Культовые памятники (исполнитель Д. Ефремова). 6 – Культурные и торговые контакты марийцев в эпоху средневековья (исполнитель А. Акилбаев). 7 – Реставрация и консервация археологических металлических

предметов (исполнители С. Алибеков, Е. Алибекова). Кроме разработки этих направлений продолжались разведочные работы по выявлению памятников археологии в связи с подготовкой справочника «Археологическая карта Республики Марий Эл», продолжалась работа над темой «Кузнечное ремесло древних марийцев» (А. Шадрин), но, к сожалению, тема не была завершена из-за ухода исполнителя. Разрабатывалась тема «Погребальная обрядность марийцев» (исполнитель А. Михеев), по которой была подготовлена (к сожалению, не опубликована) монография.

Рассматривая основные направления работ МарАЭ с конца прошлого и начала нынешнего тысячелетия, можно отметить следующее. За последнее 20-летие в области изучения истории населения каменного века сделаны значительные успехи. Были обработаны и проанализированы материальные комплексы раскопанных ранее мезо-неолитических поселений и сезонных стойбищ. Эти работы позволили решать и уточнять проблемы происхождения, развития и дальнейших судеб первобытных насельников края. Готовятся к изданию материалы поселений эпохи мезолита (раскопано 12 поселений с остатками построек и получены информативные коллекции почти десятка кратковременных стоянок). Публикация материальных технокомплексов по отдельным постройкам даст возможность более четко реконструировать системы расселения, планиграфию поселков, выявить хронологическое соотношение отдельных построек на поселениях, что, в свою очередь, представит возможность реконструкции общины и семейных отношений. Появятся и

дополнительные аргументы в разработке вопроса взаимоотношений позднемезолитического (местного) и раннеолитического (пришлого) населения.

Период зарождения неолитических традиций можно отнести ко времени существования мезолитических комплексов. Система жизнеобеспечения в это время уже имела достаточно устойчивый уровень воспроизводства, предполагающий прочную оседлость с элементами традиционных (сезонных) промыслов, позволяющих заготавливать продукты питания впрок.

Процесс интеграции носителей лесостепных неолитических традиций в среду местного лесного населения достаточно хорошо изучен исследователями МарАЭ с 1980 по 2007 год и обобщен в монографии, изданной при финансовой поддержке РГНФ (Никитин, 2011). Пришельцы принесли с собой технологию изготовления глиняной посуды. Кроме того, в экономическом арсенале их хозяйственной деятельности просматриваются навыки придомного скотоводства, о чем свидетельствует устойчивый состав стада (лошадь, крупный и мелкий рогатый скот), останки которого собраны на поселениях Отарское VI и Дубовское III и VIII. Установлена абсолютная дата существования этого населения: середина VI–V тыс. до н.э. Одновременно с данной группой племен в левобережье Средней Волги бытует население, освоившее Волго-Окский бассейн (полосу широколиственного леса), изготавливавшее посуду, украшенную в гребенчатомочном стиле. Данное этнокультурное образование прочно освоило междуречье Волги-Ветлуги и Вятки, занимаясь комплексным присваива-

ющим хозяйством с доминантой рыболовства. Они достаточно плотно заселили Среднее Поволжье. Система их расселения отличается наличием кучно расположенных поселков оседлых охотников-рыболовов с разветвленной сетью кратковременных и сезонных стойбищ вдали от основных водных магистралей. Какое-то время они сосуществуют с пришлыми из лесостепи племенами (I-я четверть – середина V тыс. до н.э.), о чем свидетельствует посуда, изготовленная в смешанных технологических и орнаментальных традициях. Видимо, связи двух культурных группировок были непродолжительными или не очень прочными, т.к. не переросли в некое симбиозное качество. Материальные комплексы и история развития населения данной территории опубликованы в отдельной монографии, изданной при финансовой поддержке института археологии им. А.Х. Халикова (Никитин, 2015). В неолитическую пору на этой же территории (в основном в бассейне рек Илети и Вятки) бытуют племена так называемой камской культуры. Население малочисленное и, в отличие от указанных выше, вело более подвижный образ деятельности. Видимо, основное их занятие – охота (большей частью на мигрирующих животных). Практически до сих пор не выявлено их постоянных поселений с системой построек (кроме поселения Нижняя Стрелка V в устье р. Дорогучи, где изучены остатки двух полуземлянок), хотя стоянки и стойбища найдены на левобережных притоках р. Волги и озерах. Оригинальная посуда украшена оттисками гребенчатых (зубчатых) штампов, насечками и прочерками. Узоры достаточно сложные, иногда

геометризированные. Основная территория распространения носителей камских древностей – Прикамье. Время существования середина VI–V тыс. до н.э. По поводу расселения их на Среднюю Волгу есть разные точки зрения, а история развития культуры в Марийской низине отражена в серии опубликованных работ В.В. Никитиным (Никитин, 1991, 1996).

В позднем неолите Волго-Окское междуречье (в том числе Марийский край) осваивают племена волосовской культурно-исторической общности, заселившие полосу широколиственных лесов Восточной Европы от р. Вятки до Прибалтики. В это время левобережье Среднего Поволжья от р. Оки до р. Казанки очень плотно освоено местными волосовскими племенами. Широкими раскопками (начиная с 1956 г.) здесь исследовано около 20 поселений, на которых изучены остатки более 70 построек. Кроме того, получены обширные коллекции материальной культуры с трех десятков кратковременных стоянок. Краткие итоги этих работ получили освещение в двух монографиях (Никитин, 1991, 1996).

Волосовские племена развиваются на стыке двух эпох – эпохи камня и эпохи раннего металла, или медно-каменного века. Сложившись на основе двух культурных традиций восточной (камской) и западной (окской), эти племена продолжают заниматься комплексным присваивающим хозяйством, но в то же время наблюдаются и элементы прогрессивного экономического сдвига. Прежде всего, это проявилось на развитом этапе, когда в хозяйстве стали заметны признаки освоения металла (меди) – на поселениях Рутка, Барские Кужеры, Ах-

мылово, Уржумка и др. К этому же времени относятся первые свидетельства примитивного (пойменного) огородничества. Появляются земледельческие орудия – мотыги и копалки; орудия для дробления и растирания злаков – песты, терочники и терочные плитки. Все это создает условия для улучшения системы жизнеобеспечения за счет не только экономического совершенствования, но и в силу некоторых преобразований в родоплеменной организации. Заметно увеличивается количество постоянных поселков и расширяется территория освоения. Заселяются не только пойменные пространства, но и мелкие притоки, озера и протоки. Культура существует в течение всего III тыс. до н.э. В настоящее время В.В. Никитин подготовил монографию, в которой представлена вся имеющаяся в настоящее время информация по средневоложскому варианту волосовской культурно-исторической общности.

С рубежа III–II тыс. до н.э. в лесные районы Средней Волги проникают скотоводческие абашевские и балановско-фатьяновские племена. Они приносят с собой навыки бронзолитейного производства и скотоводства и особый, не типичный для лесной полосы курганный погребальный обряд. Мирное сосуществование отдельных культурных групп перерастает в систему контактов, связей и взаимоотношений, вплоть до брачных. Постепенно складывается симбиозное образование, впитавшее элементы культуры поздневолосявского и балановского населения – чирковская культура. Процесс сложения, история развития, датировка, материальная и духовная культура чирковского населения показаны в монографическом

исследовании Б.С. Соловьева (Соловьев, 2000). Топографии поселений и построек эпохи камня и бронзы посвящена специальная монография (Никитин, Соловьев, 2002).

Одновременно с изучением чирковской культуры исследуются некрополи пришлого абашевского населения. Продолжаются разработки теоретических основ культурогенеза, развития, связей и дальнейших судеб, места средневоложского абашева в системе абашевской культурно-исторической общности. Этим проблемам посвящены специальные монографические исследования С.В. Большова (Большов, 2003, 2006). Эпоха поздней бронзы (середина II – начало I тыс. до н.э.) представлена памятниками приказанской культуры и культуры текстильной керамики. Этот пласт истории Марийского Поволжья исследован недостаточно, но он хорошо представлен поселениями с системой построек, занимающими компактные кусты в пойменных пространствах левобережья Волги, на ее притоках, озерах и старицах. Раскопками В.В. Никитина 1976 и 1985 г. изучены поселения на р. Илети и Большой Кокшаге (Барские Кужеры IV, Кокшамары II). Несколько построек раскопал Б.С. Соловьев на поселении Ошутьялы III на р. Илети, Ясачном III на М. Кокшаге, Сосновая Грива на р. Б. Кокшага. Приказанские материалы были получены экспедицией МарГУ при исследовании поселений у с. Кокшамары (В.С. Патрушев).

Многие проблемы этнокультурного развития поселений этой культуры до сих пор являются дискуссионными и рассмотрены в отдельной главе монографии Б.С. Соловьева (Соловьев, 2000). В последние годы Б.С. Соло-

вьев завершил работу по истории племен Волго-Камья в эпоху поздней бронзы, известную как Великое переселение народов. Его монография «Юг лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века» готова к публикации и сдана в производство.

Историей племен раннего железного века исследователи МарАЭ в последние годы целенаправленно не занимались. Можно отметить лишь некоторые дополнительно обследованные и частично изученные на заре создания МарАЭ городища Поволжья в Нижегородской и Костромской областях А.В. Михеевым, А.В. Акилбаевым, Д.Ю. Ефремовой, а также Ардинское городище в Килемарском районе Республики Марий Эл (РМЭ). Слои эпохи раннего железного века, как правило, попадали в круг исследований при изучении городищ эпохи раннего средневековья.

На протяжении последних 10 лет стационарные раскопки городищ I тыс. н.э. проводит А.В. Михеев: Большая Гора, Барковского, Юльяльского, Сиухинского, Ардинского, Иванова гора в РМЭ, Русенихинского в Нижегородской области. Интересные материалы позволяют по-новому подойти к вопросам изучения оборонноспособности, связи с природным ландшафтом, системы жизнеобеспечения древнемарийского населения. Надеемся, что в ближайшее время результаты будут оформлены в виде монографии.

Особо плодотворно разрабатывались периоды средневековой истории марийского народа Т.Б. Никитиной. Были выявлены и исследованы древнемарийские могильники (Русенихинский на Средней Ветлуге в Ниже-

городской области; Кузинские хутора на Верхней Ветлуге в Костромской области; Анаткасинский в волжском правобережье Чувашии, Выжумский в Юринском районе). Проведены дополнительные исследования Т.Б. Никитиной на Веселовском и Черемисском могильниках в Нижегородской области. Результаты исследования могильников I тысячелетия были обобщены в монографии (Никитина, 1999). Полная публикация материальных комплексов некрополей XI–XII веков подготовлена и издана Т.Б. Никитиной в 2012 году при финансовой поддержке Института археологии АН Республики Татарстан им. А.Х. Халикова. Достаточно интенсивно изучаются поселения и городища II тыс. н.э. (Аламнер, Юльялы, Сауткино, Носелы, Красное селище и др.). В то же время дополнительно исследуются городища Поволжья в Нижегородской области А.В. Михеевым, А.В. Акилбаевым, Д.Ю. Ефремовой. Масштабные раскопки средневековых поселений позволили Т.Б. Никитиной изложить историю населения края в эпоху средневековья (Никитина, 2002). Уникальная протогородская культура восстановлена по материалам городища у с. Малый Сундырь (Никитина³, Михеева, 2006).

Особое внимание уделено богатым и разнообразным коллекциям с древнейшими образцами прикладного народного искусства в камне, глине, кости и металле, которые представлены в монографическом обзоре (Никитин, Никитина, 2004).

В последние два десятилетия разрабатывалась тематика, связанная с духовной культурой средневековых марийцев. Д.Ю. Ефремова изучила и обобщила все известные материалы

по культовым памятникам Марийского края в практически готовой монографии. Исследование осталось не завершенным ввиду перехода исполнителя на другую работу.

Продуктивно начал свою работу А.В. Акилбаев над проблемой «Культурные и торговые контакты марийцев в эпоху средневековья». По периоду IX–XI вв. им подготовлено к защите диссертационное исследование.

Подводя итог 20-летних исследований можно с уверенностью говорить о достижениях археологов МарАЭ в области изучения каменного века – издано 7 и подготовлены к изданию 2 монографии.

В области изучения средневековой истории марийцев – издано 5 и подготовлено 2 монографии и 1 диссертационное исследование и около 10 тематических сборников.

Две монографии получили высшую оценку, их авторы стали лауреатами государственной премии Республики Марий Эл в области гуманитарных наук.

Кроме основных научных направлений продолжались разведочные работы по выявлению памятников археологии в связи с подготовкой справочника «Археологическая карта Республики Марий Эл». За прошедшие экспедиционные сезоны собран обширный материал, изданный в виде «Археологической карты» (Никитин. 2009). Тема выполнялась при финансовой поддержке РГНФ. Эта работа долгие годы будет путеводителем для молодых археологов-разведчиков, поскольку в ней обозначены основные пути и кусты расселения племен и народов, населявших наш край с эпохи позднего палеолита до XVIII века включительно.

В последние 3 года значительная работа проводится по определению границ объектов культурного наследия. При финансовой поддержке Министерства культуры РФ, в рамках программы культуры России и Министерства культуры РМЭ по программе «Культурное наследие Республики Марий Эл», работы по определению границ проведены в Звениговском и Горномарийском районах (руководитель А.В. Михеев).

Деятельность экспедиции строится при постоянном взаимодействии с Министерством культуры республики. При поддержке Министерства культуры были проведены спасательные работы на Сиухинских городищах, Выжумском могильнике, Барковском селище.

Продолжалась практика проведения полевых симпозиумов и конференций. В 1996 г. на базе раскопок Майданского IV поселения воловской культуры проведена конференция «Итоги и перспектива археологического изучения Марийского края», в которой приняли участие ученые из Казани, Ижевска, Москвы, Йошкар-Олы.

В 2000 году по материалам раскопок Юринской стоянки у пос. Юрино проведен семинар, посвященный проблемам взаимодействия культур эпохи бронзы Волго-Уральского региона. На семинаре с докладами выступили ученые Москвы, Самары, Ульяновска, Пензы, Чебоксар, Казани, Йошкар-Олы. Обсуждались проблемы этногенеза лесных образований эпохи бронзы, их связи и взаимодействие с лесостепными и степными племенами.

В 2002 году по материалам раскопок древнемарийского Мало-Сун-

дырского городища XIV–XV вв. в правобережье р. Волги проведена конференция по проблемам этнической истории финно-угорских народов Волго-Камья; культурных связей; хозяйственной деятельности и образования протогородских цивилизаций. В работе конференции приняли участие сотрудники научных центров Москвы, Ростова, Казани, Пензы, Ульяновска, Ижевска, Чебоксар и Йошкар-Олы.

Материалы двух последних конференций опубликованы в сборнике «Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье» (2004).

В 2006 г. по материалам Марийской археологической экспедиции проведена конференция «Влияние природной среды на развитие древних сообществ (VI Халиковские чтения)». В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Ростова, Самары, Казани, Кирова, Уфы, Ижевска, Перми, Пензы, Юрино, Чебоксар, Йошкар-Олы, Иваново, Ульяновска. Материалы опубликованы в сборнике «Влияние природной среды на развитие древних сообществ (материалы научной конференции). VI Халиковские чтения».

К сожалению, в последнее 10-летие резко сократилось бюджетное финансирование исследовательских работ. Совершенно не финансируются командировки на научные конференции, не издаются научные труды. Все это отрицательно сказывается на имидже

профессии. Преобладание коммерческих работ над научными разработками засосало, как тряпина, молодое поколение квалифицированных исследователей. Полевые исследования часто определяются степенью толщины кошелька заказчика. Коммерческая деятельность постепенно, но настойчиво вытесняет научные исследования. Археология перестала быть наукой романтиков с уходом студентов-выпускников второй половины 1980-х годов. Самое печальное в этой ситуации то, что молодежь, несмотря на прелести профессии исследователя-полевика, не идет в науку, предпочитая более доходные места работы. Жизнь заставляет даже романтиков становиться прагматиками. Вот и мы уходим на 7-й десяток деятельности МарАЭ с огромными потерями. За последние 5 лет отдел археологии покинули д.и.н. С.В. Большов, к.и.н. Д.Ю. Ефремова, к.и.н. Б.С. Соловьев. В результате оптимизации сокращены д.т.н. С.Я. Алибеков и к.х.н. Е.В. Алибекова, занимавшиеся разработками технологии реставрации и консервации археологических предметов из металла. Несмотря на навалившиеся на нас трудности, мы не теряем надежды на более светлые времена, жаль только, что можем не успеть передать свой опыт молодым исследователям по одной, но очень существенной причине – их просто нет. Кому-то необходимо срочно об этом подумать. А, может быть, думать уже поздно – нужно действовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Марийской археологической экспедиции 20 лет // Древние и современные процессы в Марийском крае. АЭМК. Вып. 1 / Ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1976. С. 5–11.

2. *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблема культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 232 с.
3. *Большов С.В.* Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) // Труды МарАЭ. Т. VIII. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2003. 184 с.
4. Влияние природной среды на развитие древних сообществ (материалы научной конференции). VI Халиковские чтения / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. 371 с.
5. *Зенкин А.А., Никитин В.В.* 40 лет Марийской археологической экспедиции (1956–1996 гг.) // Finno-Ugrica. 1996. № 4. С. 55–62.
6. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 415 с.
7. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края / Труды МарАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.
8. *Никитин В.В.* Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Казань: Изд. Дом Казанская недвижимость, 2015. 364 с.
9. *Никитин В.В.* Марийская археологическая экспедиция // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 80 лет. 1930–2010 / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2010. С. 74–93.
10. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – начала II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1991. 152 с.
11. *Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.
12. *Никитин В.В.* Пятьдесят лет Марийской археологической экспедиции // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2007 а. С. 3–19.
13. *Никитин В.В.* Пятьдесят полевых сезонов Марийской археологической экспедиции // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 30 / Ред. В.В. Никитин, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007б. С. 5–25.
14. *Никитин В.В.* Ранний неолит Марийского Поволжья / Труды МарАЭ. Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.
15. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МарАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 162 с.
16. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.
17. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
18. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: Отечество, 2012. 408 с.
19. *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 196 с.
20. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

Информация об авторе:

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

**ON THE TURN OF TWO MILLENNIA
(60 YEARS OF THE MARI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION)**

V.V. Nikitin

The article is dedicated to the 60th Anniversary of the Mari Archaeological Expedition and summarizes the two decades of its studies (1996-2016) into the early cultures of the Mari region, starting from the era of the original settlement (Mesolithic), through the Neolithic-Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age and up to the Middle Ages. The expedition studied stations and settlements of primitive cultures, as well as unfortified and fortified settlements and necropolises. Special studies focused on formation and development of the early Mari culture, as well as the material and spiritual culture of the medieval Mari. The expedition continues its survey exploration in order to identify new archaeological sites. During the reported period, twelve monographs were published and three monographs prepared based on the expedition's materials.

Keywords: Mari Archaeological Expedition, archaeological studies, Mesolithic, Neolithic, Bronze Age, the Middle Ages, settlements, necropolises, fortified settlements, Mari ethnic genesis and culture.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1976. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Drevnie i sovremennyye protsessy v Mariiskom krae (Ancient and Present-Day Processes in the Mari Region)*. Series: *Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 1. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 5–11 (in Russian).
2. Bol'shov, S. V. 2006. *Lesnaia polosa Srednego Povolzh'ia v epokhu srednei bronzy (problemy kul'turogeneza pervoi poloviny II tys. do n.e.) (The Forest Area of the Middle Volga Region in the Middle Bronze Age: Issues of the Cultural Genesis in the 1st Half of the II Millennium BC)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
3. Bol'shov, S. V. 2003. *Srednevolzhskaia abashevskaiia kul'tura (po materialam mogil'nikov) (Abashevo Culture in the Middle Volga Basin: by Materials of Burial Sites)*. Series: *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* VIII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).
4. Nikitin, V. V. (ed.). 2007. *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
5. Zenkin, A. A., Nikitin, V. V. 1996. In *Finno-Ugrica* (4), 55–62 (in Russian).
6. Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaiia karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat" Publ. (in Russian).
7. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).
8. Nikitin, V. V. 2015. *Kul'tura nositelei posudy s grebenchato-iamochnym ornamentom v Mariisko-Kazanskom Povolzh'e (Pit-Combed Ware Culture in the Mari and Kazan Part of the Volga Basin)*. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost'" Publ. House (in Russian).
9. Nikitin, V. V. 2010. In Kazimov, A. S. (ed.). *Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut iazyka, literatury i istorii im. V. M. Vasil'eva 80 let. 1930–2010 (80 Years of the Mari Research Language, Literature, and History Institute named after V. M. Vasilyev: 1930 – 2010)*. Yoshkar-

Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 74–93 (in Russian).

10. Nikitin, V. V. 1991. *Medno-kamennyi vek Mariiskogo kraia (seredina III – nachalo II tysiacheletia do n. e.) (The Copper and Stone Age of Mari Region (Middle of 3rd – Early 2nd Millennium BC))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

11. Nikitin, V. V. Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

12. Nikitin, V. V. 2007. In Nikitin, V. V. (ed.). *Vliianie prirodnoi sredy na razvitie drevnikh soobshchestv (Influence of the Natural Environment on the Evolution of Ancient Communities)*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 3–19 (in Russian).

13. Nikitin, V. V. 2007. In Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. (eds.). *Problemy pervobytnoi i srednevekovoi arkheologii Volgo-Kam'ia (Piat'desiat let Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) (Issues of the Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga – Kama Area: 50 Years of the Mari Archaeological Expedition)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 30. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute, 5–25 (in Russian).

14. Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

15. Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2002. *Poseleniia i postroiki Mariiskogo Povolzh'ia (epokha kamnia i bronzy) (Settlements and Dwellings of the Mari Volga Region: Stone and Bronze Ages)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

16. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD (by Materials from Burial Grounds))*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

17. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

18. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Burial Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

19. Nikitina, T. B., Mikheeva, A. I. 2006. *Alamner: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga) (Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

20. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

About the Author:

Nikitin Valeriy V., Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

УДК 902.01

НОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕРПЕНТИНИТОВОГО СЫРЬЯ В КАПОВОЙ ПЕЩЕРЕ (ЮЖНЫЙ УРАЛ)

© 2017 г. В.С. Житенев

В статье рассмотрены находки из достаточно редкого материала – серпентинита, сделанные в широко известной Каповой пещере. Верхнепалеолитические изделия из этого камня представлены 4 бусинами из раскопок В.Е. Щелинского (1982–1991 гг.), происходящие из культурного слоя зала Знаков (средний этаж пещеры). Там же были обнаружены и необработанные серпентинитовые галечки. В результате работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ (2009–2015 гг.) два фрагмента серпентинитовой галечки были обнаружены в культурном слое верхнепалеолитического возраста на верхнем этаже пещеры в зале Рисунков. По мнению автора, обнаружение серпентинитового материала служит дополнительным и немаловажным свидетельством близкого культурного родства групп, посещавших оба этажа пещеры и выполнявших содержательно разные (в плане представленных образов и знаков) изображения в разных отделах пещеры. Использование серпентинитового сырья, в том числе для изготовления украшений, и зауральской яшмы для производства орудий ясно указывает одно из направлений передвижений верхнепалеолитических коллективов Южного Урала от Каповой пещеры на расстояние 70–150 км.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, верхний палеолит, Капова пещера, пещерное искусство, серпентинит

Капова пещера расположена в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белая, на территории природного заповедника «Шульган-Таш».

Вход в пещеру находится в 150 м к северо-востоку от русла р. Белой. Пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных на трех гипсометрических уровнях (этажах), нижний из которых занят речкой Подземный Шульган.

В 1959 г. сотрудник заповедника А.В. Рюмин выявил в Каповой пещере настенные изображения палеолитического возраста (Александр Владимирович Рюмин..., 2009). Первые археологические исследования в 1960–1978 гг. в пещере воз-

главлял О.Н. Бадер (Бадер, 1965). В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры проводилось под руководством В.Е. Щелинского (Щелинский, 1996). Одним из важнейших результатов работ стало открытие в зале Знаков палеолитического культурного слоя. Среди украшений были встречены 4 экз. однотипных бусин (рис. 1: а), «боченочковидной формы, длиной меньше 1 см, просверлены с двух сторон и изготовлены из мягкого камня – желтовато-зеленоватого благородного серпентинита. Хорошо видно, что бусины не новые, а заметно изношенные от ношения, с истертыми краями и отверстием» (Щелинский, 1997, с. 33). Следует отметить, что кроме изделий из серпентинита в культурном

слое зала Знаков были обнаружены и небольшие серпентинитовые галечки (рис. 1: б, в).

Ближайшие к Каповой пещере выходы серпентинитов расположены в районах хребта Крака (Кракинский аллохтонный комплекс Зилаирского синклиория) и Магнитогорского синклиория, т.е. на расстоянии от 70 до 150 км (Казанцева, 2009; Ščelinsky, Širokov, 1999).

В 2004–2005 гг. в зале Рисунков работала экспедиция под руководством Т.И. Щербаковой (Щербакова, Щелинский, 2005). С 2008 г. археологические исследования в Каповой пещере проводят две экспедиции: ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В.Г. Котова и Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ под руководством автора.

Основной целью работ 2009–2015 гг. является комплексное изучение настенных изображений, а также проведение сплошного поиска и междисциплинарных исследований культурных остатков в разных отделах пещеры.

На сегодняшний день зафиксированы пункты распространения культурных остатков верхнепалеолитического возраста в залах верхнего (зал Рисунков) и среднего (залы Купольный, Знаков, Хаоса) уровней Каповой пещеры, а также на первой террасе Ступенчатой галереи (так называемый «Балкон»). По костям и древесному углю из культурных слоев получены даты позднеплейстоценовых посещений в интервале от 13930±300 л. н. (ГИН-4853) до 16010±100 л. н. (KN-5023) (Житенев и др., 2015).

В зале Рисунков на крутом глинистом склоне у восточной стены, в непосредственной близости от изображений Восточного панно, практически под фигурой так называемого «мамонта-диссидента», был выявлен выход охристо-угольного культурного слоя верхнепалеолитического воз-

Рис. 1. Серпентинитовые украшения и галечки из верхнепалеолитического культурного слоя в зале Знаков, Капова пещера: а – серпентинитовые бусины; б – фрагмент серпентинитовой галечки; в – серпентинитовая галечка. Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН.

Fig. 1. Serpentine jewelry and small pebbles from the Upper Palaeolithic cultural layer in the chamber of Signs, Kapova cave: а – serpentine beads; б – fragment of a serpentine pebble; в – serpentine pebble. Museum of archaeology and ethnography of R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences.

а

б

Рис. 2. Фрагменты серпентинитовой галечки со следами сколов из верхнепалеолитического культурного слоя в зале Рисунков, Капова пещера. Масштаб в миллиметрах.

Научно-учебный музей исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Fig. 2. Fragments of serpentine small pebbles with traces of chipping, from the Upper Palaeolithic cultural layer, chamber of Paintings, Kapova cave. Scaled in millimeters. Scientific-Didactic Museum, History Faculty, M.V. Lomonosov Moscow State University.

раста. По своему стратиграфическому положению он похож на «точок» художника, исследованный в Купольном зале (Житенев, 2012).

Для первоначального понимания характера и мощности обнаруженных культурных остатков был поставлен шурф площадью 1 м². Современная дневная поверхность квадрата имеет сильный наклон с севера на юг, а также небольшой наклон с запада на восток.

Верхний литологический слой представляет собой утопанный посетителями влажный темно-коричневый тяжелый глинистый суглинок, содержащий древесные угли, полуистлевшую кору дерева, битое стекло, парафин и т. д.

Расчистка верхнепалеолитического культурного слоя в нижележащем литологическом слое велась с учетом падения его уровня на площади квадрата, по уровням залегания больших и малых камней. Всего было выделено три условных горизонта. Тем не менее фактически определить какие-либо отдельные горизонты сгущения находок в процессе работ и в процессе камеральной обработки материалов не удалось. В результате зафиксировано, что на всем квадрате, особенно в секторах А и В, наблюдается существенное количество красной охры (крупинки, комков и окрашенности суглинка) при относительно небольшом числе очень мелких древесных угольков. Следует особенно отметить, что нет никаких

свидетельств концентрации или разреженности культурных остатков по вертикали. Мощность исследованного слоя составляет до 0,37 м.

В культурном слое было обнаружено значительное число фрагментов кальцитовых натеков, подавляющее количество которых представлено только одним типом – фрагментами кальцитовых трубочек. Особое значение имеет фрагмент полой кальцитовой трубочки с искусственно пробитой верхней частью.

Кроме фрагментов кальцитовых натеков среди находок представлены: скол известняковой гальки, небольшой фрагмент пиролюзита (?), комок пыльцы растений и два фрагмента серпентинитовой галечки со следами сколов (рис. 2).

Обнаружение в культурном слое двух фрагментов серпентинитовой галечки у Восточного панно позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, эта находка на уровне археологического материала подтверждает взаимосвязь между посещением и использованием двух этажей Каповой пещеры. Безусловно, сомнений в этом не было и раньше из-за наличия ярких следов художественной деятельности. Однако стилистически и содержательно набор образов в зале Знаков и зале Рисунков отличается. И поскольку существует обоснованная точка зрения на возможность разноэтапности создания настенных изображений, обнаружение безусловно яркого и редкого материала – серпентинита – служит дополнительным и немаловажным свидетельством близкого культурного родства групп, посещавших оба этажа пещеры и выполнявших содержательно разные (в плане представленных образов и зна-

ков) изображения в разных отделах пещеры.

Во-вторых, открытие серпентинитового сырья и изделий в верхнепалеолитических культурных слоях на разных этажах в двух залах с настенными палеолитическими изображениями делает еще более обоснованным мнение о верхнепалеолитическом возрасте серпентинитовой чашечки (рис. 3), обнаруженной вне археологического контекста в зале Хаоса (Ščelinsky, Širokov, 1999, p. 82–83).

Серпентинитовые изделия и сырье являются важным дополнением к уже сделанным наблюдениям о широком спектре характера деятельности в пещере. Наличие серпентинитовых галечек, как и «пронизки» из пробитой кальцитовой трубочки, может свидетельствовать об изготовлении некоторых украшений непосредственно в пещере, что находит аналогии в материалах памятников Франко-Кантабрийской зоны распространения пещерного монументального искусства верхнего палеолита (Melard et al., 2010). Находки в Купольном зале украшений из раковин и аналогичных необработанных раковин, вероятно, могут быть рассмотрены как подтверждение этого тезиса (Житенев, 2015). С точки зрения понимания различных аспектов деятельности человека в пещере, особенно ценными эти свидетельства оказываются в свете обнаружения фрагментов игл в непосредственной близости от украшений из раковин в Купольном зале.

Использование серпентинитового сырья для изготовления украшений и зауральской яшмы для производства орудий указывает на возможные направления передвижений верхнепалеолитических коллективов между Ка-

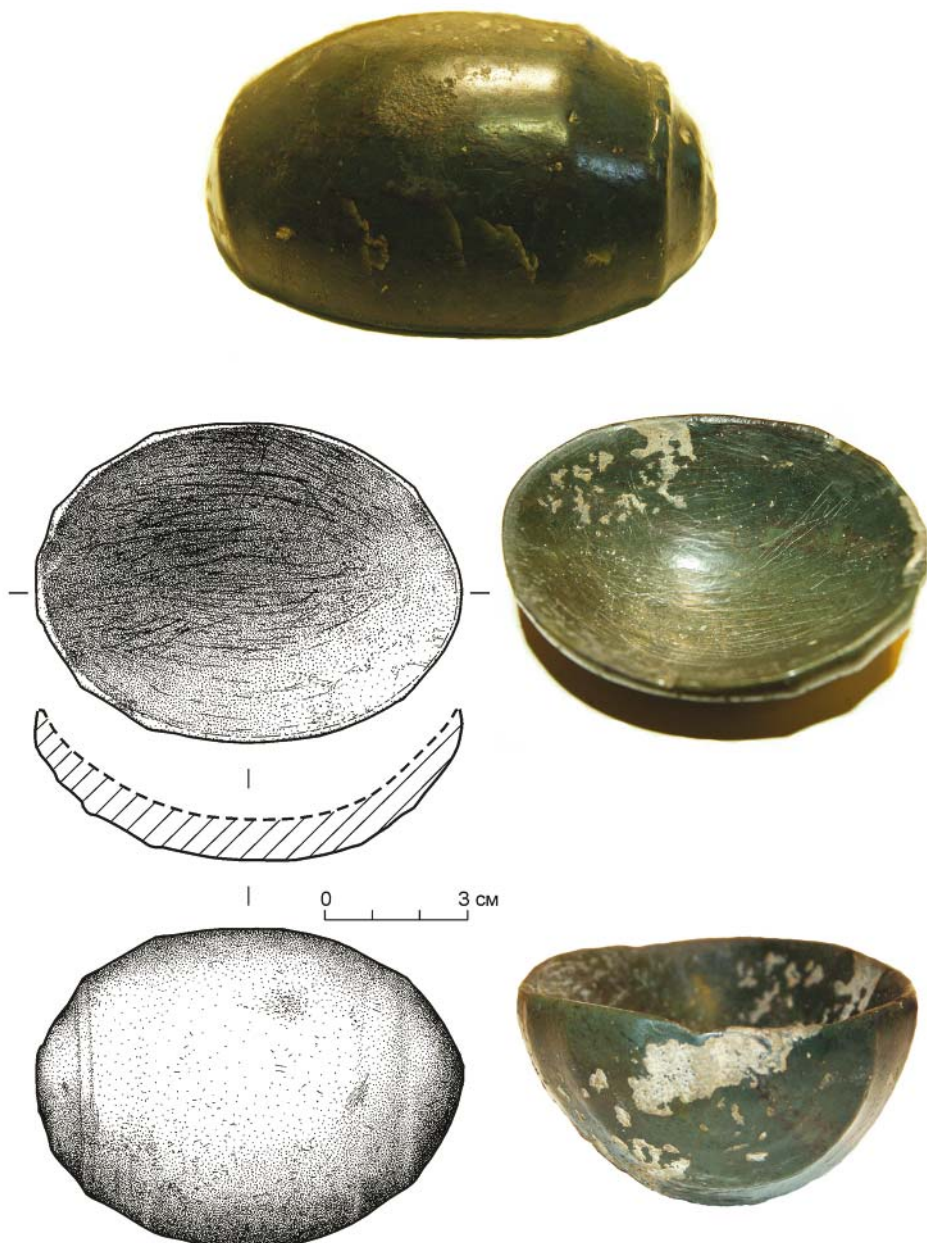

Рис. 3. Чашечка из серпентинита, выполненная в форме раковины (?) моллюска. Случайная находка в зале Хаоса, Капова пещера. Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. Рисунок А.С. Дементьевой.

Fig. 3. Small cup from serpentine, shaped as a cockleshell (?). Stray find in the chamber of Chaos, Kapova cave. Museum of Archaeology and Ethnography named after R.G. Kuzeev, Institute of Ethnological Studies, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Drawing by A.S. Demytyeva.

повой пещерой и районами выходов серпентинитового и яшмового сырья, т.е. на расстоянии от 70 до 150 км (Зайков и др., 1999; Казанцева, 2009; Мосин, Никольский, 2010; Ščelinsky, Širokov, 1999).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Каповая пещера (Палеолитическая живопись). М.: Наука, 1965. 47 с.
2. Житенев В.С. Новые исследования свидетельств художественной деятельности в Каповой пещере // КСИА. Вып. 227. М.: Наука, 2012. С. 304–313.
3. Житенев В.С. Новые находки верхнепалеолитических украшений из раковин в Каповой пещере: предварительные результаты // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Ред. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 109–113.
4. Житенев В.С., Пахунов А.С., Маргарян А., Солдатова Т.Е. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // РА. № 4. 2015. С. 5–15.
5. Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Тауров А.Д. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник. № 9. Миасс: ИМин УрО РАН, 1999. С. 186–205.
6. Казанцева Т.Т. К сорокалетию обоснования аллохтонности гипербазитовых гор Крака на Южном Урале // Геология. Известия Отделения наук о Земле и природных ресурсов АН РБ. 2009. № 14. С. 3–26.
7. Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремнистые породы Южного Урала: распространение и использование в каменном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 2–9.
8. Рюмин Александр Владимирович: история открытия палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш (Каповой) в рукописях и документах / авт.-сост.: О.Я. Червяцова; ред.: М.Н. Косарев (гл. ред.), Н.М. Сайфуллина (отв. ред.). Уфа: Информ-реклама, 2009. 211 с.
9. Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, 1996. 30 с.
10. Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала. Материалы международной конференции (Уфа, 9-15 сентября 1997). Уфа, 1997. С. 29–38.
11. Щербаклова Т.И., Щелинский В.Е. Возобновление работ в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Археологические открытия 2004 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 382–384.
12. Melard N., Pigeaud R., Primault J., Rodet J. Gravettian painting and associated activity at Le Moulin de Laguenay (Lissac-sur-Couze, Correze) // Antiquity. 2010. Vol. 84, № 325. P. 666–680.
13. Ščelinsky V.E., Širokov V.N. Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke Verlag, 1999. 172 p.

Информация об авторе:

Житенев Владислав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, МГУ им. М.В.Ломоносова (г. Москва, Россия); masober@mail.ru

**NEW EVIDENCE OF SERPENTINITE RAW MATERIAL EXPLOITATION
IN THE KAPOVA CAVE (THE SOUTHERN URALS)****V.S. Zhitenev**

The author considers finds from a rare material – serpentinite – produced in well-known Kapova cave. The Upper Palaeolithic objects from this stone are represented by 4 beads uncovered by V.E. Shchelinsky's expedition (1982–1991) and found in the cultural layer in the chamber of Signs (middle floor of the cave). Some untreated serpentinite small pebbles were found in the same layer. The Southern Urals Archaeological Expedition of Moscow State University (2009–2015) found two fragments of serpentinite small pebbles in the Upper Palaeolithic cultural layer on the top floor in the chamber of Paintings. The author maintains that discovery of serpentinite is an additional and important evidence proving close cultural affinity of the groups that visited both floors and performed substantively different (in figures and signs) images in different parts of the cave. Use of serpentinite, including for jewelry production, and trans-Ural jasper for production of tools, clearly indicates one of the vectors of migration of the Upper Palaeolithic Southern Urals groups from the Kapova cave to as far as 70–150 km.

Keywords: archaeology, Southern Urals, Upper Palaeolithic, Kapova Cave, cave art, serpentinite.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1965. *Kapovaia peshchera (Paleoliticheskaia zhivopis') (Kapovaya Cave: Palaeolithic Painting)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Zhitenev, V. S. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 227. Moscow: "Nauka" Publ., 304–313 (in Russian).
3. Zhitenev, V. S. 2015. In Lozovskaia, O. V., Lozovskii, V. M., Giryra, E. Yu. (eds.). *Sledy v istorii. K 75-letiiu Vyacheslava Evgen'evicha Shchelinskogo (Traces in History: towards the 75th Anniversary of Vyacheslav Shchelinsky)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 109–113 (in Russian).
4. Zhitenev, V. S., Pakhunov, A. S., Margarian, A., Soldatova, T. E. 2015. In *Rossiiskaia arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 5–15 (in Russian).
5. Zaikov, V. V., Bushmakina, A. F., Iuminov, A. M., Zaikova, E. V., Zdanovich, G. B., Tairov, A. D. 1999. In *Ural'skii mineralogicheskii sbornik (Urals Bulletin of Mineralogy)* 9. Miass: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute of Mineralogy, 186–205 (in Russian).
6. Kazantseva, T. T. 2009. In *Geologiya. Izvestiia Otdeleniia nauk o Zemle i prirodnykh resursov AN RB (Geology: Bulletin of the Earth Sciences and Natural Resources Department, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan)* 14, 3–26 (in Russian).
7. Mosin, V. S., Nikolskii, V. Yu. 2010. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 41 (1), 2–9 (in Russian).
8. Saifullina, N. M. (ed.). 2009. *Riumin Aleksandr Vladimirovich: istoriia otkrytiia paleoliticheskoi zhivopisi peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoi) v rukopisiakh i dokumentakh (Aleksandr Ryumin: History of Discovery of the Palaeolithic Painting in the Shulgan-Tash (Kapova) Cave in Manuscripts and Documents)*. Ufa: "Informreklama" Publ. (in Russian).
9. Shchelinskii, V. E. 1996. *Nekotorye itogi i zadachi issledovaniia peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoi) (Some Results and Scope of Studies of the Shulgan-Tash (Kapovaya) Cave)*. Ufa: Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

10. Shchelinskii, V. E. 1997. In Nigmatullin, R. I. (Organizing Committee Chairman). *Peshchernyi paleolit Urala (The Cave Palaeolithic of the Urals)*. Ufa: "Print" Publ., 29–38 (in Russian).
11. Shcherbakova, T. I., Shchelinskii, V. E. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2004 g. (Archaeological Discoveries of 2004)* Moscow: "Nauka" Publ., 382–384 (in Russian).
12. Melard, N., Pigeaud, R., Primault, J., Rodet, J. 2010. Gravettian painting and associated activity at Le Moulin de Laguenay (Lissac-sur-Couze, Corrèze). In *Antiquity*. Vol. 84, no. 325, 666–680.
13. Ščelinsky, V. E., Širokov, V. N. 1999. *Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural*. Sigmaringen: Thorbecke Verlag.

About the author:

Zhitenev Vladislav S., Candidate of Historical Sciences. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; macober@mail.ru

Статья поступила в номер 20.06.2016 г.

УДК 903.211.3 903.01

ANTLER SLEEVES FROM THE NEOLITHIC LAKE-DWELLING SITES OF SWITZERLAND (THE “SWISS COLLECTION” OF THE NATIONAL MUSEUM OF TATARSTAN REPUBLIC, KAZAN)

© 2017 Dmitri G. Bugrov, Madina Sh. Galimova

The article deals with assemblage of Neolithic antler tools – sleeves originated from the lake-dwelling sites of Switzerland, which are stored at National Museum of Tatarstan Republic. The morphological and technological analyses of 94 connecting devices between the wooden haft and stone axe or adze (sleeves) have been carried out by the authors. The typology scheme has been made. Four unequal groups were singled out: 1) elementary device with one mounting hole for the stone tool of adze or chisel function (1 instance); 2) a pick-axe shaped device with hafting hole (1); 3) sleeve of cylindrical shape with two holes (4 instances); 4) sleeve with one mounting hole (88). The last one consists of 4 types depending on the presence or absence of clear-cut hafting part and functional or nonfunctional ledge as well as remnant of the burr. The authors consider some aspects of use-wear and technology of the production of Neolithic antler sleeves investigated, such as string-saw technique, according to the results of multidiscipline and experimental studies held by European researchers (Jorg Schibler et al.)

Keywords: archaeology, Neolithic, Switzerland, lake-dwelling sites, antler sleeve, morphology, types, technology, string-saw technique.

Introduction

Appearance of so called “Swiss collection” in archaeological gatherings of National Museum of Tatarstan Republic in Kazan is connected with the name of N.F. Vysotskiy (1843-1922). Being a surgeon, professor of Kazan University, active member of Society for Archaeology, History and Ethnography and Director of the Society’s Museum during 1910-1914 he was a famous archaeologist and antiquarian, well known in Kazan and Russia. Because of his great interest in the Stone Age he succeeded in gathering the most representative collection of prehistoric artifacts from Kazan and Vyatka provinces as well as from France and Switzerland.

During the civil war in 1918 his collection was seriously damaged by

the soldiers. After professor’s death his unique collection was divided into two parts: one part (over 300 tools of stone, bone and antler) was left to Kazan State University (present-day Museum of Archaeology), and the other was transferred to Central Museum of the Tatar Republic (present-day National Museum of Tatarstan Republic). Collection of antler artifacts from the University Museum of Archaeology unfortunately remains out of our sight.

“Swiss collection” in Tatarstan National Museum consists of 261 tools made of stone (axes, adzes, chisels), bone (adzes, chisels, awls, polishers etc.) and antler (sleeves). A part of these artifacts was probably obtained by prof. Vysotskiy in 1882 and was originated from the lake-dwelling sites revealed on the shores of lake Neuchatel. But the main part of

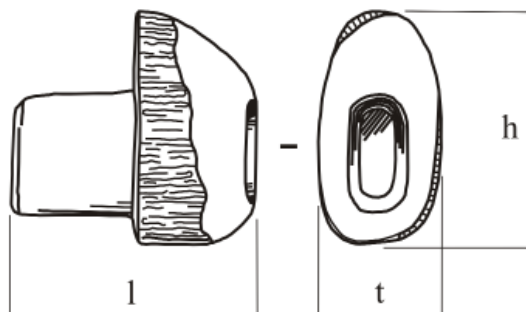

Fig. 1. Scheme of sleeve measurements (in millimeters):
 l = length, h = height,
 t = thickness.

the assemblage under study is thought to be found on the Robbenshausen settlement near lake Boden. However, there are not any records confirming this fact. Unfortunately, now we have not any good opportunities to connect reliably the majority of the tools under study with some Neolithic settlement in Switzerland.

History of the study of prehistoric antler implements in Switzerland has more than 150 years. Since the mid-nineteenth century, Neolithic – Bronze Age artifacts were regularly gathered on the shores of the lakes of the Swiss plateau. Since 1868, owing to the extensive reclamation works, the level of a number of lakes (including lake Neuchatel) fell by more than 2.5 meters. For this reason the remains of ancient pile dwellings with countless findings were discovered. During this period, many thousands of expressive artifacts of stone, bone and horn were collected for sale, without regard to their chronological and cultural context (Памсейер, 2001. С. 168). Apparently, collection of N.F. Vy-sotskiy was gathered from such finds.

Materials, methods and objectives

By now there are 94 whole and fragmented connecting devices (sleeves) at our disposal. As a result of studying this complex carried out by the archaeozoologist Olga G. Bogatkina, all of them were made from the antlers

of adult individuals of red deer (*Cervus elaphus*) (Bogatkina, 2010). Practically all of them were damaged in the historical past as well as during their storage. Therefore, the authors were able to measure only 64 antler sleeves (tabl. 1). However, our morphological study covered almost all antler tools.

Due to the lack of accurate geographic and chronological attribution for the “Swiss collection”, the authors first created their own morphological classification and typology of sleeves. In the second stage of research, the previous multidisciplinary studies held by European researchers were taken into account. First and foremost, we should mention paleo-environmental and technological study of Neolithic antler tools from lake-dwelling sites in Switzerland, conducted by Jörg Schibler and his co-authors (Schibler, 1981; Schibler, 2001; Schibler et al., 1997; Choyke, Schibler, 2007). In the process of identifying and reconstruction some aspects of manufacturing technology and the use of the sleeves, the authors also take into consideration the results of complex studies of the Mesolithic and Neolithic antler tools from Eastern Europe, carried out by Mickle G. Zhilin (Zhilin, 2001; Жилин, 2001; Жилин и др., 2002). Accordingly, the authors set the following objectives: to systematize and to attribute, in terms of function,

Table 1.

Sleeves measurements (millimeters), type and presence of destructions

n°	Museum's code	length	height	thickness	type	destructions
1	KП-5368/1-1	92,5	83	47,6	4.3-4	
2	KП-5368/1-2	74	80,1	40,1	4.1	
3	KП-5368/1-3	80	57,2	38,5	4.1	
4	KП-5368/1-4	78,5	73,5	44,5	4.2	
5	KП-5368/1-5	84	58	41,5	4.2	
6	KП-5368/1-6	98,5	87	39	4.3	
7	KП-5368/1-7	92	80	47,5	4.2	
8	KП-5368/1-8	90,1	86	47,5	4.3	
9	KП-5368/1-9	79	62	45	4.2	
10	KП-5368/1-10	75	61,2	45	4.1	
11	KП-5368/1-11	66,5	58*	38,5	4.1	*missing fragment
12	KП-5368/1-12	83,5	72	37	4.3	
13	KП-5368/1-13	75	60	40		
14	KП-5368/1-14	70	72	39	4.1	
15	KП-5368/1-15	82,5	86	39	4.2	
16	KП-5368/1-16	87	75,5	34,5	4.2	
17	KП-5368/1-17	72	53	41,1	4.2	
18	KП-5368/1-18	64	73,6	48,2	4.3	
19	KП-5368/1-19	76,5	74	49	4.3	
20	KП-5368/1-20	91,5	67	48	4.1	
21	KП-5368/1-21	85,5	77	51	4.3	
22	KП-5368/1-22	84	80	41	4.3	
23	KП-5368/1-23	82,5	92	44	4.3	
24	KП-5368/1-24	93	71,5	47,6	4.2	
25	KП-5368/1-25	65	62,1	42,8	4.2	
26	KП-5368/1-26	64,5	66	38	4.2	
27	KП-5368/1-27	64	64	34*	4.1	*missing fragment
28	KП-5368/1-28	93,5	89,5	50		
29	KП-5368/1-29	81	83,5	42,2	4.3	
30	KП-5368/1-30	84	93	51	4.3-4	
31	KП-5368/1-31	85,5	84	42,1	4.1	
32	KП-5368/1-32	102,1	78,6	44	4.2	
33	KП-5368/1-33	93,5	88,5	56	4.3	
34	KП-5368/1-34	97,5	87	55,5	4.3	
35	KП-5368/1-35	82,5	82,1	49	4.2	
36	KП-5368/1-36	80	80	47,5	4.3	
37	KП-5368/1-37	80	59	46	4.2	
38	KП-5368/1-38	89,5	77	42,2	4.3	
39	KП-5368/1-39	94	96,5	52,2	4.3	
40	KП-5368/1-40	80	88,1	49	4.3	
41	KП-5368/1-41	86	68	50	4.2	
42	KП-5368/1-42	92	68	43	4.1	
43	KП-5368/1-43	82	70	50	4.2-3	
44	KП-5368/1-44	73	70	42,5	4.1	
45	KП-5368/1-45	83	59	38	4.1	
46	KП-5368/1-46	77	64	34	4.2	
47	KП-5368/1-47	83,5	71,5	39	4.2	
48	KП-5368/1-48	78,5	73	39	4.2-3	
49	KП-5368/1-49	91,2	80,5	56,3	4.3	
50	KП-5368/1-50	88	95,2	45,4	4.3	
51	KП-5368/1-51	88	66	46,6	4.1	
52	KП-5368/1-52	83,5	42,5	37,5	4.2	
53	KП-5368/1-56	62,3	78	40,8	4.1	
54	KП-5368/1-57	55,5*	62,5	21,1*	4.1	*missing half (1/2)
55	KП-5368/1-58	51	65	42*	4.1	*missing half (1/2)
56	KП-5368/1-95	67,5	90,6	19,7*	4.2-3	*missing half (1/2)
57	KП-5368/1-96	86	89,4	42,6	4.3	
58	KП-5368/1-100	65,3	60	27*	4.1	*missing half (1/2)
59	KП-5368/1-101	80,5	45	39,1	4.2	
60	KП-5368/1-102	83,5	58	47	4.2	
61	KП-5368/1-103	74	59	45,8	4.2	
62	KП-5368/1-104	94	64	39	4.2	
63	KП-5368/1-105	93	76,9	42	4.2	
64	KП-5368/1-106	110,1	75	47,8	4.2	

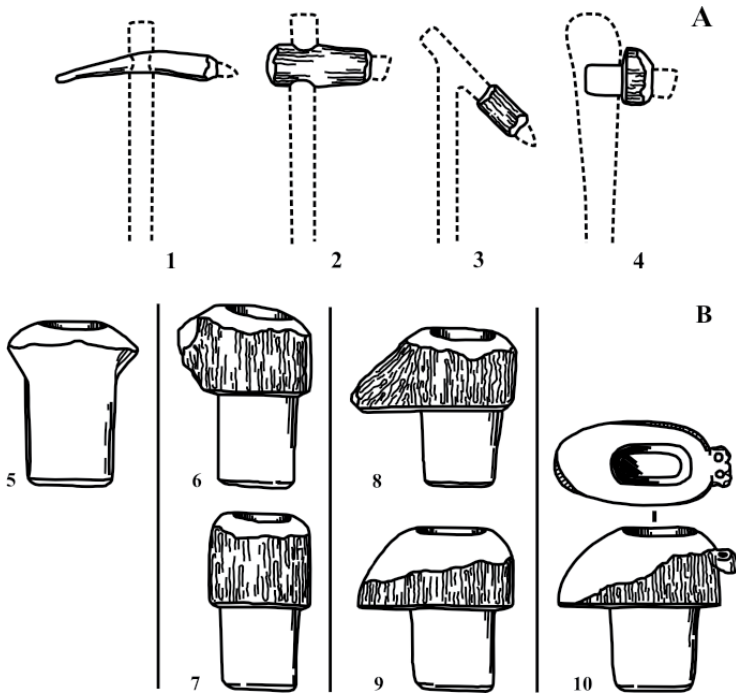

Fig. 2. Different types of connecting devices from the “Swiss collection”: 1–4 – four groups of the devices (sleeves); 5–8 – types of the sleeves united into the fourth group: 5 – type 1; 6 – type 2 (two variants); 7 – type 3 (two variants); 8 – type 4 (two planes).

chronology and technology of the little-known still group of antler artifacts from “Swiss collection” stored in the National Museum of Tatarstan Republic in Kazan.

Connecting and cushioning devices between the wooden haft and the stone axe or adze (also known by the term “sleeves”) made from antler have been studied in details from the assemblages of the Neolithic lake shore sites of Switzerland. The results of these long-term archaeozoological, environmental, typological and functional investigations have been proved with experimental production of the antler sleeves made by J. Schibler (2001). This multidisciplinary research has been finished with reconstruction of the Neolithic economy, changes of climatic and natural resources, production of stone and bone tools (Schibler et al. 1997). Dynamics of these

processes within the Neolithic societies in Switzerland has been verified by great number of the absolute data from 4300 to 2400 cal. BC. As a result of these studies it was found that the maximum spread of antler artifacts (primarily due to the mass usage by the Neolithic population of the sleeves for stone axes from the antler of a red deer) is the period starting from 3100 BC (Choyke, Schibler, 2007. P. 54).

Sleeves as intermediate piece between wooden handle and stone axe or adze were intended for extending the service life of the tool. Antler sleeve prevented splitting the handle and damage of valuable stone tool because more elastic than wood, antler softened the impact from a blow. Therefore, the invention and widespread use of the sleeves were a significant innovation that has become an impetus

Fig. 3. Connecting devices of the singular groups 1–2 and group 3: 1 – a pick-axe shaped device with hafting hole (group 2); 2 – elementary device with one mounting hole for the stone tool of adze or chisel function (group 1); 3 – sleeve of cylindrical shape with two holes (group 3).

to the improvement of antler processing technology (Choyke, Schibler, 2007). The main features of these products from antler are: 1) mounting hole for stone blade of chopping tool located at the working end of the sleeve, 2) hafting hole for handle or shaft located at medial part of the sleeve or near to the sleeve's butt end (Жилин, 2001. С. 163).

Typological classification of the assemblage under study gives an opportunity to make some observations concerning technology of the sleeves production and retooling as well as its function and accommodation. The achievements of functional and technological investigations of bone and antler tools of the Mesolithic/Neolithic (Жилин, 2001; Schibler, 2001;

Choyke, Schibler, 2007) have been taken into consideration by the authors who attempted to trace the process of manufacture and repair the sleeves of the “Swiss collection”. It is worth noting that the traces of manufacturing, working and hafting are difficult to be distinguished from post-depositional surface modification. Due to above mentioned functional and technological studies based on use-wear analysis and experimental practice, we have an opportunity to consider some aspects of sleeves production and retooling.

Morphology and types

The scheme of measurements that were made by the authors on the sleeves is shown in fig. 1. Majority of the sleeves analyzed were purposed

Fig. 4. Sleeves of group 4, type 1 – with one mounting hole and without clear-cut hafting part: 1 – sleeve of trapezoidal shape; 2 – sleeve with fragment of stone axe.

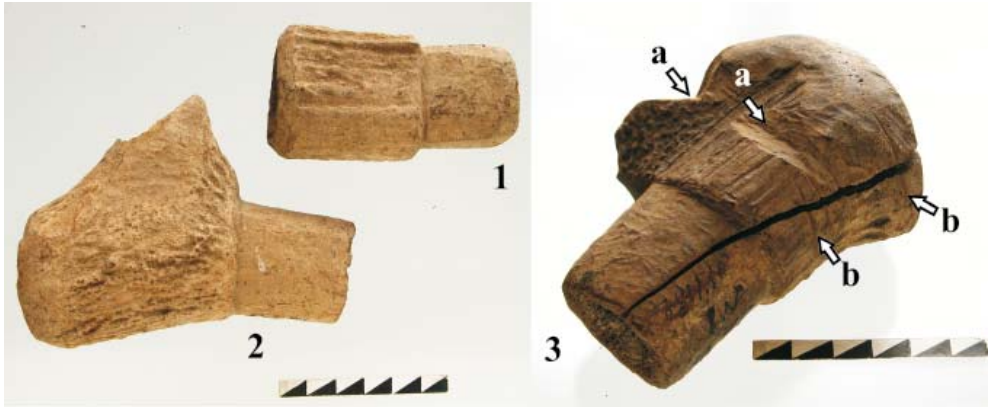

Fig. 5. Sleeves of group 4, type 2 – with one mounting hole and clear cut hafting part: 1 – without ledge on working part; 2, 3 – with nonfunctional ledge on working part (3 – with traces of repair attempts on working part: a – cutting notches; b – grooves).

to the use with axes in accordance with vertically oriented mount hole. Only separate specimens demonstrate horizontally oriented mounting hole for adzes. Despite the damage of many sleeves, almost all of them were subjected to our morphological study. As a result of morphological classification performed by the authors themselves, a typology which was, overall, similar to the typologies created by Jörg Schibler (1981) and Peter J Suter (Suter, 1981; Hafner & Suter, 2004. P. 41, fig. 3–4) was established.

Assemblage of the antler devices under study may be divided into four unequal groups (fig. 2: 1–4): two singular groups represented by only one accommodation piece for adze – the first and the second groups; the third group includes four sleeves of elementary cylindrical shape with two holes; the fourth group unites the rest amount of sleeves with one hole (88 specimens) (fig. 2: 5–8).

Group 1 – elementary device with one mounting hole for the stone tool of adze or chisel function, which was probably manufactured from antler tine

(fig. 3: 2). The narrow end of the tool, apparently was inserted into the hole at the upper end of the handle.

Group 2 – a pick-axe shaped device with hafting hole made from section of the antler beam with transverse hafting hole at the proximal end (fig. 3: 1). Distal (working) end of it was damaged, so it is possible, that this tool was not the sleeve, but antler hammer (Schlenker, 1994).

Group 3 – bilateral sleeves of a simple cylindrical shape with two holes at the both ends made from the section of antler beam or large tine (fig. 3: 3)

Group 4 – sleeves with the mount hole for the stone blade at the working end and with more or less impressed hafting part designed for mounting into the handle. The hafting part of all these tools are rectangular in cross-section with flatted ridges. It has been suggested by the authors to divide this group into four types on the basis of presence of clear-cut hafting part, ledge (functional or nonfunctional) on the working part and special indentation remnant of the antler burr (fig. 2: 5–8).

Type 4.1 is represented by 21 sleeves (19 unbroken ones and two fragments).

Fig. 6. Sleeve of group 4, type 3 with clear-cut hafting part and functional ledge: a – indentation part of the burr on the opposite side of working part, b – traces of repair attempts on working part (the grooves probably made by string-saw technique).

They are characterized by trapezoidal shape, one mounting hole and absence of clear-cut hafting part (fig. 4: 1). Besides, among them there is a sample of special interest. This is a fragment of narrow stone axe preserved in the hole of the sleeve (fig. 4: 2). Many sleeves of the first type have a ledge which looks like a beak. Proportion of the working and hafting parts are approximately 1.5:1, 1:1 or 1:1.5.

Type 4.2 consists of 20 sleeves with one mounting hole and clear-cut hafting part (19 safe tools and one fragment) (fig. 5). A half of them are characterized supplementary with non-functional ledge (remnant of antler burr) (fig. 5: 2, 3). Proportion of working and hafting parts is in the majority cases 1.5:1 and in separate cases – 2:1 and 1:1. Two sleeves of this type demonstrate the grooves and cutting notches on the working part (fig. 5: 3). These cut-marks seem to be traces of attempt to detach damage – probably the crack.

Type 4.3 includes 34 safe tools and three fragments of L-shape with intensively clear-cut ledge which was certainly used as support (fig. 6). The

sleeves often demonstrate another ledge on the opposite side of working part. This ledge seems to be a special indentation remnant of antler burr (fig. 6: a). The question of function of this remnant becomes clear after examination the next (4.4) type of sleeves. Concerning the transversal grooves seen on some tools of type three, use-wear study reveals the traces of string-saw technique on its wide and obtuse bottom (fig. 6: b). The causes of appearance of the damages on the sleeves working part during usage and the methods of its repairing have been analyzed in detail by J. Schibler (2001). In our cases a string-saw technique appears to be applied alongside with sawing or cutting by means of stone blade. Proportions of working and hafting parts in this group are 1.5:1 or 1: 2. The last ones apparently were shortened because of repeated sharpening the stone blade to be characteristic of the later stage of Lacustrian Age in Switzerland (Schibler, 2001. P. 50).

Type 4.4 is distinguished among the sleeves with clear-cut hafting part and functional ledge because of presence an impressive group of the sleeves (ten

Fig. 7. Sleeve of group 4, type 4 with clear-cut hafting part, functional ledge and indentation remnant of the burr on working part: a – two narrow artificial holes intended for attachment the remnant to the handle.

specimens) which are characterized with denticulate ledge mentioned above (fig. 7). This indentation remnant of antler burr is regarded by the authors to be preserved especially for auxiliary attachment to the haft. The ledge was probably planed in order to drill natural tiny hollows to make them wider (fig. 7: a). The remnants of cord found in two holes in this sleeve give our supposition reliable proving. The indentation remnants with two widened holes are prevailing. The opposite ledge on the working part of these sleeves may be functional or non-functional. In some cases the working part was shortened. There are the traces of string sawing attempts also.

Some aspects of use-wear and technology

Both the visual analysis and the microscope (stereo low power) were proved as useful for use-wear study of the tools made of bone and antler. Because of large size of these tools as well as bad preservation of working and hafting edges and desiccation during storage, macrotraces of the sleeves production and usage eclipse in general use-wear

picture of the tools under study. These traces can be observed with the naked eye in many cases.

Recognition of hafting and working areas on the surface of the antler devices under study is not very difficult owing to clear morphological difference among the working and hafting parts of these tools. There is a significant difference in use-wear traces also. Working end of the sleeve with hole usually is thinned and planed on both sides to minimize abrasion. Planed surfaces were grinded and further polished transversally. The technology and use-wear features of this polishing process have been studied by M.G. Zhilin (2001). Probably in our case it was a typical hide polishing with abrasive material. These polishing traces are often covered with longitudinal and oblique striations left from utilization of axe or adze in sleeve. Concerning the hafting part of the sleeves it is necessary to state that it was not grind and polished on purpose. There are the traces of removing the ridges, edge damage and “use retouch” on this part of the tools.

Eastern European sleeves of the Mesolithic/Neolithic Age made from

elk antler differ considerably in their shape from the sleeves of Switzerland. Obviously, this difference is due to difference in the structure of antlers of elk and red deer from which the sleeves that we compare were made. However, the prehistoric technologies of detachment the antler and production antler tools in the compared regions were generally similar. Experimental and technological research carried by J. Schibler demonstrates the presence of two detachment techniques of red deer antler among the Neolithic population of Switzerland: by means of indentation technique and string-saw one (Schibler, 2001). Similar ways of elk antler processing were marked by M. G. Zhilin during his technological and experimental studies (Жилин и др., 2002. С. 11). In particular some techniques for the sleeves production which have been reconstructed by J. Schibler and M.G. Zhilin are:

- breakage through the hard layer of antler compacta and then cutting the hole or socket using bone or stone chisels;
- prior soaking the antler in a brew in order to facilitate its processing;
- straighten by planing, easy grinding surface of the sleeve and further polishing of the planes of cut, sawing and fracture, as well as polishing the walls of the holes.

However, it is possible to notice some difference in some of the sleeves manufacturing techniques reconstructed for the inhabitants of Neolithic lake-dwellings of Switzerland and for the Mesolithic/Neolithic population of Eastern Europe.

For example, M. G. Zhilin mentions as a way to prepare the antler for processing

not only soaking, and steaming (Zhilin, 2001). For forming depressions and holes in the sleeves J. Schibler assumes work with narrow chisel or a chisel made from split along the bones of the limbs of deer or domestic cattle (Schibler, 2001). Meanwhile, according to M. G. Zhilin, extraction the antler spongy substance by Mesolithic population of the Eastern Baltic and the Upper Volga region were made by the incisors of the beaver jaws, the findings of which are not uncommon in the sites (Жилин, 2001. С. 163–172). In addition, M. G. Zhilin marked traces of flint burins in the dense areas of the antler walls. The researcher believes that the walls of the holes with traces of longitudinally cut then were polished with a wooden core, leather wrapped (Жилин, 2001. С. 168).

Conclusion

The study of antler sleeves from the "Swiss collection" allowed the authors to make some conclusions.

1. The technology of producing antler tools practiced by inhabitants of the Neolithic lake-dwellings of Switzerland was highly developed. Sleeves from the "Swiss collection" are characterized with a variety of shapes and types. On the whole the shape of the sleeves has got a proportional limit of a square (70–90 x 70–90 mm) with sockets: 30–50 mm at length, 20–30 mm at width.

2. Most sleeves were designed for use with cutting stone blades of the axe type and have vertically oriented mounting holes. Only the individual tools that are designed, apparently, for adzes, show horizontally oriented holes.

3. It is probable that assemblage of various small chopping tools made of antler and stone presented in "Swiss collection" was connected with

production of the sleeves, if we take into consideration the sizes of these tools and wear-traces on their surfaces from bone- and antler-working.

4. The sleeves morphology and use-wear demonstrate high standardization methods applied by the experienced inhabitants of lake-shore settlements. The sleeves from the collection under study demonstrate the techniques of intentional design of functional and non-functional ledges (remnants of the burr). A specific technical method applied to sleeves with such a remnant was the drilling of holes for mounting to the sleeve to handle. There are also clear technical evidence of attempted repair the sleeves – presence cut-marks, cutting notches and the grooves, probably made in the technique of string sawing.

5. According to complex paleo-environmental research by J. Shibley the authors suggest that the age of the collection can be assume between 3800 and 3600 cal. BC when there was an intensification in the hunting of red deer on the territory of Switzerland. This is evidenced by the cropped proportions

of some of the sleeves related to their extreme deterioration.

6. To compare the sleeves under study with singular finds of the sleeves from the Mesolithic/Neolithic sites of Eastern Europe, we have to admit a small number and morphological monotony of the last ones. Isolated antler sleeves found in the Crimea, South-East of Baltic region, Upper and Lower parts of the Volga valley are represented by one simple type of sleeves. This type belongs to the second group distinguished by the authors (fig. 3: 1). It worth being noticed that this fact concerns not only the sleeves produced on elk's antler but on red deer's one

7. It should be important to mention that perspectives of further investigation lies in paying attention to correlation between the sleeves and assemblage of stone and antler tools from "Swiss collection". The exhaustive publication of this assemblage of prehistoric artifacts is waiting for its time. Besides we can't but mention that there is an urgent necessity in collection restoration that in its turn will be a good guarantee of future successful researches.

Acknowledgment

The authors are grateful to Oleg R. Gasimov for making valuable photographs of the sleeves.

REFERENCES

1. Bogatkina, O. 2010. Antler sleeves from Neolithic lake shore sites of Switzerland (Russian museum collection). In: *11th ICAZ International Conference. Paris, 23–28 August 2010*. Abstracts of the oral and poster presentations, 98–99.
2. Bugrov, D. G. 2004. In Valiulina, S. I. (ed.). *125 let obshchestvu arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia Volgo-Ural'skogo regiona. Arkheologicheskie issledovaniia (125 years of the Society of Archaeology, History and Ethnography affiliated to the Kazan University. Problems of Historical and Cultural Development of the Volga-Ural Region. Archaeological Studies)*. Part I. Kazan: Kazan State University, 26–34 (in Russian).
3. Bushmakina, M. D. 1927. *Na zare chelovecheskoi kul'tury (At the Dawn of Human Culture)*. Series: Opyt putevoditelia po Arkheologicheskomu muzeiu Kazanskogo universiteta

(An Attempt at a Guide for the Archaeological Museum of the Kazan University) VII. Kazan: Excursion Database Library, Tatar Soviet Socialist Republic (in Russian).

4. Choyke, A. M., Schibler J. 2007. Prehistoric bone tools and the archaeozoological perspective: research in Central Europe. In Gates St.-Pierre C., Walker, R. B. (eds.). *Bones as Tools: Current methods and interpretations in Worked Bone Studies*. Oxford: BAR International Series 1622, 51–65.

5. Hafner, A., Suter, P. J. 2004. *5000 Jahre. Abgetaucht, Aufgetaucht. 1984-2004*. Bern: Archäologische Dienst des Kantons Bern, 2004.

6. Iz protokolov zasedanii Soveta i obshchikh sobranii Obshchestva arkeologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete [za 1887 god] (From Proceedings of Sessions of the Council and General Meetings of the Society of Archaeology, History and Ethnography, Kazan Imperial University, 1887). 1888. In *Izvestiia obshchestva arkeologii, istorii i etnografii pri Kazanskom Imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* VI (2). Kazan: Typography of the Kazan Imperial University, I-XLIII (in Russian).

7. Oshibkina, S. V. (ed.). 1996. *Neolit Severnoi Evrazii (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Series: Archaeology of the USSR 3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

8. Ramseyer, D. 2001. In Manushina, T. N. (ed.-in-chief). *Kamennyi vek evropeiskikh ravnin. Ob"ekty iz organicheskikh materialov i struktura poselenii kak otrazhenie chelovecheskoi kul'tury (Stone Age of the European Plains: Items from Organic Materials and the Settlement Structure as a Manifestation of Human Culture)*. Sergiev Posad: "Podkova" Publ. House, 168–175 (in Russian).

9. Schibler, J. 1981. Typologische Untersuchungen der cortaillozeitlichen Knochenartefakte. In *Die neolithischen Ufersiedlungen von Twann*, Bd.17, Bern: Staatlicher Lehrmittelverlag.

10. Schibler, J. 2001. Experimental production of Neolithic bone and antler tools. In Choyke, A. M., Bartosiewics, L. (eds.). In *Crafting Bone: Skeletal Technologies through Time and Space*. Oxford: BAR International Series 973, 49–59.

11. Schibler, J., Jacomet, S., Huster-Plogmann, H., Brombacher, C. 1997. Economic crash in the 37th and 36th centuries cal. BC in Neolithic lake shore sites in Switzerland. *Anthropozoologica* 26/27. Paris: Musée national d'Histoire naturelle, 53–70.

12. Schlenker, B. 1994. Knochen- und Geweihgerät in der Jungsteinzeit. In *Knochenarbeit: Artefakte aus tierischen Rohstoffen im Wandel der Zeit*. Archäologische Informationen aus Baden-Württemberg, 27. Stuttgart: Landesdenkmalamt Baden-Württemberg, 41–56.

13. Shtukenberg, A. A., Vysotskii, N. F. 1885. *Materialy dlia izucheniia kamennogo veka v Kazanskoj gubernii (Materials for Studying Stone Age in the Kazan Province)*. Series: Trudy Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom Imperatorskom universitete (Proceedings of the Naturalists Society, Kazan Imperial University) XIV (5). Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

14. Suter, P. J. Die Hirschgeweihartefakte der Cortaillo-Schichten. 1981. In *Die neolithischen Ufersiedlungen von Twann*, Bd. 15. Bern: Staatlicher Lehrmittelverlag.

15. Vysotskii, N. F. 1907. In *Izvestiia obshchestva arkeologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan State University)* XXIII (6). Kazan: Typography of the Kazan Imperial University, 436–447 (in Russian).

16. Zhilin, M. 2001. Technology of the manufacture of Mesolithic bone and antler daggers on Upper Volga. In Choyke, A. M., Bartosiewics, L. (eds.). *Crafting Bone: Skeletal Technologies through Time and Space*. Oxford: BAR International Series 973, 149–155.

17. Zhilin, M. G. 2001. *Kostianaia industriia mezolita lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Bone Industry of the Mesolithic of the East-European Forest Zone)*. Moscow: "Editorial URSS" Publ. (in Russian).

18. Zhilin, M. G., Kostyleva, E. L., Utkin, A. V., Engovatova, A. V. 2002. *Mezoliticheskie i neoliticheskie kul'tury Verkhnego Povolzh'ia (po materialam stoianki Ivanovskoe VII) (Mesolithic and Neolithic Cultures from the Upper Volga Basin (by the Materials from the Ivanovskoe VII Site))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bugrov Dmitriy G., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shikhan66@mail.ru

Galimova Madina Sh., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; mgalimova@yandex.ru

**РОГОВЫЕ МУФТЫ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ОЗЕРНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ШВЕЙЦАРИИ («ШВЕЙЦАРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»)**

Д.Г. Бугров, М.Ш. Галимова

В статье рассмотрено собрание неолитических роговых муфт, происходящих из озерных поселений Швейцарии, которое хранится в Национальном музее Республики Татарстан. Авторами проведен морфологический анализ 94 муфт – переходников между деревянной рукоятью и каменным рубящим орудием. Выделены 4 неравнозначные морфологические группы муфт: 1) элементарный переходник с одним отверстием для каменного орудия типа тесла или долота (1 экз.); 2) переходник типа рубящего орудия с отверстием для рукояти (1 экз.); 3) муфты цилиндрической формы с двумя отверстиями (4 экз.); 4) муфты с одним отверстием (88 экз.). В последней группе выделены четыре типа муфт в зависимости от присутствия или отсутствия четко выраженного насада, выступа (функционального или нефункционального), а также остатков розетки рога (иногда с отверстиями). Рассмотрены некоторые аспекты технологии производства и ремонта муфт, в том числе технический прием шнурового пиления, а также проведено сравнение с результатами междисциплинарного изучения муфт, проведенных европейскими исследователями (Йорг Шиблер и др.).

Ключевые слова: археология, неолит, Швейцария, озерные поселения, роговая муфта, морфология, типы, технология, шнуровое пиление.

Информация об авторах:

Бугров Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); shikhan66@mail.ru

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); mgalimova@yandex.ru

Статья поступила в номер 16.09.2016 г.

УДК.903.2

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО НЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ¹

© 2017 г. А.А. Выборнов

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы культурной принадлежности, происхождения и соотношения различных памятников эпохи неолита Марийского края, расположенных на границе лесостепного Поволжья, Посурья, Нижнего Прикамья и Верхнего Поволжья. В раннем неолите данного региона представлены памятники с керамикой без орнамента и с накольчатой системой орнаментации. В позднем неолите здесь распространены стоянки с керамикой камской культуры и ямочно-гребенчатого типа. На основании типологических построений, результатов радиоуглеродного датирования и технико-технологического анализа керамики автор выдвигает собственную версию развития неолитических культур региона. Распространение неорнаментированной посуды представляется более ранним по отношению к накольчатой керамике, при этом обе традиции в Марийском крае связаны с культурным влиянием населения лесостепного Поволжья.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Марийский край, неолит, керамика, радиоуглеродное датирование, технико-технологический анализ, средневожская культура, хронология.

Изучение неолитических памятников Марийского Поволжья началось сравнительно недавно (Халиков, 1960; 1969; 1973). Целенаправленные и систематические изыскания В.В. Никитина позволили значительно увеличить источниковую базу для изучения памятников позднекаменного века (Никитин, 1985; Габяшев, Никитин, Николаев, 1992), выявить новые культурные типы и культуры (Никитин, 1996). Полученные материалы вызвали значительный интерес исследователей и позволили плодотворно обсуждать дискуссионные аспекты (Третьяков, 1990; Выборнов, 1992; Никитин, 2002, 2013; Вискалин, 2000, 2002; Габяшев, 2003; Ставицкий, 2006). Одним из наиболее обсуждаемых является вопрос о статусе па-

мятников, которые содержат керамику двух типов: слабоорнаментированная (узор представлен только горизонтальным рядом ямочных вдавлений под срезом венчика) и украшенная в накольчатой технике. С учетом некоторых локальных черт стоянки типа Дубовской III и Отарской VI исследователи относили к северной периферии средневожской культуры (Васильев, Выборнов, 1988), включая в более широкий круг памятников с накольчатой керамикой и объединяя в щербетьский тип памятников (Вискалин, 1999), определяли одну (вожскую) культурно-историческую общность с верхневожской и волгокамской культурой (Никитин, 2009). В настоящее время предлагается объединение этих памятников в отдель-

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ: проект № 16-11-63015.

ную культуру – дубовско-отарскую (Никитин, 2013а). Но и эти разработки не сняли целого ряда вопросов. Исчерпывающая публикация материалов раннего неолита интересующей территории (Никитин, 2011) демонстрирует обнаружение совместного залегания двух типов вышеописанной посуды. Однако вопрос о культурно-хронологическом соотношении этих типов керамики еще требует своей дальнейшей разработки. Объясняется это тем, что совместное залегание двух групп керамики не всегда является абсолютным доказательством их одновременности. Ситуация развивалась таким образом, что неорнаментированные плоскодонные сосуды с рядом ямок под венчиком были выделены в поздний этап развития елшанской керамической традиции и обозначены луговским типом (Выборнов, 2008). Внутри этой группы фиксировались локальные особенности, но они не выходили за рамки гомогенного образования. Эти типологические построения получили подтверждение серией радиоуглеродных дат по ряду стоянок с подобной посудой. Они были моложе раннеелшанских, но древнее стоянок с накольчатой системой орнамента (Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2009). Именно эти комплексы были предложены за основу формирования первого типа керамики Марийского Поволжья. С точкой зрения автора данной публикации солидаризируется и основной исследователь неолита лесного Среднего Поволжья, отметивший, что шерbetско-дубовская оригинальная группа генетически близка культурам елшанского круга (не на ранних этапах) (Никитин, 2013а). Аналогичной позиции придерживается и В.В. Ставицкий,

отмечая, что бассейн р. Свияги, где расположен эпонимный памятник (Луговое III), является оптимальным для продвижения носителей данного типа в Марийское Поволжье (Ставицкий, 2015). Но и в данном случае есть узкое место. Если автор данной статьи считает памятники луговского типа поздним этапом елшанской культуры лесостепного Поволжья, то А.В. Вискалин допускает иной вариант их генезиса. Исследователь отмечает черты его сходства с материалами Восточного Кавказа (поселение Чох) и Северного Причерноморья (комплексы 2 этапа буго-днестровской культуры), которые повлияли на елшанскую культуру (Вискалин, 2015). Особое внимание он обращает на лощеную поверхность и биконичность сосудов. Оба признака, скорее, технологические, чем культурные. Здесь следует отметить, что оба признака (особенно лощение) имеют очень широкий территориальный диапазон. Например, биконичность на керамике североприкаспийского неолита стоянок Каиршак III или Байбек выражена более ярко, чем на чохской или буго-днестровской (Гречкина, Выборнов, Кутуков, 2014). Что касается биконичности на ранней и поздней елшанской посуде, то морфологически она выражена весьма слабо. Процент таких сосудов крайне мал, чтобы стать статистически устойчивым типом для выделения как характерного признака. Возможно, что именно это повлияло на смену кавказско-причерноморской версии. А.В. Вискалин выдвигает новое предположение о миграционном характере процесса и нижнедонских истоках данных признаков. Для него стало очевидным системное сходство лощеной керамики

нижних слоев стоянки Ракушечный Яр с комплексами луговской керамики Среднего Поволжья. Особенную близость с ракушечной демонстрирует глиняная посуда стоянки Усть-Ташелка, для которой характерны однотипные формы плоских и плосковогнутых днищ, прямостенных и слабопрофилированных горловин, сглаженного ребра на туловище, отсутствие ямочно-жемчужного пояса (Вискалин, 2016). А.В. Вискалин приходит к выводу, что окончательное сложение луговского типа керамики, сочетающей в себе черты ракушечной и елшанской керамических традиций, скорее всего, завершилось в Поволжье в ходе контактов донских мигрантов и местного елшанского населения. Автору данной работы также посчастливилось достаточно скрупулезно проработать данные материалы. Плоские днища с Ракушечного яра изготовлены в несколько иной технике, чем усть-ташелкские (Мазуркевич, Долбунова, Кулькова, 2016). И однотипными их считать сложно. Прямостенность и слабопрофилированность горловин очень распространенные признаки, весьма характерные для тех же североприкаспийских сосудов. Такая типичная ракушечная черта, как идеально плоский срез венчика, на северной посуде не отмечена. Что касается отсутствия ямочного пояса под срезом венчика, то отсутствие признака у двух типов керамики формально не может считаться доказательством их сходства. Важный морфологический признак на керамике стоянки Усть-Ташелка, который отличает ее от другой посуды – наплыв на внутренней стороне отогнутого наружу венчика – на ракушечной посуде не встречен. Нет на внутренней стороне

елшанской и неорнаментированной посуды Марийского Поволжья расчесов зубчатым инструментом, представленных на сосудах Ракушечного Яра (Мазуркевич, Долбунова, Кулькова, 2013). Нельзя не обратить внимание и на хронологический аспект. Материалы нижних слоев Ракушечного Яра датируются от 7900 лет ВР до 6900 лет ВР (Цыбрий и др., 2014). Но наиболее валидные даты для керамики стоянки Усть-Ташелка – 6600–6500 лет ВР. Что касается промежуточного пункта (по мнению А.В. Вискалина) миграции ракушечной на Среднюю Волгу – стоянку Васильевский Кордон 7 на Верхнем Дону, то ее материалы имеют ряд существенных типологических отличий от ракушечной керамики. И если специалисты находят сходные черты между карамышевской и ракушечной посудой, то речь идет не о ранней плоскодонной керамике, а об остродонных тонкостенных сосудах из 13 слоя (Смолянинов, Сурков, 2014). А радиоуглеродный возраст керамики карамышевского типа на этой стоянке определяется около 6000 лет ВР, что на 700–500 лет моложе материалов луговского типа.

Кроме типологических и хронологических моментов следует обратить внимание еще на один аспект, который необходимо привлечь для обсуждения этого вопроса. Речь идет о технико-технологическом анализе формовочных масс керамики (Васильева, Выборнов, 2016). Неорнаментированная посуда марийских комплексов имеют следующие характеристики. В производстве керамики данного комплекса изучаемого региона использовался только один вид исходного пластичного сырья – илестые глины. Наибо-

лее массовой традицией на ступени отбора сырья было использование ожелезненного запесоченного сырья (61%). Отбирались илистые глины, не содержащие естественной примеси раковин. Доля жирных илистых глин в общем объеме исходного сырья также весьма значительна: 39%, однако приемы дробления илистых глин в сухом состоянии не зафиксированы. Исходное сырье применялось в естественно увлажненном состоянии. На ступени подготовки формовочных масс выделены две традиции: 1) с шамотом и органическим раствором (87%); 2) с шамотом – обожженной глиной – и органическим раствором (13%) (Васильева, Выборнов, 2015).

Обратимся к результатам анализа нижнедонской керамики Ракушечного Яра. В нижних слоях стоянки преобладают сосуды со следующими характеристиками. Исходное пластичное сырье – жирные, реже тощие, илы с большим содержанием сгнившей растительности. В единичных сосудах присутствуют мелкие обломки раковины (менее 1 мм), которые визуально не фиксируются (Васильева, Выборнов, 2016а). Таким образом, технология изготовления ракушечно-ярской и неорнаментированной керамики лесного Среднего Поволжья имеют принципиальные различия. Здесь же следует отметить, что, судя по результатам анализа, проведенного И.Н. Васильевой, рецепт изготовления керамики карамышевского типа с верхнедонской стоянки Васильевский Кордон 7 также значительно отличается от нижнедонского: это илистые глины, в ряде случаев с примесью шамота, то есть эта посуда находит прямые аналогии в елшанской посуде лесостепного Поволжья, а не в раку-

шечной керамике Нижнего Подонья.

В поисках сходного рецепта уместно рассмотреть результаты технико-технологического анализа керамики позднего этапа елшанской культуры лесостепного Поволжья с Ильинской стоянки. Они указывают на полное преобладание илистых глин (100%) в общем объеме сырья обоих хронологических комплексов елшанской керамики. «Тощие» илистые глины от общего числа сосудов, изготовленных из этого вида сырья, составляют 90%. Сравнение хронологических комплексов керамики елшанской культуры показало значительную близость культурных традиций отбора пластичного сырья: примерно одинаковы соотношение «тощих» и «жирных» подвигов сырья (примерно 90% – 10%) и соотношение сильнозапесоченных и среднезапесоченных илистых глин в рамках «тощих» (примерно 60% – 40%). Анализ формовочных масс выявил следующие рецепты: 1) сырье без искусственных добавок; 2) сырье и органические растворы; 3) сырье, органические растворы и шамот – обожженная глина. «Классический» шамот в керамике елшанской культуры не обнаружен. Наиболее массовой в елшанской гончарной технологии была традиция составления формовочных масс с органическими растворами. Сравнительный анализ полученных результатов по хронологическим комплексам обнаружил определенные отличия. Большая часть керамики среднего комплекса сделана без искусственных примесей (39%), только 33% сосудов содержит в массе органический раствор, а в 28% из них обнаружен шамот – обожженная глина. В позднем комплексе

фиксируются следующие изменения: доля керамики без искусственных добавок сокращается до 4%; количество сосудов с органическим раствором возрастает до 55%; число сосудов с примесью шамота – обожженной глины – увеличивается до 41% (Васильева, Выборнов, 2016б).

Таким образом, на уровне сравнения итогов технико-технологического анализа керамики луговского типа (позднего этапа елшанской культуры) и неорнаментированной посуды из материалов дубовско-отарского типа Марийского Поволжья выявляется значительное сходство.

Следует проанализировать и хронологический аспект вопроса. Для материалов луговского типа получена серия радиоуглеродных дат в интервале 6700–6500 лет ВР (Выборнов, 2009). По углю со стоянки Отарская VI имеется дата около 6700 лет ВР. Поскольку кроме неорнаментированной посуды здесь присутствует и керамика с накольчатым орнаментом, однозначно увязать эту дату с сосудами первой группы с абсолютной уверенностью нельзя. Однако для неорнаментированной керамики со стоянки Дубовская III получено две даты. Первая по органике в керамике – 7000 ± 150 лет ВР и по нагару – 6890 ± 40 лет ВР (Выборнов и др., 2014; Андреев и др., 2016). Если учитывать поправку даты по органике в керамике в сторону уменьшения, то она вполне соответствует значению по нагару. Обе эти даты достаточно хорошо согласуются с датой по углю с Отарской VI стоянки. Иначе говоря, последняя дата может фиксировать период появления именно неорнаментированного типа керамики. Эти значения аналогичны хроноинтервалу луговского типа по-

суды лесостепного Поволжья, что может служить еще одним аргументом в пользу лесостепного Поволжья как наиболее вероятного региона происхождения неорнаментированной посуды дубовско-отарского типа керамики.

Что касается керамики с накольчатой системой орнаментации Марийского Поволжья, то ее появление автор данной публикации представлял как результат взаимодействия носителей керамики луговского типа и изготовителей посуды с накольчатым орнаментом из северной части лесостепного Поволжья. Учитывалось наличие на втором типе марийских сосудов типологических признаков, присущих обеим группам керамики. Не противоречат этому и радиоуглеродные даты, серия которых для группы памятников с накольчатой керамикой фиксирует начало этого процесса с 6500 лет ВР. В то же время имеется серия радиоуглеродных дат по органике в керамике для посуды с наколками Марийского Поволжья: от 6150 до 5900 лет ВР. Преимущественное распространение получили приемы отбора илестых глин. В среде населения Марийского Поволжья с накольчатой посудой, использовавшего илестые глины, наиболее массовыми были приемы отбора тощего сырья (67%). Массовые традиции составления формовочных масс в среде производителей посуды с накольчатым орнаментом: 1) сырье, органический раствор и шамот (83%); 2) сырье, органический раствор и шамот – обожженная глина (16%). Часть накольчатой керамики имеет специфический рецепт изготовления. Эти приемы отбора глин и дробления их в сухом виде, а также рецепты формовочных масс с боль-

шой концентрацией крупного шамота могут свидетельствовать о наличии определенных контактов с носителями камских керамических традиций. Это весьма вероятно, так как памятники с гребенчатой керамикой в интересующем регионе датируются около 6300 лет ВР (Лычагина и др., 2013). Иначе говоря, можно предполагать доживание накольчатой традиции до последней четверти V тыс. до н.э. Подтверждением этого предположения может служить группа синкретической – накольчато-ямочной – керамики на памятниках Марийского Поволжья (Никитин, 2011). Учитывая, что носители культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Марийском крае появляются в конце V тыс. до н.э. (Выборнов, Кондратьев, 2010), логично допустить эту хронологическую границу для бытования традиции накольчатой орнаментации в этом регионе.

Следует отметить значительную близость гончарных традиций части населения с накольчатой керамикой Марийского Поволжья и волго-камской культуры Нижнего Прикамья. Для последнего было также характерно смешанное состояние представлений о сырье: существовали традиции отбора илестых глин (87%) и глин (13%). Среди илестых глин преобладали приемы использования «жирного» сырья, но существовали и традиции использования илестых «тощих» глин. Близок состав рецептов формовочных масс, который включал: 1) исходное пластичное сырье и органический раствор; 2) исходное пластичное сырье с органическим раствором и шамотом; 3) исходное пластичное сырье с органическим раствором и шамот – обожженная глина (Васильева, Выборнов, 2013).

Эти данные позволяют предполагать период сосуществования и тесных связей между группами неолитического населения этих регионов, изготовлявавшего керамику с накольчатым орнаментом. Помимо целого ряда типологических соответствий между керамикой с накольчатой орнаментацией Марийского региона и лесостепного Поволжья, следует акцентировать внимание на одной характерной черте – орнаментированные плоские днища. Они отсутствуют на неолитической посуде Подонья.

Таким образом, можно сделать вывод о вполне определенной роли носителей накольчатой традиции лесостепного Поволжья в появлении сходных памятников в Марийском крае.

Исследователи ориентируются на ракушечноярские материалы Нижнего Подонья как исходные для появления луговских и накольчатых комплексов, в определенной мере в связи с еще одним аспектом: наличием костей domesticированных животных на ряде стоянок раннего неолита Марийского Поволжья. Понимая, что это отдельная тема, включающая целый блок спорных вопросов (необходимость аргументированности связи между наличием производящего хозяйства и появлением керамики; выявление удельного веса скотоводства в общей системе хозяйства ракушечноярской культуры; обоснование причин распространения степных культур на север; веские доказательства обнаружения костей домашних животных на памятниках промежуточных территорий и др.), все же необходимо высказать одно соображение. Для того чтобы факт привязки костей домашних животных именно к керамике дубов-

ско-отарского типа стал бесспорным, совпадут с хроноинтервалом 6800–необходимо продатировать на УМС 6100 лет ВР, тогда обсуждение этого кости с каждого памятника. Если даты феномена выйдет на иной уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев К.М., Барацков А.В., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Посснерт Г., Медоуз Д., Плихт Й., Филиппсен Б. Новые радиоуглеродные даты неолитических и энеолитических памятников Поволжья и Подонья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18, № 6. Самара, 2016. С. 170–177.
2. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. 112 с.
3. Васильева И.Н., Выборнов А.А. «Очаги»/центры раннеолитического гончарства в Европейской части России // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016а. С. 45–48.
4. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 104–123.
5. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. АЭМК. Вып. 31. / Научн. ред. Б.С. Соловьев, А.В. Михеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2016. С. 68–98.
6. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки. Датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2016б. С. 5–20.
7. Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1(3). С. 60–86.
8. Вискалин А.В. К вопросу о культурной принадлежности памятников с накольчатой керамикой Волго-Камья // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2000. С. 318–325.
9. Вискалин А.В. Миграции и их роль в становлении и развитии раннего неолита Среднего Поволжья // Археология Восточноевропейской лесостепи. Материалы II-ой Международной научной конференции / Отв. ред. А.М. Скоробогатов. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2016. С. 56–62.
10. Вискалин А.В. Памятники накольчатой керамики Волго-Камья: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ижевск, 1999. 19 с.
11. Вискалин А.В. Проблема культурного единства и происхождения комплексов раннеолитической керамики луговского типа на Средней Волге и Прикамье // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 4 / Под. ред. Е.Л. Костылёвой, В.А. Аверина. Иваново: Изд. Ольга Епишева. 2015. С. 33–38.
12. Вискалин А.В. Пути неолитизации Волго-Камья (к постановке вопроса) // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2002. С. 274–283.
13. Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.
14. Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара: СПГУ, 1992. 150 с.
15. Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: Автореф. дисс... док. ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.

16. *Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Гречкина Т.Ю., Лычагина Е.Л., Наумов А.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Ойнонен М., Поснерт Г.* Новые радиоуглеродные данные для материалов неолита-энеолита Волго-Камья // *Известия Самарского научного центра РАН.* Т. 16. 2014. № 3. С. 242–248.
17. *Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: Восточный регион // *РА.* 2009. № 3. С. 58–65.
18. *Выборнов А.А., Кондратьев С.А.* Новые радиоуглеродные даты по ямочно-гребенчатой керамике Среднего Поволжья // *Известия СНЦ РАН.* Т. 11. 2009. № 6. С. 282–284.
19. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.
20. *Габяшев Р.С., Никитин В.В., Николаев В.В.* Отарское VI поселение // *Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин.* Казань: ИЯЛИ КНЦ, 1992. С. 17–31.
21. *Гречкина Т.Ю., Выборнов А.А., Кутуков Д.В.* Новая раннеэнеолитическая стоянка Байбек в Северном Прикаспии // *Самарский научный вестник,* № 3(8). Самара, 2014. С. 79–90.
22. *Лычагина Е.Л., Выборнов А.А., Кулькова М.А., Ойнонен М., Поснерт Г.* Новые данные по абсолютной хронологии раннего неолита Прикамья // *Известия Самарского научного центра РАН.* Т. 15. № 5. Самара, 2013. С. 247–253.
23. *Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А.* Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // *РАЕ.* № 3 / *Ред. Л. Вишняцкий.* СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2013. С. 27–109.
24. *Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А.* Цепочки технологических операций при изготовлении глиняных раннеэнеолитических сосудов поселения Ракушечный Яр // *Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Ред.: О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова.* СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 236–241.
25. *Никитин В.В.* К вопросу о культурной атрибуции верхневолжской и волго-камской раннеэнеолитических культур // *Тверской археологический сборник.* Вып. 7 / *Отв. ред. И.Н. Черных.* Тверь, 2009. С. 179–186.
26. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края // *Тр. МарАЭ.* Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996в. 180 с.
27. *Никитин В.В.* Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья // *Тверской археологический сборник.* Вып. 5 / *Отв. ред. И.Н. Черных.* Тверь, 2002. С. 293–303.
28. *Никитин В.В.* Накольчатая керамика на севере Средней Волги // *АЭМК.* Вып. 9 / *Науч. ред. Г.А. Архипов.* Йошкар-Ола: МарНИИ, 1985. С. 57–88.
29. *Никитин В.В.* Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // *Поволжская археология.* 2013а. № 2(4). С. 11–17
30. *Никитин В.В.* Неолитизация лесного Волго-Камья // *Поволжская археология.* 2013. № 1(3). С. 22–31.
31. *Никитин В.В.* Ранний неолит Марийского Поволжья // *Тр. МарАЭ.* Т. IX. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2011. 470 с.
32. *Смольянинов Р.В., Сурков А.В.* Ранний неолит Верхнего Дона // *Самарский научный вестник,* № 3(8). Самара, 2014. С. 161–171.
33. *Ставицкий В.В.* Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне: Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ижевск, 2006. 46 с.
34. *Ставицкий В.В.* Проблема происхождения плоскодонной накольчатой керамики Среднего Поволжья // *Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье / Отв. ред. Т.Б. Никитина.* Йошкар-Ола: МарНИИ, 2015. С. 57–67.

35. *Третьяков В.П.* Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука, 1990. 190 с.

36. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

37. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. А.Х. Халиков. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1960. 187 с.

38. *Халиков А.Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172. Л.: Наука, 1973. С. 107–121.

39. *Цыбрий А.В., Долбунова Е.В., Мазуркевич А.Н., Цыбрий В.В., Горелик А.Ф., Мотузаите-Матузевичиуте Г., Саблин М.В.* Новые исследования поселения Ракушечный Яр в 2008–2013 гг. // Самарский научный вестник, № 3(8). Самара, 2014. С. 203–214.

Информация об авторе:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

CONTROVERSIAL QUESTIONS OF THE EARLY NEOLITHIC STUDIES IN THE MARI VOLGA REGION

A.A Vybornov

The article considers some debatable questions of cultural identity, origin and correlation between the different Neolithic sites in the territory of the Mari Volga region, located at the junction of forest-steppe Volga River, Sura River and Lower Kama areas as well as the Upper Volga. The Early Neolithic of this region is characterized by presence of pottery without ornamentation and stroke ware. In the Late Neolithic, the sites with the pottery of Kama culture and of pit-comb type were spread there. The author suggests his own version of development of Neolithic cultures in this region, based on typological approaches and the results of radiocarbon dating and technological analysis of the pottery. Spread of ware without ornamentation seems to be preceding the stroke ware, and both traditions in the Mari land were under the cultural impact of the forest-steppe Volga population.

Keywords: archaeology, Volga region, Mari region, Neolithic, pottery, radiocarbon dating, technological analysis, Middle Volga culture, chronology.

REFERENCES

1. Andreev, K. M., Baratckov, A. V., Vybornov, A. A., Kulkova, M. A., Oinonen, M., Possnert, G., Medouz, D., van der Plicht, I., Filippsen, B. 2016. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 18, no. 6, 170–177 (in Russian).

2. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1988. *Neolit Povolzh'ia: step' i lesostep' (Neolithic of the Volga River Region: Steppe and Forest-Steppe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

3. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2016. In *Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 45–48 (in Russian).

The paper was prepared under the Russian Foundation for Humanities, Project no. 16-11-63015.

4. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 104–123 (in Russian).
5. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2016. In Solov'ev, B. S., Mikheev, A. V. (eds.). *Voprosy arkheologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh'e i Volgo-Kam'e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga – Kama Areas)*. Series: *Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 68–98 (in Russian).
6. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2016b. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 12. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 5–20 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (3), 60–86 (in Russian).
8. Viskalin, A. V. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 4 (1). Tver: Tver State United Museum, 318–325 (in Russian).
9. Viskalin, A. V. 2016. In Skorobogatov, A. M. (ed.). *Arkheologiya Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Voronezh: Voronezh State University, 56–62 (in Russian).
10. Viskalin, A. V. 1999. *Pamiatniki nakol'chatoi keramiki Volgo-Kam'ia (Stroke-Ornamented Ceramics Sites in the Volga and Kama Area)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
11. Viskalin, A. V. 2015. In Kostyleva, E. L., Averin, V. A. (eds.). *Problemy izucheniiia epokhi pervobytnosti i rannego srednevekov'ia lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Studies of the Prehistory and Middle Ages in the Forest Zone of Eastern Europe)* 4. Ivanovo: “Ol'ga Episheva” Publ., 33–38 (in Russian).
12. Viskalin, A. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 274–283 (in Russian).
13. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
14. Vybornov, A. A. 1992. *Neolit Prikam'ia (Neolithic of the Kama River Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
15. Vybornov, A. A. 2009. *Neolit stepnogo-lesostepnogo Povolzh'ia i Prikam'ia (Neolithic of Steppe and Forest-Steppe Belts in the Volga and Kama Rivers Basin)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).
16. Vybornov, A. A., Andreev, K. M., Baratskov, A. V., Grechkina, T. Yu., Lychagina, E. L., Naumov, A. G., Zaitseva, G. I., Kul'kova, M. A., Goslar, T., Oinonen, M., Possnert, G. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, no. 3, 242–248 (in Russian).
17. Vybornov, A. A., Kovalyukh, N. N., Skripkin, V. V. 2009. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 58–65 (in Russian).
18. Vybornov, A. A., Kondratev, S. A. 2009. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 11, no. 6, 282–284 (in Russian).
19. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; “Fän” Publ. (in Russian).
20. Gabiashev, R. S., Nikitin, V. V., Nikolaev, V. V. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan:

Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 17–31 (in Russian).

21. Grechkina, T. Yu., Vybornov, A. A., Kutukov, D. V. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 8 (3), 79–90 (in Russian).

22. Lychagina, E. L., Vybornov, A. A., Kul'kova, M. A., Oinonen, M., Possnert, G. 2013. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 15, no. 5, 247–253 (in Russian).

23. Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V., Kul'kova, M. A. 2013. In Vishniatskii, L. B. (ed.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3. Saint Petersburg: “Universitetskii izdatel'skii konsortsium” Publ., 27–109 (in Russian).

24. Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V., Kul'kova, M. A. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (ed.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 236–241 (in Russian).

25. Nikitin, V. V. 2009. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 7. Tver: Tver State United Museum, 179–186 (in Russian).

26. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

27. Nikitin, V. V. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: Tver State United Museum, 293–303 (in Russian).

28. Nikitin, V. V. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 9. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 57–88 (in Russian).

29. Nikitin, V. V. 2013a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 11–17 (in Russian).

30. Nikitin, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (3), 22–31 (in Russian).

31. Nikitin, V. V. 2011. *Rannii neolit Mariiskogo Povolzh'ia (Early Neolithic of the Mari Volga Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition IX. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

32. Smolianinov, R. V., Surkov, A. V. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 8 (3), 161–171 (in Russian).

33. Stavitsky, V. V. 2006. *Neolit, eneolit i rannii bronzovyi vek Sursko-Okskogo mezhdurech'ia i Verkhnego Prikhoper'ia: dinamika vzaimodeistviia kul'tur severa i iuga v lesostepnoi zone (Neolithic, Chalcolithic and Early Bronze Age in the Sura and Oka Interfluves Area and the Upper Koper River Basin: dynamics of interactions of the cultures of the North and the South in the forest-steppe belt)*. Doct. Diss. Thesis. Izhevsk (in Russian).

34. Stavitsky, V. V. 2015. In Nikitina, T. B. (ed.). *Voprosy arkheologii epokhi kamnia i bronzy v Srednem Povolzh'e i Volgo-Kam'e (Issues of the Archaeology of Stone and Bronze Ages in Middle Volga and Volga–Kama Areas)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 31. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 57–67 (in Russian).

35. Tret'iakov, V. P. 1990. *Neoliticheskie plemena lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Neolithic Tribes in the Forest Zone of Eastern Europe)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

36. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

37. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

38. Khalikov, A. Kh. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 172. Moscow: "Nauka" Publ., 107–121 (in Russian).

39. Tsybriy, A., V., Dolbunova, E. V., Mazurkevich, A. N., Tsybriy, V. V., Gorelik, A. F., Motuzaitse-Matuzevichiute, G., Sablin, M. V. 2014. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 8 (3), 203–214 (in Russian).

About the Author:

Vybornov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vibornov_kin@mail.ru

Статья поступила в номер 19.12.2016 г.

УДК 902.2

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЕНТУБИНСКОЙ ОСТРОВНОЙ СТОЯНКИ В 2004 ГОДУ

© 2017 г. А.А. Чижевский, А.В. Шипилов, Н.М. Капленко

Публикуются результаты раскопок многослойной Каентубинской островной стоянки (Нижнекамское водохранилище, Республика Татарстан) в 2004 г. Установлено, что первоначальное заселение стоянки произошло в первой половине IV тыс. до н.э. носителями камской неолитической культуры. Затем, во второй половине IV тыс. до н.э., здесь жили носители керамики русско-азибейского типа, которых уже в эпоху энеолита сменили носители гаринской культуры (вторая половина III – начало II тыс. до н.э.). Наиболее яркой энеолитической находкой является миниатюрная кремневая скульптура. В эпоху поздней бронзы территория стоянки была эпизодически заселена носителями срубной культурно-исторической общности, а также луговской культуры (XV–XIV вв. до н.э.). Наиболее многочисленной группой находок является керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры (XIV/XIII–XII вв. до н.э.). Заключительный этап существования Каентубинской стоянки относится ко второй фазе раннего железного века. Предметы пьяноборской культуры, найденные на размытой части стоянки, датируют этот этап I–III вв. н.э.

Ключевые слова: археология, Кама, Нижнекамское водохранилище, остров Каен-Тубе, стоянка, неолит, энеолит, поздний бронзовый век, ранний железный век.

Каентубинская островная стоянка располагается в 4,5 км к востоку – северо-востоку от с. Гулюково Мензелинского района Республики Татарстан на острове Каен-Тубе, образовавшемся в результате затопления ложа Нижнекамского водохранилища в 1976 г., до затопления эта территория была правым берегом р. Ик (рис. 1: 1).

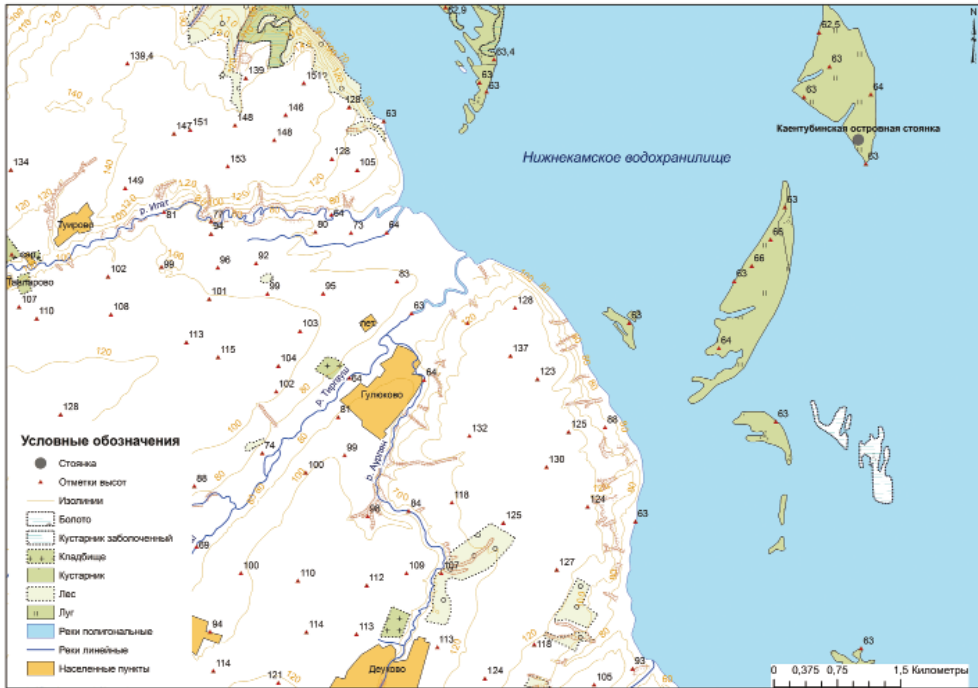
Стоянка находится на юго-западной стороне о. Каен-Тубе на краю подтопленной второй надпойменной террасы. Поверхность памятника покрыта травой и используется местным населением для выпаса скота, который завозят на остров с помощью понтона на летний сезон.

Памятник был открыт в 1997 г. Н.М. Капленко, который на береговых отмелях собрал керамику эпохи

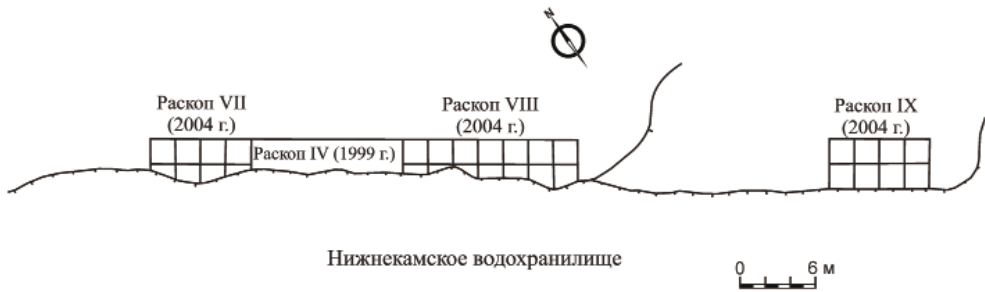
неолита-энеолита и поздней бронзы. В течение 1997–1999 гг. памятник исследовался стационарно Н.М. Капленко, в 2004 и 2005 гг. Н.М. Капленко и А.В. Шипиловым, в 2006 г. А.А. Чижевским. За все годы исследований на памятнике было вскрыто более 1000 кв. м., однако лишь результаты исследований 2005 г. были введены в научный оборот (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015). Публикации исследований 2004 г. посвящена эта статья.

В 2004 г. на памятнике в юго-восточной части на наиболее разрушаемых частях береговой полосы были разбиты три раскопа (VII, VIII, IX).

Раскоп VII (площадью 24 кв. м), вытянутый по линии северо-запад – юго-восток (рис. 2: 2), был заложен у береговой линии, вплотную к северо-

1.

2.

Рис. 1. Каентубинская островная стоянка. 1 – ситуационный план; 2 – общий план.

Fig. 1. Kaen-Tube island site. 1 – situational plan; 2 – general plan.

западной части раскопа IV 1999 года (рис. 1: 2). Длина раскопа – 8 м, ширина – 2,8–3,6 м. Площадка раскопа ровная, с небольшим наклоном к северо-западу.

Стратиграфия раскопа VII несложна: дерн – 6–8 см, под ним залежала темно-серая гумусированная супесь мощностью 50–52 см. Ниже идет желтая материковая глина (рис. 2: 3).

В юго-восточной части раскопа на уч. 4 были исследованы три столбовых ямы (рис. 2: 2).

Столбовая яма № 1 (уч. 4) (рис. 2: 1а) была выявлена на глубине 60 см от современной поверхности в виде овального пятна темно-серой гумусированной супеси диаметром 16×20 см. Стенки прямые, размеры ямы уменьшаются к нижней части, дно округлое с заглаблением в центральной части. Глубина ямы 8 см от уровня выявления. Находок не обнаружено.

Столбовая яма № 2 (уч. 4) (рис. 2: 1б) была выявлена на глубине 60 см от нулевой отметки в виде округлого пятна темно-серой гумусированной супеси диаметром 16 см. Стенки прямые, покато переходящие в плоское дно. Глубина ямы – 12 см от уровня выявления. Находок не обнаружено.

Столбовая яма № 3 (уч. 4) (рис. 2: 1в) была выявлена на глубине 60 см от современной поверхности в виде овального пятна темно-серой гумусированной супеси диаметром 16×18 см. Стенки прямые, дно плоское. Глубина ямы – 6 см от уровня выявления. Находок не обнаружено.

Вещевой комплекс раскопа представлен находками керамики (13 экз.) и кремневыми изделиями (7 экз.) (рис. 3).

Из раскопа VII происходят 13 фрагментов керамики, все они обнаружены

в слое темно-серой гумусированной супеси. На глубине первого пласта выявлены шесть фрагментов керамики эпохи бронзы, судя по фрагментам венчиков (рис. 3: 7, 9) и орнаментированным стенкам, они относятся к луговской культуре. На глубине второго пласта найдено семь фрагментов керамики, один (фрагмент венчика) относится к эпохе неолита – камская культура (рис. 3: 6), остальные к луговской культуре (рис. 3: 8).

В раскопе обнаружено 10 кремневых изделий, сколов и отщепов (рис. 3: 1), наиболее выразительны ножи на кремневой плитке с полукруглым лезвием (рис. 3: 2, 10), проколка (рис. 3: 3), фрагмент наконечника стрелы (рис. 3: 5), пластина с ретушью по краю (нож?) (рис. 3: 4).

На раскопе VII выявлены немногочисленные кости животных, на глубине первого пласта обнаружен обломок плюсневой кости лошади, на глубине второго пласта выявлены кости двух особей лошади (клык, обломки зубов верхней и нижней челюстей, обломки трубчатых костей и таранной кости), кости крупного рогатого скота (зубы нижней и верхней челюсти, от особи 2,5 лет), обломки черепа кабана¹.

Раскоп VIII (площадью 40 кв. м), вытянутый по линии северо-запад – юго-восток (рис. 4: 6), был заложен у береговой линии, вплотную к юго-восточной части раскопа IV 1999 года (рис. 1: 2). Длина раскопа – 14 м, ширина – 2–3 м. Площадка раскопа ровная, имеет небольшое понижение к северо-западу.

Стратиграфия раскопа VIII включала следующие напластования: дерн –

¹ Все археозоологические определения выполнены А.Г. Петренко.

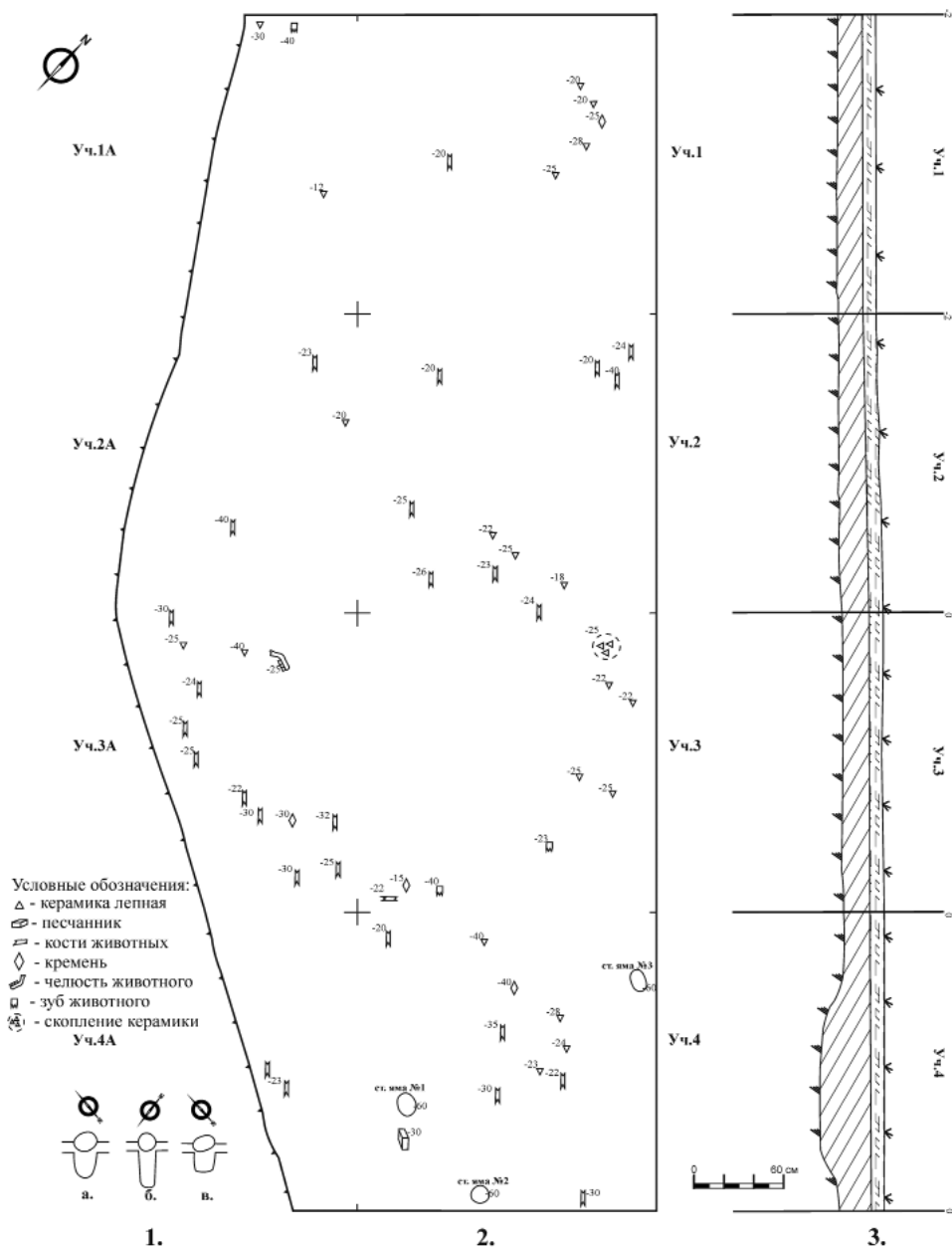

Рис. 2. Каентубинская островная стоянка, раскоп VII. 1 – столбовые ямы: а – № 1, б – № 2, в – № 3; 2 – план раскопа VII; 3 – профиль северо-восточного борта раскопа VII.

Fig. 2. Kaen-Tube island site, dig VII. 1 – pit holes: а – no. 1, б – no. 2, в – no. 3; 2 – plan of dig VII; 3 – profile of north-eastern border of dig VII.

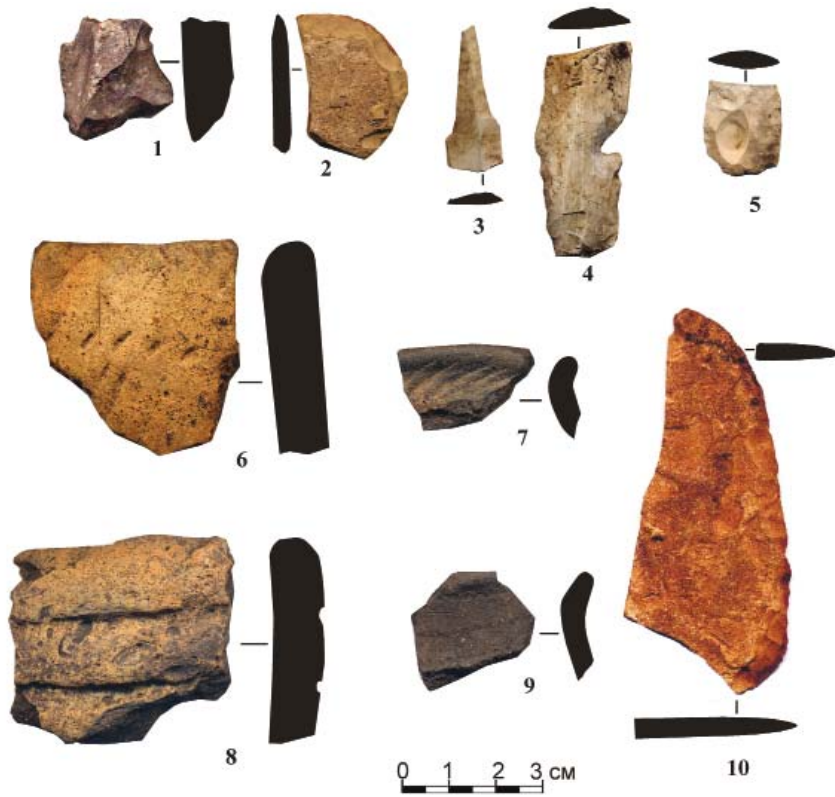

Рис. 3. Каентубинская островная стоянка, находки из раскопа VII.
1–5, 10 – кремь, 6–9 – керамика.

Fig. 3. Kaen-Tube island site, finds from dig VII. 1–5, 10 – flint, 6–9 – ceramics.

10–12 см, под ним залегала темно-серая гумусированная супесь мощностью около 50 см. Ниже шла желтая материковая глина (рис. 4: 7).

В результате работ 2004 г. на раскопе VIII были выявлены четыре хозяйственные (?) ямы и одна столбовая.

Яма № 1 (уч. 6А) (рис. 4: 1) была выявлена на глубине 60 см от современной поверхности в виде неправильной формы пятна темно-серой гумусированной супеси диаметром 127 × 191 см. Стенки ямы скошены, дно чашевидное с заглаблением в северо-западной части. Глубина ямы 66 см от уровня выявления. В заполнении ямы обнаружены шесть фрагментов керамики с примесью раковины

в глиняном тесте, из них пять стенок без орнамента и один фрагмент дна от плоскодонного сосуда. Судя по фактуре керамики и примесям, она относится к эпохе бронзы. Кроме того, в заполнении отмечены предметы из кремня: отщеп, скол и пластина с ретушью утилизации по краю.

Яма № 2 (уч. 7А) (рис. 4: 2) была выявлена на глубине 60 см от современной поверхности в виде пятна овальной формы темно-серой гумусированной супеси диаметром 40 × 58 см, уходящего в юго-восточную стенку раскопа. Стенки ямы скошены, дно плоское. Глубина ямы 16–22 см от уровня выявления. Находки в заполнении ямы не выявлены.

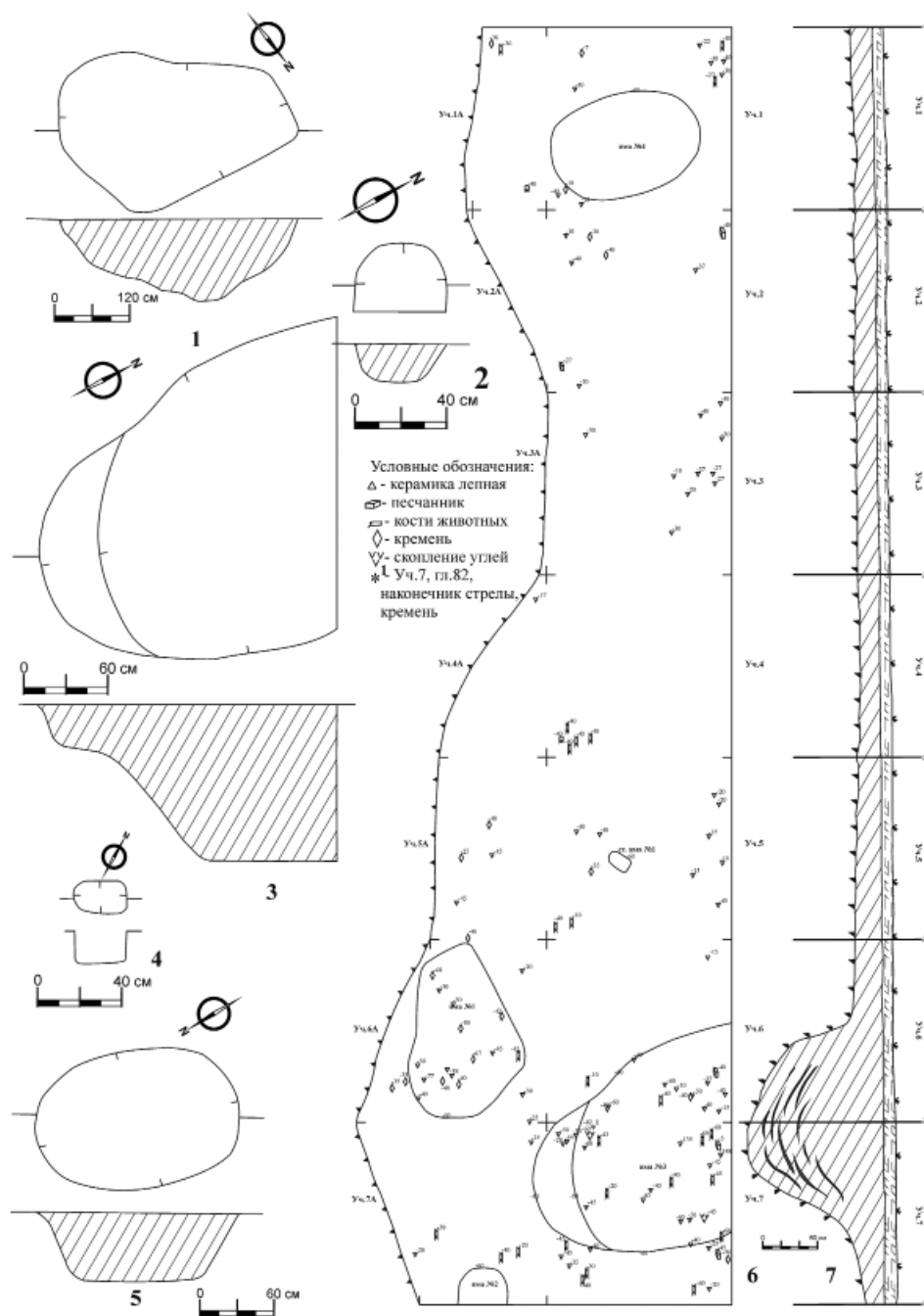

Рис. 4. Каентубинская островная стоянка. 1 – яма № 1; 2 – яма № 2; 3 – яма № 3; 4 – столбовая яма № 1; 5 – яма № 4; 6 – план раскопа VIII; 7 – профиль северо-восточного борта раскопа VIII.

Fig. 4. Kaen-Tube island site. 1 – pit no. 1; 2 – pit no. 2; 3 – pit no. 3; 4 – pit hole no. 1; 5 – pit no. 4; 6 – plan of dig VIII; 7 – profile of north-eastern border of dig VIII.

Яма № 3 (уч. 6, 7, 7А) (рис. 4: 3) была выявлена на глубине 60 см от современной поверхности в виде пятна овальной формы темно-серой гумусированной супеси диаметром 219 × 231 см. Стенки ямы скошены к центру, в юго-восточной части ямы на глубине 45 см от уровня выявления отмечена ступенька шириной 42 см. От ступеньки стенки ямы отходят еще более полого под углом около 45°, на глубине 115 см от уровня выявления ямы № 3 они переходят в плоское дно.

В заполнении ямы обнаружены фрагменты керамики, галька, кремневый скол, фрагмент пластины с ретушью утилизации (уч. 6А, глубина 80 см) (рис. 5: 23), наконечник стрелы (уч. 6–7, глубина 82 см) (рис. 5: 22). Керамика (17 фр.), обнаруженная в яме № 3, распределяется следующим образом:

1–3 пласты² – находок не сохранили;

4 пласт – девять фрагментов камской археологической культуры (рис. 5: 11, 14, 16), две стенки без орнамента – по фактуре и примесям в глиняном тесте относятся к эпохе бронзы;

5 пласт – четыре фрагмента камской археологической культуры, три – луговской (рис. 5: 4, 21, 25);

6 пласт – находок не сохранил.

На уровне четвертого пласта отмечены также кости животных: лошади (обломок нижней челюсти), двух особей крупного рогатого скота (более крупной – зуб М2 черепа, обломок лучевой кости, пяточная кость и мелкой – обломок лопатки), одной особи мелкого рогатого скота возрастом 1 год (обломок нижней челюсти и два зуба).

² Выборка сооружений производилась пластами по 20 см.

Яма № 4 (уч. 1) (рис. 4: 5) была выявлена на глубине 60 см от современной поверхности в виде неправильной формы пятна темно-серой гумусированной супеси диаметром 105 × 161 см. Стенки скошены к центру ямы, дно плоское. Глубина ямы 28 см от уровня выявления. Находки в заполнении ямы не обнаружены.

Столбовая яма № 1 (уч. 5) (рис. 4: 4) была выявлена на глубине 60 см от современной поверхности в виде овального пятна темно-серой гумусированной супеси диаметром 14 × 22 см. Стенки прямые, размеры ямы сужаются к нижней части, дно округлое с заглаблением в центре. Глубина ямы 13 см от уровня выявления. Находок не обнаружено.

Вещевой комплекс раскопа. Всего на раскопе вне сооружений выявлено 47 фрагментов керамики, из них 15 относятся к эпохе камня, 32 – к эпохе бронзы. Культурную принадлежность удалось определить для 24 фрагментов, кроме того в раскопе обнаружено 32 предмета из кремня и две гальки.

При раскладке атрибутированных фрагментов керамики по пластам наблюдается следующая картина:

1 пласт – один фрагмент керамики луговской культуры;

2 пласт – 10 фрагментов керамики камской культуры (рис. 5: 19), один – керамики русско-азийского типа (рис. 5: 20), один – срубной КИО (рис. 5: 26), четыре керамики луговской культуры (рис. 5: 2, 3, 5, 6) и два керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 5: 17, 27);

3 пласт – четыре фрагмента камской культуры (рис. 5: 9, 10, 12, 13) и один атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 5: 24).

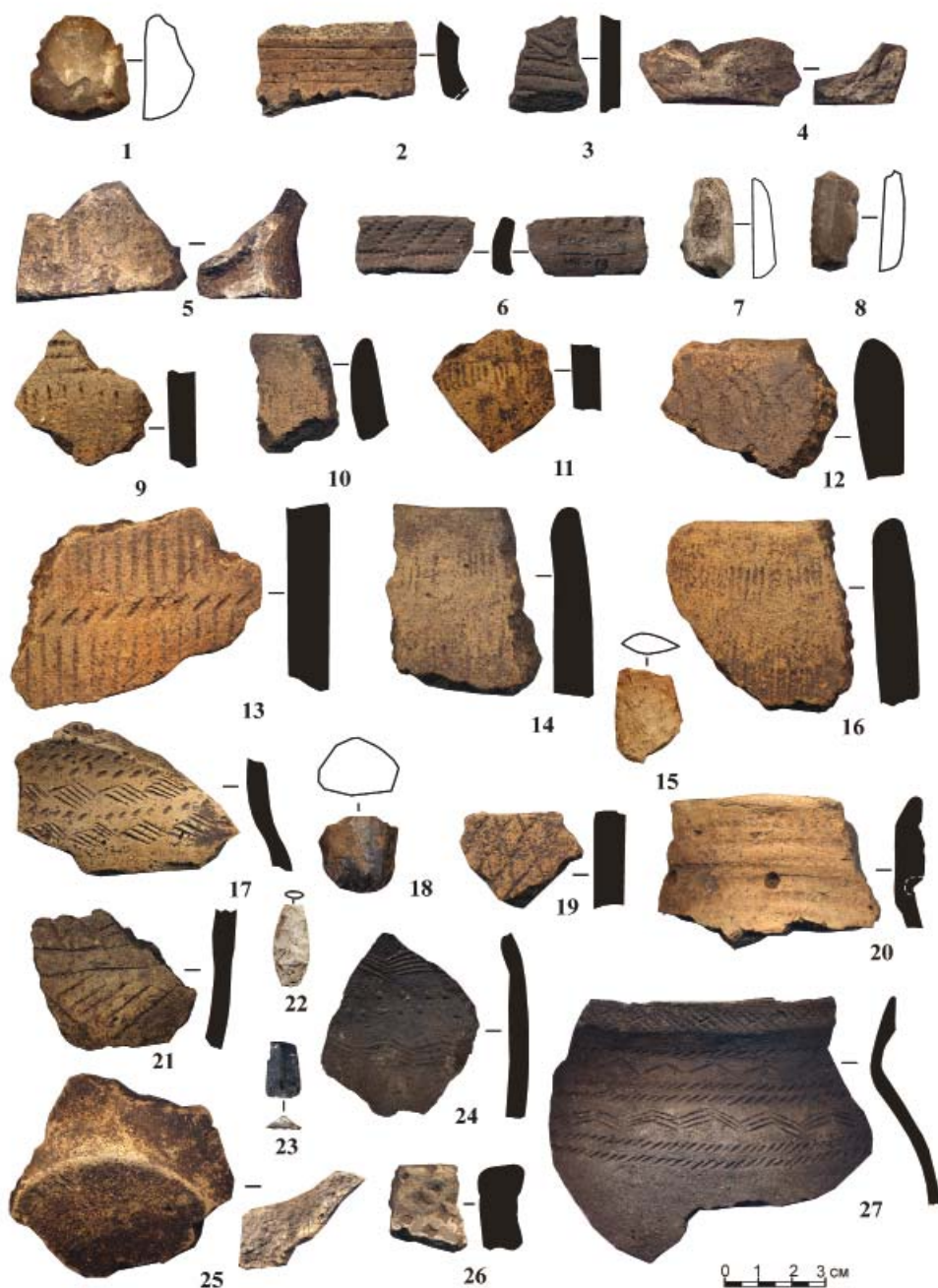

Рис. 5. Каентубинская островная стоянка, находки из раскопа VIII и подъемный материал (3, 4). 1, 7, 8, 16, 18, 22, 23 – кремень, 2–6, 9–15, 17–21, 24 – керамика.

Fig. 5. Kaen-Tube island site, finds from dig VIII and surface finds (3,4). 1, 7, 8, 16, 18, 22, 23 – flint; 2–6, 9–15, 17–21, 24 – ceramics

Изделия из кремня, найденные в раскопе VIII вне сооружений, начали фиксироваться непосредственно под дерном и встречались на всех глубинах вплоть до материка (3 пласт) (всего 32 экз.). Они представлены следующими изделиями: нуклеусом (уч. 8, гл. 50 см) (рис. 5: 18); пластиной с ретушированным краем (нож?) (уч. 1, гл. 7 см) (рис. 5: 8), скребками боковыми-торцевыми (2 экз.) (уч. 6, гл. 45 см, уч. 7А, гл. 40 см) (рис. 5: 1, 7), фрагментом наконечника стрелы (уч. 1, гл. 10 см) (рис. 5: 15). Кремневый инвентарь не имеет ярко выраженных черт и не может быть связан с какой-либо эпохой или культурой.

Выявленные на раскопе кости животных распределялись по глубинам залегания таким образом: на глубине первого пласта выявлен один зуб нижней челюсти лошади возрастом 8–9 лет и позвонок леща; на глубине второго пласта выявлены кости лошади (обломки трубчатых костей, зубы и фрагменты черепа особи около года), лисицы (позвонок), крупный рогатый скот (зубы с фрагментами черепа); на глубине третьего пласта отмечены зубы двух особей лошади (зуб нижней челюсти молочный и зуб нижней челюсти, возраст 8–9 лет).

Раскоп IX (площадью 32 кв. м), вытянутый по линии северо-запад – юго-восток (рис. 6: 1), был заложен у береговой линии, в 20 м к юго-востоку раскопа VIII (рис. 1: 2). Длина раскопа – 8 м, ширина – 4 м. Площадка раскопа ровная, с наклоном к юго-востоку.

Стратиграфия IX раскопа несложна: дерн – 12–14 см, под ним залежала темно-серая гумусированная супесь мощностью – 55–56 см. Ниже идет желтая материковая глина (рис. 6: 2).

Сооружений на раскопе IX выявлено не было.

Вещевой комплекс раскопа IX представлен керамикой и кремневыми изделиями. Из раскопа происходят 158 фрагментов керамики, из них 24 относятся к эпохе камня, 134 к эпохе бронзы, культурную принадлежность удалось определить для 68 фрагментов. Кроме керамики, в раскопе было зафиксировано 14 изделий из кремня и одна галька.

Атрибутированные фрагменты керамики (68 фр.), обнаруженные в раскопе IX, распределяются следующим образом:

1 пласт – два фрагмента керамики камской культуры, пять атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 8: 3, 4, 15);

2 пласт – четыре фрагмента керамики камской культуры (рис. 7: 1), один фрагмент русско-азийского типа (рис. 7: 12), шесть относится к гаринской культуре (рис. 7: 6, 9–11, 14), два фрагмента керамики луговской культуры (рис. 8: 16), 23 фрагмента атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 8: 1, 2, 5, 6, 9–11, 17);

3 пласт – 11 фрагментов керамики камской культуры (рис. 7: 2, 15), два фрагмента керамики русско-азийского типа (рис. 7: 5, 13), 11 фрагментов атабаевского этапа маклашеевской культуры (рис. 8: 7, 8, 12, 13, 14, 18–20).

Кремневые изделия, всего 14 экземпляров, встречались на глубинах от 10 см и до 60 см. Они представлены следующими находками: сколами (10 экз.), отщепами, нуклевидным куском кремня, пластиной с ретушью утилизации по краям (нож?) (рис. 7: 7), остроконечным орудием на крупной пластине с краевой ретушью

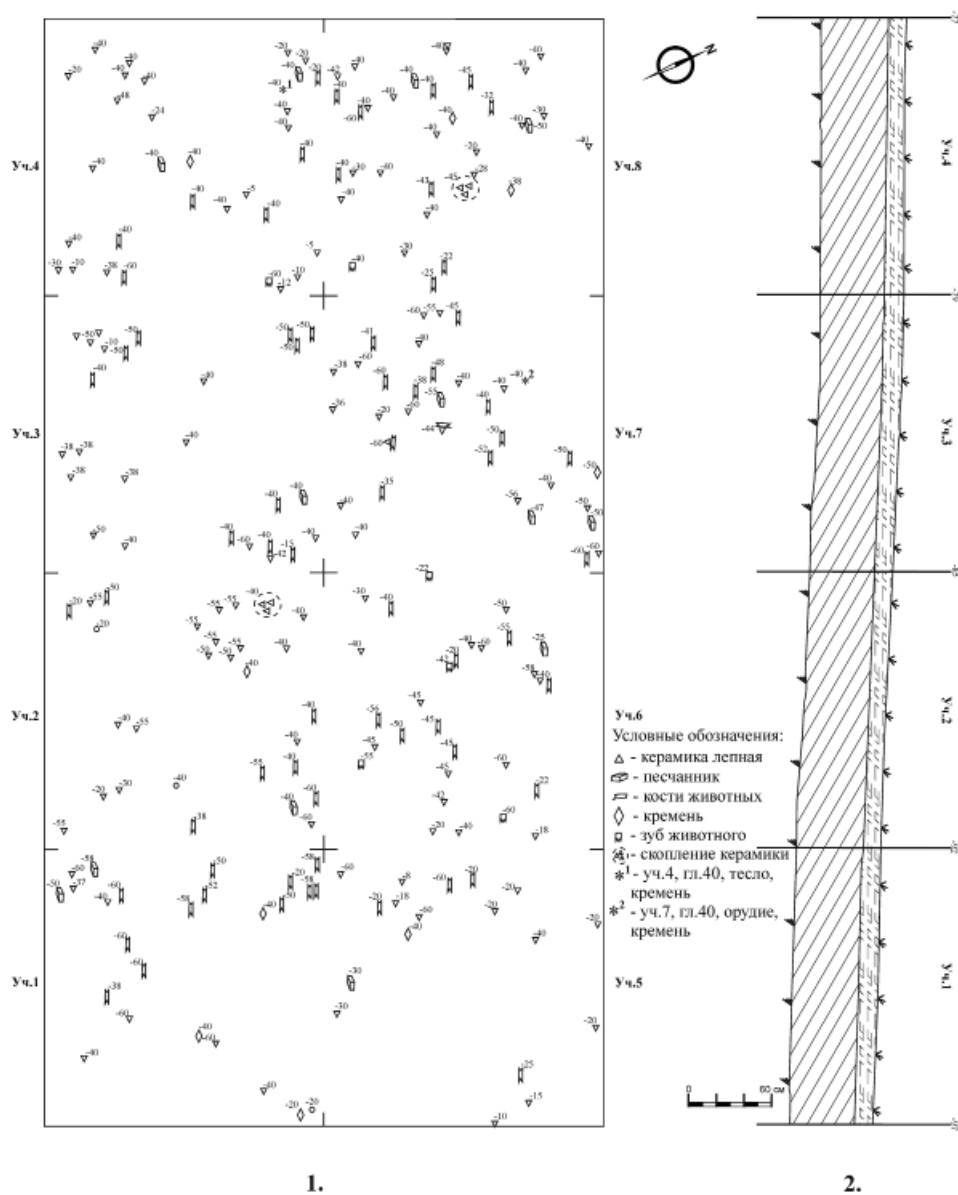

Рис. 6. Каентубинская островная стоянка. 1 – план раскопа IX; 2 – профиль северо-восточного борта раскопа IX.

Fig. 6. Kaen-Tube island site. 1 – plan of dig IX; 2 – profile of north-eastern border of dig IX.

(рис. 7: 8). Как и на других раскопах, кремневый инвентарь не имеет ярко выраженных черт и не может быть связан с какой-либо эпохой или культурой.

По сравнению с раскопами VII и VIII, кости животных на раскопе IX более многочисленны. На глубине первого пласта отмечены кости лошади, особи около шести лет (зуб нижней челюсти), и кости одной особи крупного рогатого скота (фаланга 1); на глубине второго пласта найдены кости лошади, одной особи возрастом шесть-семь лет (обломки черепа и зубы), особи возрастом более 10 лет (зуб и таранная кость), крупного рогатого скота (нижний эпифиз), лося (добавочная кость запястья/заплюсны), кабана (таранная кость молодой особи), мелкого рогатого скота (обломок плечевой кости и бедренной кости); на глубине третьего пласта выявлены кости лошади – одной особи возрастом до двух лет (обломки черепа, плечевая и первая фаланга), три особи крупного рогатого скота – взрослая особь (таранная кость, позвонок, обломок трубчатой кости), особь около трех лет (зуб нижней челюсти) и особь около одного года (пяточные кости – 2 экз.), мелкого рогатого скота (зуб нижней челюсти), кабана (плечевая кость).

Вещевой комплекс из сборов на размытой части стоянки. В 2004 г. на размытой части стоянки была собрана небольшая коллекция предметов, характеризующая материальную и духовную культуру ее обитателей в эпоху энеолита и второй фазы раннего железного века.

К предметам эпохи энеолита относятся две фигурки из кремня. Первая находка представляет собой профиль-

ное изображение головы травоядного животного (косули?) (рис. 7: 3). Она выполнена на кремневой плитке хорошего качества желтоватого цвета. По всей поверхности фигурка обработана двусторонней отжимной ретушью. Подобная фигурка происходит с Дубовогривской II стоянки (Шипилов, 2009, рис. 2: 2).

Ближайшие аналогии данной находке прослеживаются в кремневой скульптурке со стоянки Векса (Недомолкина, 2000, с. 224–232), а также фигурке с Ахмыловского II поселения в Марийском Поволжье (Никитин, 1991, рис. 64: 10).

Вторая находка представлена силуэтной фигуркой птицы (рис. 7: 4). По своим морфологическим признакам данная фигурка напоминает птиц из семейства фазановых (глухаря, тетерева, куропатку). Полные аналогии данной фигурке нам не известны, наиболее близкая фигурка присутствует в сводке С.Н. Замятнина и характеризуется им как изображение птицы (Замятнин, 1948, рис. 5: 7).

Находки второй фазы раннего железного века представлены бляхой и поясным крючком³.

Бляха бронзовая, профилированная, с подпрямоугольным щитком и двумя поперечными петлями на обороте. Щиток разделен рельефной линией на две части и окаймлен по контуру рельефным орнаментом в виде двух полос разнонаправленного шнура (рис. 9: 1). Наиболее близкие аналогии прослеживаются в материалах погр. 2 раскопа I 2014 г. Кипчакского II могильника пьяноборской

³ Авторы выражают благодарность Д.Г. Бугрову за консультацию по атрибуции артефактов пьяноборского времени.

Рис. 7. Каентубинская островная стоянка, находки из раскопа IX. 3, 4, 7, 8 – кремль, 1, 2, 5, 6, 9–15 – керамика.

Fig. 7. Kaen-Tube island site, finds from dig IX. 3, 4, 7, 8 – flint, 1, 2, 5, 6, 9–15 – ceramics.

Рис. 8. Каентубинская островная стоянка, керамика из раскопа IX.

Fig. 8. Kaen-Tube island site, ceramics from dig IX.

культуры, где выявлены две подобные застежки, интерпретированные авторами как обувные (Зубов, Сагтаров, 2015, с. 539, рис. 5: 1, 2).

Второй находкой пьяноборского времени был поясной крючок сложной конструкции с бронзовым полуovalным щитком и прилитым к нему с обратной стороны железным прутком, используемым непосредственно в качестве запорного устройства (крючка), на внутренней стороне бляхи находится крепление в виде костылька. На внешней части щитка в центре отмечено прорезное отверстие в форме двустороннего зубца (прищепки), которое заполняют три фигуры в виде песочных часов, выполненных зернью, по контуру щитка располагается рельефный орнамент в виде двух полос разнонаправленного шнура, выступ для крепления стержня крючка покрыт гофрированным орнаментом (рис. 9: 2). Поясные крючки подобной формы традиционно рассматриваются как разновидность эполеообразных застежек, хотя конструктивно они совершенно иные и, скорее всего, являются развитием более ранних форм поясных крючков, распространенных на первой фазе раннего железного века (Васильев, 2004, рис. 10; Гуляев, 2016).

Полные аналогии каентубинскому крючку нам неизвестны, однако известны отдельные экземпляры сходной формы и конструкции с иным оформлением щитка, такие как в погр. 275 Нырғындинского I, погр. 19 Старочекмакского I, погр. 159 Чегандинского II могильников пьяноборской культуры (Генинг, 1971, с. 24, табл. XII: 2; Голдина, Красноперов, 2012, с. 34, с. 62, табл. 150: 17).

Исследование Каентубинской

островной стоянки в 2004 г. выявило многократность заселения этого памятника на протяжении значительного промежутка времени протяженностью в несколько тысяч лет.

Самое древнее поселение на этом месте было оставлено носителями камской неолитической культуры, находки, связанные с ней, представлены фрагментами хорошо обожженной толстостенной керамики (0,8–1,2 см толщины) с примесью песка и шамота. Подавляющее большинство сосудов орнаментировано по внешней поверхности. Орнаментация наносилась, как правило, оттисками гребенчатых штампов. Орнаментальные мотивы состоят из сочетания поясков расположенных под наклоном оттисков одночастного линзовидного штампа и расположенных вертикально оттисков многочастного гребенчатого штампа (рис. 5: 9–13; 7: 1). Весьма оригинальным представляется мотив косой сетки, выполненный оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 5: 19). Помимо этого в орнаментации неолитической посуды присутствует «шагающая гребенка» (рис. 5: 14, 16).

Ближайшие аналоги камской неолитической керамике Каентубинской островной стоянки прослеживаются в керамических комплексах поселенческих памятников Нижнего Прикамья, таких как Щербетьская II, Лебединская II, Балахчинская V, Кузькинская XX стоянки и др. (Васильева, Выборнов, 2013, рис. 1: 8–10, 2: 7–11, 3: 7–12; Шпилов, 2013, рис. 2–5, 6: 1–14), а также в Чувашском Поволжье (Бережина, 2013, рис. 3, 4).

Датируется поселение камской неолитической культуры на территории Каентубинской островной стоянки в

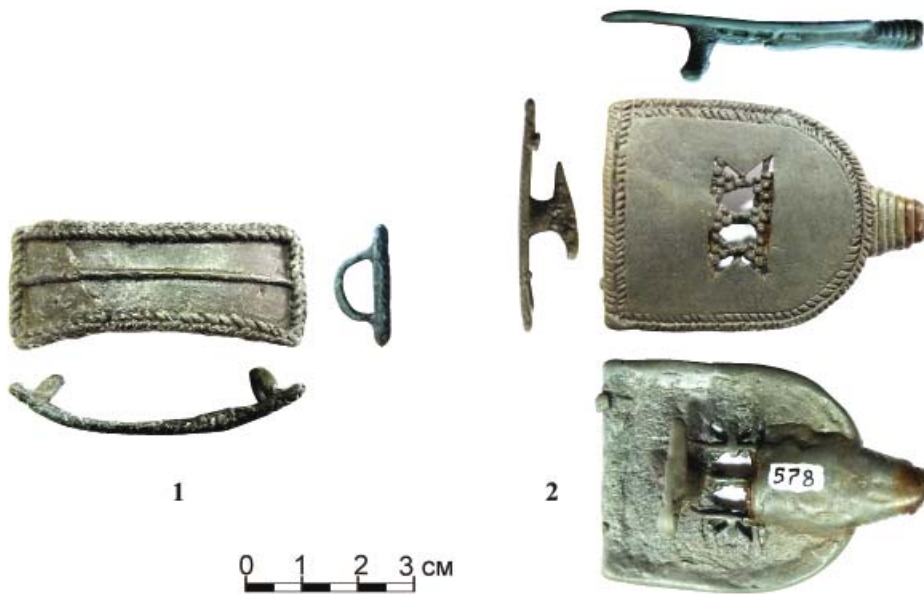

Рис. 9. Каентубинская островная стоянка, подъемный материал. 1, 2 – бронза.
1 – обувная бляха, 2 – поясной крючок.

Fig. 9. Kaen-Tube island site, stray finds. 1, 2 – bronze. 1 – footwear badge, 2 – belt hook.

пределах первой половины IV тыс. до н.э. по данным радиоуглеродного анализа, полученным по керамике из раскопок 2004 г. 5680±80 (Ki14107), 5620±80 (Ki14141) (Выборнов, 2008, с. 243).

Второе заселение Каентубинской островной стоянки связано с носителями керамики русско-азибейского типа (рис. 5: 20; 7: 5, 13). Керамика русско-азибейского типа также имеет хороший обжиг, в глиняном тесте зафиксированы примеси песка и шамота.

Судя по выявленным фрагментам, сосуды русско-азибейского типа имели тулово полуяйцевидной формы с закрытым профилем. Наиболее ярко данная керамика представлена в материалах Русско-Азибейской I стоянки в Нижнем Прикамье и Давлекановской стоянки на Южном Урале (Габышев, 1978, рис. 3–7; Матюшин, 1982, таб. 88: 2–3, 90: 1–7). Аналогичная керамика была также выявлена и при

исследовании стоянки Сауз II (Выборнов, 2008, рис. 203).

Время существования русско-азибейской керамики в регионе укладывается в рамки середины – второй половины IV тыс. до н.э. Эта дата основывается на серии радиоуглеродных датировок из памятников Нижнего Прикамья (Выборнов, 2008, с. 243).

Следующий этап заселения стоянки иллюстрирует немногочисленный, но весьма выразительный комплекс керамики гаринского типа (рис. 7: 6, 9–11, 14). Данная керамика имеет бурый цвет поверхности, в формовочной массе присутствует примесь толченой раковины. Судя по имеющимся фрагментам керамики, сосуды гаринского типа были банковидными, орнамент покрывал всю их внешнюю поверхность и срез венчика и выполнялся оттисками средне и крупнозубчатого штампа. Венчики имеют Г и Т-образное утолщение. Наиболее близкие

аналогии данной керамике прослеживаются на памятниках гаринского типа: Бор I, Выстелишна, Сауз I (Бадер, 1961, рис. 28: 1, 42; Выборнов, Обыденнов и др., 1984, рис. 9).

С гаринской культурой связаны также находки миниатюрных кремневых фигурок (рис. 7: 3, 4). Чаще всего исследователи связывают их с культово-ритуальной практикой, данное предположение подтверждают находки подобных фигурок из кремня и кости в могилах энеолитического времени, на территории Нижнего Прикамья они выявлены в погребениях Тенишевского и Мурзихинского II могильников (Беговатов, Габяшев, 1984, рис. 7: а; Чижевский, 2008. рис. 1: 6, 7, 14).

Датируются памятники волосово-гаринской общности в пределах середины – второй половины III тыс. до н.э. (Шорин, 1999, с. 39–40) или же второй половины III – начала II тыс. до н.э. (Бушуев, Чижевский и др., 2010, с. 29; Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 26).

В эпоху поздней бронзы территория Каентубинской островной стоянки была заселена носителями луговской и маклашеевской культур, срубные древности ввиду их малочисленности указывают, вероятно, на редкие посещения этой территории носителями срубной КИО.

Керамика луговской культуры (рис. 3: 7–9; 5: 2, 3, 6, 21; 8: 16), судя по орнаменту, может быть отнесена к поздней стадии существования культуры, к керамике т.н. постлуговского типа (Ашихмина, 2014, рис. 30: 5, 9; 34: 1, 2, 5–7, 12). К луговскому времени, судя по находкам керамики в придонной части, относится и яма № 3, расчищенная в раскопе VIII.

Датируются памятники луговской (сусканско-луговской) культуры XV–XIV вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 250; Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 192).

К финалу бронзового века отнесена пористая, с примесью раковины в глиняном тесте керамика с характерным подтреугольным валиком (рис. 5: 27; 8: 1, 2, 7, 8, 13; 15). Толщина стенок этой керамики составляет 0,5–0,7 см. Внешняя поверхность сосудов гладкая, орнамент размещался на горловине и верхней трети тулова сосуда. Наличие в развалах сосудов этой группы керамики плоских днищ подтверждает ее плоскодонность.

По венчику и верхней трети тулова нанесен богатый орнамент, включающий горизонтальные линии, зигзаг, горизонтальную «елочку», а также пояски ямок небольшого диаметра и овальных вдавлений.

Многочисленные аналогии позволяют с уверенностью отнести эту керамику к атабаевскому этапу маклашеевской культуры (Халиков, 1980, табл. 58; Кузьминых, Чижевский, 2009. рис. 2: 1–22; 3: 1–6). Часть керамики атабаевского облика имеет плоский воротничок, что позволяет говорить о присутствии здесь керамики переходного от атабаевского этапа к маклашеевскому времени (рис. 8: 3, 5, 6, 9–11, 14, 18–20).

Это наиболее многочисленная группа керамики в коллекции, полученной в результате раскопок 2004 г., что может свидетельствовать о длительном проживании носителей данной культуры на территории поселения. Несмотря на это обстоятельство, уверенно связывать какие-либо сооружения из числа расчищенных в раскопах 2004 г. с маклашеевской

культурой не представляется возможным.

Комплекс керамики атабаевско-го этапа маклашеевской культуры из раскопок 2005 г. был датирован нами по аналогиям рубежом XIV/XIII – XII вв. до н.э. (Чижевский, Шпилов, Капленко, 2015, с. 193), в этих же пределах следует датировать подобную керамику и из раскопок 2004 г.

Заключительный этап существования Каентубинской островной стоянки связан с носителями пьяноборской культуры. Находки пьяноборского времени в 2004 г. были обнаружены на размытой части памятника, к ним относятся бронзовые бляха (рис. 9: 1) и поясной крючок (рис. 9: 2).

Ближайшие аналоги бляхе с подпрямоугольным щитком и двумя поперечными петлями на обороте из погр. 2 раскопа I 2014 г. Кипчаковского II могильника не позволяют получить узкую дату, так как типы бус, представленные в погребении, имеют пики распространения как во II–I вв. до н.э., так и во II–III вв. н.э. (Алексеева, 1978, с. 64, 72, рис. 15).

Сходные по форме щитка бляхи более позднего времени из вятских могильников азелинской (худяковской)

культуры, отличающиеся лишь наличием на внутренней стороне третьей петли в средней части пластины, отнесены к III в. н.э. (Лещинская, 2014, с. 170, 171, табл. 87: 1, 8).

II–III вв. н.э. датированы аналогичные по форме, но украшенные зооморфными изображениями бляхи из погр. 21 Красноярского могильника, расположенного в бассейне р. Тулвы (Казанцева, 2012, с. 11, 34, 47, рис. 18: 6, табл. 11: 7). По всей вероятности, в этих пределах (II–III вв. н.э.) следует датировать и каентубинскую бляху.

Полные аналогии поясному крючку из Каентубинской островной стоянки неизвестны, однако существуют предметы сходной формы и конструкции с иным оформлением щитка, они обнаружены в погр. 275 Ныргындинского II могильника, датированного на основании бусинного набора I–II вв. н.э. (Голдина, Красноперов, 2012, с. 34, 80, табл. 150: 17, табл. А) и погр. 19 Старочекмакского I могильника, присутствие в инвентаре которого железной круглорамчатой пряжки с подвижным язычком позволяет датировать комплекс I–II в. н.э. (Голдина, Красноперов, 2012, с. 62).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. П1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
2. Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99. М.: АН СССР, 1961. 198 с.
3. Беговатов Е.А., Габяшев Р.С. Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 64–87.
4. Березина Н.С. О гребенчатых комплексах неолита Чувашского Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 41–51.
5. Бушуев А.С., Чижевский А.А., Шпилов А.В. Возможности кластерного метода анализа орнамента керамики и оценки сходства археологических памятников // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия гуманитарные науки. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. Казань: КГУ, 2010. С. 19–29.

6. *Васильев Ст.А.* Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. 2004. № 11. С. 275–297.
7. *Васильева И.Н., Выборнов А.А.* О неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья и времени распространения древнейших керамических традиций // Поволжская археология. 2013. № 1(3). С. 60–86.
8. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2008. 490 с.
9. *Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Поселение Сауз I в устье р. Белой // Эпоха меди юга восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 3–21.
10. *Габяшев Р.С.* Русско-Азиебейская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер, Казань: Изд-во: КФАН СССР, 1978. С. 22–39.
11. *Генинг В.Ф.* История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.
12. *Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.
13. *Гуляев В.И.* Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.
14. *Замятнин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. Т. X / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 85–123.
15. *Зубов С.Э., Саттаров Р.Р.* Новый могильник пьяноборской культуры в Иско-Бельском междуречье // Известия Самарского НЦ РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 537–547.
16. *Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 24. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 180 с.
17. *Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН. 2000. С. 242–273.
18. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / АЕС. Вып. 8. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.
19. *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 472 с.
20. *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 331 с.
21. *Недомолкина Н.Г.* Сухонские кремневые фигурки // Тверской археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Черных Тверь: ТГОМ, 2000. С. 277–283.
22. *Никитин В.В.* Медно-каменный век марийского края. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991. 152 с.
23. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. 1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.
24. *Чижевский А.А.* Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.
25. *Чижевский А.А., Лыганов А.В., Шипилов А.В.* Рысовский археологический комплекс // Актуальные вопросы российской археологии. Вып. 1 / Ред. В.А. Шаталов. Казань: ЦИАИ, 2014. С. 23–53.
26. *Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М.* Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований 2005 г.) //

Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 184–194.

27. Шпилов А.В. Хронологические комплексы XX Кузькинской стоянки // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 113–124.

28. Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Шпилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov_anton@mail.ru

Капленко Николай Михайлович, учитель истории (г. Набережные Челны, Россия); kaplenko777@mail.ru

STUDY RESULTS ON KAEN-TUBE ISLAND SITE IN 2004

A.A. Chizhevsky, A.V. Shipilov, N.M. Kaplenko

The authors publish results of the digs on the multi-layer Kaen-Tube island site (Lower Kama Water Reservoir, Tatarstan Republic) in 2004. It has been established that the site was first inhabited in the first half of the IV Millennium BC by the bearers of the Kama Neolithic Culture. Later, in the second half of the IV Millennium BC, it was inhabited by the bearers of Russkiy Azibey type ceramics, who were replaced by bearers of Garino culture in the Eneolithic (second half of III – early II Millennia BC). The most remarkable Eneolithic find is a small flint figurine. The Late Bronze Age of this territory was marked by an episodic settlement of the Srubnaya and Lugovskaya cultures (15th–14th centuries BC). The most numerous group of ceramic finds is associated with Atabaevo stage of Maklasheevka culture (14th/13th – 12th centuries BC). The finale of Kaen-Tube site has been related by the authors to the second phase of the Early Iron Age. The artefacts of Pyany Bor culture found on the washed out section of the site date this stage to the 1st–3rd centuries AD.

Keywords: archaeology, Kama, Lower Kama water reservoir, Kaen-Tube island, site, Neolithic, Eneolithic, Late Bronze Age, Early Iron Age.

REFERENCES

1. Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bader, O. N. 1961. *Poseleniia turbinskogo tipa v Srednem Prikam'e (Turbino Type Settlements in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Begovatov, E. A., Gabiashev, R. S. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Novye pamiatniki arkheologii Volgo-Kam'ia (Recently Discovered Archaeological Sites in the Volga and Kama Rivers Area)*. Series: Arkheologiya i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 64–87, (in Russian).
4. Berezina, N. S. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 41–51 (in Russian).

5. Bushuev, A. S., Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V. 2010. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan State University. Series: Humanities)*. Vol. 152, book 3, part 1. Kazan: Kazan State University, 19–29 (in Russian).
6. Vasilev, St. A. 2004. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 11. 275–297 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (3), 60–86 (in Russian).
8. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
9. Vybornov, A. A., Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1984. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Epokha medi iuga vostochnoi Evropy (Copper Age in Southern Part of Eastern Europe)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 3–21 (in Russian).
10. Gabiashev, R. S. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–39 (in Russian).
11. Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. II. Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD))* In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).
12. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II–III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd–3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
13. Guliaev, V. I. 2016. *Zoomorfnye metallicheskie kriuchki skifskogo vremeni v Evrazii: katalog i opisaniie (Zoomorphic Metallic Hooks of the Scythian Time in Eurasia: Catalogue and Description)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
14. Zamiatnin, S. N. 1948. In Grekov, B. D. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* X. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 85–123 (in Russian).
15. Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3. 537–547 (in Russian).
16. Kazantseva, O. A. 2012. *Krasnoiarskii mogil'nik I–V vv. n.e. v basseine r. Tulvy Srednego Prikam'ia (Krasny Yar Burial Ground from 1st–5th cc. AD in the Tulva River Basin, Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 24. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
17. Kolev, Yu. I. 2000. In Kabytov, I. S. (ed.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Russian Academy of Sciences, Samara Scientific Center, 242–273 (in Russian).
18. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 29–55 (in Russian).
19. Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

20. Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala (Eneolithic of Southern Ural)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Nedomolkina, N. G. 2000. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 4. Tver: "Tverskoe oblastnoe izdatel'stvo" Publ., 277–283 (in Russian).
22. Nikitin, V. V. 1991. *Medno-kamennyi vek Mariiskogo kraia (seredina III – nachalo II tysyacheletia do n. e.) (The Copper and Stone Age of Mari Region (Middle of III – Early II Millennia BC))*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
23. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) 1-24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Chizhevsky, A. A. 2008. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008)* I. Moscow: "Nauka" Publ., 367–371 (in Russian).
25. Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Shipilov, A. V. 2014. In Shatalov, V. A. (ed.). *Aktual'nye voprosy rossiiskoi arkheologii (Current Issues of the Russian Archaeology)* 1. Kazan: Centre of Historical and Archaeological Researches, 23–53 (in Russian).
26. Chizhevsky, A. A., Shipilov, A. V., Kaplenko N. M. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 4 (I). Tver: Tver State United Museum, 352–358 (in Russian).
27. Shipilov, A. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 113–124 (in Russian).
28. Shorin, A. F. 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza (Eneolithic of Ural and Adjacent Territories: Issues of Cultural Genesis)*. Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Chizhevsky Anrdei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Shipilov Anton V., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru

Kaplenko Nikolai M., Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kaplenko777@mail.ru

Статья поступила в номер 30.11.2016 г.

УДК 902.01

ПОСЕЛЕНИЕ ЛЕБЯЖИНКА VI – ПАМЯТНИК ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ¹

© 2017 г. А.И. Королев, А.А. Шалапинин

Публикуются первые результаты археологических исследований поселения эпохи энеолита Лебяжинка VI (2013–2014 гг.) в Самарской области на реке Сок. Дано описание стратиграфии, сооружений, керамических комплексов, костяного и каменного инвентаря. На поселении выявлены остатки четырех углубленных жилищ, из них одно исследовано полностью. В коллекции фрагментов энеолитической керамики выделены четыре группы. Первая группа представлена керамикой «с внутренним ребром», вторая имеет аналогии в материалах типа Чекалино IV и токского типа, третья близка посуде поселения Лебяжинка III. Четвертая группа керамики относится к хвалынской культуре. Для всех этих групп характерен орнамент гребенчатым штампом, в третьей и четвертой он дополняется веревочными оттисками. В каменном инвентаре преобладают орудия, изготовленные на отщепах, также присутствует пластинчатый комплекс. Широко представлены костяные орудия и фаунистические остатки, среди которых выделены домашние виды.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, энеолит, керамика с «внутренним ребром», тип Чекалино IV, токский тип, лебяжинский тип, хвалынская культура, кремневый инвентарь.

Поселение расположено на левом берегу р. Сок, в его среднем течении, в 3 км к ССВ от хутора Лебяжинка в Сергиевском районе Самарской области (рис. 1: А). Поселение приурочено к северо-восточной оконечности останца первой надпойменной террасы р. Сок. С севера останец ограничен старицей р. Сок, с востока и юго-востока – древним пересохшим руслом, от которого в южной части осталось небольшое озеро. Современное русло р. Сок проходит в 380 м к северо-западу от местоположения памятника (рис. 1: Б).

Поселение было открыто в 2009 г. А.И. Королевым при осмотре лесозащитной полосы. Археологические раскопки проводятся с 2013 г. В дан-

ной статье публикуются материалы раскопок 2013–2014 гг. Исследованная за этот период площадь составила 112 кв. м. Площадка памятника в прошлом подверглась кратковременной распашке.

Стратиграфия (рис. 2: А–Г)

1. Дерн, рыхлый по структуре, черного цвета, мощностью до 20 см. Фиксируется по всей площади раскопа.

2. Плотная, при высыхании крупнокомковатая, расчлененная вертикальными трещинами супесь черного цвета. Зафиксирована по всей площади раскопа. Контакт с нижележащими слоями отчетливый. Этот слой насыщен находками, включая крупные фрагменты керамики и остеологический материал. Мощность – 20–40 см.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1907. 2017/ПЧ.

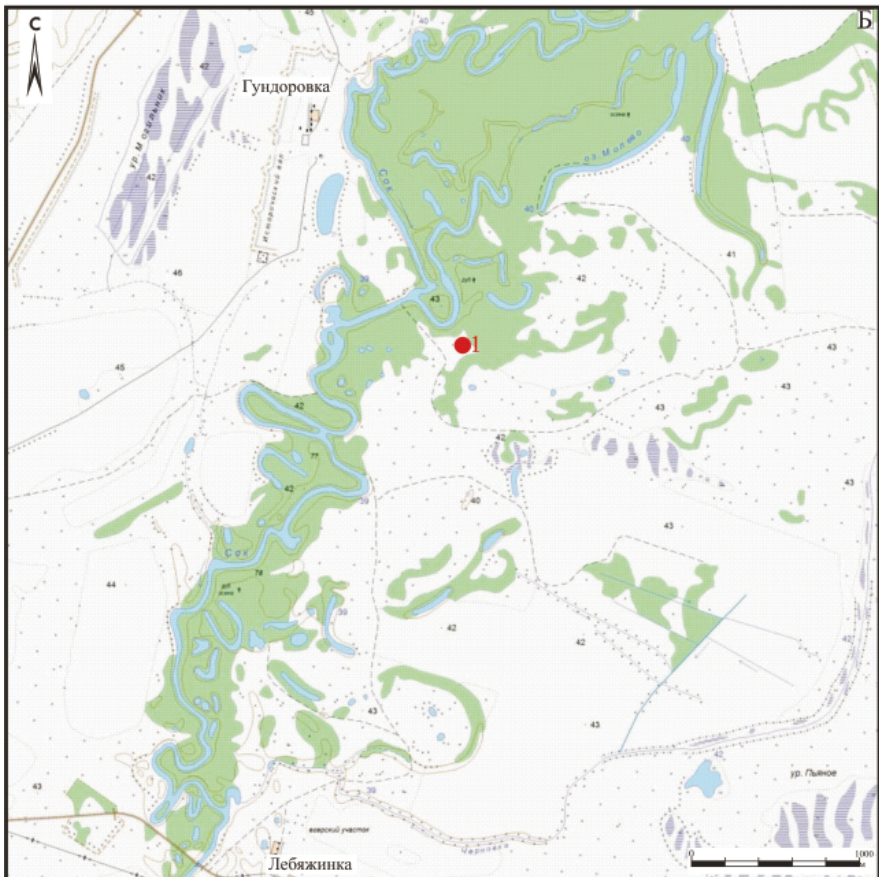
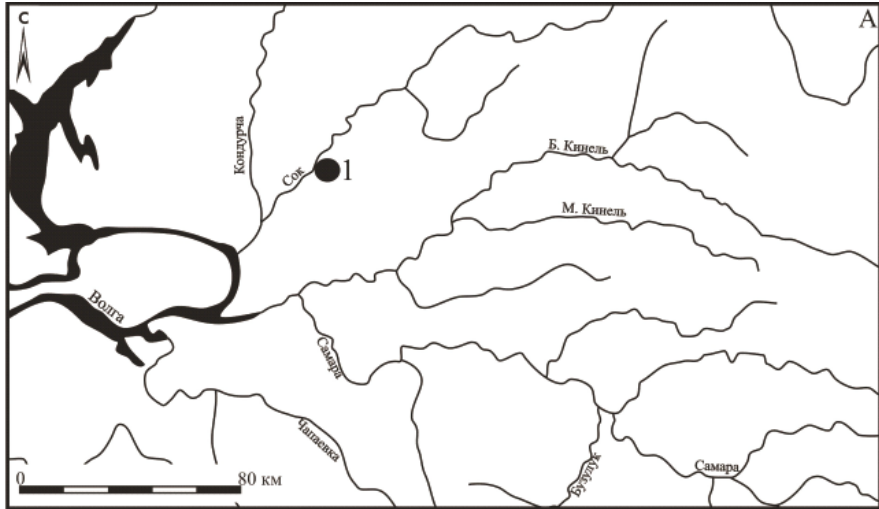

Рис. 1. А – местоположение поселения Лебяжинка VI (1); Б – ситуационный план.

Fig. 1. А – location of Lebyazhinka VI settlement (1); Б – situational plan.

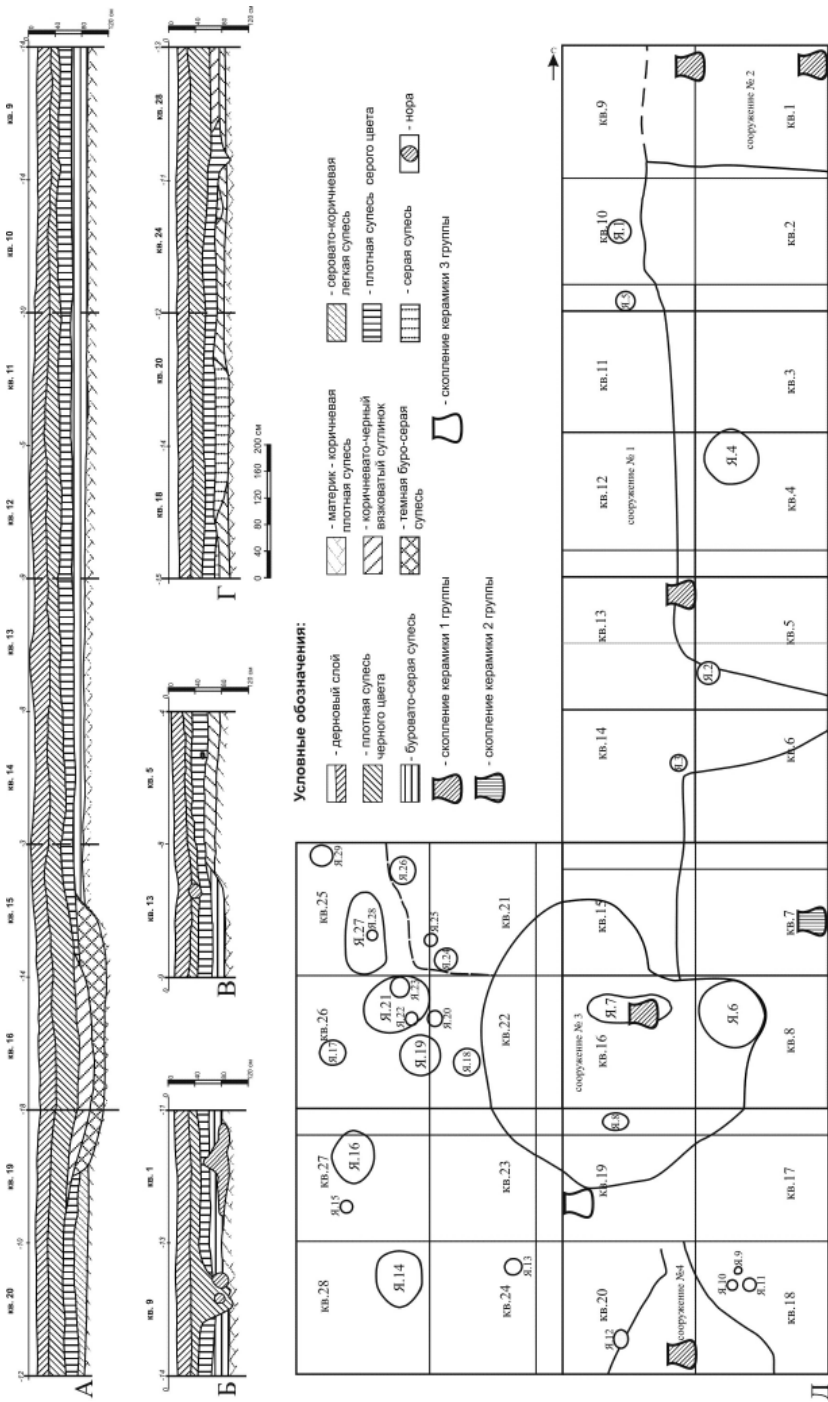

Рис. 2. А – Профиль бровки кв. 20, 19, 16, 15 и стены 14–9; Б – Профиль северной стены; В – Профиль бровки кв. 13,5; Г – Профиль южной стены; Д – План сооружений.

Fig. 2. А – profile of baulk, sq. 20, 19, 16, 15 and walls 14–9; Б – profile of northern wall; В – profile of baulk, sq. 13, 5; Г – profile of southern wall; Д – plan of structures.

3. Плотная супесь серого цвета. В сухом состоянии приобретает беле-ый оттенок. Также плотно насыщена керамикой, каменными изделиями, костью хорошей сохранности. Фиксируется в центральной, северной, восточной, южной частях раскопа. Мощность – 10–20 см.

4. Коричневато-черный вязковатый суглинок мощностью до 20 см. Зафиксирован над крупной ямой (сооружение 3) и над слоем 5.

5. Серовато-коричневая предметериковая супесь, мощностью 10–20 см.

6. Буровато-серая плотная супесь, мощностью около 20 см – заполнение котлованов №№ 1, 2.

7. Темная буро-серая супесь – заполнение сооружения № 3, мощностью до 50 см.

8. Серая супесь фиксируется в восточной и юго-восточной частях раскопа, в заполнении сооружения № 4. Мощность слоя – 10–20 см.

9. Материк – коричневая плотная супесь, с карбонатными стяжениями небольших размеров.

Раскопом затронуты четыре крупных сооружений, три из которых есть основания связывать с остатками углубленных в предметериковый и материковый слой жилищ (рис. 2: Д).

Наиболее крупным из них является сооружение № 1. Исследованная раскопом длина составляет 12,4 м, ширина – 4,4 м, заполнение – буровато-серая супесь. Дно ровное, борта пологие. Наиболее выразительной деталью изученной части сооружения является выход, сориентированный на восток. В его основании расположены две столбовые ямы, вырытые с верха бортов. Дно выхода пологое с понижением с востока на запад в направлении к расположенному поблизости

понижению – остаткам старичного озера. У западного края котлована отмечены достаточно мощный слой рыхлой золистой супеси, под которым фиксировались линзы прокала оранжевого цвета. Вдоль юго-западного борта данного сооружения наблюдается скопление столбовых ямок (таблица 1).

Сооружение 2 было выявлено в северной части раскопа и исследовано частично. Заполнением данного котлована также является буровато-серая супесь. Ширина составила до 1,8 м, глубина около 0,2 м.

Сооружение 3 является более поздним по отношению к котловану 1, которое оно прорезает. Котлован сооружения 3 округлых очертаний зафиксирован на уровне предметерика и на фоне заполнения котлована 1. Размеры сооружения составляют 4 × 4,2 м, борт в западной части пологий, в остальных – крутой. Заполнение составляла темная буро-серая супесь.

Котлован № 4, заполненный серой супесью, уходил в южную стенку раскопа. Ширина изученной части сооружения 2,5 м. У сооружения зафиксирован выход шириной 0,4 м, ориентированный в северном направлении.

Керамический материал представлен 1318 фрагментами. Из них 2 небольших обломка относятся к эпохе неолита, 6 неорнаментированных стенок от одного сосуда – к эпохе бронзы, остальные – к энеолиту. Преобладают небольшие фрагменты энеолитической керамики. Определить удалось 907 фрагментов, которые разделяются на 4 группы (таблица 2).

В первую включены отдельные фрагменты и развалы примерно от

Таблица 1

Характеристика ям

№№ ямы	форма в плане	дно	диаметр	глубина	заполнение
1	округлая	округлое	36 см	37 см	коричневато-серая супесь
2	округлая	округлое	35 см	28 см	коричневато-серая супесь
3	округлая	округлое	29 см	31 см	коричневато-серая супесь
4	округлая	плоское	80 см	12 см	коричневато-серая супесь
5	округлая	округлое	30 см	18 см	коричневато-серая супесь
6	округлая	округлое	100 см	8 см	серая супесь
7	аморфная	неровное	128 × 44 см	13 см	коричневато-серая супесь
8	овальная	округлое	26 × 40 см	12 см	серая супесь
9	округлая	плоское	12 см	6 см	серая супесь
10	округлая	плоское	16 см	9 см	серая супесь
11	округлая	плоское	20 см	7 см	серая супесь
12	овальная	плоское	20 × 28 см	4 см	серая супесь
13	округлая	округлое	24 см	18 см	серо-коричневая супесь
14	овальная	плоское	86-70 см	8 см	серая супесь
15	округлая	округлое	20 см	12 см	серо-коричневая супесь
16	овальная	плоское	54-78 см	28 см	в верхней части - серая супесь, нижней - серо-коричневая супесь
17	округлая	округлое	40 см	30 см	серо-коричневая супесь
18	округлая	округлое	40 см	20 см	серо-коричневая супесь
19	округлая	плоское	60 см	14 см	серо-коричневая супесь
20	округлая	округлое	36 см	20 см	в центре - серая супесь, по краям - серо-коричневая супесь
21	овальная	плоское	82-106 см	12 см	рыхлая листовая супесь
22	округлая	округлое	30 см	20 см	в центре - серая супесь, по краям - серо-коричневая супесь
23	округлая	округлое	28 см	10 см	серая супесь
24	округлая	округлое	44 см	24 см	в центре - серая супесь, по краям - серо-коричневая супесь
25	округлая	округлое	28 см	10 см	в центре - серая супесь, по краям - серо-коричневая супесь
26	округлая	округлое	40 см	16 см	серая листовая супесь
27	овальная	округлое	58-112 см	19 см	в верхней части - рыхлая листовая супесь, в средней части - серая супесь, в нижней - оранжевая прокаленная супесь
28	овальная	округлое	18 см	20 см	серая супесь
29	округлая	плоское	32 см	20 см	серая листовая супесь

Таблица 2

Поглубинное распределение керамики

Глубина от условного "0"	керамика I группы	керамика II группы	керамика III группы	керамика IV группы	Неолитическая керамика	Керамика эпохи бронзы
-15-19 см		2	1			
-20-24 см	2					
-25-29 см	40	9				
-30-34 см	15	10	7			1
-35-39 см	74	54	14	2		
-40-44 см	45	50	17	1		3
-45-49 см	35	45	18	1		2
-50-54 см	28	39	13	1		
-55-59 см	16	24	6	1		
-60-64 см	12	18	13		1	
-65 -69 см	11	32	13	2		
-70-74 см	16	26	11	1	1	
-75-79 см	20	44	13			
-80-84 см	7	23	6	1		
-85-89 см	5	21				
-90-94 см	3	10	5			
-95-99 см	7	2				
-100-104 см	3	5	3			
-105-109 см		3				
-110-114 см						
-115-119 см		1				
Всего	338 фр.	418 фр.	140 фр.	10 фр.	2 фр.	6 фр.

35 сосудов с примесью раковины и птичьего пуха, который определяется визуально на расслоившихся фрагментах. Цвет, как правило, серый или темный коричневато-серый, в изломе двухцветный: с внешней стороны коричневый, затем черный или темно-серый. Поверхности сосудов выравнивались узкозубыми штампами, от которых сохранились расчесы. Затем внешняя поверхность заглаживалась. Толщина стенок 0,7–1,6 см, преобладает – около 1 см. Сосуды имеют раструбовидные, иногда подцилиндрические шейки высотой 2–5 см, четко отделенные от округлого тулова резким перегибом – «внутренним ребром». На венчиках встречаются плоские воротничковые утолщения. Срез венчиков, за редким исключе-

нием, плоский, днища округлые и уплощенные. Орнамент выполнен гребенчатым штампом с доминированием короткой мелкозубой гребенки и мелкими овальными вдавлениями. Наличие зубцов на некоторых вдавлениях подсказывает, что они наносились углом гребенчатого штампа. Оттиски гребенки неглубокие, зубцы мелкие. Более длинные оттиски среднезубой гребенки составляют вторую разновидность. Преобладают мотивы орнамента: горизонтальные полосы из оттисков гребенки, горизонтальные ряды вертикально нанесенных оттисков гребенки. В качестве разделителей орнаментальных зон применялись горизонтальный зигзаг и пояски из горизонтально поставленных оттисков короткого гребенчато-

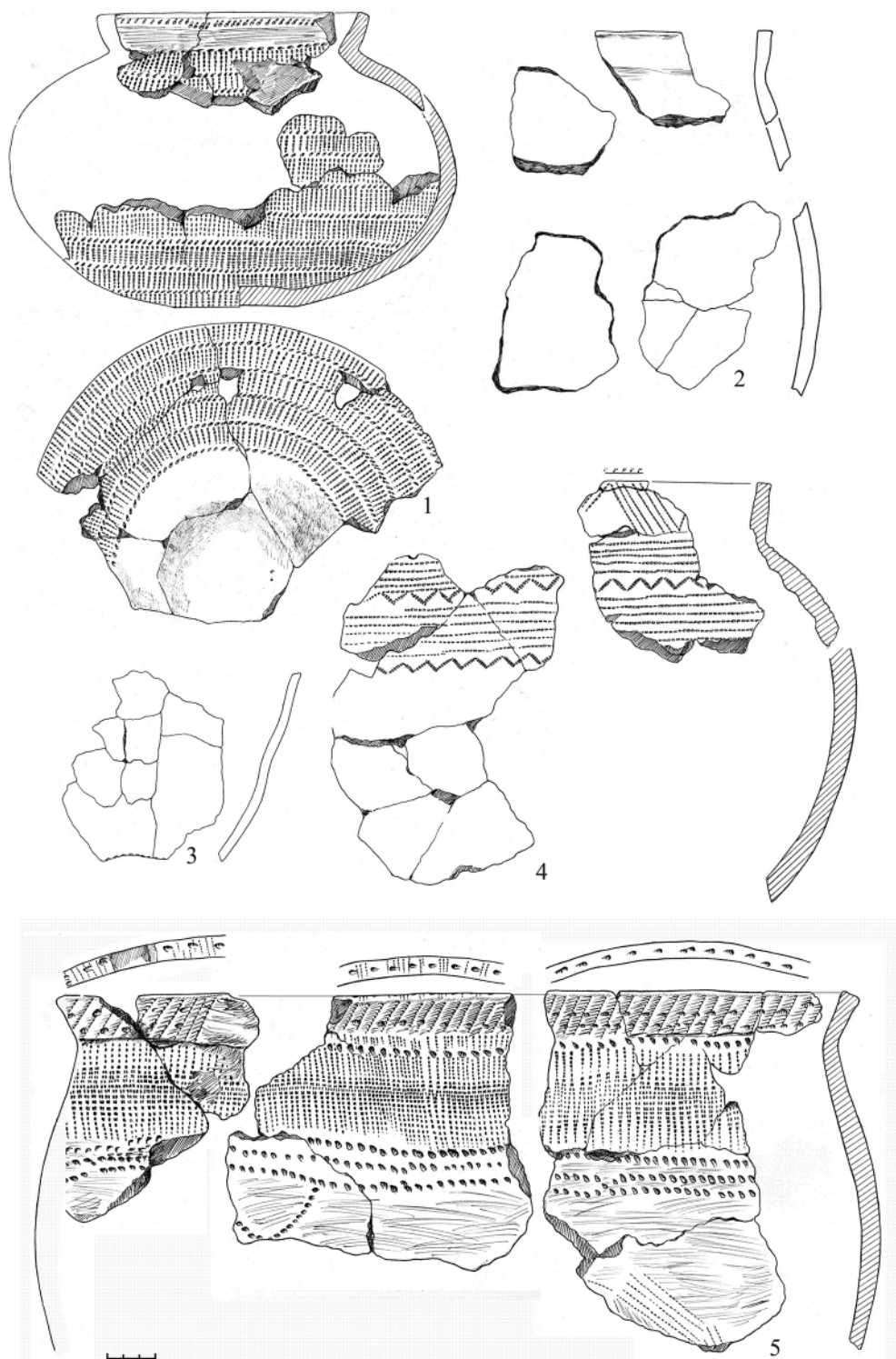

Рис. 3. Керамика первой группы.

Fig. 3. Ceramics, first group.

го штампа, ямок или зоны без орнамента. Есть неорнаментированные сосуды. Они несколько отличаются толщиной стенок и профилировкой от орнаментированной посуды (рис. 3: 4; 6: 6). По характерному признаку – наличию ребра на внутренней стороне сосуда в месте соединения венчика и тулова – керамика этой группы получила временное наименование керамика с «внутренним» ребром. К этой группе отнесена посуда, форма, цвет, обработка поверхности которой соответствуют посуде первой группы, но в орнаменте присутствует мотив «шагающая» гребенка ранее не встреченный на керамике этого типа, но характерный для посуды третьей группы. Следует отметить две особенности, связанные с использованием этого мотива. Первая заключается в том, что первоначально сосуд в плотной манере орнаментировался «шагающей» гребенкой, а затем поверх нее был нанесен типичный для керамики с «внутренним» ребром орнамент – горизонтальный зигзаг и пояски ямок, нанесенных уголкообразным штампом. Вторая особенность – «шагающая» гребенка в горизонтальной или вертикальной зональности – применялась в орнаментации в сочетании с другими мотивами. Керамика данной группы залегала как отдельными фрагментами, так и развалами. Следует отметить крупное скопление керамики, обнаруженное в северо-восточной части раскопа в слое плотной супеси черного цвета. Из данного скопления происходит сосуд приземистых пропорций с раструбовидным венчиком и уплощенным днищем. Диаметр венчика 17 см, максимальный диаметр в средней части тулова – 28 см, высота – 16,3 см. Сосуд орнаментирован по

всей внешней поверхности горизонтальными рядами оттисков короткого гребенчатого штампа, разделенных поясками мелких овальных вдавлений (рис. 3: 1). Из северной части раскопа происходит сосуд горшковидной формы с подцилиндрическим венчиком с легким отгибом наружу и округлым днищем. Высота сосуда устанавливается примерно в 30 см, как и максимальный диаметр, который приходится на среднюю часть тулова. Сосуд орнаментирован гребенчатым штампом средней длины, многорядным горизонтальным зигзагом по венчику, по верхней части тулова горизонтальными полосами того же штампа, разделенными пояском зигзага из коротких оттисков гребенки. Таким же пояском завершается его орнаментация на внешней стороне. Срез венчика также украшен отпечатками гребенки (рис. 3: 4). Следующее скопление керамики «с внутренним ребром» располагалось в центральной части раскопа на границе квадратов 5 и 13 в слое плотной супеси черного цвета. Из данного скопления происходит неорнаментированный сосуд. Венчик сосуда подцилиндрический, тулово округлое, поверхности хорошо заглажены (рис. 3: 2). Неорнаментированная придонная часть сосуда происходит из скопления расчищенного в квадрате № 16 на границе слоя плотной супеси черного цвета и коричневатого-черного суглинка в верхней части котлована № 3 (рис. 3: 3). В слое серой супеси, заполнении котлована № 4, располагался развал горшковидной формы с диаметром горла 45–50 см. Сосуд орнаментирован ямками и отпечатками гребенчатого штампа по срезу, средним и овальным гребенчатым штампом по внешней

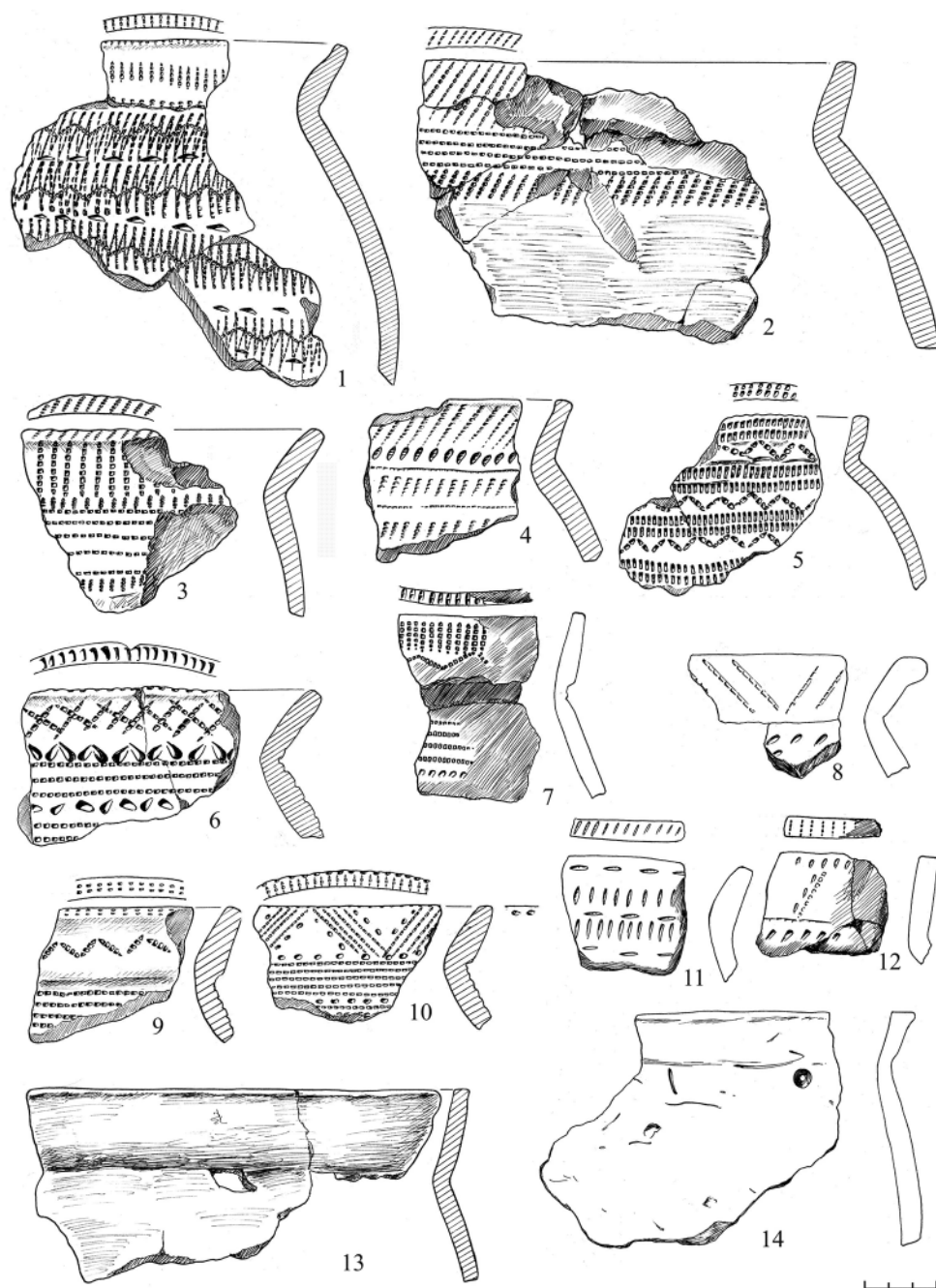

Рис. 4. Керамика первой группы.

Fig. 4. Ceramics, first group.

стороне венчика, горизонтальной полосой из мотива шагающей гребенки, поясков и зигзага оттисков овального гребенчатого штампа по тулову. Нижняя часть тулова не орнаментирована и покрыта расчесами гребенчатого штампа (рис. 3: 5). Несколько отличается крупный фрагмент сосуда с примесью раковины и пуха птиц, серого цвета, с заглаженной поверхностью, отогнутым наружу венчиком с округлым срезом, орнаментированный поясками угловых вдавлений и узкого гребенчатого штампа. Он близок позднеэнеолитической посуде Гундоровского поселения (Васильев, 1990, с. 63–67; Овчинникова, 1991, с. 89–98).

Керамика второй группы представлена отдельными фрагментами, небольшими скоплениями и развалами от 45–50 сосудов. Она залегает, образуя скопления и развалы сосудов в нижних горизонтах культурного слоя и в заполнении котлованов. Для нее характерны такие признаки: внешняя и внутренняя поверхность коричневая или серо-коричневая, в изломе цвет часто трехцветный, снаружи и внутри фрагментов коричневый или серо-коричневый, в центре – серый, примесь раковины. Поверхности заглажены мягким предметом, на внутренней – часто присутствуют следы крупнозубчатого выравнивания. Толщина стенок 0,6–1,2 см. Венчики слабо загнутые, прямые, слегка отогнутые с округлым или уплощенным срезом, с небольшим карнизом наружу или вовнутрь, есть Т-образные. Встречаются венчики от слабопрофилированных сосудов. Основные формы сосудов прямостенные баночные или котловидные с округлыми днищами. Все сосуды орнаментированы

по внешней стороне, часто по срезу венчика и редко по внутренней поверхности. Иногда под венчиком наносился поясок ямочных вдавлений. В орнаментации доминируют оттиски прямозубого гребенчатого штампа. Его разновидности: короткие прямые и овальные гребенчатые штампы, средние, длинные крупнозубые. Есть отпечатки косозубого штампа. Реже встречаются ямчатые оттиски прямоугольной, овальной, округлой формы, есть орнаментация веревочкой. Орнамент часто разрежен. Мотивы: одинарные, двойные или многорядные горизонтальные ряды прямо или наклонно поставленных оттисков гребенки или ямок; горизонтальные полосы из горизонтальных оттисков длинного или короткого штампа; одинарные и сдвоенные диагональные ряды; одинарный и сдвоенный горизонтальный зигзаг; вертикальный зигзаг. Единичны: многорядный горизонтальный зигзаг с «бахромой», прямая и косая сетка, ромбы, рисунок в виде отпечатков птичьих лап (рис. 5). Сосуд данного типа залегал в кв. 7, в слое серовато-коричневой легкой супеси. Сосуд имел чашевидную форму, диаметр 19 см и орнаментирован двузубым штампом (рис. 5:11). Описанная керамика находит аналогии в материалах стоянок Большая Раковка II (Барынкин, Козин, 1991, с. 116), Чекалино IV (Королев, 2011, с. 219–228), Чесноковка II (Бахарев, Овчинникова, 1991, с. 72–93) и др., расположенных в пойме р. Сок. Она также близка токсской керамике бассейна р. Самары (Моргунова, 1989, с. 122–124; Моргунова, 2011, с. 69–71).

Третья группа включает керамику от 20–24 сосудов с примесью ракови-

Рис. 5. Керамика второй группы.

Fig. 5. Ceramics, second group.

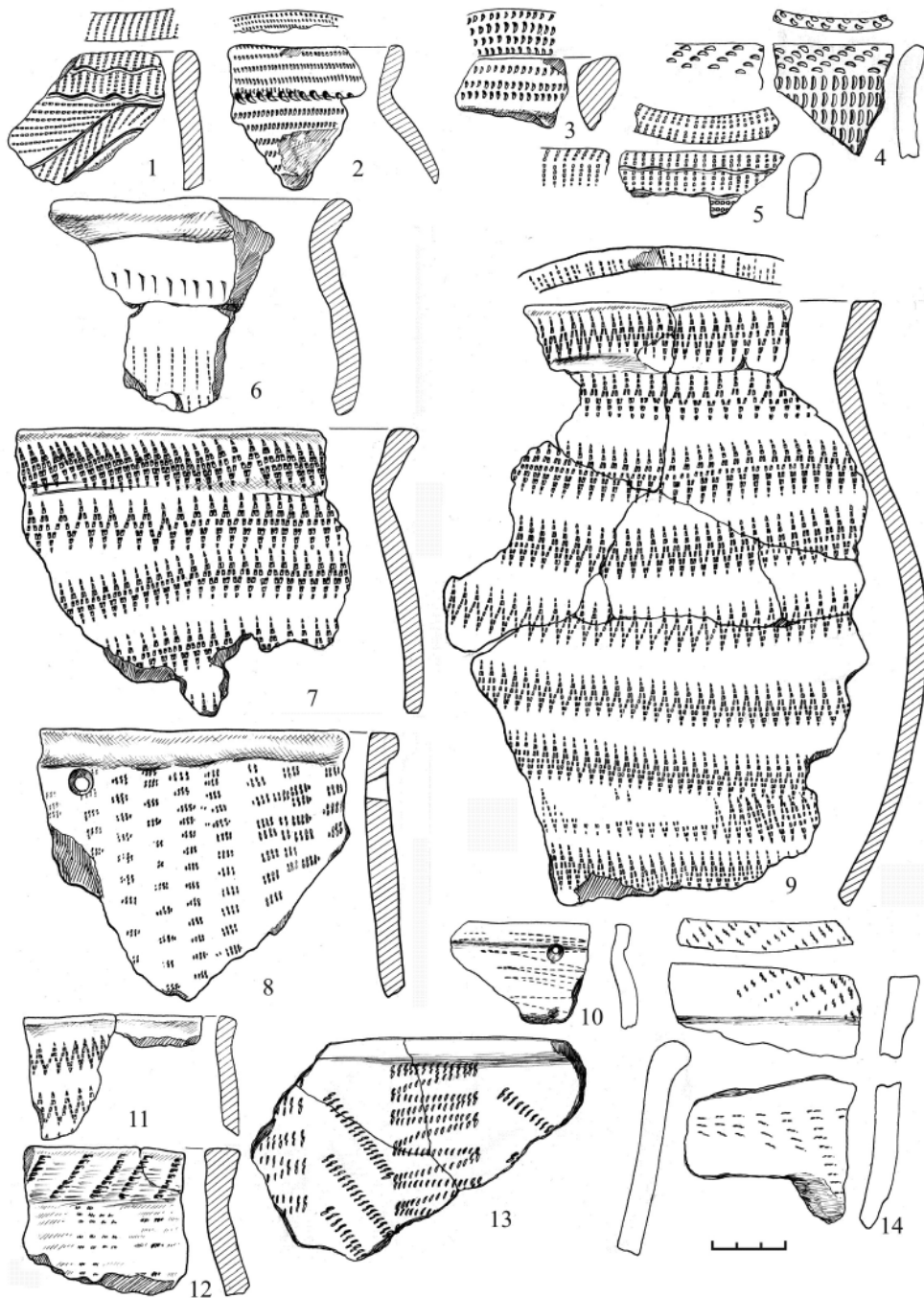

Рис. 6. Керамика первой (6), третьей (7–14) и четвертой (1–5) групп.

Fig. 6. Ceramics, first (6), third (7–14) and fourth (1–5) groups.

ны и птичьего пуха, толщиной стенок 0,8–1,5 см. Она отличается оттенками от серо-коричневого до оранжево-коричневого цвета, с заглаженными внешней и внутренней поверхностями. Венчики прямые и незначительно отогнутые. Край венчика чаще имеет воротничковое утолщение прямоугольного сечения, но может иметь небольшие утолщения округлого сечения, есть венчики без утолщений на внешнюю сторону. Орнамент нанесен гребенчатыми, преимущественно длинными, и веревочными штампами. Мотивы орнамента: горизонтальные полосы и ряды, вертикальный и горизонтальный «шагающий» мотив, выполненный как гребенчатым, так и веревочным штампом (рис. 6: 7–14). Развал данной посуды обнаружен в квадрате 19, в слое плотной супеси серого цвета. Сосуд горшковидной формы с отогнутым наружу венчиком орнаментирован горизонтальными полосами «шагающей гребенки» по внешней стороне и оттисками короткого штампа по срезу (рис. 4: 5). Описанная посуда аналогична керамике поселения Лебяжинка III (Овчинникова, 1995, с. 164–191). В этой связи отметим, что часть керамики поселения Лебяжинка III находит аналогии в основной коллекции «волосовского» типа Гундоровского поселения.

В состав керамики четвертой группы включены фрагменты от 6–7 сосудов хвалынской культуры. Цвет фрагментов серый и коричневатосерый, толщина 0,6–0,9 см. В качестве примеси применялась мелкотолченая раковина, внешняя и внутренняя поверхности тщательно заглажены. Сосуды прямостенные и профилированные, венчики имеют утолщение, от слабо выраженного до массивно-

го. Орнамент выполнен гребенчатым штампом и веревочкой. Все венчики украшены снаружи, по верхней и внутренней поверхности. Мотивы орнамента в основном представлены горизонтальными полосами. Под воротничком одного венчика есть пояс полукруглых вдавлений, еще один содержит волнистые прочерченные линии (рис. 6: 1–6).

Основная масса керамического материала залегала в слоях плотной супеси черного и серого цвета, однако необходимо отметить относительно большое содержание фрагментов посуды второй группы в слое легкой серовато-коричневой предматериковой супеси. На ряде участков вскрытой площади (кв. 1, 3, 4, 19) керамика второй группы залегала ниже материалов первой и третьей групп. Случаев обратной ситуации, то есть расположение керамики второй группы выше двух других крупных серий энеолитической посуды, не зафиксировано. Также необходимо обратить внимание на небольшую концентрацию энеолитической керамики непосредственно в заполнении жилищных котлованов №№ 1, 2. Это возможно связано с тем, что данные постройки только частично затронуты раскопом.

Керамика основных энеолитических групп неравномерно распределена по площади раскопа. Посуда первой группы концентрировалась в северной части раскопа (кв. 1, 9), центральной (кв. 3–6, 12–16) и южной (кв. 8, 17, 19, 20). Керамика третьей группы в основном располагалась в южной части раскопа (кв. 17, 19, 20, 24). Фрагменты керамики второй группы относительно равномерно распределены по площади раскопа. Необходимо отметить, что на отдель-

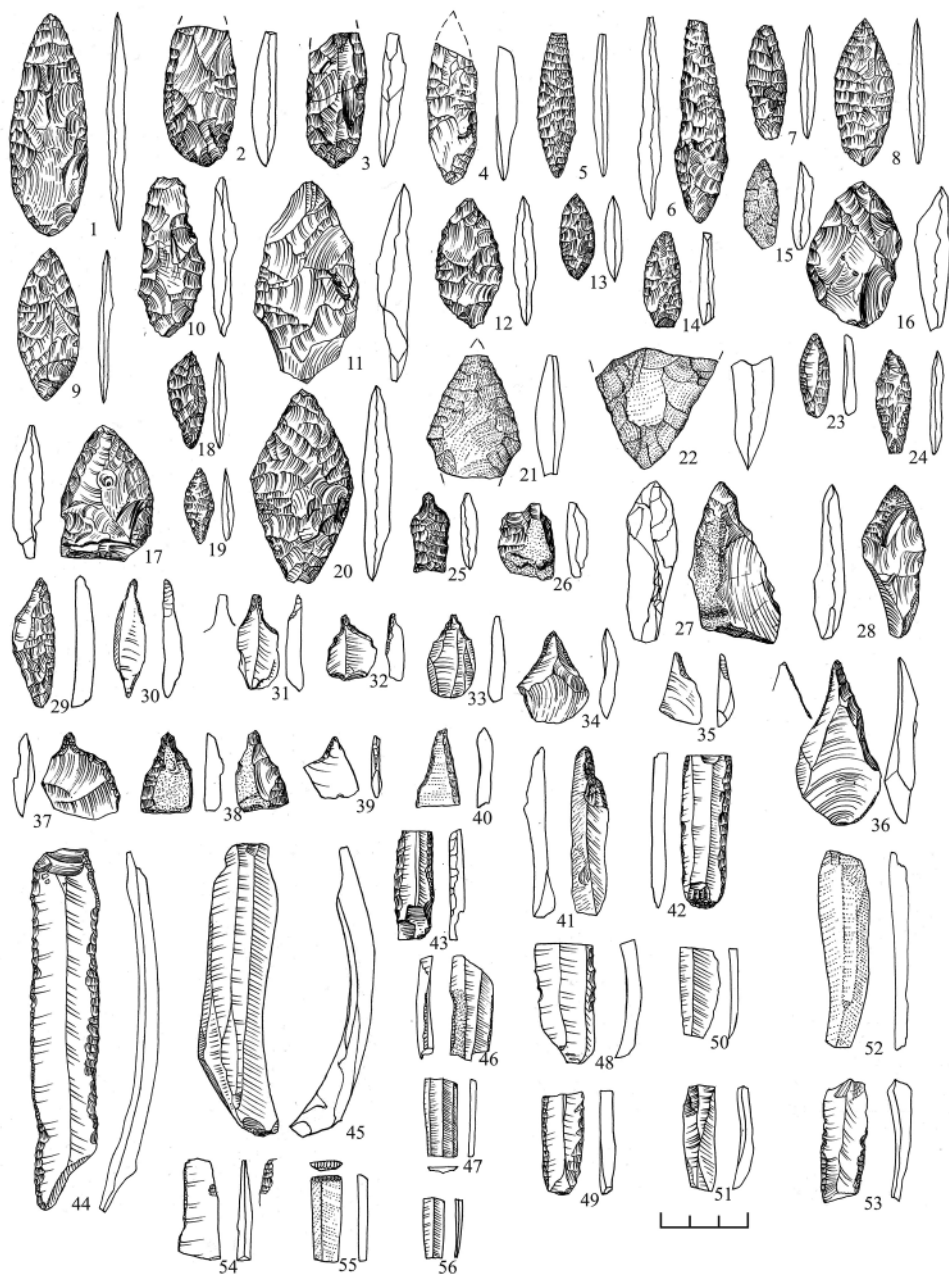

Рис. 7. Каменный инвентарь.

Fig. 7. Stone objects.

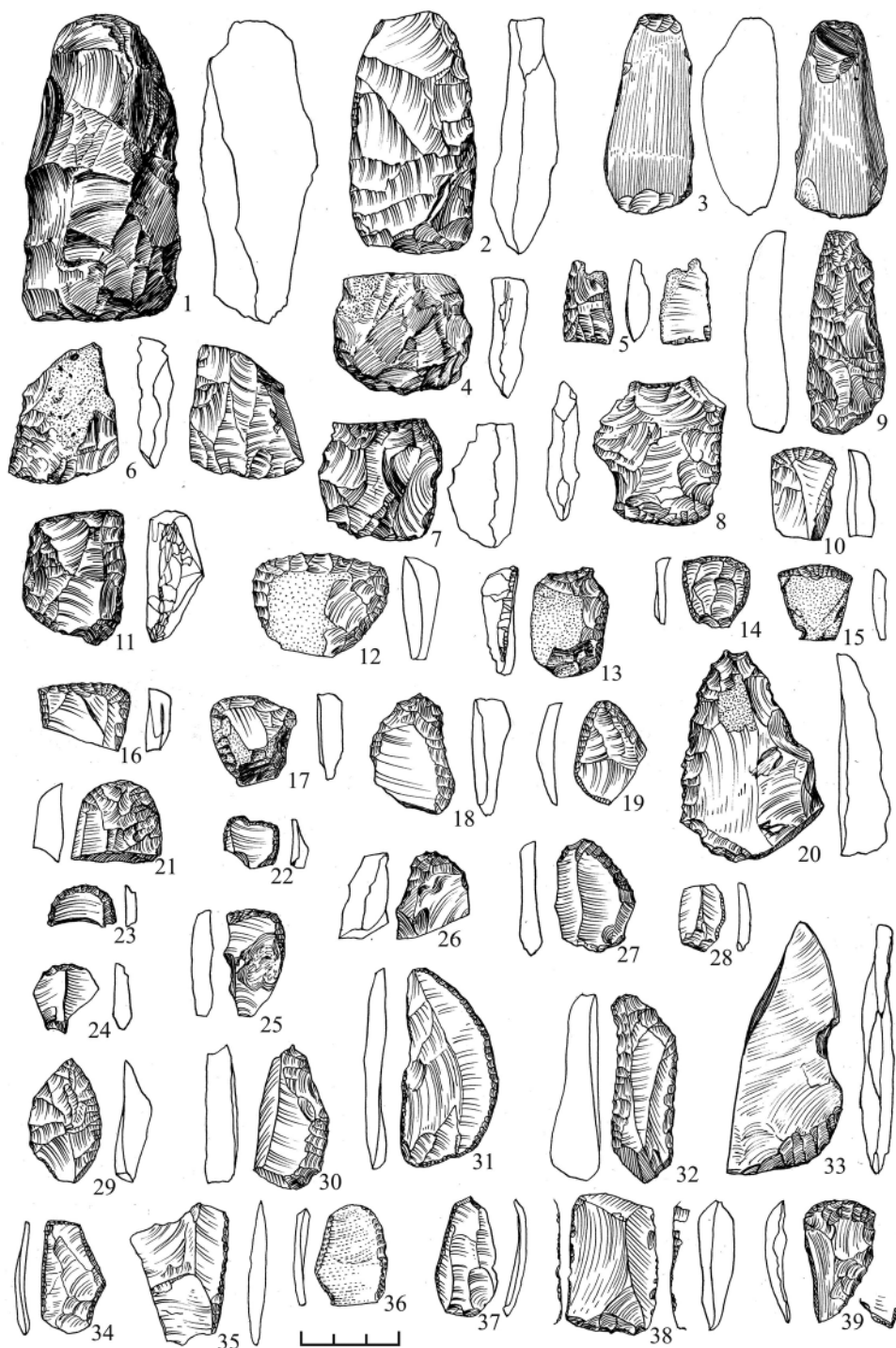

Рис. 8. Каменный инвентарь.

Fig. 8. Stone objects.

ных участках, в восточной части раскопа (кв. 2, 7, 18), находки данной посуды преобладают.

Таким образом, на поселении Лебяжинка VI наблюдается достаточно сложная стратиграфическая и планиграфическая ситуация, что связано с неоднократным использованием площадки памятника для хозяйственной деятельности в энеолитическое время.

Каменный инвентарь изготовлен из кремня, кварцита, песчаника. Кремень представлен следующими разновидностями: неоднородный светло-серый, серый, серый полосчатый, полупрозрачный дымчато-серый с массивной белой или серо-белой коркой, цветной. Цветной кремень включает коричневый однородный, красно-коричневый, красновато-розовый, коричневый с пятнами желтого или розовато-серого цвета, серовато-желтый, желтый, розовато-серый. Кварцит высокого качества с однородной структурой светло-серого цвета. Выявились некоторые соответствия сортов кремня и типов орудий. Так, узкие ножевидные пластины чаще изготавливались из коричневого кремня, широкие крупные пластины – из белого, серого полосчатого и серо-белого кремня. Небольшие рубящие орудия, перфораторы на мелких отщепках случайных форм с узким жальцем чаще изготавливались из светло-серого кремня плохого качества.

Наконечники относятся к многочисленной категории орудий (рис. 7: 1–16, 18–24). Многие представлены крупными обломками готовых изделий, незавершенными заготовками, позволяющими выделить листовидный (рис. 7: 1–16, 19, 24), ромбический (рис. 7: 20) и треугольно-черешковый

(рис. 7: 21) типы. Есть ассиметричные (рис. 7: 18). Проколки, сверла и развертки на продольных трех- и четырехгранных кремневых сколах, обломке заготовки наконечника (рис. 7: 28), листовидные (рис. 7: 29–30), на отщепках с «плечиками» (рис. 7: 31, 32, 36), со смещенным к краю острием (рис. 7: 35, 37, 39), со слабо выделенным треугольным острием (рис. 7: 33–34), на сколе кварцита (рис. 7: 40). Часть орудий с выступающим рабочим краем и характерными заломками от работы по твердому материалу может быть определена как резчики (рис. 7: 26, 38; 8: 13). Резцовые сколы присутствуют на некоторых отщепках и сколах, которые можно определить как резцы и относятся к редкой категории орудий. Скребки разнообразны (рис. 8: 9, 10, 12, 14–30, 32, 38, 39), среди них есть концевые с ретушью по трем-четырем кромкам на пластинчатых заготовках серого полупрозрачного кремня (рис. 8: 9, 16, 21, 30, 32). По форме рабочего края скребки подразделяются на орудия с округлым (рис. 8: 10, 12, 14–15, 17, 21, 23, 39), прямым (рис. 8: 9, 16, 25, 28), скошенным (рис. 8: 19, 27, 32), приостренным (рис. 8: 18–20, 27). Многочисленны орудия с небольшими участками крутой или полукрутой ретуши, сопоставимые со скребками (рис. 8: 22, 24–26, 28). Ножи также относятся к распространенным категориям орудий (рис. 8: 29, 31, 33–37). Как правило, они представляют собой орудия на плоских отщепках с округлым или прямым лезвием, оформленным односторонней ретушью с одним (рис. 8: 35, 37), двумя (рис. 8: 31, 36) или тремя рабочими краями (рис. 8: 34). Отдельные экземпляры имеют двусторонне ретушированные лезвия (рис. 8: 33). Рубящие орудия представ-

Рис. 9. Костяные орудия (1–31) и украшения из кости (32, 40, 41), раковины (34, 35, 37–39) и камня (33, 36).
 Fig. 9. Bone tools (1–31) and decorative elements made from bone (32, 40, 41), shells (34, 35, 37–39) and stone (33, 36).

Таблица 3

Распределение каменного инвентаря

№	Типы	Количество
1	Отщепы и мелкие отщепы (чешуйки)	2516
2	Отщепы с ретушью	121
3	Отщепы с резцовым сколом	1
4	Осколки	536
5	Сколы	117
6	Сколы и осколки с ретушью	64
7	Пластины и пластинчатые сколы	30
8	Пластины и пластинчатые сколы с ретушью	15
9	Продольные и ребристые сколы	21
10	Продольные сколы с ретушью	5
11	Резцы на пластинах и продольных сколах	4
12	Острия на пластинах	3
13	Скобели на пластинах	1
14	Скребки на пластинах, пластинчатых и продольных сколах	7
15	Сколы с шлифованной поверхностью	1
16	Скол сланца с шлифованными краями	1
17	Нуклевидные куски	10
18	Нуклеусы	8
19	Наконечники	34
20	Обломки и заготовки наконечников	94
21	Скребки на отщепах	70
22	Многофункциональные орудия	15
23	Скобели на отщепах и сколах	6
24	Проколки и сверла	49
25	Ножи	16
26	Резчики	1
27	Обломки и заготовки орудий	21
28	Рубящие орудия	14
29	Обломки рубящих орудий	7
30	Терчники	5
21	Абразивы	98
	Всего:	3891

лены как шлифованными с желобком и без желобка, так и ретушированными изделиями (рис. 8: 1–8, 11). Особенностью этой категории орудий является частое использование случайных сколов кремня, иногда мини-

атюрных (рис. 8: 5). Лезвие, как правило, слегка подправлялось ретушью, на обушке хорошо заметны следы от ударного воздействия (рис. 8: 4–8). Присутствуют скобели с вогнутым лезвием. В небольшом количестве в

коллекции представлен пластничатый комплекс (рис. 7: 41–56). В его составе есть крупные широкие пластины, которые можно связать с энеолитом (рис. 7: 42, 44, 45, 48, 52, 53). Примечательна кварцитовая пластина с притупленным краем (рис. 7: 55). Наличие в коллекции узких, правильно ограненных пластин не противоречит потенциальной возможности выделения раннего комплекса. Кроме того, в коллекции представлены песчаниковые абразивные плитки, «выпрямители древков», терочки. Отбойники и ретушеры выполнены из кусков кремня, плотных некремнистых пород, массивных кремневых сколов и нуклеидных кусков (таблица 3).

Костяной инвентарь состоит из деревообрабатывающих орудий (рис. 9: 1–3, 5), острий (рис. 9: 4, 6, 7, 9–15), ножа (рис. 9: 17), гарпунов (рис. 9: 19–23), рыболовных крючков цельных (рис. 9: 24, 28–29) и составных (рис. 9: 26). Компактно залежали фрагменты составного крючка, включающие стержень и острие (рис. 9: 25). Фрагмент нижней челюсти мелкого хищника содержит пропилены от вытягивания сухожильных нитей (рис. 9: 27). Также в коллекции присутствуют обломки и костяные предметы неясного назначения (рис. 9: 16, 18, 30, 31).

Украшения представлены подвесками, изготовленными из раковины

(рис. 9: 34, 35, 38), сланца (рис. 9: 33, 36), зуба лося (рис. 9: 32), бусинами из раковины (рис. 9: 37, 39), пронизками из кости (рис. 9: 40–41).

* * *

Несмотря на короткую историю исследований, поселение Лебяжинка VI занимает особое положение среди памятников лесостепного Поволжья благодаря абсолютному доминированию энеолитических материалов. Керамические комплексы памятника представляют всю последовательность от раннего до позднего энеолита. Полученные материалы включают крупные серии каменного и костяного инвентаря. Хорошая сохранность остеологического материала уже дала возможность определения фауны – объектов охоты. Впервые в регионе появилась возможность достоверно связать с энеолитическими слоями поселения кости домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота, собаки (Королев, Рослякова, 2014, с. 254–255). Наличие на памятнике котлованов сооружений дает возможность выделения полноценных поселенческих комплексов, включающих керамику, каменный и костяной инвентарь, фаунистические остатки, что позволяет значительно расширить наши представления о материальной культуре и хозяйстве энеолитического населения в лесостепном Поволжье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. С. 94–119.
2. Бахарев С.С., Овчинникова Н.В. Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Изд-во СамГПИ, 1991. С. 72–93.
3. Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 52–69.

4. *Королев А.И.* Материалы лесного круга со стоянки Чекалино IV лесостепного Заволжья (по результатам раскопок 2007 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 8 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 219–228.
5. *Королев А.И., Рослякова Н.В.* Хозяйственная деятельность в энеолите лесостепного Поволжья (по материалам поселения Лебяжинка VI) // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на Северо-Западе России (Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г.). СПб.: Периферия, 2014. С. 254–257.
6. *Моргунова Н.Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 220 с.
7. *Моргунова Н.Л.* Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1989. С. 118–135.
8. *Овчинникова Н.В.* Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 89–98.
9. *Овчинникова Н.В.* Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 164–191.

Информация об авторах:

Королев Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, доцент. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); arkorolev@gmail.com

Шалапинин Антон Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); anton-shalapinin@ro.ru

LEBYAZHINKA VI SETTLEMENT: ENEOLITHIC SITE IN THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

A.I. Korolyov, A.A. Shalapinin

The authors publish first findings of archaeological studies (2013–2014) on Lebyazhinka VI Eneolithic settlement, which is situated on the Sok River in Samara Oblast. They describe stratigraphy, structures, ceramic complexes, bone and stone tools. The settlement yielded debris of four pit-houses, of which one was fully investigated. There are four groups of Eneolithic ceramic sherds. The first one includes ceramics with the “inner rib”, the second is similar to Chekalino IV and Tok type items, and the third one is close to the vessels from Lebyazhinka III settlement. The fourth group belongs to ceramics of Khvalynskaya culture. Ornamentation with comb stamp is typical for all groups, supplemented with rope prints in the third and fourth groups. The stone inventory mostly consists of tools made on flakes, and lamellate items are also present. Bone tools and faunal remains, including domestic species, are well represented.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Eneolithic, pottery "with the inner rib", Chekalino IV type, Tok type, Lebyazhinka type, Khvalynsk culture, flint tools.

The research was done within the federal project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation Project 33.1907. 2017/ПЧ.

REFERENCES

1. Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 94–119 (in Russian).
2. Bakharev, S. S., Ovchinnikova, N. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 72–93 (in Russian).
3. Vasil'ev, I. B. 1990. In Nagovitsyn, L. A. (ed.). *Eneolit lesnogo Urala i Povolzh'ia (Chalcolithic of the Ural and Volga Area Forest Zone)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, 52–69 (in Russian).
4. Korolev, A. I. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (8). Tver: "Triada", 219–228 (in Russian).
5. Korolev, A. I., Roslyakova, N. V. 2014. In Mazurkevich, A. N., Polkovnikova, M. E., Dolbunova, E. V. (eds.). *Arkheologiya ozernykh poselenii IV–II tys. do n.e.: khronologiya kultur i prirodno-klimaticheskie ritmy. (Archaeology of Lake Settlements of IV–II Millennia BC: Chronology of cultures, environment and palaeoclimatic rhythms)*. Saint Petersburg: "Periferiia" Publ., 254–257 (in Russian).
6. Morgunova, N. L. 2011. *Eneolit Volzhsko-Ural'skogo mezhdurech'ia (Eneolithic between the Volga and the Ural Rivers)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University (in Russian).
7. Morgunova, N. L. 1989. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia (Neolithic and Chalcolithic of the Northern Caspian Basin)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 118–135 (in Russian).
8. Ovchinnikova, N. V. 1991. In Arkhipov, G. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land)* 19. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 89–98 (in Russian).
9. Ovchinnikova, N. V. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 164–191 (in Russian).

About the Authors:

Korolyov Arkadiy I., Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; arkorolev@gmail.com

Shalapinin Anton A., Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; anton-shalapinin@ro.ru

Статья поступила в номер 24.07.2016 г.

УДК 930

**«ТЕКСТИЛЬНАЯ» КЕРАМИКА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ)**

© 2017 г. В.С. Патрушев

Представлены результаты исследований «текстильной» керамики Марийского Поволжья эпохи бронзы. По мнению автора, «текстильная» керамика является основным этнокультурным признаком финноязычной общности эпохи бронзы и раннего железа в лесной зоне Восточной Европы. В Марийском крае такая посуда выявлена на 33 памятниках, датированных XIV–VIII вв. до н.э. Для характеристики посуды с «текстильными» отпечатками выбраны три эталонных памятника с наиболее многочисленными керамическими комплексами – 4 Кокшайское поселение, поселение Сосновая Грива и Ахмыловское поселение. Все комплексы близки между собой: преобладают тонкостенные сосуды с примесью песка, с открытым или реже закрытым горлом и плавным переходом в тулово; прямым или округлым краем венчика, с преобладанием ниточных хаотичных отпечатков, рябчатых дуговидных и в виде «дождя» или их сочетаний; наиболее характерны узоры из неправильных или круглых ямок, расположенных горизонтальными рядами. Комплексы «текстильной» керамики Марийского Поволжья в целом близки керамическим комплексам памятников лесного Поволжья от устья р. Камы до озера Плещеево в Ярославской области.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Марийский край, эпоха бронзы, «текстильная» керамика, ареал, этнокультурный признак.

Керамика обладает своеобразным этнокультурным обликом. «Текстильная» керамика является основным этнокультурным признаком финноязычной общности эпохи бронзы и раннего железа на огромной территории от Восточной Швеции до Поволжья (Патрушев, 1989, с. 22).

На территории Марийского Поволжья открыт 31 памятник эпохи развитой бронзы с «текстильной» керамикой (рис. 1). В восточных областях Марийского края находятся Сеньдинская, Ерумбальская, Чедрольская, Алексеевская стоянки (Соловьев, 1988; Халиков, 1960, с. 145; 1980, Карта 4, № 101, 105). Значительная группа памятников обнаружена на левобережье р. Волги в междуречье рек Илеть и Малая Кокшага:

стоянка «Городище» (Халиков, 1960, с. 145), Мари-Луговская I и II стоянки (Халиков, 1960, с. 146–148), Чувашотарские стоянка и IV поселение, стоянки Шелангуш III и XV, Ясачное III поселение (Соловьев, 2000, с. 138–141), Троярская VII стоянка (Никитин, Старостин, 1978, с. 53, № 154; с. 56, 57, № 167; с. 88, № 269; Халиков, 1960, с. 45–48). В устьевой части, в левобережье р. Большая Кокшага, располагаются Кокшайские стоянки и поселение (Архипов, Патрушев, 1976, с. 46; Никитин, Патрушев, 1982, с. 74, № 241; Патрушев, 1978, с. 90–93; 1987, с. 19, 29–33; Рокин, Патрушев, Соловьев, 1976, с. 300–301; Халиков, 1980, с. 15, табл. 4, 3).

В правобережье р. Большой Кокшаги находятся II и VI Кокшамарские

стоянки (Никитин, Патрушев, 1982, с. 68; Соловьев, 2000, с. 141–143), Поселение База Отдыха 2 (Патрушев, Отчет-1996; 1999; 2000; 2001; Патрушев, Павлова, 1997), датированное XIV в до н.э. (Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1) и поселение Сосновая грива, давшее хороший комплекс «текстильной» керамики. Памятник открыт разведочным отрядом Марийской археологической экспедиции в 1980 г. и исследовался в 1982 г. Б.С. Соловьевым (1984, с. 67–84; 2000, с. 143–145), в 1984 и 1986 г. В.С. Патрушевым (1986, с. 150; 1985; 1987; 1989, с. 27). Поблизости располагается 3 поселение Сосновая Грива (Lavento, Patrushev, 1996). Западнее расположено Уржумкинское II поселение (Соловьев, 1988).

В северо-западных районах Республики Марий Эл в верховьях рек Большой Кокшаги, Большого Кундыша и Рутки выявлены семь памятников эпохи бронзы с «текстильной» керамикой; стоянки Витьюмская, II Шущерская, Широкундышская, Старое жилище I и II, Мазарское местонахождение (Никитин, Старостин, 1978, с. 37, 40; Соловьев В.С., 1988). В устье реки Рутки находились VII Руткинское поселение и Поселение Мольбище (Козьмодемьянское) (Никитин, Патрушев, 1982, с. 33, № 90; Патрушев, 1986; Соловьев, 2000, с. 147–149), а западнее – Ахмыловское поселение, исследованное при раскопках Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1989, с. 27; Патрушев, Халиков, 1982, с. 4 и след.; Халиков, 1969, с. 319; 1980).

На правом берегу р. Волги открыто местонахождение «Волна» (Халиков, 1969, с. 106), а в марийском левобережье Волги выше устья р. Ветлуги рас-

полагаются Сутырское II поселение (Никитин, Старостин, 1978, с. 19) и стоянка Красный выселок (Никитин, Патрушев, 1982, с. 26).

Памятники с «текстильной» керамикой на территории Марийского Поволжья относятся к эпохе финальной бронзы – XIV – VIII вв. до н.э. (Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1, с. 160; Соловьев, 1984, с. 76; Халиков, 1969, рис. 55).

Характеристика всех указанных поселений и объектов дана в отмеченных публикациях. В связи с ограниченным объемом работы автор предлагает познакомиться только с «текстильной» керамикой трех эталонных памятников эпохи бронзы – Ахмыловского (рис. 2), 4 Кокшайского (рис. 3, 4), Сосновогривского (рис. 5) поселений.

4 Кокшайское поселение, давшее многочисленный комплекс «текстильной» керамики, располагается на западной окраине пос. Кокшайск Заводского района г. Йошкар-Олы на возвышенности левого берега старицы р. Большая Кокшага, левого притока р. Волги, известного под названием Круглое озеро (рис. 3). Открыто автором в 1974 г. и исследовалось в 1975 г. В двух раскопах общей площадью 536 кв. м. открыты два жилища (рис. 4). Культурный слой мощностью 18–42 см в виде коричневатой-серой супеси. Среди многочисленных фрагментов керамики значительная часть (27,2%) ниже горла содержат «текстильные» отпечатки. Гладкостенная керамика обладает в основном признаками посуды атабаевского облика и более поздней посуды (рис. 6), а также содержит многие черты «текстильной» керамики (Патрушев, 1978, с. 138).

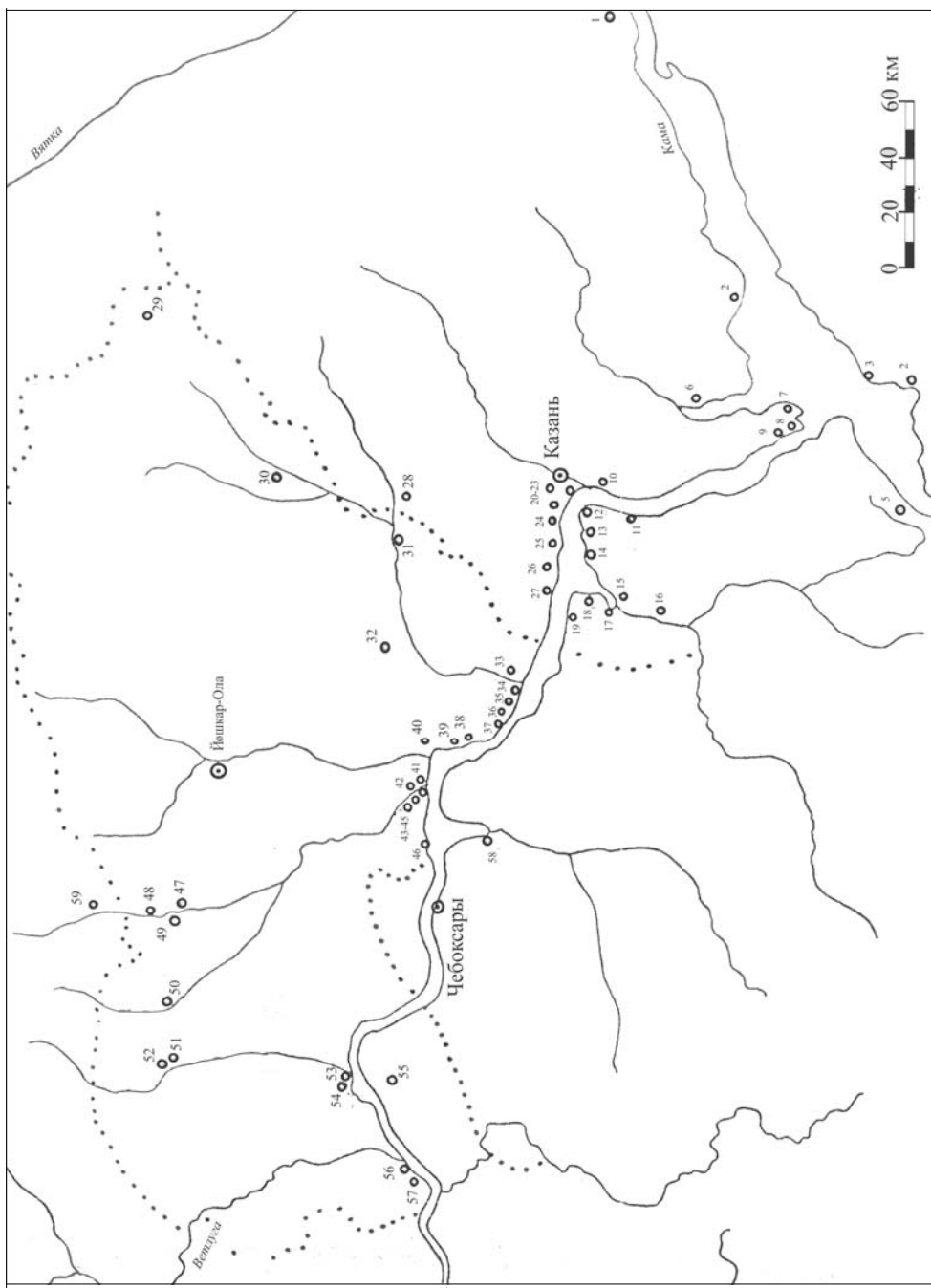

Рис. 1. Карта памятников эпохи бронзы с приказанской и «текстильной» керамикой.
Республика Татарстан: 1 – Гроханьское поселение, 2 – Сорочьегорское селище I, 3 – Березовогривская стоянка II, 4 – «Степное озеро», стоянка II, 5 – стоянка «Бессоновская пристань», 6 – Именьковское поселение, 7 – Макаровская стоянка, 8 – Атабаевская стоянка VI, 9 – Атабаевская стоянка V, 10 – Казанка I и II, городища, 11 – Нариманское поселение, 12 – Пустоморквашинское поселение, 13 – Макарьевское поселение, 14 – Медведковское поселение, 15 – Состринская (Гаврилковская) стоянка, 16 – Каинкинское местонахождение, 17 – Исаковская стоянка I, 18 – Свияжская стоянка, 19 – Обсерваторская стоянка IV, 20 – Казанская стоянка, 21 – Кузембетьевская стоянка I, 22 – Займищенская стоянка I, 23 – Займищенская стоянка IIIa, 24 – Займищенская стоянка IV, 25 – Обсерваторская стоянка II, 26 – Сумская стоянка I, 27 – Атлашкинская стоянка, 28 – Бикнарятская стоянка.

Республика Марий Эл: 29 – Сеньдинская стоянка, 30 – Ерумбальская стоянка, 31 – Чодраяльская стоянка, 32 – Алексеевская стоянка, 33 – «Городище» стоянка, 34 – Мари-Луговская I стоянка, 35 – Мари-Луговская II стоянка, 36 – Чувашотарское IV поселение, 37 – Чувашотарское поселение, 38 – Шелангуш XV, 39 – Шелангуш III, 40 – Троярская VII стоянка, 41 – Кокшайское поселение, 42 – Кокшайское 4 поселение, 43 – Сосновая Грива и Сосновая Грива 3, 44 – Кокшамарская VI стоянка, 45 – Кокшамарская II стоянка, 46 – Уржумкинское II поселение, 47 – Витьюмская стоянка, 48 – Мазарское местонахождение, 49 – Шушерская II стоянка, 50 – Широкундышская стоянка, 51 – Старое жило I, 52 – Старое жило II, 53 – Руткинское VII поселение, 54 – Ахмыловское поселение, 55 – «Волна» местонахождение, 56 – Сутырское II селище, 57 – «Красный выселок» II.

Чувашская Республика: 58 – Яндашевская стоянка.

Кировская область: 59 – Ошманурское местонахождение.

Fig. 1. Mapping Bronze Age sites with Prikazanskaya and 'textile' ceramics.

Tatarstan Republic: 1 – Grokhan' settlement, 2 – Sorochyi Gory I settlement, 3 – Beriozovaya Griva II station, 4 – Stepnoye Ozero II station, 5 – Bessonovskaya Pristan' station, 6 – Imenkovo settlement, 7 – Makarovka station, 8 – Atabayev VI station, 9 – Atabayev V station, 10 – Kazanka I and II hill-forts, 11 – Nariman settlement, 12 – Pustye Morkvashi settlement, 13 – Makarievskoye settlement, 14 – Mevedkovo settlement, 15 – Sostrino (Gavrilkovo) station, 16 – Kainki site, 17 – Isakovo I station, 18 – Sviyazhsk station, 19 – Observatoria IV station, 20 – Kazan station, 21 – Kuzembetievo I station, 22 – Zaimische I station, 23 – Zaimische IIIa station, 24 – Zaimische IV station, 25 – Observatoria II station, 26 – Sumka I station, 27 – Atlashkino station, 28 – Biknarat station.

Mari El Republic: 29 – Sendino station, 30 – Erumbal station, 31 – Chodrayal station, 32 – Alekseevo station, 33 – Gorodische station, 34 – Mari-Lugovoye I station, 35 – Mari-Lugovoye II station, 36 – Chuvash Otary IV settlement, 37 – Chuvash Otary settlement, 38 – Shelangush XV settlement, 39 – Shelangush III settlement, 40 – Troyar VII station, 41 – Kokshaysk settlement, 42 – Kokshaysk 4 settlement, 43 – Sosnovaya Griva and Sosnovaya Griva 3 settlements, 44 – Kokshamary VI station, 45 – Kokshamary II station, 46 – Urzhumka II settlement, 47 – Vitium station, 48 – Mazary site, 49 – Shushery II station, 50 – Shirokundysh station, 51 – Staroye Zhilo I site, 52 – Staroye Zhilo II site, 53 – Rutka VII settlement, 54 – Akhmylovskoye settlement, 55 – Volna site, 56 – Sutyiri II settlement, 57 – Krasnyi Vyselok II site.

Chuvash Republic: 58 – Yandashevo station.

Kirov Oblast: 59 – Oshmanur site.

Рис. 2. Вид с самолета (с ЗЮЗ) на Ахмыловское поселение (в ходе раскопок Ахмыловского археологического комплекса в 1969 г.).

Fig. 2. View from aircraft (West-South-West) on Akhmylovo settlement (during the dig on Akhmylovo archaeological complex in 1969)

Из памятников эпохи бронзы Марийского Поволжья комплексы 4 Кокшайского поселения наиболее многочисленны (358 экз.). Здесь преобладают сосуды с открытым (50%) или закрытым (18,75%) горлом и плавным переходом в тулово; реже с резким переходом в тулово, а также открытые или закрытые чаши, с прямым (50%), округлым (25%), реже со скошенным и утонченным краем венчика, а также нередко орнаментированным (31,25%; Патрушев, 1989, приложения I, 3; рис. 16). Сосуды крупные, тонкостенные, в большинстве случаев с примесью песка (98,82%), с преобладанием ниточных хаотичных отпечатков (51,82%), рябчатых дуговидных (12,04%), в виде «дождя» (11,76%) или их сочетаний (табл. 1). На фрагментах в основном встречены вместе ниточные хаотичные отпечатки с горизонтальными рядами неправильных (57) или круглых ямок (29), а также рябчатые дуговидные отпечатки с неправильными (16) и круглыми (5) ямками. Остальные сочетания единичны. По сочетанию ниточных и рябчатых отпечатков комплекс 4 Кокшайского поселения близок к другим

поселениям Марийского края, а также комплексам других областей лесного Поволжья (табл. 2). В орнаментации наиболее характерны узоры из неправильных (64,45%) или круглых (26,5%) ямок, расположенных горизонтальными рядами; редки треугольные вдавления (3,01%) и др. (табл. 1).

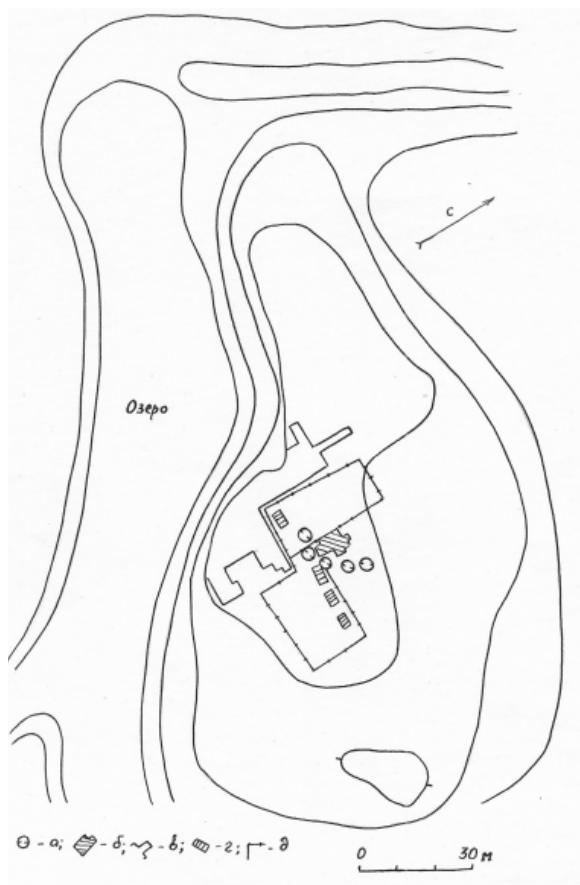
Поселение Сосновая Грива занимает северную часть мыса Сосновая грива высотой 8–12 м между коренным правым берегом р. Большая Кокшага и оврагом (Патрушев, 1986, рис. 1, 2). В 500 м к юго-востоку от него находится дачный комплекс «Волга» пос. Кокшайск. Площадка поселения хорошо задернована и покрыта редкими деревьями, кустарником. Культурный слой мощностью 25–60 см представлен коричневатым гумированным песком с зольными и углистыми включениями. Раскопками открыты остатки прямоугольного жилища (7 × 12 м) наземного типа со столбовой конструкцией стен, вытянутых с северо-запада на юго-восток с очагами и хозяйственными ямами на земляном полу (Соловьев, 1984, с. 68–71; 2000, с. 143–145), близкие к жилищам расположенного рядом

Рис. 3. План 4 Кокшайского поселения:

а – жилищные впадины поселения волосовской культуры;
б – раскоп 1974 г на жилищной впадине волосовской культуры;
в – границы раскопа 1975 г;
г – дачные дома; д – границы дачных участков.

Fig. 3. Plan of Kokshaysk 4 settlement:

а – dwelling depressions on the Volosovo culture settlement; б – dig of 1974 on a dwelling depression of the Volosovo settlement; в – boundaries of 1975 dig; г – urban summer houses; д – boundaries of summer estates.

поселения Сосновая Грива 3 (рис. 5). Керамика атабаевского облика ближайшие аналогии находит в гладкостенной посуде типа 4 Кокшайского поселения. Значительная часть керамики (21,7 %) имеет «текстильные» отпечатки.

Поселение Сосновая Грива датировано XII–XI вв. до н.э. (Патрушев, 1987, с. 7). Такая датировка подтвердилась при датировке по нагару на фрагменте «текстильной» керамики по методу АМС (Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1).

На поселении Сосновая Грива автором за два года исследований обнаружено 212 фрагментов «текстильной» керамики (Патрушев, 1989, прил. 1, 3). Посуда с примесью песка (99,52%), очень редко с примесью толченых раковин (0,48%). Преобладающая форма сосудов – с закрытым и прямым горлом и плавным переходом в тулово (87,09%), или реже с открытым горлом и таким же переходом (6,45%). Встречены также закрытые

чаши (2,22%). В прослеженных случаях посуда с округлым дном. Венчики имеют округлый край (44,44%), плоский срез (22,22%), приостренную форму (22,22%) или наплыв с внешней (3,3%), внутренней (3,7%) или с обеих сторон. Сосуды, как правило, тонкостенные (5–6 мм).

Довольно высок процент (48,9%) ниточных отпечатков на сосудах при господстве хаотичных (44,23%; табл. 1). Также много сочетаний ниточных хаотичных с рябчатыми отпечатками в виде «дождя» (12%). Среди только рябчатых встречаются овальные ячейки (близкие к отпечаткам на сосуде из поселения Ясачное 3 из материалов раскопок Б.С. Соловьева;

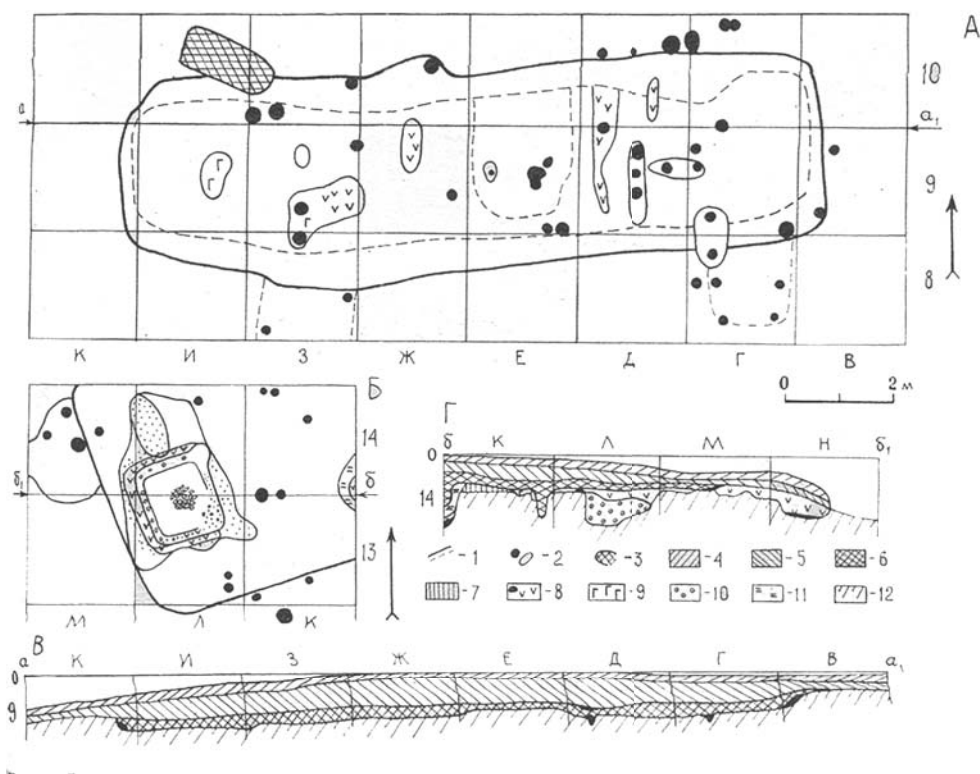

Рис. 4. Кокшайское поселение. А – план жилища 1, Б – план жилища 2, В – сечение жилища 1, Г – сечение жилища 2 (1 – контуры жилищ, 2 – столбовые пятна и контуры объектов жилищ, 3 – поздняя яма, 4 – дерн, поддерновая супесь, 5 – коричневатый гумированный песок, 6 – жилищный серовато-коричневый слой, 7 – углисто-золистый слой, 8 – углистый слой, 9 – гумусные включения, 10 – камни, 11 – глина, 12 – материк – желтый песок).

Fig. 4. Kokshaysk settlement. А – plan of dwelling 1, Б – plan of dwelling 2, В – section of dwelling 1, Г – section of dwelling 2 (1 – outline of the dwellings, 2 – pit holes and outlines of dwelling structures, 3 – late pit, 4 – turf, sandy clay under turf, 5 – brownish rubberized sand, 6 – gray-brown layer of the dwelling, 7 – black-band ashy layer, 8 – black-band layer, 9 – humus inclusions, 10 – stones, 11 – clay, 12 – mainland – yellow sand).

рис. 7), имитация веревочных отпечатков и в виде наколов срезанным пучком травы (все по 6,25%).

Значительная часть фрагментов украшена горизонтальными рядами неправильных ямок (60,78%). Реже такие же ямки расположены группами по 3 (1,96%). Меньше таких узоров из круглых ямок (21,42%). Мало узоров из «жемчужин» в сочетании с ямками (3,92%) и зигзагов из оттисков

зубчатого штампа (5,95%) или их сочетаний (табл. 3).

Ахмыловское поселение раскопками изучено полностью. Оно располагалось на живописном берегу Ахмыловского озера на западной окраине бывшей д. Ахмылово Коротнинского сельсовета Горномарийского района Марийской АССР (рис. 2). В настоящее время место памятника входит в зону затопления Чебоксарской ГЭС

Рис. 5. Вид с юга на контуры жилища в раскопе Поселения Сосновая Грива 3. Раскопки Российско-Финской археологической экспедиции в 1993 г. Фото М. Лавенто.

Fig. 5. View of the outline of the dwelling in the dig on Sosnovaya Griva 3 settlement. Russian-Finnish archaeological expedition, 1993. Photo by M. Lavento.

и относится к Килемарскому району Республики Марий Эл. На памятнике открыты остатки двух изолированных наземных жилищ, а также собран значительный керамический материал. По верхним частям восстанавливается форма 50 сосудов (Халиков, 1980, табл. И). Из общего числа фрагментов керамики Ахмыловского поселения 42% имеют «текстильные» отпечатки.

«Текстильная» керамика Ахмыловского поселения (147 экз.) по форме близка сосудам 4 Кокшайской стоянки, а по обработке поверхности и орнаментами – к обоим предыдущим памятникам Марийского края (табл. 1, 3).

Здесь преобладают сосуды с прямыми горлами и плавным переходом в тулово. Мало сосудов с открытым горлом (11%), в том числе с более резким переходом (4,7%). Венчики в основном с округлым краем, реже с прямым срезом и орнаментом по краю. Стенки сосудов довольно тонкие. Господствуют

тая примесь в тесте – песок (96,37%), реже дрсва (довольно крупные кусочки кварцита – 2,8%), слюда (0,67%) или толченая раковина (1,34%).

Поверхность сосудов или содержит ниточные отпечатки (51,75%), обычно хаотичные (46,09% от общего числа ниточных отпечатков), или рябчатые (48,7%), а также их сочетания. Из элементов орнамента количественно первое место занимает неправильная ямка (62,7%), второе – круглая ямка (27,4%). Немного узоров из клиновидных и треугольных вдавлений (3,92%), сочетаний рядов неправильных ямок и косых коротких оттисков зубчатого штампа (3,92%) или дополнительно ряда «жемчужин» (1,96%).

В целом по сумме признаков «текстильной» керамики эталонные комплексы всех поселений близки между собой (табл. 4).

Интерес представляет сравнение комплексов «текстильной» керамики

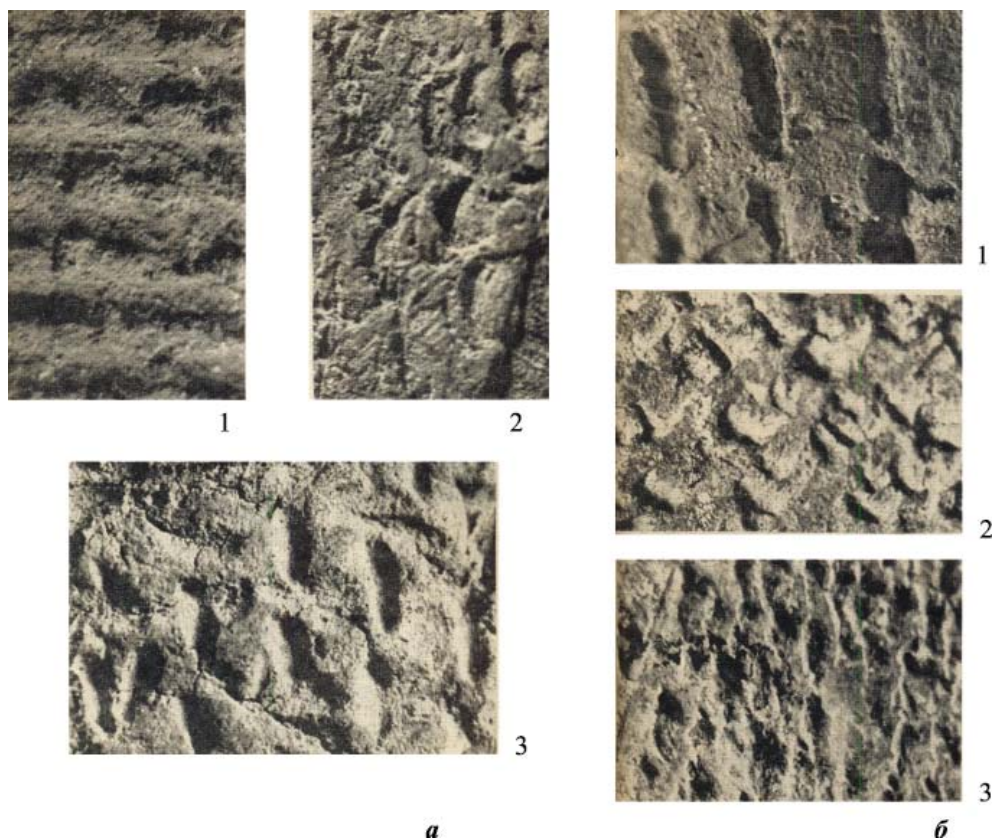

Рис. 6. Макросъемка «текстильной» керамики.

а – ниточные и рябчатые отпечатки на сосудах: 1 – бороздки (селище Курган, Костромская область), 2 – ниточные хаотичные и рябчатые дуговидные отпечатки (поселение Курган, Республика Татарстан), 3 – «дождь» поверх овальных и дуговидных (Васильсурское городище);

б – ниточные и рябчатые отпечатки на сосудах: 1 – «дождь» из клиновидных отпечатков (Борань, Костромская область), 2 – мелкие ниточные хаотичные и «дождь» из клиновидных вдавлений поверх дуговидных отпечатков (Курган, Республика Татарстан), 3 – клиновидные и ниточные линзевидные хаотичные (Козьмодемьянское поселение).

Fig. 6. Macropicture of 'textile' ceramics.

а – spun and speckled prints on vessels: 1 – grooves (Kurgan unfortified settlement, Kostroma Oblast), 2 – spun chaotic and speckled arcuate prints (Kurgan settlement, Tatarstan Republic), 3 – 'rain' over oval and arcuate prints (Vasilsursk hillfort).

б – Spun and speckled prints on vessels: 1 – 'rain' of cuneiform prints (Boran', Kostroma Oblast), 2 – small spun chaotic prints and 'rain' of cuneiform impressions over arcuate prints (Kurgan, Tatarstan Republic), 3 – cuneiform and spun lentoid chaotic prints (Kozmodemiansk settlement).

памятников эпохи бронзы Марийского Поволжья и других областей.

Всего статистической обработке на ЭВМ подвергнуты 4629 фрагментов «текстильной» керамики эпохи бронзы территории современного Татарстана, Марийского, Нижегородского, Владимирского и Ярославского Поволжья. В целом памятники относятся к эпохе финальной бронзы или к переходному периоду от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Характеристика признаков такой керамики, представленная в процентах (Патрушев, 1989, приложение 3), дает возможность получить полные сведения о комплексах такой керамики каждого эталонного памятника лесного Поволжья. Однако для нас особый интерес представляет их сравнение с комплексами «текстильной» керамики Марийского Поволжья.

Комплексы «текстильной» керамики Марийского Поволжья в целом близки комплексам памятников лесного Поволжья от устья р. Камы до озера Плещеево в Ярославской области (табл. 1–4; рис. 8; Патрушев, 1989, приложение 3). Различия в значительной мере могут быть объяснены влиянием элементов местной керамики, господствующей в конкретных областях. Так, влияние «текстильной» керамики на посуду приказанской культуры (по А.Х. Халикову: 1969; 1980; 1987, с. 139–146) вызвало появление специфической керамики с ниточными или рябчатыми, а также смешанными отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной приказанскими узорами, характерными для восточных районов этой культуры (Патрушев, 1989, приложение 1; рис. 16, 19). Подобное явление можно

наблюдать как на керамике из Татарстана, так и Марийского Поволжья, т.е. на всей территории расселения населения атабаевского восточного облика. В указанных районах, за исключением единичных случаев на поселении Сосновая Грива, нет узоров из «жемчужин» (Патрушев, 1989, приложение 3; рис. 18: 18–24). Как известно, такие узоры характерны для поздняяковской культуры (Бадер, Попова, 1987, с. 133). На «текстильной» керамике эпохи бронзы памятников от Нижегородского до Костромского Поволжья, где обитали поздняяковские племена (Бадер, Попова, 1987, карта 24), «жемчужины» как элемент орнамента занимают значительное место (IV Жуковское поселение – 42,81%; Безводнинское поселение – 29,11%; Дикариха – 17,15%, Плещеево III – 14,85% и т.д.; см.: табл. 3; Патрушев, 1989, приложение 3; рис. 16: 18–24, 40–42, 58–64).

Таковую же картину показывает сравнение форм сосудов или венчиков. Например, характерный для приказанской культуры «воротничок» у края горла (Халиков, 1980, табл. II) в основном встречается лишь на керамике памятников Республики Татарстан и Марийского Поволжья (Займище III – 16,66%; Ахмыловское поселение – 2,01%; 4 Кокшайское поселение – 6,25%; поселение Сосновая Грива – 1,44%; Патрушев, 1989, с. 32; приложение 2, рис. 16: 18–24, 40–42, 58–64). Только влиянием керамики восточных районов можно объяснить единичные «воротнички» на сосудах Безводнинского поселения (0,48%) и I Великоозерской стоянки (0,45%). На более западных памятниках сосуды с «воротничком» отсутствуют (Патрушев, 1989, приложение 3). Только в

Рис. 7. Сосуд с «текстильными» отпечатками из Поселения Ясачное 3 (раскопки Б.С. Соловьева).

Фото М. Лавенто.

Fig. 7. Vessel with 'textile' prints from Yasachnoye 3 settlement (dig by B.S. Solovyov).
Photo by M. Lavento.

районах расселения племен атабаевского облика отмечена примесь толченых раковин (Патрушев, 1989, приложение 3; Халиков, 1980, табл. II). Следует оговориться, что А.Х. Халиков (1980, табл. II) в характеристику сосудов с примесью толченых раковин включает как «текстильную», так и приказанскую керамику. В первую очередь, это относится к Ахмыловскому поселению.

Автором визуально, с помощью лупы и микроскопа, а также макросъемкой изучены все виды ниточных и рябчатых отпечатков из всех эталонных памятников лесного Поволжья (некоторые образцы макросъемок представлены на рис. 6а и 6б). Интерес представляет характер «текстильных» отпечатков на сосудах различных районов. В основном повсеместно ведущее место занимают ниточные хаотичные, реже параллельные отпечатки. Лишь в комплексах «текстильной» керамики стоянки Займище III, IV Жуковского поселения и I Великоозерской стоянки они составляют в сумме меньшинство; для них в боль-

шей мере характерны рябчатые дуговидные и овальные отпечатки или же в виде наколов срезанным пучком травы (табл. 3; Патрушев, 1989, приложение 3).

Сумма процентов ниточных, рябчатых и их совместных (ниточно-рябчатых) отпечатков «текстильной» керамики памятников эпохи бронзы представлена в таблице 1. Но поскольку общее количество фрагментов на памятниках различно, для каждого процентного показателя вычислена средняя ошибка (Бредфорд, 1958, с. 122). Оговоримся, что методика проведения статистической обработки массовых комплексов автором опубликована неоднократно (Патрушев, 1989, с. 4–6; 1995, с. 5–12 и др.).

Ниточные отпечатки наиболее характерны для Марийского Поволжья, где они составляют от 50,21 ($\pm 3,43\%$) до 52,38% ($\pm 2,64\%$). Также высоким процентом подобных отпечатков характеризуется комплекс «текстильной» керамики Безводнинского поселения (50,2 \pm 2,37%), немногим меньше комплексы Дикарихи

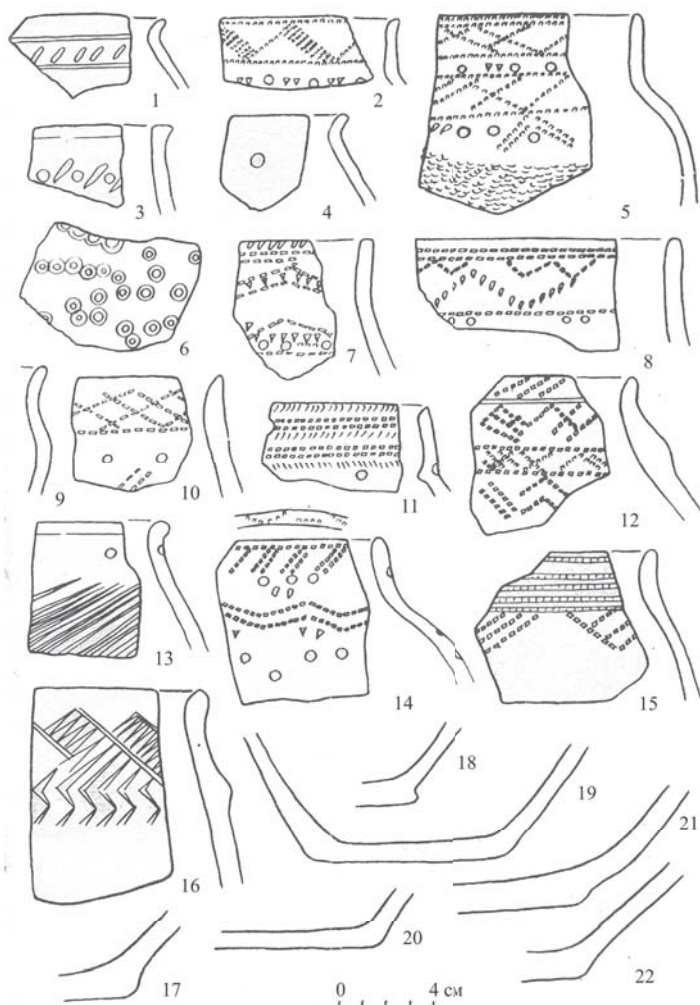

Рис. 8. Гладкостенная (1–4, 6–22) и «текстильная» (5) керамика 4 Кокшайского поселения из раскопок 1975 г.

Fig. 8. Smooth-wall (1–4, 6–22) and 'textile' (5) ceramics of Kokshaysk 4 settlement, dig of 1975.

(44,02±2,68). Весьма низок процент ниточных отпечатков на керамике IV Жуковского (19,22±2,38) и памятников Республики Татарстан (табл. 1, 2).

Рябчатые отпечатки чаще всего встречаются на керамике IV Жуковского поселения (80,78±2,38%), Казанской стоянки (78,32±2,4%), Займища III (79,78±2,55%). Весьма невысок их процент в комплексах Плещеево III (31, 41±4,17%) и Сосновой Гривы (29,79±3,14%; табл. 1). Совместные

сочетания ниточных и рябчатых отпечатков в основном характерны для керамики Плещеево III (28,25±4,04%) и Сосновой Гривы (20,16±2,76%), в меньшей мере они встречаются на I Великоозерской стоянке, Безводнинском поселении и др. Такие сочетания отсутствуют на памятниках Займище III, Ахмылово, IV Жуковское (табл. 1).

Среднее арифметическое для ниточных отпечатков для каждой области показывает наибольшую близость

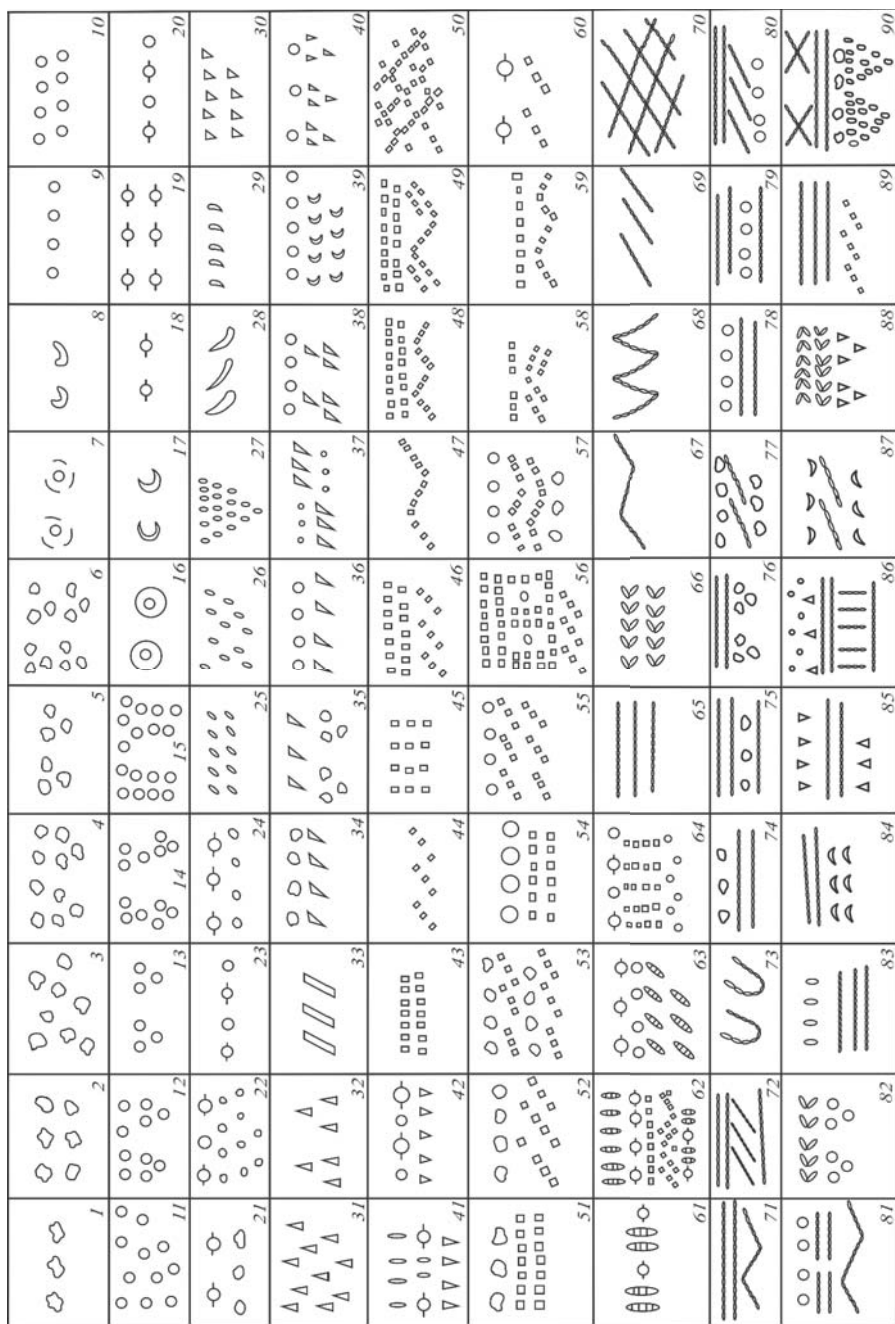

Рис. 9. Варианты орнамента «текстильной» керамики (по инструментарию исследований: Патрушев, 1989, приложение 1, признак 8).
 Fig. 9. Variants of 'textile' pattern on ceramics (by studies of: Патрушев, 1989, приложение 1, признак 8).

комплексов «текстильной» керамики Марийского (51,52%) и Ярославского (41,36%) Поволжья (табл. 2). Близки к ним показатели памятников Нижегородского Поволжья (34,71%). По наименьшим показателям таких отпечатков близки памятники Республики Татарстан (19,93%) и Владимирской области (23,83%; табл. 2).

Близки к указанным результаты вычислений средних арифметических рябчатых отпечатков, но в виде обратных показателей по отношению к ниточным (табл. 1). В целом для всех областей процент ниточных отпечатков составляет 34,43, рябчатых – 58,83, смешанных ниточно-рябчатых – 6,74 (табл. 2).

Сходство и различия по таким признакам, как форма сосудов, примесь в тесте, диаметр сосудов, толщина стенок, в комплексах керамики памятников эпохи бронзы весьма незначительны и они прослеживаются в результатах статистической обработки (Патрушев, 1989, приложение 3; рис. 27: 5).

Значительный интерес представляет сопоставление керамических комплексов по орнаментации. Процент вариантов орнамента для эталонных памятников лесного Поволжья опубликован автором (Патрушев, 1989, рис. 16, приложение I, признак 8 и приложение 3). Здесь выделим группы узоров по технике орнаментации (рис. 9; табл. 3). Сумма процентов для узоров из неправильных ямок (варианты орнамента 1–6) указывает на близость комплексов керамики памятников Марийского края (от 62,74 до 67,43), I Великоозерской стоянки во Владимирской области (51,4%) и стоянки Дикарихи (44,07; табл. 3). Следует отметить весьма слабое распростра-

нение данных элементов на керамике памятников Республики Татарстан и IV Жуковской стоянки в Нижегородской области (1,06; 4,31%). Доля таких элементов для всех комплексов памятников наибольшая (35,01%).

Круглые ямки (варианты орнамента 9–17) наиболее характерны для керамики памятников Республики Татарстан (Казанская стоянка – 67,87; стоянка Займище – 95,61%). Комплексы памятников Марийского Поволжья по данному элементу ближе всего к керамике поселений Нижегородского Поволжья (от 22,44 до 34,3%; табл. 3). В меньшей мере такой элемент орнамента характерен для керамики Ярославского (4,05 и 14,21%) и Владимирского (6,08%) Поволжья. Доля узоров с круглыми ямками в целом для «текстильной» керамики памятников эпохи бронзы лесного Поволжья составляет 32,02% (рис. 9; табл. 3).

Узоры из «жемчужин» (рис. 9: варианты узоров 18–24) в основном характерны, как уже отмечалось, для районов расселения поздняяковских племен – Нижегородской (29,21 и 41,09%), реже Ярославской (5,4 и 15,06%) и Владимирской (6,66%) областей (табл. 3). Из памятников Марийского Поволжья они отмечены лишь на поселении Сосновая Грива (3,57%), а на памятниках Республики Татарстан они отсутствуют. Доля таких элементов орнамента для орнаментированной керамики всех поселений эпохи бронзы лесного Поволжья – 10,02%.

Орнаментальные узоры из клиновидных или треугольных вдавлений (рис. 9, варианты узоров № 25–26, 28–33) из числа орнаментированных фрагментов керамики всех памятников составляют всего 6,03% (табл. 3).

Таблица 1.

Сумма процентов трех групп вариантов обработки поверхности и средняя ошибка процентного показателя ($\pm M$) «текстильной» керамики памятников эпохи бронзы лесного Поволжья*.

Область	Памятн.	Ниточные (1-8) **		Рябчатые (9-25, 32-34)		Ниточные и рябчатые (26-31)	
		%	$\pm M$	%	$\pm M$	%	$\pm M$
РТ	КС	19,73	2,31	78,32	2,4	1,01	0,58
	ЗЩ	20,22	2,55	79,78	2,55	0	0
РМ	ЧК	52,38	2,64	43,14	2,62	1,68	0,68
	СГ	50,21	3,43	29,79	3,14	20,18	2,76
	АХ	51,97	4,12	48,21	4,12	0	0
НО	ЧЖ	19,22	2,38	80,78	2,38	0	0
	БП	50,2	2,37	44,79	2,36	4,8	1,01
ВО	ВС	23,83	0,91	67,17	1,01	8,91	0,61
ЯО	ДК	44,02	2,68	55,38	2,68	0,58	0,41
	ПЛ	38,69	4,37	31,41	4,17	28,25	4,04

*Примечания. Принятые здесь и далее сокращения: область: РТ – Республика Татарстан, РМ – Республика Марий Эл, НО – Нижегородская область, ВО – Владимирская область, ЯО – Ярославская область; памятники: КС – Казанская стоянка, ЗЩ – Займище, ЧК – 4 Кокшайское поселение, СГ – поселение Сосновая грива, АХ – Ахмыловское поселение, ЧЖ – IV Жуковское поселение, БП – Безводнинское поселение, ВС – I Великоозёрская стоянка, ДК – Дикариха, ПЛ – Плещеево Ш.

**Варианты ниточных и рябчатых отпечатков см.: Патрушев, 1989, приложение I, признак 7.

Таблица 2.

Среднее арифметическое для трех групп вариантов обработки «текстильной» керамики эпохи бронзы пяти областей Поволжья (в процентах)*.

Область	\bar{X}_n	\bar{X}_p	\bar{X}_{np}
РТ	19,93	79,05	0,51
РМ	51,52	40,38	7,29
НО	34,71	62,79	2,4
ВО	23,83	67,17	8,91
ЯО	41,36	43,4	14,42
%	34,43	58,83	6,74

*Условные обозначения: \bar{X}_n – среднее арифметическое ниточных отпечатков, \bar{X}_p – то же рябчатых отпечатков, \bar{X}_{np} – то же смешанных ниточно-рябчатых отпечатков. Сокращения см. в примечаниях к табл.1.

Таблица 3.

Процент элементов орнамента и их характерных сочетаний «текстильной» орнаментированной керамики эпохи бронзы лесного Поволжья*.

Область	Памятник	Варианты орнамента							
		1-8	9-17	18-24	25-26 28-33	34-36	43-49	51-64	65, 77, 83
РТ	КС	3,57	67,87	0	10,71	3,57	0	14,28	0
	ЗЩ	1,06	95,61	0	0	0	2,29	2,29	0
РМ	ЧК	67,43	26,5	0	3,01	1,8	0,6	1,2	0
	СГ	64,28	21,44	3,57	0	0	5,95	2,38	2,38
	АХ	62,74	27,46	0	3,92	0	0	5,88	0
НО	ЧЖ	4,31	34,3	41,09	0	0,42	1,26	18,2	0,42
	БП	28,63	22,34	29,21	0	0,48	0,96	18,41	0
ВО	ВС	51,4	6,08	6,66	30,58	3,64	0,35	1,15	0
ЯО	ДК	44,07	14,22	15,06	8,24	6,16	5,15	7,21	0
	ПЛ	22,96	4,05	5,4	4,05	5,4	37,8	20,28	0
	%	35,01	32,02	10,02	6,03	2,17	5,46	9,07	0,27

* *Примечания:* группы вариантов орнамента см.: Патрушев, 1989, рис. 9 и приложение I, признак 8; сокращения см. в примечаниях к табл. 1.

Таблица 4

Средний коэффициент сходства (SKS) и среднее квадратическое отклонение ($\pm\sigma$) комплексов «текстильной» керамики эпохи бронзы Поволжья по сумме признаков (сокращения см. в примечаниях к табл. 1)*.

Область	Памятник	SKS	$\pm\sigma$
РТ	КС	57,39	9,99
	ЗЩ	52,42	9,45
РМ	ЧК	60,19	8,53
	СГ	57,08	7,56
	АХ	59,27	8,25
НО	ЧЖ	55,06	7,93
	БП	60,14	7,55
ВО	ВС	49,57	6,66
ЯО	ДК	48,77	7,3
	ПЛ	46,14	7,32

*Примечания: SKS – средний коэффициент сходства комплексов каждого поселения; $\pm\sigma$ – среднее квадратическое отклонение; сокращения см. в примечаниях к табл. 1

Они наиболее характерны для Великоозерской стоянки (30,58%). В меньшей мере они встречены на Казанской стоянке (10,71%) Дикарихе (8,24%), 4 Кокшайском (3,01%), Ахмыловском (3,92%), III Плещеевском (4,08%) поселениях.

Весьма незначителен процент узоров со смешанными элементами орнамента из клиновидных, неправильных, круглых ямок и жемчужин (рис. 9: 34–36, 38–42). Более 2% их на керамике поселений Ярославской, Владимирской областей и Казанской стоянки (табл. 3).

Узоров только из оттисков зубчатого штампа (рис. 9: 43–49) на «текстильной» керамике памятников эпохи бронзы 5,46% (табл. 3). На Плещеево III они занимают ведущее место (37,66%), на других памятниках их мало (Сосновая Грива – 5,95%; Дикариха – 5,15%; Займище – 2,29% и др.). Такие узоры в сочетании с круглыми, неправильными, клиновидными ямками и «жемчужинами» (рис. 9, варианты орнамента 51–64) встречены на 9,04% орнаментированной «текстильной» посуды памятников эпохи бронзы; их много на Казанской стоянке (14,28%), IV Жуковском (18,2%), Безводнинском (18,41%) поселениях и стоянке Плещеево III (20,28%), меньше на Дикарихе (7,1%), Ахмыловском (5,88%), Сосновогривском (2,38%) поселениях и др. (табл. 3).

На керамике памятников эпохи бронзы мало орнаментальных узоров из оттисков веревочки или в сочетании с другими элементами (0,27%); они встречены только на Сосновогривском (2,38%) и IV Жуковском (0,42%) поселениях (табл. 3; рис. 9: 65–90).

Наибольшее сходство «текстильной» керамики по орнаменту по

результатам вычислений критерия Стьюдента проявляется у четырех комплексов: IV Жуковского, Дикарихи, Сосновой Гривы и Займища III (рис. 10 А; табл. 3). Два последних близкое сходство имеют с комплексами поселений Плещеево III и Ахмылово (рис. 10 А; табл. 3). Также группируются по значительному сходству орнамента комплексы поселений Плещеево III, Казанской стоянки и Ахмыловского (рис. 10 А). Орнаментация керамики оказывает значительное влияние на результаты сравнения комплексов керамики по сумме всех признаков (рис. 10 Б; табл. 4).

По сумме признаков у комплексов «текстильной» керамики эпохи бронзы определены коэффициенты парного сходства (Патрушев, 1989, приложение 4). Наиболее высокие показатели сходства у комплексов 4 Кокшайского и Безводнинского (75,19), Сосновогривского (64,18), I Великоозерской стоянки (50,78), Ахмыловского (78,85) поселений; Безводнинского поселения и Дикарихи (51,36); I Великоозерской стоянки и Дикарихи (55,54); Сосновой Гривы и Безводнинского (66,59) и т.д.

Подобная картина весьма наглядно выражена в результатах вычислений среднего коэффициента сходства комплексов «текстильной» керамики поселений эпохи бронзы, особенно с учетом среднего квадратического отклонения (вариабельности) показателей (табл. 4). По сумме всех признаков ближе комплексы ближайших друг к другу памятников (табл. 4; рис. 1). Граф сходства комплексов керамики по сумме признаков по результатам вычисления критерия Стьюдента также показывает наибольшую близость посуды 4 Кокшай-

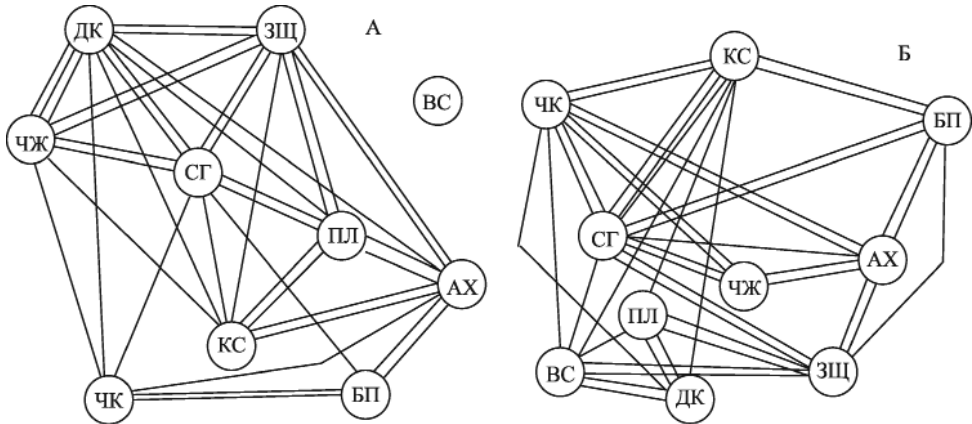

Рис. 10. Граф сходства комплексов «текстильной» керамики памятников эпохи бронзы по критерию Стьюдента: А – по вариантам орнамента, Б – по сумме признаков (выделены в приложении 1: Патрушев, 1989, с. 89–91). Условные обозначения: 3 линии – расчетные значения – от 0,01 до 0,09; 2 линии – от 0,1 до 0,99; 1 линия – от 1 до 1,99; отсутствие линий – расчетное значение больше 1,99; табличное значение составляет 1,99 (см. методику вычисления критерия Стьюдента: Патрушев, 1989, с. 4–6). Сокращения названия поселений: ЧК – 4 Кокшайское, ДК – Дикариха, БП – Безводнинское, СГ – Сосновая Грива, ЧЖ – IV Жуковское, КС – Казанская стоянка, ЗЩ – Займище III, АХ – Ахмыловское, ПЛ – Плещеево III, ВС – 1 Великоозерское.

Fig. 10. Graph of similarities of 'textile' ceramics complexes from Bronze Age sites, by Student's criterion: A – by variants of patterns, B – by a sum of indicators (see annex 1: Патрушев, 1989, с. 89–91). Legend: 3 lines – estimated values – from 0.01 to 0.09; 2 lines – from 0.1 to 0.99; 1 line – from 1 to 1.99; no lines – estimated value over 1.99; table value is 1.99 (see methodology for evaluation of Student's criterion: Патрушев, 1989, с. 4–6). Abbreviations: ЧК – 4 Kokshaysk, ДК – Dikarikha, БП – Bezdnoynoye, СГ – Sosnovaya Griva, ЧЖ – IV Zhukovskoye, КС – Kazan station, ЗЩ – Zayimische III, АХ – Akhmylovo, ПЛ – Pleshcheevo III, ВС – 1 Velikoye Ozero.

ского, Ахмыловского, Казанского, Сосновогривского и III Займищенского поселений (рис. 10 Б). Методика вычисления критерия Стьюдента неоднократно была опубликована автором (Патрушев, 1989, с. 5–6 и др.).

Подводя итог характеристике «текстильной» керамики эпохи бронзы Марийского Поволжья, прежде всего выделим особенности отпечатков. В XIV–IX вв. до н.э. для «текстильной» керамики наиболее характерны ниточные отпечатки (51,52 %; табл. 2). Довольно часто встречены рябчатые отпечатки на поверхности (40,38 %), преимущественно дуговидные, оваль-

ные или их сочетания (табл. 1–2). Смешанные ниточно-рябчатые отпечатки на керамике памятников Марийского Поволжья менее характерны (7,29; табл. 2), но на керамике поселения Сосновая Грива они составляют значительный процент (20,18; табл. 1).

Таким образом, «текстильная» керамика эпохи бронзы лесного Поволжья выступает как единый культурный признак, обладающий следующими чертами: преобладают тонкостенные сосуды преимущественно с примесью песка, с открытым или реже закрытым горлом и плавным переходом в тулово; прямым или округлым краем венчика,

с преобладанием ниточных хаотичных отпечатков; рябчатых дуговидных и в виде «дождя» или их сочетаний; наиболее характерны узоры из неправильных или круглых ямок, расположенных горизонтальными рядами (рис. 9; табл. 1–3). Комплексы «текстильной» керамики Марийского Поволжья в целом близки комплексам памятников лесного Поволжья от устья р. Камы до озера Плещеево в Ярославской области (рис. 10; табл. 4).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А., Патрушев В.С.* Археологические исследования в Марийской АССР в 1969–1975 гг. // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Маргнигоиздат, 1976, С. 26–34.
2. *Бадер О.Н., Попова Т.Б.* Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 131–135.
3. *Бредфорд Х.* Основы медицинской статистики. Москва: Медицина, 1958. 178 с.
4. *Лавенто М., Патрушев В.С.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые С-14 даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 160–188.
5. *Никитин В.В., Патрушев В.С.* Материалы к археологической карте Марийской АССР. (Каталог памятников). Вып. III. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 1982. 112 с.
6. *Никитин В.В., Старостин П.Н.* Материалы к археологической карте Марийской АССР. (каталог памятников). Вып. II. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 1978. 105 с.
7. *Патрушев В.С.* Использование статистических методов и ЭВМ в археологических исследованиях // Методика и методологические предпосылки археологических исследований / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ. 1996. С. 6–12.
8. *Патрушев В.С.* Исследования 1,2,3 поселений и могильника Сосновая Грива в 1986 году // Отчет об исследованиях археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1986 году. Йошкар-Ола, 1987 / Архив ИА АН СССР. Ф. Р-1. Д. 11293.
9. *Патрушев В.С.* Исследования в Горномарийском районе и близ пос. Кокшайск Марийской АССР // АО 1985 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 187.
10. *Патрушев В.С.* Исследования на левобережье Средней Волги // АО 1985 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 196.
11. *Патрушев В.С.* Отчет о полевых исследованиях экспедиции Марийского государственного университета в 1984 году: раскопки археологического комплекса Сосновая Грива. Йошкар-Ола, 1985 / Архив ИА АН СССР. Ф. Р-1. Д. 10701.
12. *Патрушев В.С.* Раскопки на Козьмодемьянском могильнике и поселении // Отчет о работах экспедиции Марийского государственного университета в 1985 году. Йошкар-Ола, 1986 / Архив ИА АН СССР. Ф. Р-1. Д. 10889.
13. *Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 120 с.
14. *Патрушев В.С.* Экспедиция Марийского университета // Археологические открытия 1978 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 103.
15. *Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
16. *Рокин К.А., Патрушев В.С., Соловьев Б.С.* Исследования экспедиции Марийского государственного университета // Археологические открытия 1975 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков М.: Наука, 1976. С. 200–201.

17. Соловьев Б.С. Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // Древности Ветлужско-Вятского междуречья / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1988. С. 72–88.

18. Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.

19. Соловьев Б.С. Поселение Сосновая Грива. // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, 1984. С. 67–84.

20. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

21. Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1960. 187 с.

22. Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука. 1980. 128 с.

23. Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 139–146.

24. Халиков А.Х., Архипов Г.А. Марийская археологическая экспедиция (1960–1965) // История, археология, этнография мари / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 1967.

25. Lavento M., Patrushev V. Sosnovaya Griva 3 – a dwelling site complex in the Mari Republic, in the Middle Volga region. In: *Fennoskandia archaeologica*, XIII. Helsinki. 1996. 71–82.

Информация об авторе:

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Россия); valpatr92@gmail.com

“TEXTILE” CERAMICS OF MARI VOLGA (BY THE MATERIALS OF EXCAVATIONS ON THE BRONZE AGE SETTLEMENTS)

V.S. Patrushev

Results of studies of “textile” ceramics of Mari Volga in the Bronze Age are represented in the article. The “textile” ceramics is regarded by the author as the key ethnic and cultural indicator of the Finnish community that populated forests of Eastern Europe during the Bronze Age and the early Iron Age. In Mari region such vessels were found on 33 sites dated by the 14th – 8th centuries BC. To describe wares with “textile” prints, the author chose 3 standard sites with the most numerous ceramic complexes – 4 Kokshaysk, Sosnovaya Griva and the Akhmylovo settlements. All the complexes are similar, with prevailing thin-wall vessels with admixture of sand, with open or – rarely – closed neck and a smooth transition into body; with straight or rounded rim, with dominating spun chaotic prints, speckled arcuate and “rain”-like prints or their combinations; very common are patterns of irregular or round holes, arranged in horizontal lines. Generally, Mari Volga complexes of “textile” ceramics are very close to ceramic complexes from sites located in the forested areas of the Volga region – from the mouth of the Kama River to the Pleshcheevo Lake in Yaroslavl Oblast (table 1–3).

Keywords: archaeology, Middle Volga, Mari region, Bronze Age, ‘textile’ ceramics, area, ethnic and cultural indicator.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A., Patrushev, V. S. 1976. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnie i sovremennye etnokul'turnye protsessy v Mariiskom krae (Ancient and Present-Day Ethnic and Cultural Processes in the Mari Region)*. Yoshkar-Ola: "Marknigoizdat" Publ., 26–34 (in Russian).
2. Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 131–135 (in Russian).
3. Bradford Hill, A. 1958. *Osnovy meditsinskoj statistiki (Principles of Medical Statistics)*. Moscow: "Meditsina" Publ. (in Russian).
4. Lavento M., Patrushev V. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 160–188 (in Russian).
5. Nikitin, V. V., Patrushev, V. S. 1982. *Materialy k arkheologicheskoj karte Mariiskoi ASSR (Katalog pamiatnikov) (Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Republic: Catalogue of Sites)* III. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
6. Nikitin, V. V., Starostin, P. N. 1978. *Materialy k arkheologicheskoj karte Mariiskoi ASSR (katalog pamiatnikov) (Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Republic: Catalogue of Sites)* II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
7. Patrushev, V. S. 1996. In Patrushev, V. S. (ed.). *Metodika i metodologicheskie predposylki arkheologicheskikh issledovaniij (Methodology and Methodological Conditions of Archaeological Research)*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).
8. Patrushev, V. S. 1987. In *Otchet ob issledovaniiah arkheologicheskoj ekspeditsii Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta v 1986 godu (Field Report of the Mari State University Archaeological Expedition in 1986)*. Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR. Fund R-1, dossier 11293 (in Russian).
9. Patrushev, V. S. 1987. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda (Archaeological Discoveries of 1985)*. Moscow: "Nauka" Publ., 187 (in Russian).
10. Patrushev, V. S. 1987. In Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda (Archaeological Discoveries of 1985)*. Moscow: "Nauka" Publ., 196 (in Russian).
11. Patrushev, V. S. 1985. *Otchet o polevykh issledovaniiah ekspeditsii Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta v 1984 godu: raskopki arkheologicheskogo kompleksa Sosnovaia Griva (Report on Fieldworks of the Mari State University Archaeological Expedition in 1984: Excavations of the Sosnovaya Griva Archaeological Complex)*. Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR. Fund R-1, dossier 10701 (in Russian).
12. Patrushev, V. S. 1986. In *Otchet o rabotakh ekspeditsii Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta v 1985 godu (Field Report of the Mari State University Archaeological Expedition in 1985)*. Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR. Fund R-1, dossier 10889 (in Russian).
13. Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov (At the Origins of the Volga Finns)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
14. Patrushev, V. S. 1978. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 goda (Archaeological Discoveries of 1978)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103 (in Russian).
15. Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Rokin, K. A., Patrushev, V. S., Solov'ev, B. S. 1975. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda (Archaeological Discoveries of 1985)*. Moscow: "Nauka" Publ., 200–201 (in Russian).

17. Solov'ev, B. S. 1988. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnosti Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Vetluga and Vyatka Interfluves Area)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 72–88 (in Russian).
18. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga Area)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
19. Solov'ev, B. S. 1984. In Nikitin, V. V. (ed.). *Istoriografiia i istochnikovedenie po arkhologii i etnografii Mariiskogo kraia (Historiography and Source Studies on Archaeology and Ethnography of the Mari Region)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 67–84 (in Russian).
20. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy (Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age)*. Series: Trudy Mariiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
22. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V1-24. Moscow: "Nauka" Publ.. 128 s (in Russian).
23. Khalikov, A. Kh. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Archaeology of the USSR 8. Moscow: "Nauka" Publ., 139–146 (in Russian).
24. Khalikov, A. Kh., Arkhipov, G. A. 1967. In Khlebnikov, A. V. (ed.). *Istoriia, arkhologiiia, etnografiia mari (History, Archaeology, Ethnography of the Mari People)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
25. Lavento, M., Patrushev, V. 1996. Sosnovaya Griva 3 – a dwelling site complex in the Mari Republic, in the Middle Volga region. In *Fennoskandia archaeologica XIII*. Helsinki, 71–82.

About the Author:

Patrushev Valery S., Doctor of Historical Sciences. Professor. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valpatr92@gmail.com

Статья поступила в номер 03.12.2016 г.

УДК 903.1/913.8

О ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ЛЕСНЫХ И ЛЕСОСТЕПНЫХ КУЛЬТУР НА УРАЛЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

© 2017 г. Н.С. Савельев

В работе показано, что центральная часть гор Южного Урала с прилегающими предгорьями является особой трансзональной территорией, природные условия которой делали невозможным формирование в центральной части Южно-Уральского региона однородных и стабильных этнокультурных образований. В I тыс. до н.э. в непосредственном окружении мира степных кочевников здесь проживали постоянно мигрирующие с севера достаточно многочисленные группы лесного и северо-лесостепного населения. Выявлено три основных пути продвижения этих групп населения к югу. Рассмотрен ряд закономерностей взаимодействия лесного и северо-лесостепного населения эпохи раннего железа как между собой, так и с кочевниками.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, меридиональная природная поясность, кочевники скифо-сарматского времени, лесные и лесостепные культуры, трансуральский путь, трансзональные коридоры.

Введение

Вынесенный в название статьи вопрос имеет принципиально важное значение для археологического изучения Южного Урала, под которым понимается собственно горная страна с прилегающими к ней равнинами Приуралья и Зауралья¹. Эта террито-

рия на юге непосредственно граничит с сухими степями Казахстана, а на севере переходит в зону широколиственных лесов и тайги Среднего Зауралья, Пермского Предуралья и Среднего Прикамья. Трансзональное положение гор Южного Урала является причиной значительной деформа-

¹ С историко-географической точки зрения, в понятие «Южный Урал» включаются современные территории Башкортостана, Челябинской и Оренбургской областей, а также прилегающие части Татарстана, Курганской области РФ, Западно-Казахстанской, Актюбинской и Кустанайской областей Казахстана. С востока условная граница Южного Урала может быть проведена по краю Зауральского пенеplена, частично захватывая озерные равнины запада Курганской области и Тургайского плато. С юга эта граница может быть определена условной линией от истоков рек Орь, Илек и Эмба, расположенных в Мугоджарах, до оз. Челкар в Западном Казахстане, т.е. охватывая бассейн крупнейших левых

притоков Урала в его широтном течении. Западная граница южно-уральского региона проходит от оз. Челкар к северу по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, конечная ее точка примерно соответствует району устья р. Белая. Северная граница региона проходит примерно по северной границе Башкортостана и Челябинской области. Северная и центральная части региона в меридиональном направлении делятся на три зоны: Южное Приуралье, Южное Зауралье и Уральскую горную страну. Южная часть, в виду того что горы здесь превращаются в полосу холмогорий, часто именуется Степным или Южным Приуральем, без разделения на зауральскую и собственно приуральскую зоны (см., напр.: Гуцалов, 2004, с. 4–5).

ции широтной природной поясности, характерной для открытых равнин (см. напр.: Зими́на, Зах, 2009, рис. 2), следствием чего стало формирование «вертикальной», т.е. меридиональной, зональности (Физико-географическое..., 1964; Чибилев, Чибилев, 2012, с. 1664, рис. 1). Эта особенность региона неоднократно отмечалась и при археологическом районировании (см. напр.: Членова, 1981; Иванов, 1995, рис. 1; Савельев, 2011а, с. 13).

Обтекание горной страны с запада и востока полосой предгорной лесостепи (в типичном или даже северном ее вариантах) и ее непосредственное примыкание к южной лесостепи и даже собственно степной зоне (Левит, 2001, рис. на с. 88; Физико-географическое..., 1964, рис. между с. 24 и 25), а также незначительная ширина полосы гор, практически полное отсутствие крупных удобных долин и значительная освоенность примыкающих с востока и запада предгорий и равнин, делали принципиально невозможным формирование в центральной части Южно-Уральского региона какой-либо этнокультурной монотонности или новых этнокультурных образований (Савельев, 2004, с. 122; 2011а, с. 13). Особенно ярко это начало проявляться с первой половины – середины I тыс. до н.э.

Прохождение широтной границы

Южная граница полосы плотного освоения оседлого населения на равнинах Приуралья и Зауралья примерно соответствует 55⁰ с.ш. С запада на восток эта граница может быть проведена по линии: среднее течение р. Ик на границе Татарстана и Башкортостана – г. Благовещенск к северу от Уфы – южная оконечность островной

Месягутовской лесостепи – Миасс – Челябинск – широтное течение р. Миасс (рис. 1). Для Зауралья эта линия является достаточно четко выраженной границей северной и южной лесостепи (Левит, 2001, с. 70, 88). За единичными исключениями, все памятники саргатской и так называемой гороховской культур (а также иткульской и гамаюнской – за пределами полосы предгорий) локализуются севернее этой линии (Мошкова, 1974, рис. 6; Степная полоса..., 1992, карты 19, 20; Матвеева и др., 2005, рис. 4; Савельев, 2007, с. 186, карта 6). Та же ситуация характерна и для расположенных вне зоны предгорий памятников гамаюнской и иткульской культур (Таиров, 2000, рис. 1: 1, с. 7–29, 44–68).

В Приуралье ситуация более сложная: для левобережья р. Белая (т.е. западной части региона) южная граница условных «северного» и «южного» миров проходит по верховьям и среднему течению ее небольших левых притоков (Сюнь, База, Чермасан), текущим с северных склонов Бугульминско-Белебеевской возвышенности в бассейн Нижней Белой, являющийся в целом составной частью Прикамья. Для данной территории в эпоху раннего железа наиболее показательной является локализация пьяноборской культуры, памятники которой нигде не выходят за показанную выше границу (Агеев, 1992, рис. 15; История..., 2009, рис. 67), хотя единичные кочевнические находки на близлежащих территориях известны (Измайлов, 2015). В правобережье Белой эта линия формально соответствует участку максимального сужения долины реки, примыкающему с востока к сильно облесенному Бельско-Уфимскому водоразделу (Физико-

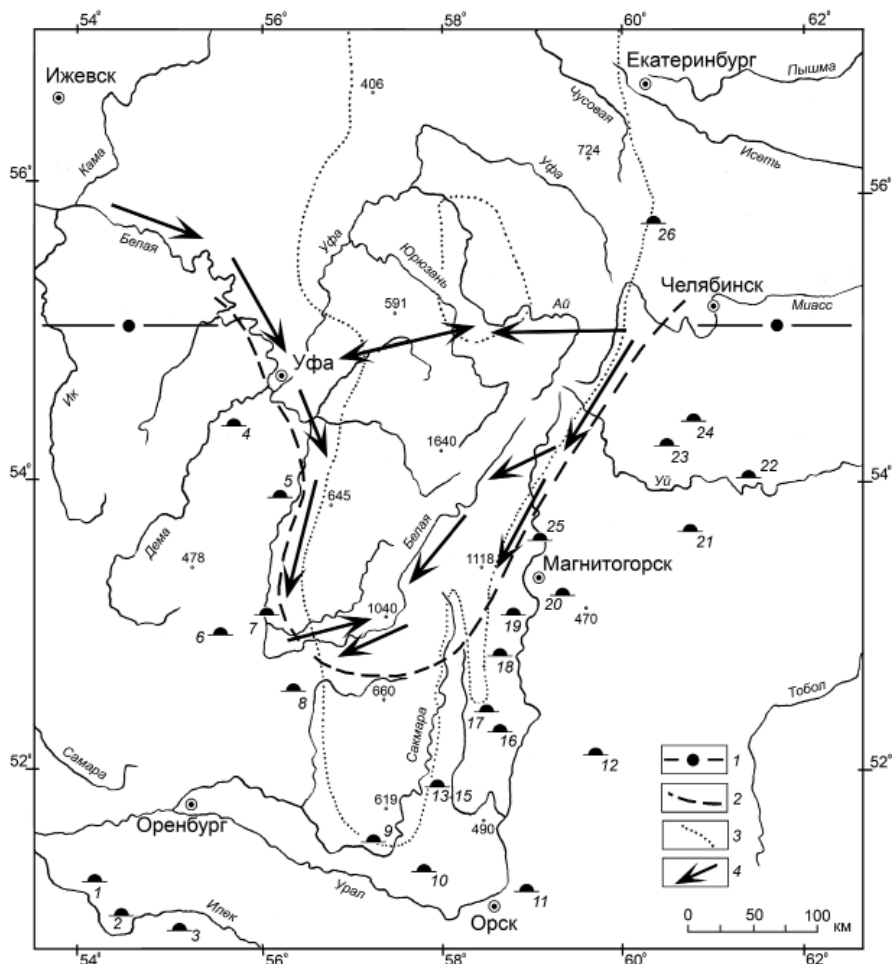

Рис. 1. Южный Урал в середине I тыс. до н.э.: 1 – широтная граница устойчивого разграничения кочевого и оседлого населения; 2 – та же граница в полосе гор и предгорий; 3 – граница горно-лесной зоны Южного Урала; 4 – векторы продвижения оседлого населения.

Опорные памятники кочевников (курганы и курганные могильники):

- 1 – Филипповка; 2 – Покровка; 3 – Пятимары; 4 – Чукраклы; 5 – Леканды; 6 – Ново-Мусино; 7 – Береговка; 8 – Канакас; 9 – Гумарово; 10 – Сара; 11 – Новый Кумак; 12 – Аландское; 13 – Ивановка; 14 – Переволочан; 15 – Яковлевка; 16 – Сосновка; 17 – Манхар, Юмаш-Тай; 18 – Сибай; 19 – Альмухаметово; 20 – Агаповский; 21 – Темир; 22 – Бобровка; 23 – Березовский; 24 – Кичигино; 25 – Муракаево; 26 – Иртяш-14

Fig. 1. South Urals in the middle I Millennium BC: 1 – latitudinal border, steadily delineating the nomadic and settled population; 2 – the same border among the mountains and foothills; 3 – the border of the mountain-forest zone of the South Urals; 4 – vectors of movements of the settled population.

- Key nomadic sites (barrow and barrow necropolises): 1 – Filippovka; 2 – Pokrovka; 3 – Pyatimary; 4 – Chukrakly; 5 – Lekandy; 6 – Novo-Musino; 7 – Beregovka; 8 – Kanakas; 9 – Gumarovo; 10 – Sara; 11 – Novy Kumak; 12 – Alandskoe; 13 – Ivanovka; 14 – Perevolochan; 15 – Yakovlevka; 16 – Sosnovka; 17 – Mankhar, Yumash-Tau; 18 – Sibay; 19 – Almukhametovo; 20 – Agapovsky; 21 – Temir; 22 – Bobrovka; 23 – Berezovsky; 24 – Kichigino; 25 – Murakaevo; 26 – Irtyash-14

географическое..., 1964, с. 63). Однако, ввиду приуроченности бельского правобережья уже к полосе расчлененных предгорий с меридиональной природной поясностью, эта линия не выступает здесь так явно в качестве границы между различными археологическими культурами и группами памятников. Стоит только отметить, что именно начиная с эпохи раннего железа примерно до широты г. Благовещенск по правобережью р. Белая фиксируется устойчивое влияние мира степных кочевников на местное оседлое население.

Пути продвижения лесного и лесостепного населения к югу

К югу от 55° с.ш. продвижение северных групп населения шло по трем основным направлениям (рис. 1):

1) по узкой полосе северной лесостепи, вытянутой по правобережью среднего течения р. Белая вдоль западного края гор, практически до выхода ее из горного каньона (широта г. Мелеуз, северо-восточная оконечность степных возвышенностей Общего Сырта); протяженность этой полосы составляет не менее 250 км, ширина в среднем не превышает 15–20 км;

2) по узкой полосе изобилующей озерами предгорной лесостепи и горно-лесостепной зоне горного массива Ирендык-Крыкты, простирающейся от истоков р. Миасс до истоков р. Сакмара к юго-западу от г. Магнитогорск; протяженность этой полосы также составляет около 250 км, ширина в среднем не более 20–30 км;

3) по горной долине р. Белая, пересекающей по диагонали горно-лесную зону Южного Урала – от западного подножья хребта Урал-Тау на широте верховьев р. Урал и до выхода из гор в южной лесостепи Приуралья

(Савельев, 2011а); протяженность полосы около 300 км, ширина в основном не превышает 0,5–1 км, изредка встречаются небольшие (в основном – не более 2 × 4 км) долины.

Южные пределы этих трех «коридоров» в целом расположены на 53° с.ш. Далее к югу, уже за пределами как начинающихся далеко на севере предгорных лесостепных языков, так и горной части долины р. Белая расположены в настоящее время облесенные низкогорья Зилаирского плато, дренированные исключительно притоками р. Сакмара (Физико-географическое..., 1964; Чибилев, Чибилев, 2012, с. 1664). Судя по имеющимся немногочисленным данным, вся эта территория в эпоху раннего железа осваивалась степными кочевниками скифо-сарматского круга (Савельев, 2004, с. 122).

Первое направление (приуральское) на протяжении первой половины – середины I тыс. до н.э. активно использовалось маклашеевскими, постмаклашеевскими и различными ананьинскими группами (о хронологии раннеананьинских древностей см.: Кузьминых, Чижевский, 2014), мигрировавшими на Среднюю Белую из Нижнего Прикамья и Средней Волги (Иванов, 2009; Савельев, 2010). Результатом данного продвижения стало формирование в лесостепном Приуралье курмантауской (Иванов, 1982; Обыденнов, 1998, с. 55–67) и кара-абызской культур и яркая «сарматизация» последней (Савельев, 2014). По словам Г.В. Юсупова, являвшегося одним из пионеров исследования кара-абызской культуры, именно они были «мостом-проводником элементов скифо-сарматской культуры в финно-угорскую среду» (Иванов,

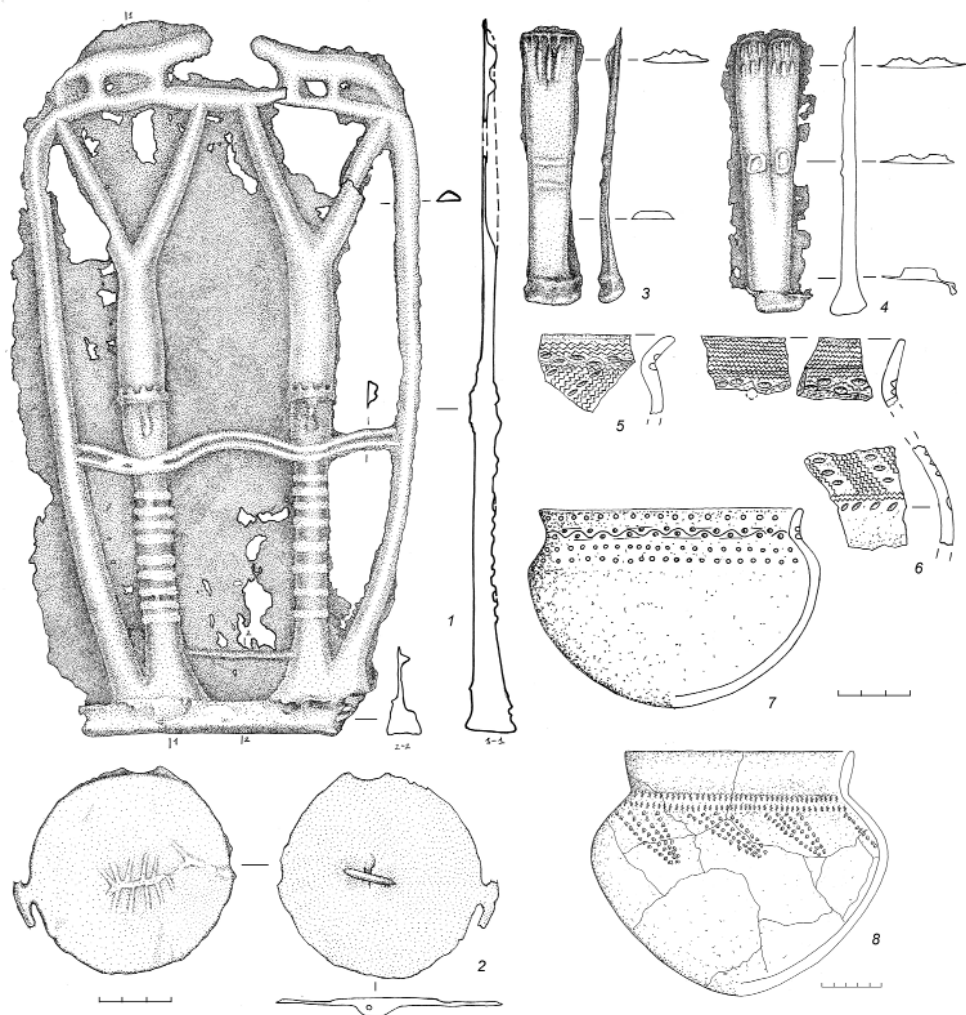

Рис. 2. Лесостепь Южного Приуралья. Иткульская культура:
1–4 – Куганакский клад; 5, 6 – Акбердино-3, поселение; 7 – Старший Шиповский
могильник; 8 – Касьяновское городище (1–4 – бронза; 5–8 – керамика).

Fig. 2. Forest-steppe zone of the Southern Cis-Ural region. Itkul culture:
1–4 – Kuganak hoard; 5, 6 – Akberdino – 3 settlement; 7 – Elder Shipovo burial ground;
8 – Kasianov's hillfort (1–4 – bronze; 5–8 – ceramics).

2014, с. 60). Дополнительным включением являлся зауральский иткульский компонент (рис. 2), проникавший в предгорную лесостепь Приуралья по так называемому «трансуральскому пути» (Савельев, 2007; 2014, рис. 2:

20–23) и интегрировавшийся в формирующуюся кара-абызскую (как в его ананьинскую (Пшеничнюк, 1982, рис. 3: 8), так и курмантаускую части (Савельев, 2010, с. 239, рис. 2: 5–6)) среду. Ближайшими к Южному При-

уралью территориями распространения памятников и находок иткульской культуры являлись таежное Уфимское плато, островная Месягутовская лесостепь и полоса горно-лесной зоны к югу от нее (Крижевская, 1962, рис. 5, 6, 8, 9; Савельев, 2007; Кузьминых, Виноградов, 2015).

Смещение примерно в середине I тыс. до н.э. части курмантауского населения² на юг по узкой полосе предгорной северной лесостепи привело его к очень плотному освоению горного каньона верхнего течения р. Белая (рис. 4: 15–22), причем глубина проникновения в глубь горно-лесной зоны составляла не менее 100 км, а количество выявленных памятников достигает уже нескольких десятков (Савельев, 2011б, с. 61–62; Котов и др., 2014). Результатом такой подвижки стала сильная трансформация хозяйства курмантауского населения – от комплексного скотоводческого с развитой охотой на пушного зверя в лесостепи Приуралья (Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, с. 38–39, табл. 4) до скотоводства с доминирующим коневодством и сильно возросшей ролью охоты на крупных копытных – в горном каньоне Белой (Гарустович, Савельев, 2004, с. 113, 116).

² В последнее время вопрос о хронологической позиции курмантауских древностей Южного Приуралья вновь стал остро дискуссионным (см. напр.: Коренько и др., 2014, с. 126–127). В настоящей статье, посвященной исключительно рассмотрению специфичности прохождения границы между условными северным и южным мирами на Урале, вопросы уточнения датировок и культурной атрибуции не поднимаются – это может быть сделано только в специальных работах.

Одновременно (судя по наличию характерной и очень специфичной смешанной курмантауско-шнуровой керамики – рис. 4: 16–17) с продвижением в горную долину р. Белая, курмантауское население сдвигалось на северо-восток, в пределы таежного Уфимского плато (Пшеничнюк, 1973, с. 222, 224, рис. 32), а также и на противоположную сторону Уральских гор. Недавние находки курмантауских и курмантауско-шнуровых сосудов на поселении Ново-Байрамгулово-1 в предгорной лесостепи Южного Зауралья (верховья р. Урал) (Рафикова, 2013, с. 231, рис. 4) очень наглядно подтверждают, что к середине I тыс. до н.э. «трансуральская магистраль» (верховья р. Миасс – долина р. Ай – юг Месягутовской лесостепи – долина р. Сим до ее устья около современной Уфы) (Таиров, 1995; Савельев, 2007) уже сложилась и обеспечивала проникновение отдельных групп лесостепного населения не только с восточного склона Урала на западный, но и с западного склона на восточный.

Второе направление (зауральское), являющееся южным продолжением коммуникационного озерного узла Иткуль-Чебаркуль (о нем см.: Савельев, 2011а, с. 11), полностью связано с проникновением к югу населения гаманской и иткульской культур (рис. 3). Наиболее южные из известных памятников (Карабалыкты-10, Сабакты-3, Банное-6а, Березки, Курузак-2, гора Крутая) расположены на широте Магнитогорска (Матюшин, 1982; Котов, Савельев, 2007), представлены стоянки, поселения, в т.ч. со следами металлургического производства, различные святилища (Котов и др., 2014). Учитывая крайне слабую обследованность предгорной полосы и края гор

Южного Зауралья, можно говорить о значительной степени освоенности данной территории гамаюнским и иткульским населением в первой половине – середине I тыс. до н.э.

Особенностью данной территории – узкой полосы вдоль восточного края гор Южного Урала (так называемое Башкирское Зауралье) – является расположение в непосредственной близости друг от друга как памятников лесостепного населения гамаюнской и иткульской культур, так и многочисленных кочевнических древностей. Только в микрорайоне Банное-Сабакты-Карабалыкты выявлено несколько десятков каменных курганов, которые по своей топографии и характерным внешним признакам относятся к савромато-сарматскому времени (так называемая иренддыкско-крыктинская группа кочевников Южного Урала) (Савельев, 2006; Котов, Савельев, 2007), а на некоторых поселениях (из точно установленных – Березки и комплекс Сабакты-3/5), в культурном слое встречается как «северная», так и кочевническая керамика (Савельев, 2014, рис. 3). Учитывая, что происхождение «талькового» комплекса раннепрохоровской керамики V–IV вв. до н.э. (Мошкова, 1974) тесно связано именно с иткульско-гамаюнскими керамическими традициями и его формирование первоначально шло в основном в среде кочевников иренддыкско-крыктинской группы (Савельев, 2000), полосу предгорий от верховьев Миасса до широты Магнитогорска можно рассматривать как один из важнейших ареалов первоначального взаимодействия иткульско-гамаюнских групп населения и степных кочевников.

Третье направление (верхне-бельское) проникновения северных групп населения далеко на юг, фактически являющееся самостоятельным ответвлением второго, объединяет зауральский и приуральский векторы движения. Горная долина Белой использовалась тем же зауральским населением гамаюнской и иткульской культур (рис. 4: 1–14). Памятники представлены как сезонными стоянками, так и базовыми поселениями (Обыденнов, 1997; Савельев, 2011б; Котов и др., 2014). Естественной южной границей этой экологической ниши является выход Белой из горного каньона, где расположено крупное базовое поселение Азануй (Гарустович, Савельев, 2004; Морозов, 2004; 2009). Здесь непосредственно к горам примыкают волнистые степи возвышенностей Общего Сырта с многочисленными курганами кочевников савромато-сарматского времени.

Обсуждение

Таким образом, ландшафтные особенности показывают, что центральная часть гор Южного Урала с прилегающими предгорьями (от 55° с.ш. на севере, соответствующего линии прохождения древнего трансуральского пути, до 53° с.ш., примерно соответствующего широте перехода горной области в низкогорное Зилаирское плато), являлась в эпоху раннего железа зоной расселения исключительно «северных» (лесных и северолесостепных) групп населения. Размеры этой территории 250 × 250 км (около 60000 км²).

Наличие крупного «северного» массива, вклинивающегося в степную (для Приуралья – южнолесостепную) зону Южного Урала, приводило, с

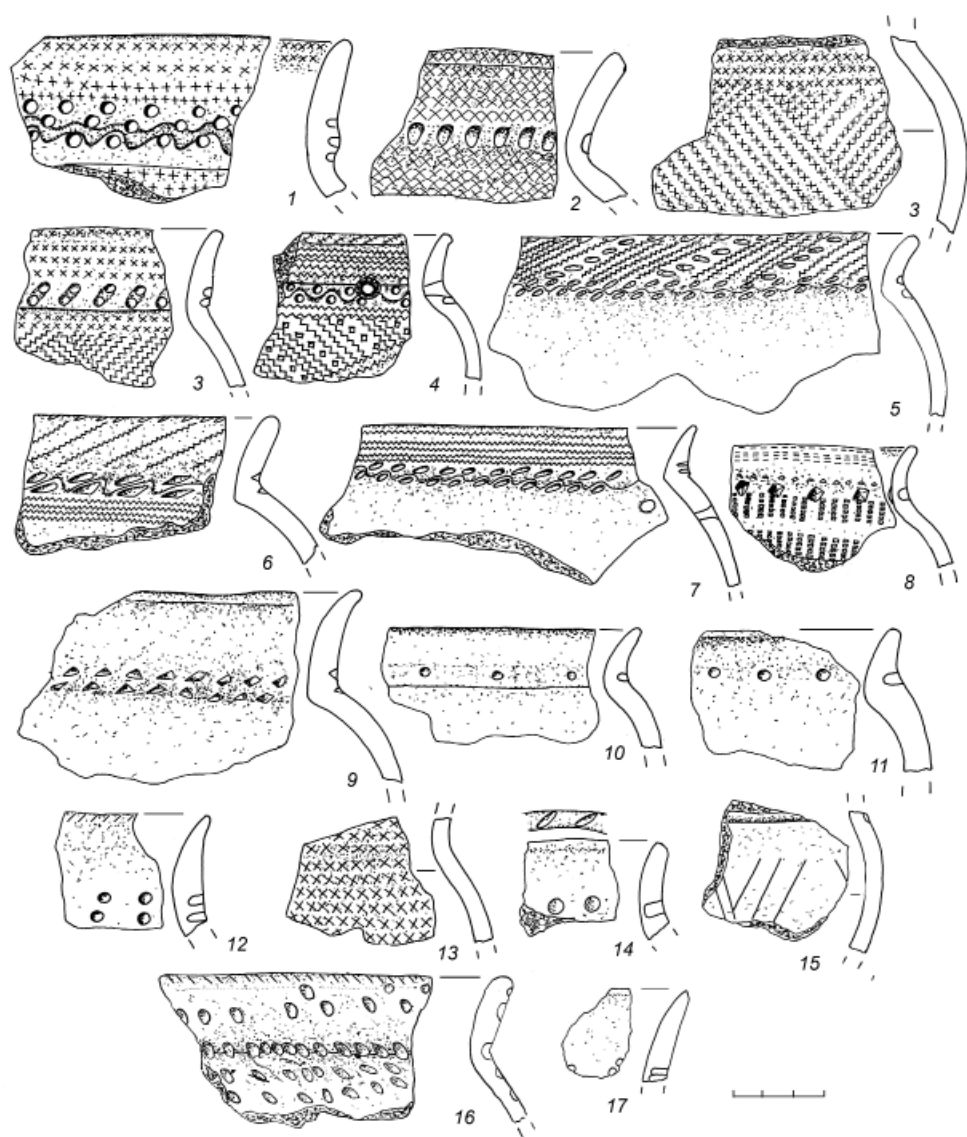

Рис. 3. Горная лесостепь Южного Зауралья: гамаюнская и иткульская керамика
 1–12 –Сабакты-3, стоянка; 13 – Карабалыкты-10, стоянка; 14, 15, 17 – Курузак-2, свя-
 тилище; 16 – Банное-5 (Березки), поселение.

Fig. 3. Forest-steppe mountainous zone of Southern Trans-Ural region: Gamayun and Itkul ceramics.
 1–12 –Sabakty-3, site; 13 – Karabalykty-10, site; 14, 15, 17 – Kuruzak-2, sanctuary;
 16 – Bannoe-5 (Berezki), settlement.

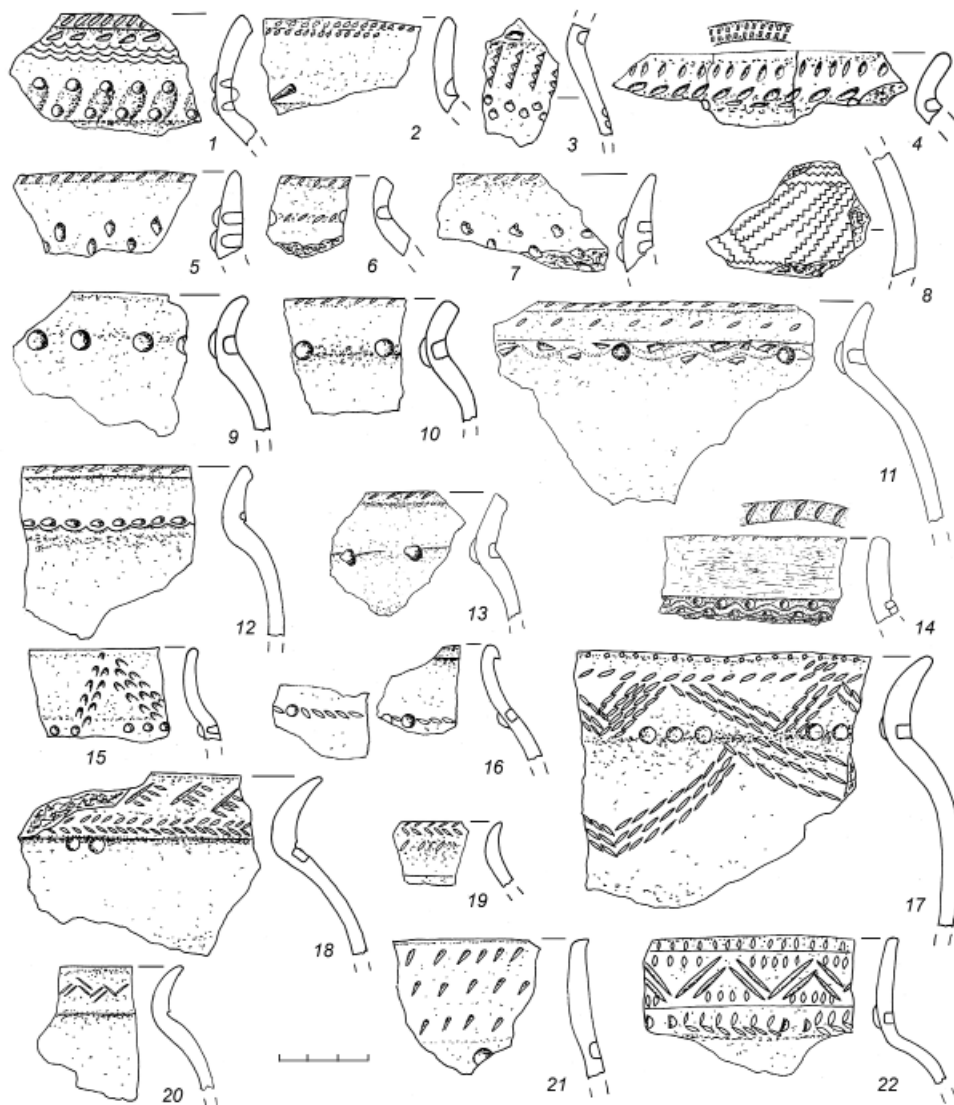

Рис. 4. Горно-лесная зона Южного Урала (верхнее течение р. Белая):
гамаюнская (1–14), курмантауская (15, 18–22)
и курмантауско-шнуровая (16–17) керамика.

1–3 – Азапкин-3, стоянка и селище; 4, 13 – Акбулатово-2, стоянка;
5–7 – Узян-3, селище; 8, 20 – Ново-Акбулатово-5, стоянка; 9–12 – Бельский-1, стоянка
и селище; 14 – Шульганово-5, стоянка; 15–16 – Акбулатово-3, стоянка;
17–18 – Ново-Акбулатово-2, стоянка; 19 – Миндигулово-1, селище;
21 – Миндигулово-2, стоянка; 22 – пещера Муынак-Таш.

Fig. 4. Forest-mountainous zone of South Urals (the upper stream of the Belaya River):
Gamayun (1–14), Kurmantau (15, 18–22) and Kurmantau-corded (16–17) ceramics.

1–3 – Azapkin-3, site and unfortified settlement; 4, 13 – Akbulatovo-2, site;
5–7 – Uzyan-3, unfortified settlement; 8, 20 – Novo-Akbulatovo-5, site; 9–12 – Belsky-1, site and
unfortified settlement; 14 – Shulganovo-5, site; 15–16 – Akbulatovo-3, site;
17–18 – Novo-Akbulatovo-2, site; 19 – Mindigulovo-1, unfortified settlement;
21 – Mindigulovo-2, site; 22 – Muynak-Tash cave.

одной стороны, к значительному воздействию кочевников на оседлое население (наиболее яркие примеры – формирование военизированной структуры кара-абызского общества и возникновение особого кара-абызского звериного стиля), с другой – воздействию оседлого населения на кочевников (наиболее ярко это проявилось в формировании раннепрохоровского «талькового» керамического комплекса).

Можно сказать, что подобные взаимные переплетения и обогащения различных культур возможны только на пограничье трансзональных территорий. В противном случае, выдвинувшиеся далеко на юг группы лесостепного и лесного населения проходят через значительное обеднение и стандартизацию материальной культуры и достаточно быстро исчезают. Наглядной иллюстрацией этому является белогорская группа памятников Самарской Луки (VI–III вв. до н.э.), сформировавшаяся в результате продвижения вниз по течению Волги носителей постмаклашеевской керамики ананьинской общности (Марков, 2007; Чижевский, 2014). Ее значительное удаление на юг от основной территории ананьинской КИО и отсутствие какого-либо ближайшего инокультурного окружения (как оседлых групп (Зудина, 2010), так и кочевников), привели к деградации керамического комплекса и бесследному исчезновению самого населения.

Для населения внутренних районов горно-лесной зоны Южного Урала (носители курмантауской и гамаюнской культур) какие-либо контакты со степными кочевниками отсутствуют, более того, здесь прослеживаются формирование этнокультурных ре-

ликтов (Гарустович, Савельев, 2004) и накопление северных компонентов материальной культуры. Последняя закономерность подтверждается как относительно близкими по времени материалами с соседних территорий (Савельев, 2011а, с. 19–20), так и этнографическими данными. Например, башкирское население центральной части гор Южного Урала в своей традиционной культуре сохранило много специфических сибирских (палеоазиатских, самодийских и угорских) черт (Шитова, 1976, с. 90–93), совершенно не свойственных башкирскому населению степной и лесостепной зон.

Заключение

Представленные материалы наглядно показывают специфику протекания этнокультурных процессов в пределах и на границах крупных трансзональных территорий и их сильное влияние на ход исторических событий, по меньшей мере, на межрегиональном уровне. Поэтому многочисленные случаи совстречаемости в одних комплексах или на одних территориях предметов совершенно различных, условно – северного и южного миров (например, иткульское культовое литье (рис. 2: 1–4) и ахеменидская фиала – Куганакский клад; иткульско-гамаюнская керамика, акинаки и мечи скифо-сарматского времени и погребение с медными монетами – понтийским тетрагалком и пантикапейским оболком Митридата Евпатора – район выхода р. Белая из горного каньона; сакские каменные курганы вокруг иткульско-гамаюнского поселения Сабакты-3 на одноименном озере и т.д., и т.п.) являются не какой-либо парадоксальностью, а лишь следствием физико-географических особенностей южно-уральского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. *Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф.* Итоги исследований стоянки им. М.И. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // *Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев.* Уфа: Башкирский пединститут, 1985. С. 21–40.
3. *Гарустович Г.Н., Савельев Н.С.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // *Уральский археологический вестник.* Вып. 5. 2004. С. 93–118.
4. *Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. 136 с.
5. *Зимица О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
6. *Зудина В.Н.* О состоянии изученности культур оседлого населения раннего железного века в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. 15 / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 101–110.
7. *Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // *Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнюка.* Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 52–77.
8. *Иванов В.А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / Под общ. ред. А.М. Белавина.* Вып. VI. Пермь, 2009. С. 61–68.
9. *Иванов В.А.* Финно-угорская тематика в современной археологии Башкортостана // *Поволжская археология.* 2014. № 4. С. 58–81.
10. *Измайлов И.Л.* Меч раннесарматского времени из Икско-Зайского междуречья // *Поволжская археология.* 2015. № 2. С. 326–332.
11. *История башкирского народа: в 7 т. Т. 1 / Гл. ред. М.М. Кульшарипов.* М.: Наука, 2009. 400 с.
12. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей.* Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 116–132.
13. *Котов В.Г., Румянцев М.М., Савельев Н.С.* Разведочные работы в горной части Башкортостана // *Известия Археологического общества Республики Башкортостан.* Вып. 1(1). Уфа, 2014. С. 16–17.
14. *Котов В.Г., Савельев Н.С.* Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // *Археологические открытия 2005 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин.* М.: Наука, 2007. С. 377–380.
15. *Крижевская Л.Я.* Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии // *Археология и этнография Башкирии.* Т. 1 / Под ред. Р.Г. Кузеева, К.В. Сальникова. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 75–87.
16. *Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б.* Бронзовая секира из Златоустовского музея // *Поволжская археология.* 2015. № 4. С. 274–290.
17. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // *Поволжская археология.* 2014. № 3. С. 101–137.
18. *Левит А.И.* Южный Урал: География, экология, природопользование. Учебное пособие. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, Юж.-Урал. изд.-торг. дом, 2001. 246 с.

19. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.
20. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чижурова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
21. Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
22. Морозов Ю.А. Каменные орудия с поселений в зоне Юмагузинского водохранилища // Уральский археологический вестник. Вып. 9. 2009. С. 90–106.
23. Морозов Ю.А. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // Уральский археологический вестник. Вып. 5. 2004. С. 119–126.
24. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
25. Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: Изд-во БЭК, 1998. 205 с.
26. Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели / Отчеты Иштугановской комплексной экспедиции. Вып. 1. Уфа: Изд-во БЭК, 1997. 135 с.
27. Пиеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т.V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.
28. Рафикова Я.В. Археологическое изучение святилища эпохи энеолита Бакшай – поселения эпохи бронзы Ново-Байрамгулово-1 в 2013 году // Вестник ВЭГУ. № 6 (68). 2013. С. 228–235.
29. Савельев Н.С. Горы Южного Урала в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск: Рифей, 2004. С. 119–122.
30. Савельев Н.С. Иредыкско-крыкитинская группа кочевников Южного Урала: критерии выделения и поисковые признаки памятников // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. С. 80–83.
31. Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уральский археологический вестник. Вып. 2. 2000. С. 17–48.
32. Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.
33. Савельев Н.С. На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир / Отв. ред. Н.Х. Спицына, Н.А. Лейбова (Суворова). СПб.: Алетей, 2011а. Гл. 1. С. 11–24.
34. Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2. Материалы Регион. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога А.П. Шокурова / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011б. С. 42–70.
35. Савельев Н.С. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всеросс. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / Уральский археологический вестник. Вып. 14 / Ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 191–206.
36. Савельев Н.С. Этнокультурные компоненты лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры (по материалам поселения Акбердино-3) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические

культуры, хронология: Материалы XVIII Уральского археологического совещания / Науч. ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 235–240.

37. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 494 с.

38. *Таиров А.Д.* Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Ранний железный век и средневековье. Т. 2 / Этногенез уральских народов. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 494 с.

39. *Таиров А.Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1995. 43 с.

40. Физико-географическое районирование Башкирской АССР / И.П. Кадильников, А.А. Цветаев, Е.С. Смирнова, М.Ф. Хисматов // Ученые записки Башкир. гос. ун-та. 1964. Т. XVI. Серия географическая. № 1. 210 с.

41. *Чибилов А.А., Чибилов Ант.А.* Природное районирование Урала с учетом широтной зональности, высотной поясности и вертикальной дифференциации ландшафтов // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Том 14. № 1(6). С. 1660–1665.

42. *Чижевский А.А.* Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

43. *Членова Н.Л.* Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (История и культура) / Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1981. С. 22–33.

44. *Шитова С.Н.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1976. С. 49–94.

Информация об авторе:

Савельев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия); sns_1971@mail.ru

ON THE SOUTHERN BORDER OF THE FOREST AND FOREST-STEPPE CULTURES IN THE URALS IN THE 1ST MILLENNIUM BC

N.S. Savelev

The article demonstrates that the central part of South Ural Mountains with surrounding foot-hills was a special transzonal territory, where the natural conditions prevented development of homogenous and stable ethnic and cultural formations in the central part of the South-Ural region. In the I Millennium BC, this region accepted numerous groups of forest and northern forest-steppe population who continuously migrated here from the north and lived in the immediate vicinity to the steppe nomads. The author identified three main itineraries of such groups migrating to the south. A number of laws of interaction of forest and northern forest-steppe early Iron Age population was considered, both among themselves and with the nomads.

Keywords: archaeology, South Urals, meridional natural zonation, nomads of Scythian-Sarmatian time, forest and forest-steppe population, trans-Ural route, transzonal paths. references

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Vasil'ev, I. B., Ivanov, V. A., Obydenov, M. F. 1985. In Kosarev, M. F. (ed.). *Bronzovyi vek Iuzhnogo Priural'ia (Bronze Age of Southern Cis-Urals)*. Ufa: Bashkirian State Pedagogical Institute, 21–40 (in Russian).
3. Garustovich, G. N., Savelev, N. S. 2004. In *Ufimskii arkhelogicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 5. Ufa: "Gilem" Publ., 93–118 (in Russian).
4. Gutsalov, S. Yu. 2004. *Drevnie kochevniki Iuzhnogo Priural'ia VII–I vv. do n.e. (Ancient Nomads of Southern Cis-Urals: 7th – 1st Centuries BC)*. Ural'sk: Center for History and Archaeology of Western Kazakhstan (in Russian).
5. Zimina, O. Yu., Zakh, V. A. 2009. *Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov (Lower Tobol River Area at the Turn of Bronze and Iron Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Zudina, V. N. 2010. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) XV. Samara: "Ofort" Publ., 101–110 (in Russian).
7. Ivanov, V. A. 1982. In Ivanov, V. A. Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Priural'e v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cis-Urals Region in the Bronze and Early Iron Ages)*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 52–77 (in Russian).
8. Ivanov, V. A. 2009. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkhelogo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VI. Perm, 61–68 (in Russian).
9. Ivanov, V. A. 2014. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 58–81 (in Russian).
10. Izmailov, I. L. 2015. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 326–332 (in Russian).
11. Kul'sharipov, M. M. (ed.-in-chief). 2009. *Istoriia bashkirskogo naroda: v 7 tomakh (History of the Bashkir People in 7 Volumes)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Korenyuk, S. N., Melnichyuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 116–132 (in Russian).
13. Kotov, V. G., Rumiantsev, M. M., Savelev, N. S. 2014. In *Izvestiia Arkheologicheskogo obshchestva Respubliki Bashkortostan (Bulletin of the Archaeological Society of the Republic of Bashkortostan)* 1 (1). Ufa, 16–17 (in Russian).
14. Kotov, V. G., Savelev, N. S. 2007. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2005 g. (Archaeological Discoveries in 2005)*. Moscow: "Nauka" Publ., 377–380 (in Russian).
15. Krizhevskaya, L. Ya. 1962. In Kuzeev, R. G., Sal'nikov, K. V. (eds.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkiri (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* 1. Ufa: Bashkirian Branch, Academy of Sciences of the USSR, 75–87 (in Russian).
16. Kuzminykh, S. V., Vinogradov, N. B. 2015. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 274–290 (in Russian).
17. Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).
18. Levit, A. I. 2001. *Iuzhnyi Ural: Geografiia, ekologiya, prirodopol'zovanie. Uchebnoe posobie (Southern Ural: Geography, Ecology, Environmental Management: Textbook)*. Chelyabinsk: "Iuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ.; "Iuzhno-Ural'skii izdatel'sko-torgovyi dom" Publ. (in Russian).
19. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikame v ananinskuiu epokhu (The Lower Kama River Region in the Ananian Epoch)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology

of Eurasian Steppes) 4. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

20. Matveeva, N. P., Larina, N. S., Berlina, S. V., Chikunova, I. Yu. 2005. *Kompleksnoe izuchenie uslovii zhizni drevnego naseleniia Zapadnoi Sibiri (Complex Studying of Life Conditions of Ancient Residents of Western Siberia)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

21. Matiushin, G. N. 1982. *Eneolit Iuzhnogo Urala (Eneolithic of Southern Ural)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

22. Morozov, Iu. A. 2009. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 9. Ufa: "Gilem" Publ., 90–106 (in Russian).

23. Morozov, Iu. A. 2004. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 5. Ufa: "Gilem" Publ., 119–126 (in Russian).

24. Moshkova, M. G. 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoi (prokhorovskoi) kul'tury (Origins of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

25. Obydenov, M. F. 1998. *Arkheologicheskie kul'tury kontsa bronzovogo veka Prikam'ia (Final Bronze Age Archaeological Cultures of the Kama Region)*. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).

26. Obydenov, M. F. 1997. *Arkheologicheskie pamiatniki verkhov'ev Agideli (Archaeological Sites in the Upper Agidel (Belaya) River Area)*. Series: Otchety Ishtuganovskoi kompleksnoi ekspeditsii (Reports of the Ishtuganovo Complex Expedition) 1. Ufa: "BEK" Publ. (in Russian).

27. Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

28. Rafikova, Ya. V. 2013. In *Vestnik Vostochnoi ekonomiko-iuridicheskoi gumanitarnoi akademii (Bulletin of the Eastern Economics and Law Humanities Academy)* (6 (68)), 228–235 (in Russian).

29. Savelev, N. S. 2004. In *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural)* II. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 119–122 (in Russian).

30. Savelev, N. S. 2006. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviia na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in Southern Ural)* III. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 80–83 (in Russian).

31. Savelev, N. S. 2000. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 2. Ufa: "Gilem" Publ., 17–48 (in Russian).

32. Savelev, N. S. 2007. *Mesiagutovskaia lesostep' v epokhu rannego zheleza (Mesyagutovo Forest-Steppe Area in the Early Iron Age)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

33. Savelev, N. S. 2011. In Spitsyn, N. Kh., Leibov (Suvorov), N. A. (eds.). *Antropologiya bashkir (Anthropology of Bashkirs)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 11–24 (in Russian).

34. Savelev, N. S. 2011. In Kotov, V. G. (ed.). *Nasledie vekov (Heritage of Ages)* 2. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 42–70 (in Russian).

35. Savelev, N. S. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature, 191–206 (in Russian).

36. Savelev, N. S. 2010. In Obydenova, G. T. et al. (eds.). *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiya (18th Ural Archaeological Conference: Cultural Areas, Archaeological Cultures, Chronology)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 235–240 (in Russian).

37. Moshkova, M. G. (ed.). 1992. *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

38. Tairov, A. D. 2000. In Botalov, S. G., Grigor'ev, S. A., Mosin, V. S., Tairov, A. D. *Drevniaia istoriia Iuzhnogo Zaural'ia (Ancient History of the Centre Northern Eurasia) 2. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Early Iron Age and Middle Ages)*. Series: Etnogenez ural'skikh narodov (Ural's People Ethnic Genesis). Chelyabinsk: South Ural State University, 3-205 (in Russian).

39. Tairov, A. D. 1995. *Torgovye kommunikatsii v zapadnoi chasti Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Trade Communications in the Western Part of the Ural and Irtysh Interfluves Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).

40. Kadil'nikov, I. P., Tsvetaev, A. A., Smirnova, E. S., Khismatov, M. F. 1964. *Fiziko-geograficheskoe raionirovanie Bashkirskoi ASSR (Physiographic Demarcation of the Bashkir Autonomous Republic)*. Series: Scientific Bulletin of the Bashkirian State University XVI. Geography Series 1 (in Russian).

41. Chibilyov, A. A., Chibilyov, Ant. A. 2012. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 14, no. 1, 1660–1665 (in Russian).

42. Chizhevsky, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 211–224 (in Russian).

43. Chlenova, N. L. 1981. In Litvinskii, B. A. (ed.). *Sredniaia Aziia i ee sosedi v drevnosti i srednevekov'e (Istoriia i kul'tura) (Central Asia and Its Neighbours in Antiquity and Middle Ages: History and Culture)*. "Nauka" Publ., "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ., 22–33 (in Russian).

44. Shitova, S. N. 1976. In Bikbulatov, N. V., Kuzeev, R. G. (eds.). *Etnografiia Bashkirii (Ethnography of Bashkiria)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkir Branch, Institute of History, Language, and Literature, 49–94 (in Russian).

About the Author:

Savelev Nikita S., Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sns_1971@mail.ru

Статья поступила в номер 19.09.2016 г.

УДК 902/904

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА - СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ (ЛЕС И ЛЕСОСТЕПЬ)¹

© 2017 г. В.А. Иванов

Рассматривается география распространения поселений эпохи финала раннего железного века (гляденовская культура) – раннего средневековья (вторая половина I тыс. н.э.: мазунинская/бахмутинская, ломоватовская, неволинская, полонская/чепецкая, кушнаренковская/караякуповская культуры) Прикамья и Предуралья. Статистика поселений указанных культур, исследованных археологическими раскопками, показывает, что их удельный вес среди общей массы памятников, опубликованных на картах-схемах, весьма незначителен. Это ставит под сомнение целый ряд аспектов, связанных с характеристикой этих культур. Во-первых, время функционирования поселений: их столь плотное, как это указано на опубликованных картах-схемах, распространение на единицу площади не позволяет считать эти поселения одновременными. Во-вторых, выделение различных локально-территориальных вариантов указанных археологических культур при условии незначительного и неравномерного исследования поселенческих памятников носит формальный характер и вряд ли отражает реальную культурно-историческую ситуацию в регионе в рассматриваемый период. В связи с этим автор ставит вопрос о распространении опыта изучения поселений полонской/чепецкой культуры, разработанного М.Г. Ивановой и её коллегами, на всю территорию Прикамья и Предуралья. В противном случае, по мнению автора, дальнейшее изучение указанной эпохи в регионе обречено на порождение всевозможных метапостроений и метаисторий, сводящих на нет источниковедческую составляющую археологии как науки.

Ключевые слова: археология, Южное Предуралье, Прикамье, ранний железный век, раннее средневековье, мазунинская, ломоватовская, неволинская, полонская и кушнаренковская культуры, городище, поселение, локальные варианты, хронология, методы исследований.

В историографии археологии Урало-Поволжья эпохи раннего средневековья (да и других эпох) давно уже бытует устойчивое мнение о том, что Прикамье и Южное Предуралье – лес и лесостепь – представляют собой наиболее изученные и соответственно наиболее эмпирически насыщенные и информационно обеспеченные терри-

тории. И действительно, если взглянуть на карты-схемы археологических культур региона рассматриваемого периода, буквально испещренные значками, обозначающими выявленные археологические объекты – поселения и могильники, – то оно и получается. Счет этих памятников внутри археологических культур идет на де-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века» Проект №16-31-00010.

сятки и сотни. Например, по данным Т.И. Останиной², известно в общей сложности 389 городищ и селищ *мазунинской/бахмутинской культуры*, расположенных на стыке ландшафтных зон смешанных хвойно-широколиственных и широколиственных лесов (Останина, 1997, с. 286, рис. 41).

С севера к ареалу мазунинской культуры примыкала территория расселения носителей *гляденовской культуры* – обитателей зоны темнохвойных таежных лесов. По данным М.Л. Перескокова, сейчас известно 455 поселений, которые исследователь датирует финалом раннего железного века в Прикамье. Автор объединяет их в четыре локальных варианта – Пермский, Верхнекамский, Тулвинско-Частинский и Осинский – каждый из которых состоит из N-го количества племенных территорий (в общей сложности их набирается 15) (Перескоков, 2013, с. 59).

Хронологически следующие за ними *ломоватовская* (192 городища и селища), *неволинская* (170 поселений) и *поломская/чепецкая культуры* (60 поселений) расположены в зоне темнохвойно таежных лесов³ (Голдина, 1985, рис. 1; 2012, с. 232, рис. 1; Голдина, Кананин, 1989, с. 131, рис. 3; Иванова, 1999, с. 213, рис. 1).

Южнее, на границе ландшафтных зон широколиственных лесов и лесостепи, расположены памятники *турбаслинской* (V–VI вв.) и *кушнаренковской и караякуповской* (VII–IX вв.) культур (соответственно 45 и 34 памятника).

² Мало изменившимся с тех пор.

³ Хотя памятники неволинской культуры расположены на стыке ландшафтных зон темнохвойно таежных и широколиственно-хвойнотаежных лесов.

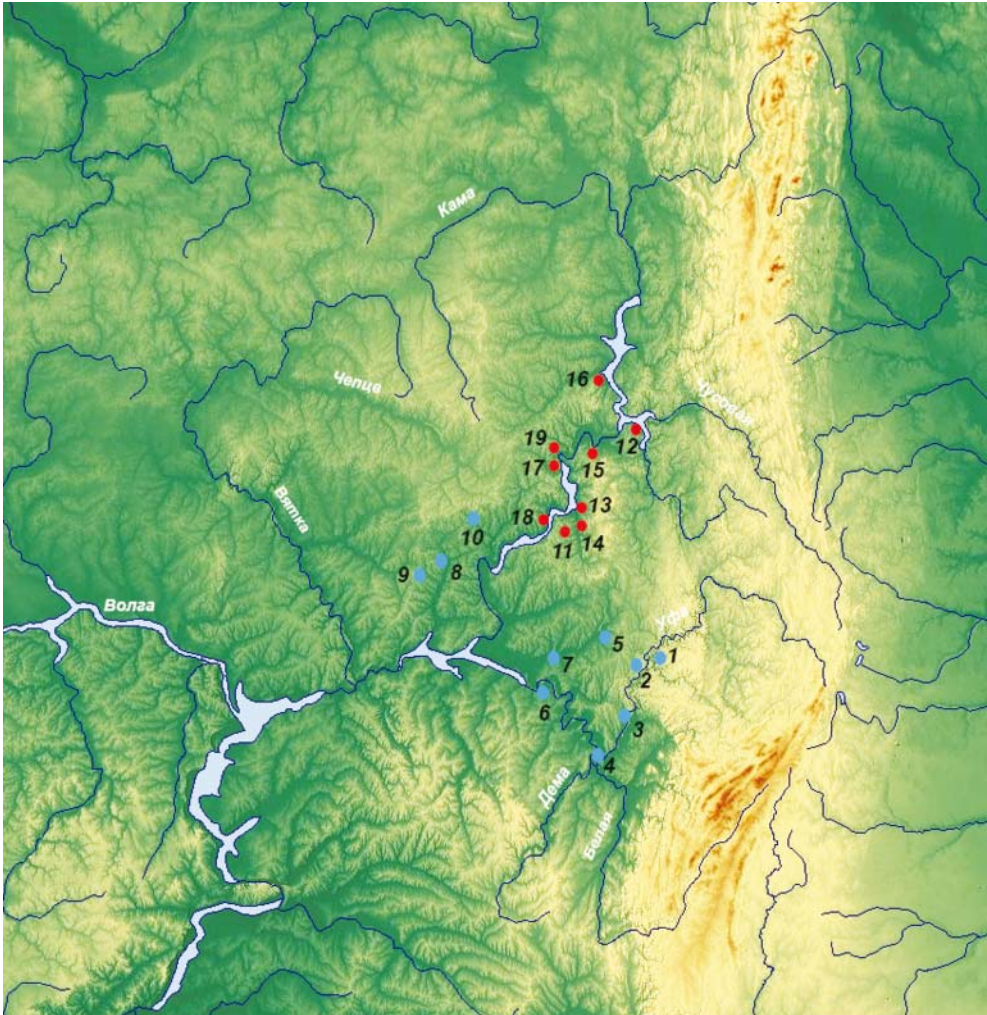
А priori материал из этих памятников дает нам всестороннюю информацию об этнокультурной и социально-экономической истории населения Прикамья и лесного и лесостепного Предуралья эпохи раннего средневековья. И действительно, авторы обобщающих трудов по древней и средневековой истории населения Прикамья и Предуралья много внимания уделяют характеристике социально-экономической жизни описываемого населения. И вне зависимости от количества страниц в том или ином исследовании, посвященном описанию экономической истории населения региона, вывод получается общий для всех: для племен мазунинской/бахмутинской, турбаслинской, ломоватовской и неволинской культур основной хозяйством являлись скотоводство и земледелие. Причем до XI в. в регионе применялось подсечное и мотыжное земледелие, после – плужное (Сарапулов, 2015, с. 113–121). В качестве подспорья практиковали охоту и рыболовство, знали металлургическое производство, цветное литье и домашние промыслы, в частности прядение и ткачество. И это вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Тем более что результаты соответствующих исследований подробно и пространно были изложены 50 лет тому назад, как говорится, «на заре прикамско-приуральской археологии», О.Н. Бадером, В.А. Обориным, В.Ф. Генингом. Основоположники недостаточность, а подчас и просто отсутствие надлежащих источников, восполняли обращением к авторитету классиков марксизма-ленинизма и тем самым немногочисленным тогда еще данным находили соответствующее место в формационной схеме

исторического развития. И грех их за это судить и критиковать!

Однако диалектика научного познания заставляет нас обратиться к тому объему археологических источников, которые используются современными исследователями в их реконструкциях социально-экономической истории населения Урало-Поволжья в эпоху раннего железного века – средневековья. По сведениям М.Л. Перескокова, раскопки проводились на 12 городищах и 14 селищах гляденовской культуры (Перескоков, 2013а, с. 10). Это составляет 5,7% от всех известных поселенческих памятников гляденовской культуры (всего – 455). К сожалению, у названного автора мне не удалось найти сведений о том, насколько широко раскопки охватывают локальные варианты гляденовской культуры, как раскопанные поселения соотносятся между собой хронологически, отражается ли их локализация в керамическом материале. Однако по данным, собранным мною из публикаций других авторов, удалось установить, что большинство из исследованных городищ – Горюхалихинское, Осинское, Федотовское, Городищенское, Усть-Сылвенское, Махонинское, Черновское, Пещерское, Мало-Слудское – относятся к двум из выделенных М.Л. Перескоковым локальным вариантам – осинскому и пермскому (рис. 1). Сам исследователь указывает, что поселения располагаются группами по 2–7 памятников, находящимися на расстоянии не более 1,5 км друг от друга (Перескоков, 2013а, §2.2), что уже само по себе ставит под сомнение одновременность их существования. А вариабельность их площади – от нескольких сотен кв.м до нескольких десятков гектаров – при отсутствии

полностью исследованных памятников есть не более чем авторское предположение.

В первой половине I тыс. н.э. (когда природно-климатические условия региона были максимально близки современному) территория между реками Иж и Уфа (южная периферия зоны широколиственно-хвойнотаежных лесов) была заселена носителями мазунинской/бахмутинской культуры. По сравнению с данными Т.И. Останиной 1997 г. количество выявленных и исследованных поселений этой культуры несколько увеличилось, и сейчас известны 285 селищ и 124 городища, которые располагаются гнездами по правому берегу Камы, Белой и их крупным притокам: в верховьях и приустьевой части Ижа, по р. Буй, Быстрый Танып, Уфа (Останина, 1997, с. 85–86; 285–286; Овсянников, Сунгатов, 2004, с. 238, рис. 15; Бахшиев, Колонских, 2016). Располагаются поселения на вполне оптимальном расстоянии друг от друга, позволяющем небольшим родовым коллективам вести хозяйственную деятельность, не создавая друг другу проблем. Так, по р. Уфе на расстоянии 30 км расположены три городища: Чандарское, Каменная Гора, Варяз. В районе устья р. Иж 25 поселений (городища Чумалийское, Кузубаевское, Балтачевское, Варзи-Пельгинское, Муновское с находящимися возле них селищами) расположены на площади в 465 км², что в среднем дает по 18,6 км² на один памятник. Группа поселений между устьями рек Иж и Белая (9 городищ и 7 селищ: Быргындинское, Чегандинское, Нырғындинское, Малиновское, Муновское, Каракулинское и др.) располагаются в среднем на расстоянии 3,5 км друг от друга. Аналогичным

● - поселения гляденовской культуры

● - поселения мазунинской/бахмутинской культуры

Рис. 1. Поселения гляденовской и мазунинской/бахмутинской культур, исследованные раскопками.

1 – Чандарское гор.; 2 – Каменная Гора гор.; 3 – Варяз гор.; 4 – Уфа II гор.; 5 – Юмакаевское гор.; 6 – Казакларовское гор.; 7 – гор. Барьязы; 8 – Чужьяловское гор.; 9 – Постольское гор.; 10 – Сосновское гор.; 11 – Городищенское; 12 – Усть-Сылвенское; 13 – Осинское; 14 – Пещерское; 15 – Федотовское; 16 – Мало-Слудское; 17 – Горюхалихинское; 18 – Махонинское; 19 – Черновское.

Fig. 1. Glyadenovo and Mazunino/Bahmutino settlements investigated by excavations.

1 – Chandar hillfort; 2 – Kamennaya Gora hillfort; 3 – Variaz hillfort; 4 – Ufa II hillfort; 5 – Umakaevo hillfort; 6 – Kazaklarovo hillfort; 7 – Bariaza hillfort; 8 – Chuzhyalovo hillfort; 9 – Postolskoye hillfort; 10 – Sosnovskoye hillfort; 11 – Gorodische; 12 – Ust'-Sylva; 13 – Osa; 14 – Pescherskoye; 15 – Fedotovo; 16 – Malaya Sludka; 17 – Goriukhalikha; 18 – Makhonino; 19 – Chernovskoye.

образом группа поселений на участке между современным г. Сарапул и устьем р. Сива (7 городищ: Сарапульское, Чупихинское, Яромаское, Дулезовское, Макаровские, Колошево, Нечкинское и 1 селище) расположены в среднем на расстоянии 5,5 км друг от друга. Поселения на р. Буй (Амзинское, Чишминское, Бадряш-Актауское, Исхаковское, Чертово, Сандиякское, Урталгинское, Куединское) – на расстоянии 9,5 км и т.д. В окрестностях этих и других городищ известны так называемые «селища» – местонахождения мазунинской/бахмутинской керамики – точное количество которых неизвестно⁴. А с учетом того что раскопкам были подвергнуты только 10 городищ и 2 селища (что в общей сложности составляет 2,9% от общего количества учтенных памятников) (Останина, 1997, с. 86 и табл. 24; Овсянников, Сунгатов, 2004, с. 218–240), мы не можем судить о том, насколько мазунинские/бахмутинские поселения были синхронны и были ли синхронны вообще. Но даже и при таком допуске мазунинское/бахмутинское население, рассеянное на обширном пространстве, не создавало избыточного давления на окружающий ландшафт (рис. 1).

В недавно опубликованной статье, посвященной методам пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры уфимско-бельского междуречья, авторы оперируют данными по 24 поселениям бахмутинской культуры в низовьях р. Белой. Из них разными исследовате-

лями и в разные годы раскопки производились на 6 памятниках, из которых только одно городище Тра-Тау (Старонагаевское) а priori может считаться исследованным полностью⁵. Анализируя пространственное соотношение и площади поселений (в большинстве своем установленные либо шурфовкой, либо по распространению подъемного материала), авторы приходят к совершенно справедливому выводу о малой степени вероятности одновременного функционирования этих памятников (Бахшиев, Колонских, 2016, с. 64). И хотя я полностью разделяю мнение авторов о перспективности ГИС-метода в анализе археологических объектов, но их вывод о том, что применительно к мазунинской/бахмутинской культуре «центральными поселениями, обладающими, вероятно, максимально широким набором административных функций, вокруг которых концентрировались поселения-сателлиты, являлись неукрепленные поселения (селища), а не городища. В изучаемом регионе это Нижне-Татышевское селище 1-го ранга, имеющее самые мощные гравитационные связи с соседними населенными пунктами» (Бахшиев, Колонских, 2016, с. 74) представляется на данный момент скорее желаемой моделью, поскольку именно указанное селище как раз раскопками и не исследовалось.

На опубликованной Р.Д. Голдиной карте территория неволинской культуры выглядит компактной и плотно заселенной: 63% известных памятников неволинской культуры локализу-

⁴ Какие-то мелкие поселения вокруг них, надо полагать, были, но их никто толком не искал и тем более не исследовал.

⁵ Материалы этих памятников до сих пор не опубликованы, но городище Тра-Тау (Старонагаевское) в 1980-е годы оказалось в зоне предполагаемой АЭС и сейчас не существует.

ются по берегам Сылвы на протяжении около 155 км. Если учесть, что из этих памятников 150 – поселения, то в среднем получается по одному поселению на каждый километр сылвенской поймы (Голдина, 2012, с. 232, рис. 1). Естественно, располагаются они не равномерно, а группами (гнездами) по 5–10 поселений в каждой. Например, группа Насадка-Карьи против устья реки Сыры состоит из пяти поселений, располагающихся на площади 3 км²; Киселево-Стерлягово – из пяти поселений и городища на площади 10 км²; Гари-Щелканы – из одиннадцати поселений на 12 км²; Ломотинское городище и пять селищ располагаются на отрезке в 5 км; четыре городища и 12 селищ – на участке Забор-Калашниково-Гамы (4,5 км)⁶ и т.д. (Голдина, 2012, с. 232, рис. 1).

Из них раскопкам, если судить по доступным широкому кругу исследователей материалам (опубликованным), подвергались только 5 поселений – Елкинское (Городищенское), Верх-Саинское I, Лобач (Пеньковское), Подкаменное городища и Бартымское I селище, расположенные на значительном удалении друг от друга. Это составляет 2,9% от всех неволинских поселений, фигурирующих на карте (рис. 2). Следовательно, остальные отнесены к данной культуре либо по подъемному материалу⁷, либо по результатам шурфовки.

В особую группу Р.Д. Голдина выделяет городище Верх-Саинское I, 37 селищ и 4 могильника, расположенных вокруг него (Голдина, 2001, с. 111). На опубликованной автором

⁶ Примерно по 300 м на одно поселение.

⁷ Как, например, Бартымские II–IV селища (Голдина и др., 2011, с. 116–117).

мелкомасштабной карте-схеме памятников неволинской культуры определить топографическое соотношение городища Верх-Саинское I и связанных с ним поселений, конечно, невозможно. Но если поработать со спутниковой картой бассейна реки Шаквы, то можно выяснить, что они располагаются на расстоянии от 1,4 км (Шаквинские, Урасковские селища)⁸ до 14 км (Заборьевское поселение) от городища. Кроме самого городища, как это явствует из доступных нам материалов, ни одно из поселений не раскапывалось, поэтому их хронология относительно городища (да и относительно друг друга) остается под вопросом. Ясно только, что на столь незначительной по площади территории такое большое количество поселений никак не могло функционировать одновременно.

Само городище Верх-Саинское I площадью 15 тыс.м² Р.Д. Голдина определяет как одно из древних финно-угорских протогородов Приуралья (Голдина, 2001, с. 113). Что, по моему мнению, является явным преувеличением: за внушительной цифрой в 15 тыс.м² площади городища реально стоит площадка треугольной формы, защищенная с напольной стороны 200-метровым валом и имеющая длину 156 м. Для городища как центра-убежища для некоей племенной группы «неволинцев» это вполне внушительная площадь; для «протогорода», подразумевающего оживленную хозяйственную и торговую жизнь, – не так уж и много. Да и вообще, расположенное в лесных дебрях, в 600 м от берега мелкой и узкой реки Шаквы,

⁸ Здесь и далее все расстояния между памятниками указываются, конечно, по прямой.

пригодной только для передвижения в челноках-долбленках, городище Верх-Саинское I едва ли могло претендовать на роль структурного центра для тех же «неволинцев», живших, например, по берегам Сылвы: это ведь более 60-ти км вверх по течению неимоверно петляющей Шаквы или около 40 км – по сухопутным дорогам (если они, конечно, тогда были).

Из всех зафиксированных на опубликованных картах поселений ломоватовской культуры раскопки проводились на восьми городищах (Шудьякар, Ором, Лаврятское, Опутятское, Саламатовское II, Бутырское, Бисеровское II, Назаровское) и семи селищах (Коновлятское, Лисья Курья, Патраковское, Зародятское, Баяновское, Русиновское I и II). Что в общей сложности составляет 7,8% поселений этой культуры (рис. 2). По территории ломоватовской культуры исследованные поселения располагаются неравномерно и охватывают только пять из десяти выделенных Р.Д. Голдиной территориальных групп указанной культуры (Голдина, 1985, с. 11). Более всего поселений рассмотрено на территории верхокамской группы (Бисеровское II, Ором, Шудьякар городища; Селища Русиновское I и II). В остальных группах было изучено либо по 1–2 поселению (Яйвинско-Камская группа – поселение Лисья Курья), либо их исследования ограничивались сбором подъемного материала (Иньвенская группа).

Очевидно, в зависимости от рельефа и ландшафта территории внутри территориальных групп поселения располагались по-разному. На возвышенном правобережье верховьев р. Камы памятники Верхокамской группы (протяженность территории

с севера на юг – 52 км) располагаются более или менее равномерно: от 2,5 км (Русиновские I и II поселения – Горткушетское городище и селище) до 9 км (Русиновские I и II поселения – Бисеровское II городище) друг от друга (рис. 4).

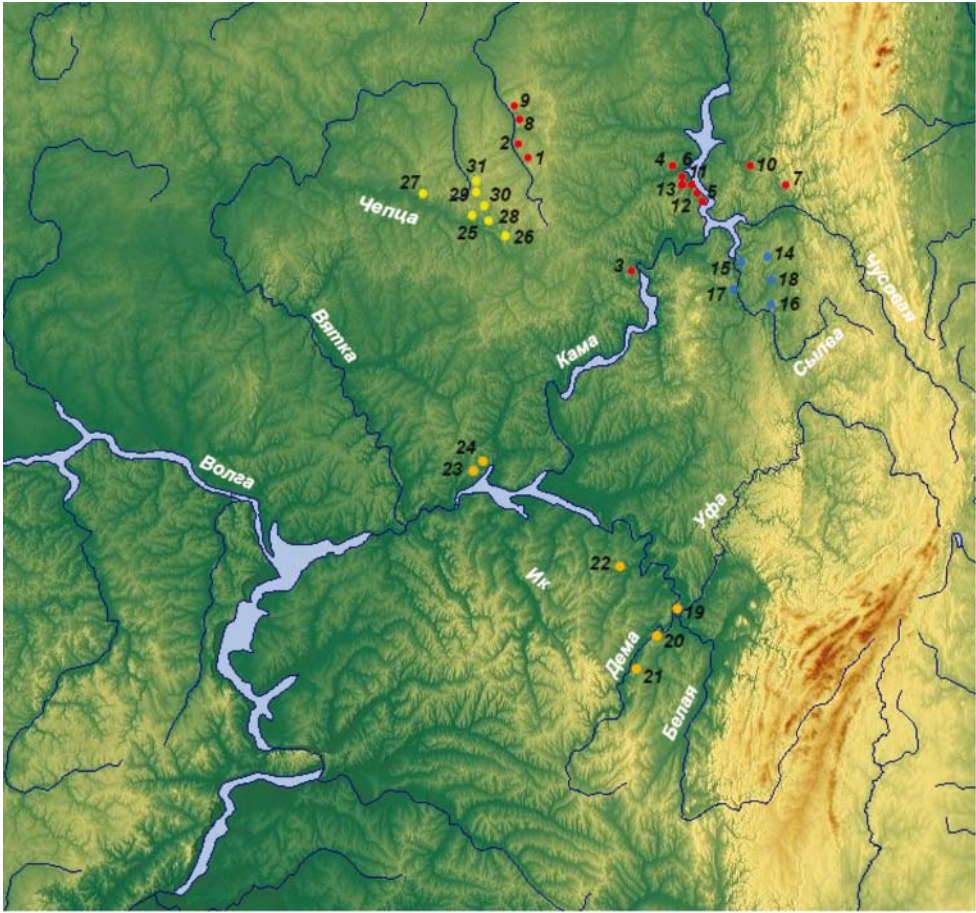
Поселения Косинской группы⁹, размещавшиеся на возвышенностях, окруженных болотами, располагались на расстоянии от 4 км (Харинское городище и селище – Даниловское II селище) до 29–30 км (Косинское – Корчейское городища) друг от друга.

В 100 км к востоку от Косинской группы располагается территория Вишерско-Камской группы памятников ломоватовской культуры. Они разбросаны на обширной территории (≈1000 км²), но в районе д. Амбор – Мелехино (14 км) наблюдается скопление поселений (рис. 3).

Поселения полумской/чепецкой культуры занимают компактную территорию по правому берегу р. Чепцы¹⁰ на расстоянии 111 км (от самого западного Кушманского Уччакар до самого восточного Дебесского Каргурезь (Байгурезь) городищ) (Иванова, 1998, с. 7, рис. 1). И хотя по опубликованной карте-схеме сложно понять территориальное соотношение городищ и селищ между собой, но по названиям памятников можно представить, что они располагались «гнездами»: Кушманское Уччакар городище и два селища; на расстоянии 27 км – Солдырское I Иднакар городище и селище; через 12 км – Вельякарское

⁹ 170 км к северо-востоку от Верхокамской группы через Верхнекамскую возвышенность и болота поймы р. Косы.

¹⁰ На расстоянии 82–85 км к юго-западу от памятников Верхокамской группы ломоватовской культуры.

- - поселения ломоватовской культуры ● - неволинской культуры
- - поломской/чепецкой культуры ● - кушнаренковской/караякуповской к-ры

Рис. 2. Поселения ломоватовской, неволинской, кушнаренковской/караякуповской и поломской/чепецкой культур, исследованные раскопками.

- 1 – Шудьякар; 2 – Ором; 3 – Лаврятское; 4 – Опутята; 5 – Бутырское; 6 – Назаровское; 7 – Саламатовское; 8 – Бисеровское; 9 – Русиновские I и II сел.; 10 – Баяновское сел.; 11 – Патраковское сел.; 12 – Зародятское сел.; 13 – Коновлятское сел.; 14 – Верх-Саинское; 15 – Елкинское (Городищенское); 16 – Лобач (Пеньковское); 17 – Подкаменное; 18 – Бартымское сел.; 19 – Уфа II; 20 – Таптыковское; 21 – Караякуповское; 22 – Старокалмашское; 23 – Благодатское; 24 – Кузубаевское; 25 – Иднакар; 26 – Гурьякар; 27 – Уччакар; 28 – Восьякар; 29 – Дондыкар; 30 – Сабанчикар; 31 – Маловенижское - Поркар.

Fig. 2. Settlements of the Lomovato, Nevolino, Kushnarenkovo/Karayakupovo and Polom/Cheptza cultures investigated by excavations.

- 1 – Shudiakar; 2 – Orom; 3 – Lavriata; 4 – Oputiata; 5 – Butyrskoye; 6 – Nazarovo; 7 – Salamata; 8 – Biserovo; 9 – Rusinovo I, II; 10 – Bayanovo; 11 – Patrakovo; 12 – Zardiata; 13 – Konovliata; 14 – Verkh-Saya; 15 – Elkino (Gorodische); 16 – Lobach (Penkovskoye); 17 – Podkamennoye; 18 – Bartym; 19 – Ufa II; 20 – Taptykovo; 21 – Karayakupovo; 22 – Staryi Kalmash; 23 – Blagoda; 24 – Kuzebayevo; 25 – Idnakar; 26 – Guriakar; 27 – Uchkakar; 28 – Vesiakar; 29 – Dondykar; 30 – Sabanchikar; 31 – Maly Venizh' - Porkar.

городище и селище; еще через 8 км – Гординское Гурьякар городище и селище (Издынь); через 7 км – Базезинское Узьякар городище и местонахождение керамики. Через 37–38 км от них – группа из двух городищ Полемского I Карвалес и Полемского II Гыркешур – от которых на расстоянии 25–26 км вверх по Чепце располагается группа городищ Варнинское I и II и Дебесское Каргурезь. Раскопки, кроме широко известного городища Солдырского I Иднакар, проводились на городищах Везьякар, Гурьякар, Сабанчикар, Дондыкар, Маловенижском Поркар и Уч-какар (Иванова, Модин, 2015; Иванова, 2016), что в общем как бы покрывает всю территорию полемской/чепецкой культуры (рис. 2). Как результат – отсутствие каких бы то ни было локальных вариантов¹¹, что вполне логично: компактная территория проживания со схожим рельефом и одними и теми же природными условиями.

В 450 км к юго-востоку от территории полемской/чепецкой культуры или в 325=330 км к юго-западу от территории неволинской культуры, на границе приуральских широколиственных лесов и лесостепи располагаются городища кушнаренковской/караякуповской культуры: Караякуповское, Таптыковское, Чукраклинское на р. Дема, Уфа-II на р. Белой, Старокалмашевское на р. Калмашке (левый приток р. Чермасан), Благодатское и Кузебаевское в низовьях р. Иж (рис. 2). Все эти памятники (исключая Чукраклинское городище, в 1970-е гг. полностью разрушенное нефтяниками) исследовались раскопками. Какой-либо инфраструктуры в

виде прилегающих к городищам поселений не прослеживается. Во-первых, их никто не искал, во-вторых, те «поселения» кушнаренковской культуры, которые Е.П. Казаков обнаруживает на дюнах в низовьях Белой и Ика (Казаков, 1981; 1981a), в археологическом контексте представляют собой местонахождения кушнаренковской и караякуповской керамики, а в этноисторическом, вероятнее всего, следы сезонных пребываний «кушнаренковцев» и «караякуповцев» – древних мадьяр – в этих местах.

Что касается собственно кушнаренковско-караякуповских городищ, то они, будучи расположенными на значительном расстоянии друг от друга (Караякуповское – Чукраклинское = 25 км; Караякуповское – Таптыковское = 20 км; Таптыковское – Уфа-II = 16 км; Уфа-II – Старокалмашевское = 86 км; Старокалмашевское – Благодатское = 167 км; Благодатское – Кузебаевское = 7 км; Старокалмашевское – Икские «поселения» = 100 км; Икские «поселения» – Благодатское городище = 90 км), с высокой степенью вероятности могли представлять собой опорные пункты угров-мадьяр («кушнаренковцев» и «караякуповцев»), ведших полукочевой образ жизни.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении эмпирические данные позволяют сделать некоторые выводы:

– удельный вес поселений, исследованных раскопками, в общей массе поселений рассматриваемых культур региона весьма незначителен (рис. 5);

– это ставит под сомнение возможность одновременного функционирования сотен и даже десятков поселений, нанесенных на опубликованных картах-схемах. Соответственно, это

¹¹ Во всяком случае, никто из исследователей их не выделяет.

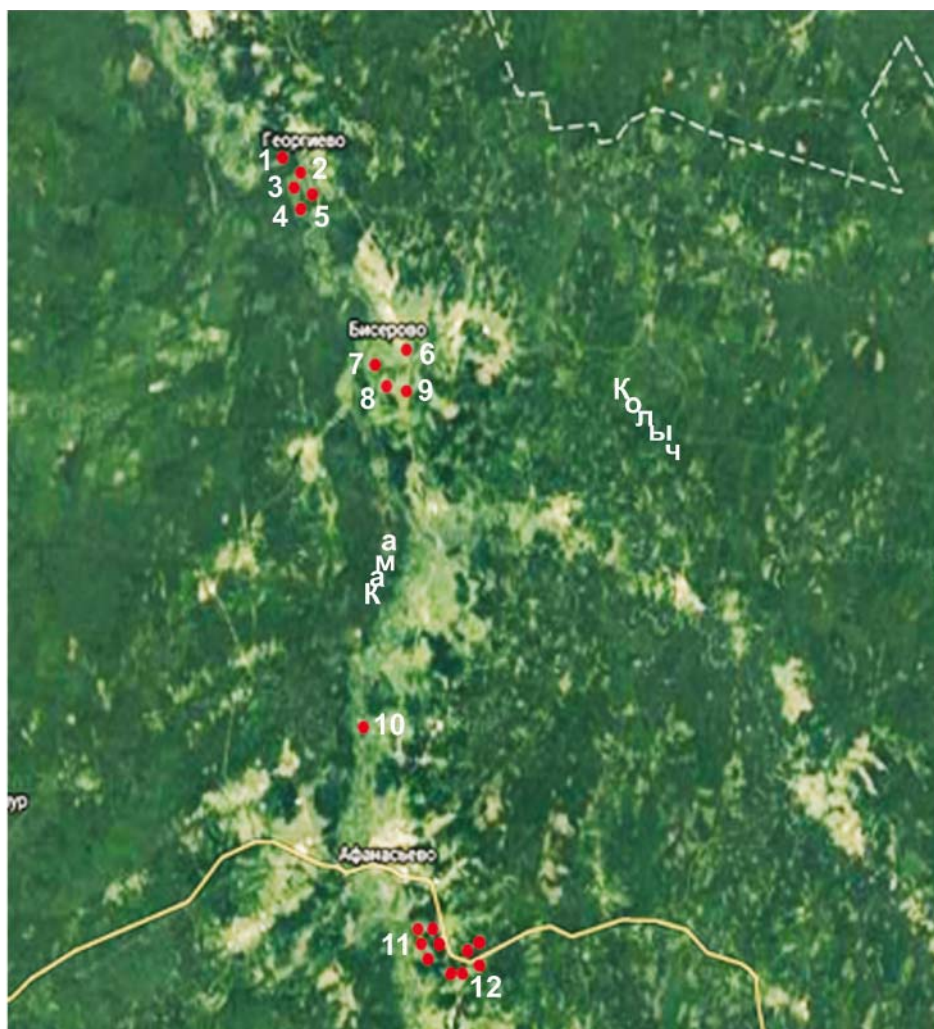

Рис. 3.. Расположение поселений Камско-Вишерской группы ломоватовской культуры. 1 – Кольчужское сел.; 2 – Губинское гор.; 3 – Губинское I сел.; 4 – Губинское II сел.; 5 – Губинское III сел.; 6 – Губинское IV сел.; 7 – Редикорское гор.; 8 – Мелехинское сел.; 9 – Крымкарское сел.; 10 – Лобанихинское гор.

Fig. 3. Location of settlements of the Kama-Vishera group of the Lomovatovo culture.
1 – Kolchuzhskoye settlement; 2 – Gubino hillfort; 3 – Gubino I settlement; 4 – Gubino II settlement; 5 – Gubino III settlement; 6 – Gubino IV settlement; 7 – Redikor hillfort; 8 – Melekhino settlement; 9 – Krymkar settlement; 10 – Lobanikha hillfort.

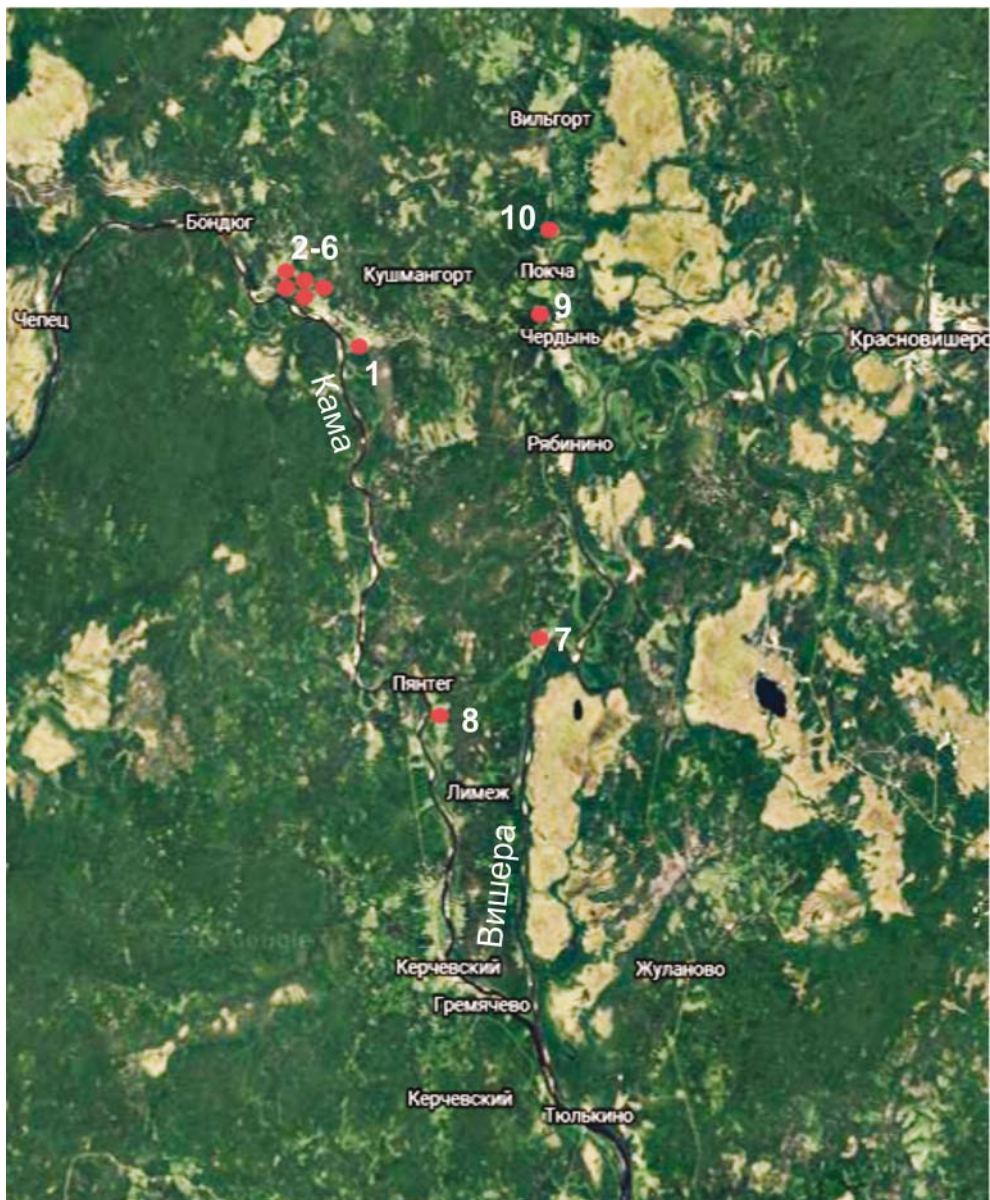

Рис. 4. Расположение поселений Верхо-Камской группы ломоватовской культуры.

- 1 – Георгиевское сел.; 2 – Георгиевское (Зуйкар) гор.; 3 – Шукинские I и II сел.;
 4 – Галанинское I сел.; 5 – Галанинское II сел.; 6 – Бисеровское гор.;
 7 – Русиновское I сел.; 8 – Русиновское II сел.; 9 – Горткушетское гор.;
 10 – Рагозское сел.; 11 – Харинские II–IX сел.; 12 – Аверинские I–IX сел.

Fig. 4: Location of settlements of the Upper Kama group of the Lomovato culture.

- 1 – Georgievskoye settlement; 2 – Georgievskoye (Zuykar) hillfort; 3 – Schukino I, II settlements;
 4 – Galanino I settlement; 5 – Galanino II settlement; 6 – Biserovo hillfort; 7 – Rusinovo I settlement;
 8 – Rusinovo II settlement; 9 – Gortkushet hillfort; 10 – Ragozy settlement;
 11 – Kharino II–IX settlements; 12 – Averino I–IX settlements.

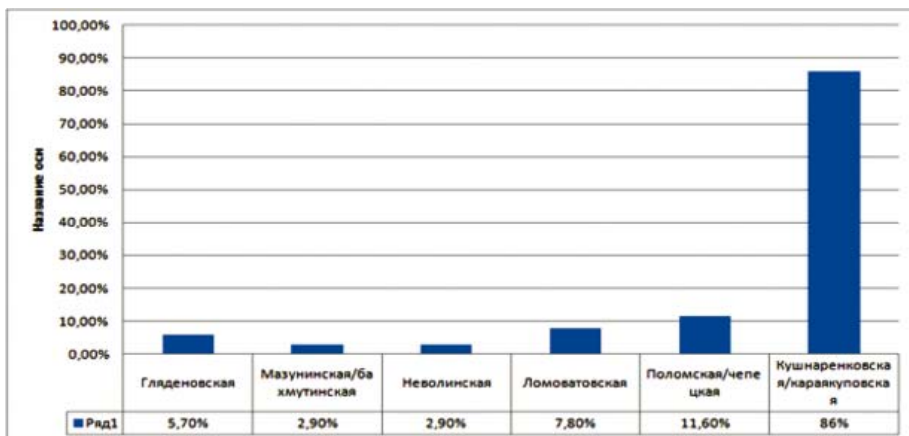

Рис. 5. Гистограмма удельного веса поселений, исследованных раскопками, среди поселений культур эпохи раннего железного века – средневековья Прикамья и Предуралья.

Fig. 5. Histogram of the proportion of excavated settlements among the early Iron Age – early Middle Ages settlements in the Kama region and the Cis-Urals.

ставит под сомнение многочисленность и высокую плотность оставившего их населения¹²;

– география рассмотренных поселений в регионе свидетельствует о том, что их создатели при выборе местообитания руководствовались, прежде всего, здравым смыслом, базирующимся на удобстве топографии и экологии. Поэтому селились там, где было повыше и посуше, при этом не мешая друг другу. И селились не сплошь, а небольшими «гнездами» – родовыми подразделениями. Исходя из географии региона наиболее вероятная форма общения между ними могла быть летом по водным путям, зимой по замерзшим рекам и болотам. В качестве «метаисторического дискурса» можно высказать предположение, что обитатели каких-то удален-

ных друг от друга территориальных групп или локальных вариантов могли прожить свой век, не подозревая о существовании друг друга;

– в этом контексте выделение локальных вариантов или территориальных групп памятников носит формальный характер и, не будучи подкрепленным соответствующей источниковой базой, с точки зрения познания культурно-исторических процессов в Прикамье и Предуралье не имеет смысла. Наглядный тому пример – эмпирика мазунинской/бахмутинской и полемской/чепецкой культур, где относительно равномерное изучение поселений ни к какой их локально-территориальной дифференциации не привело;

– с точки зрения методики археологического познания, пример изучения поселений полемской/чепецкой культуры (исследования М.Г. Ивановой и ее коллег) должен быть принят эталоном для археологии Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века – средневековья.

¹² Контраргумент с примером многочисленных могильников, состоящих из десятков или даже сотен погребений принят быть не может из-за отсутствия точной хронологии этих могильников и надежных антропологических данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахшиев И.И., Колонских А.Г.* Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2016. № 3 С. 59–82.
2. *Голдина Р.Д.* Верх-Саинское I городище – средневековый протогород на средней Шакве // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I–II / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2001. С. 111–113.
3. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
4. *Голдина Р.Д.* О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV– начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широбокова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 203–285.
5. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1989. 216 с.
6. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
7. *Иванова М.Г.* Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 207–254.
8. *Иванова М.Г.* Хронология структурных частей городища Уччакар в бассейне р. Чепцы // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 10. Вып. 3 / Ред. Д.И. Черашняя, Р.В. Кириллова. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. С. 134–145.
9. *Иванова М.Г., Модин Р.Н.* Кушманское городище Уччакар X–XIII вв.: материалы внешней части в контексте развития средневековых поселений // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. С. 138–151.
10. *Казаков Е.П.* Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С.115–135.
11. *Казаков Е.П.* О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // ВАУ. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск, 1981а. С. 136–140.
12. *Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А.* Городище Каменная Гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 218–240.
13. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
14. *Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс.н.э.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Казань, 2013а. 28 с.
15. *Перескоков М.Л.* Территория и локальные варианты позднего этапа гляденовской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 1(21). С. 58–66.
16. *Сарапулов А.Н.* Средневековое земледелие пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. 170 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

EARLY IRON AGE AND MEDIEVAL SITES IN THE SOUTHERN URAL REGION: CONTEXT OF SOURCES (FOREST AND FOREST-STEPPE)

V.A. Ivanov

The author examines the geography of settlements of the early Iron Age finale (Glyadenovo culture) - early medieval period (second half of the I Millennium BC: Mazunino/Bahmutino, Lomovatovo, Nevolino, Polom/Cheptza, Kushnarenkovo/Karayakupovo cultures) in the Kama River and the Cis-Ural regions. As shown by statistics collected through archaeological studies on these settlements, the proportion of such sites among the general masses of sites from published maps is very small. That, in turn, questions a number of aspects related to the characteristics of these crops. Firstly, the time these settlements functioned: their density, as shown on the published maps, their distribution per square unit, does not allow us to think that these settlements could exist simultaneously. Second, identification of various local-territorial variations of these archaeological cultures, in the context when settlements are not sufficiently and equally studied, will inevitably be just a formality and will hardly reflect the real cultural-historical situation in the region during the studied period. In view of the above, the author suggests scaling-up the approach used to study the Polom/Cheptza culture and developed by M.G. Ivanova and her colleagues to cover the whole territory of the Kama and Cis-Ural regions. Otherwise, the author maintains that any further study of this era in the region is doomed to generation of various meta-constructions and meta-histories to the detriment of archaeology as a source-based science.

Keywords: archaeology, Southern Cis-Ural region, Kama region, early Iron Age, early Middle Ages, cultures: Mazunino, Lomovatovo, Nevolino, Polom, Kushnarenkovo, hillfort, settlement, local variations, chronology, research methods.

REFERENCES

1. Bakhshiev, I. I., Kolonskikh, A. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 59–82 (in Russian).
2. Goldina, R. D. 2001. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* I–II. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 111–113 (in Russian).
3. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
4. Goldina, R. D. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC– 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 203–285 (in Russian).
5. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites at the Headstreams of the Kama River)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
6. Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtское городище IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th–13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

The work was supported by the Russian Fund for Humanities “Comparative Statistic Characteristics of the Early Iron Age Archaeological Cultures in the Kama and Cis-Ural Regions” Project no. 16-31-00010

7. Ivanova, M. G. 1999. In Ivanova, M. G. (ed.). *Finno-ugry Povolzh'ia i Priural'ia v srednie veka (Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions in Middle Ages)*. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 207–254 (in Russian).
8. Ivanova, M. G. 2016. In *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy (Yearbook of Finno-Ugric Studies)* 10 (3), 134–145 (in Russian).
9. Ivanova, M. G., Modin, R. N. 2015. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkeologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 138–151 (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Language, Literature and History Institute, 115–135 (in Russian).
11. Kazakov, E. P. 1981a. In Stoianov, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 15. Sverdlovsk, 136–140 (in Russian).
12. Ovsyannikov, V. V., Sungatov, F. A. 2004. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 5. 218–240 (in Russian).
13. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
14. Pereskokov, M. L. 2013. *Permskoe Priural'e v finale rannego zheleznogo veka (pervaia polovina – sredina I tys.n.e.) (Perm Cis-Urals Region in Final Stage of the Early Iron Age: First Half – Middle I Millennium AD)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).
15. Pereskokov, M. L. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 21 (1), 58–66 (in Russian).
16. Sarapulov, A. N. 2015. *Srednevekovoe zemledelie permskogo Predural'ia po arkheologicheskim dannym (Medieval Agriculture of the Perm Cis-Urals Region by Archaeological Data)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru, ivanov-sanych@rambler.ru

Статья принята в номер 19.12.2016 г.

УДК 902/904 (574.1)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ИЗ ЭЛИТНОГО ПОГРЕБЕНИЯ ТАКСАЙ-1: ВЗГЛЯД АРХЕОЛОГА

© 2017 г. Я.А. Лукпанова

Статья посвящена реконструкции женского костюма из центрального погребения кургана № 6 могильника Таксай-1. Рассмотрены основные элементы костюма – платье, кафтан, головной убор, основным декором которого выступают нашивные бляшки, пронизи биконической формы, амулеты-подвески из клыков и зубов волка. Костюм женщины дополняли украшения и личные предметы, которые в соединении составляли логически выстроенный ансамбль, где каждая вещь, образ, штрих, линия, имели свое определенное место. Основная часть предметов выполнена в «зверином» стиле, изображения создавали невидимые орнаменты, несущие в себе некий символ, знак. Таксайская группа символов на костюме женщины выстроена так, что позволяет высказать предположение о принадлежности погребенной к высокому социальному статусу, предположительно к жреческому сословию.

Ключевые слова: археология, курган, жрица, реконструкция, декор, «звериный» стиль, протома, символ, амулет-подвеска, жреческое сословие.

Настоящая статья посвящена результатам предварительной реконструкции костюма женщины сарматской эпохи и анализу отдельных элементов одежды, декора и украшений из кургана № 6 комплекса Таксай-1 (Теректинский р-н, Западно-Казахстанская область). Памятник открыт и исследован в 2012 г., датируется нами VI–V вв. до н.э. на основе результатов радиоуглеродного анализа (C14), выполненного по дереву и кости.

В 2013 г. специалисты ТОО «Остров Крым» разработали вариант художественной реконструкции женского образа на основе материалов из кургана № 6 комплекса Таксай-1 (Алтынбеков, 2013, с. 48–56). Позволим себе предложить вариант реконструкции костюма с точки зрения археолога.

Характеристика материала

В кургане № 6 было обнаруже-

но три женских погребения, два из которых совершены на уровне погребенной почвы. Два захоронения представлены обезглавленными индивидуумами, ориентированными в юго-западном направлении. Погребение № 3 совершено в центральной подпрямоугольной яме, под двойным бревенчатым обуглившимся накатом (рис. 1: 1). Обгоревший скелет женщины (?) сохранился плохо, был положен на циновку у восточной стены могильной ямы (рис. 1: 2). Череп погребенной сохранился частично, кости скелета оказались смещенными. Анатомический порядок костей был нарушен в результате тления бревна под погребенной, однако определенная последовательность, фиксируемая в расположении костей, позволяет сделать вывод о том, что скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад с некоторым отклонением к юго-западу. Лицевая сторона обращена к севе-

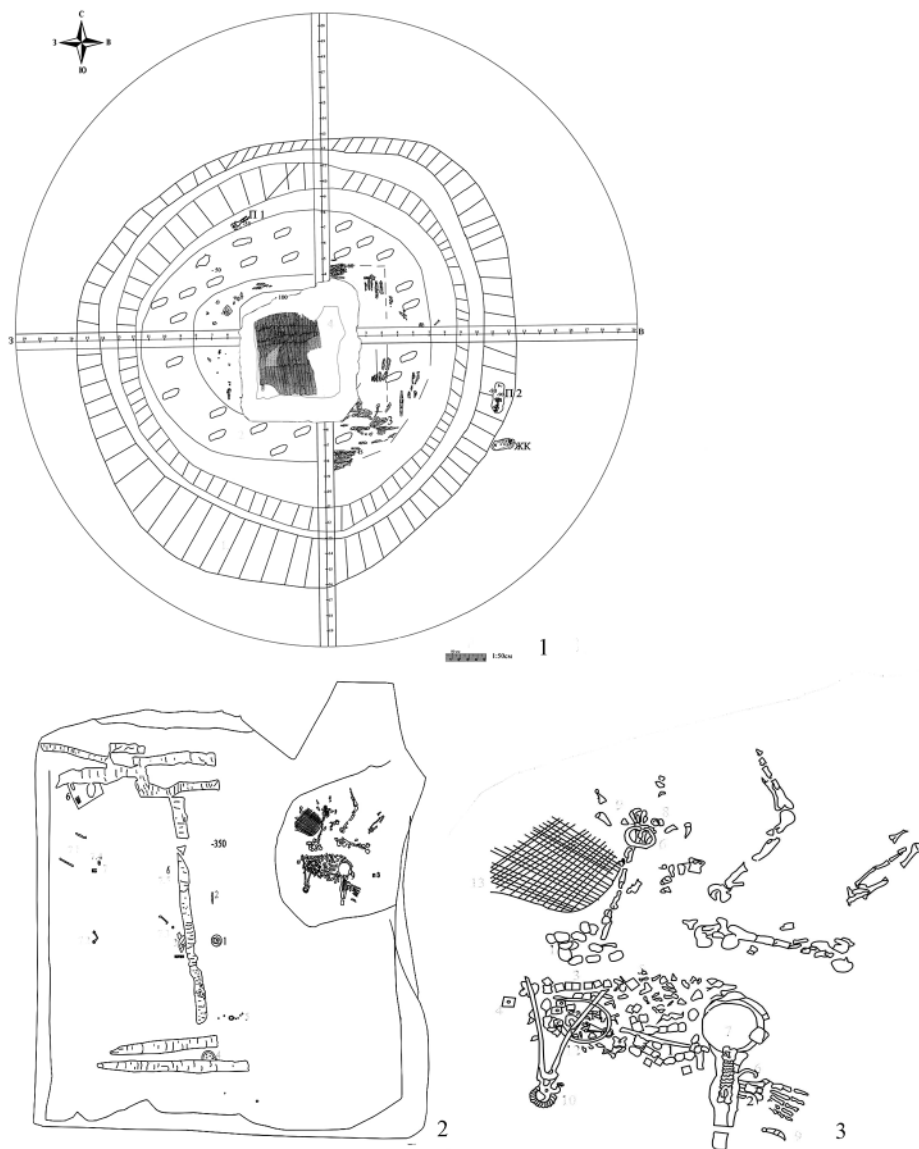

Рис. 1. 1 – план кургана № 6, могильник Таксай-1; 2 – центральная яма с бревенчатым перекрытием; 3 – погребение № 3.

Fig. 1. 1 – plan of barrow no. 6, burial ground Taksay-1; 2 – central pit covered by logs; 3 – grave no. 3.

ру. Руки были расставлены в стороны. Правая нога была разделена в коленном суставе, малоберцовая и большеберцовая кости ноги погребенной были зафиксированы ниже, сохранились *in situ*, это дает основание пред-

полагать, что ноги погребенной были вытянуты. У погребенной отсутствовали кости стопы, фаланги, плюсны и предплюсны обеих ног; возможно, они были отрублены. Фиксируемый рост погребенного человека – 1,50 м

(рис. 1: 3) (Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 131–132).

От женского костюма сохранились художественные элементы, представленные различными нашивными бляшками и пронизиями (Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 189–190) биконической формы, а также каркас головного убора. Частично предметы сохранились *in situ*, но в результате тления бревна под погребенной, с левой стороны, они сместились. Одежда женщины, очевидно, была предназначена для повседневной носки, поскольку на некоторых бляшках и пронизиях присутствуют следы ремонта, а украшения потерты от длительного использования.

Одежда

Женщина была облачена в высокий, остроконечный головной убор, форма которого реконструируется благодаря находке конусовидного каркаса, выполненного из желтого металла. Каркас представляет собой стилизованное изображение таутеке, изготовленное в комбинированной технике. Верхняя часть головного убора представлена в виде скульптурной протомы, а нижняя часть – это схематично переданные ноги в виде двух узких пластин, сложенных вдвое, завершающихся на концах подвесками, которые представляют собой стилизованное изображение копыт (рис. 2: 1).

Мощный рог таутеке закручен вокруг головы и заканчивается на затылочной части животного. Окончание рога гладкое, неорнаментированное. На лбу животного проработан второй рог, подтреугольной формы, с рельефными валиками, напоминающий рог единорога. Ухо листовидное. В его средней части имеется сквозное

отверстие, по всей видимости, для подвески, которая была утеряна еще в древности. Четко выражен контур глаза в виде лепестка с рельефным обрамлением с высоким веком, слезницей и миндалевидным зрачком. Морда животного детализирована линией рта и выраженной ноздрей. Бородка таутеке изображена в виде полукруга со сквозным отверстием, в которое вдето кольцо из тонкой проволоки. На кольцо нанизаны сложносплетенные цепочки, заканчивающиеся подвесками в виде двух шариков. Шарики состоят из двух спаянных полусфер, к нижней части которых припаяны по три зернышка и одной четырехлопастной подвеске.

На каркасе фиксируются тонкие петли, припаянные с внутренней части пластин. Вероятно, они предназначались для пришивания данного элемента к основе головного убора, изготовленного, видимо, из тонкого войлока или кожи. Каркас придавал четкие контуры головному убору. По внешнему краю пластин припаяна тонкая проволока, образующая окантовку края пластин. Нижняя часть пластин слегка срезана, она чуть уже, чем основная часть, под которой предположительно проходил ободок, который фиксировал нижнюю часть конуса головного убора. На концы пластин припаяно три кольца из тонкой проволоки, к которым подвешены шарики, выполненные из двух полусфер и подвески, напоминающие контур перцевидных фигур. Все подвески с тремя зерненными навершиями.

Слева от черепа, на уровне основания конуса головного убора, выявлены маленькие свастиковидные бляшки *in situ*, сшитые попарно, всего их шесть штук; вероятно, они были

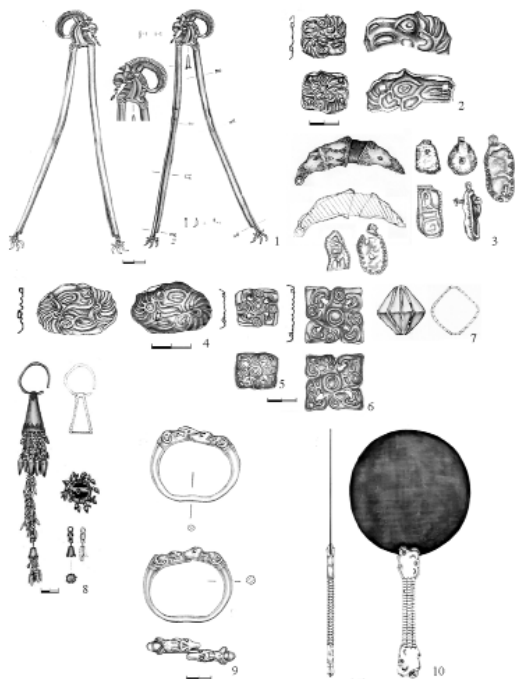

Рис. 2. 1 – каркас головного убора; 2, 4, 5, 6 – бляшки нашивные; 3 – клык и зубы волка в золотой обкладке; 7 – пронизи; 8 – височные подвески; 9 – браслеты; 10 – зеркало.

Fig. 2. 1 – carcass of headdress; 2, 4, 5, 6 – sewn on badges; 3 – tusk and teeth of wolf, clad in gold; 7 – beads; 8 – temporal pendants; 9 – bracelets; 10 – mirror.

нашиты на нижнюю часть головного убора по окружности.

По мнению К.А. Акишева, «остроконечные шапки носили не только саки-тиграхауда, но и представители всех других сакских племен и даже европейские скифы» (Акишев, 1978, с. 44). Очевидно, что остроконечные шапки носили и ранние кочевники Степного Приуралья.

По расположению предметов, которыми была декорирована одежда погребенной, мы допускаем, что она состояла из платья с длинными, свободными по крою рукавами и короткого кафтана с укороченным рукавом, расширяющимся раструбом. Рукав кафтана, возможно, заканчивался приблизительно чуть выше локтя.

Платье с длинным свободным рукавом. На платье были нашиты бляшки подквадратной формы с изображением композиции из двух противопоставленных голов баранов, замкнутые

в квадрат – всего семь экземпляров (рис. 2: 2). Они были обнаружены с левой и правой стороны погребенной, чуть выше тазовых костей, по два экземпляра; вероятно, нашиты попарно. Две бляшки найдены на внешней стороне обеих кистей рук погребенной и последняя – среди скоплений бляшек с правой стороны чуть выше локтя. По всей видимости, по два экземпляра было нашито на рукава, выше локтя и на манжеты.

Возле правой кисти обнаружены амулеты-подвески (рис. 2: 3) из клыка и зуба волка (остеологический анализ выполнен к.и.н. Яворской Л.В., старшим научным сотрудником Института археологии РАН), на клык с двух сторон были вдеты обкладки из желтого металла, украшенные зернью, одна из которых с петлей для подвешивания, зуб также был обложен обкладкой с петлей. Подобно этому с левой стороны выявлены два клыка

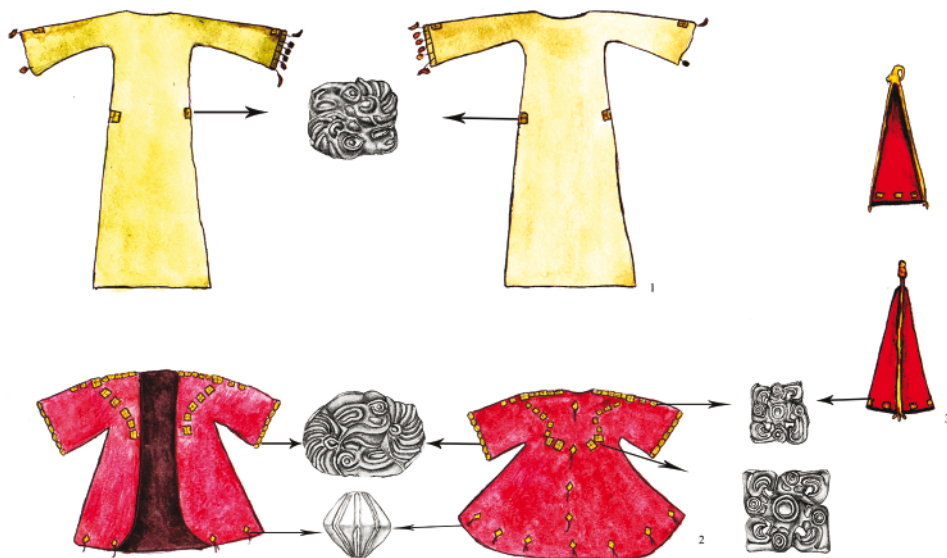

Рис. 3. 1 – платье; 2 – верхняя распашная одежда; 3 – головной убор.

Fig. 3. 1 – dress; 2 – two-leaved overdress; 3 – headdress.

и пять зубов волка разных размеров в золотой (определение металла выполнены И.А. Блиновым, научным сотрудником Института Минералогии УрО РАН, г. Миасс, РФ) обложке, также с петлей для подвешивания. Вероятно, амулеты-подвески были подвешены к окантовке рукава платья. С.А. Яценко отмечает, что в costume женщины украшалось три участка – головной убор, края рукавов платья и носки туфель, вместе с этим он подчеркивает, что «нижняя часть рукавов украшалась поперечными рядами бляшек и бус, кожаными ремешками с нанизанными бусами» (Яценко, 2006, с. 83). Данный аргумент не исключает возможность допустить, что амулеты-подвески могли быть подвешены к нижней части рукава платья (рис. 3: 1). Примером могут служить подвески на рукавах платья женщины из кургана Страшная Могила (Яценко, 2006, рис. 42), но и не исключена

версия К. Алтынбекова о том, что они являлись составляющей браслетов-амулетов, надетых на запястье (Алтынбеков, 2013, с. 44).

Поверх платья был надет распашной кафтан (или свободного кроя одежда), на который были нашиты бляшки подовальной и подквадратной формы.

Бляшки подовальной формы с изображением композиции из двух противопоставленных голов архаров, замкнутые в овал, обнаруженные чуть выше локтей погребенной *in situ* 26 экземпляров (рис. 2: 4), располагались вокруг плечевых костей. Судя по расположению бляшек, верхняя одежда имела расширяющийся рукав, к краям которого поперек были нашиты бляшки подовальной формы на каждый рукав по 13 экземпляров. Если совместить эти 13 бляшек на каждом рукаве, мы получаем диаметр рукава, равный 20–25 см.

Второй вид бляшек, служивших в качестве основного элемента декора кафтана, представлял собой нашитые бляшки подквадратной, свастиковидной формы с изображением четырех голов грифонов, расположенных в круговой композиции, – 30 экземпляров (рис. 2: 5), размером $2,5 \times 2,5$ см, шесть из которых нашиты на головной убор, и аналогичные 16 штук, размером 4×4 см (рис. 2: 6).

Они были обнаружены в области груди, плеч, спины погребенной С правой стороны, на ребрах возле плечевой кости, выявлено скопление из шести больших бляшек. Среди костей черепа выявлены три маленькие и одна большая бляшка, слева от черепа расположены маленькие бляшки *in situ*, сшитые попарно, всего их шесть штук. Чуть выше черепа зафиксировано две бляшки – одна маленькая, одна большая. В области шейных позвонков *in situ*, под правыми плечевыми костями и лопаткой были обнаружены, с чередованием, пять маленьких бляшек и одна большая, пять маленьких и две большие бляшки чуть ниже лопатки погребенной. В связи с тем что с левой стороны кости были смещены, уловить расположение бляшек было затруднительно.

На бляшках представлено по четыре головы грифонов, изображенных в профиль и размещенных друг за другом по кругу. Клювы грифонов соприкасаются с затылочной частью грифонов, расположенных впереди. Фантастические животные представлены в виде изображения головы птицы с мощным сомкнутым длинным клювом, загнутым книзу, с выделенной восковицей, с большим круглым выпуклым глазом, обрамленным округлым валиком. Под глазами

грифонов, до затылка, проработана бороздка, окантованная валиком. На оборотной стороне припаяно по четыре петли. Под клювами четырех грифонов пробиты отверстия.

На наш взгляд, за основу реконструкции стоит взять совершенно не потревоженные бляшки под правыми плечевыми костями и лопаткой. Мы видим пять маленьких бляшек, начинающихся от шейных позвонков до плеча, этот ряд заканчивает большая бляшка, далее по рукаву нашиты еще две маленькие бляшки, так как они выявлены с правой стороны вдоль плечевой кости. Затем по спине от уровня большой бляшки снова были нашиты пять бляшек, плавно спускающихся по лопатке до уровня нижних ребер, ближе к позвонку, и завершающихся двумя большими бляшками, образующими полудугу.

Из этого следует, что бляшки были нашиты на верхнюю одежду на плечо и рукав по семь штук маленьких и по одной большой бляшке, на спине по пять маленьких и по две большие бляшки.

Предположительно вдоль всего позвоночника – от шеи до крестца, также с левой и правой стороны погребенной на уровне бедер обнаружены золотые пронизи биконической формы, полые, спаянные из двух конусовидных половинок, внешне напоминающие крупные бусины (рис. 2: 7). На поверхности каждой пронизи проработаны восемь углубленных канавок, в них вставлены по два отрезка проволоки, скрученных из золотых полосок (11 экз.). Судя по местонахождению этих пронизей, они были нашиты на спинку и на подол кафтана (рис. 3: 2).

Очень трудно восстановить декор передней части кафтана, но по распо-

Рис. 4. Реконструкция костюма (общий вид).

Fig. 4. Reconstructed costume (general view).

ложению бляшек, с правой стороны, можно сделать вывод, что на переднюю часть кафтана нашивалось по пять больших бляшек, спускающихся от плеча до груди, образующих также полудугу.

Бляшки с изображением композиции из двух противопоставленных голов архаров, замкнутые в овал, и клыки-амулеты из кургана № 6 находят прямые аналогии с материалами из кургана № 2 комплекса Покровка, исследовавшегося раскопками И.А. Кастанье в 1911 г. (Влияния ахеменидской культуры..., 2012, с. 54).

К сожалению, мы не получили возможность проанализировать материал одежды, он не сохранился.

Костюм женщины дополняли украшения и ритуальные предметы,

непосредственно положенные возле нее, эти предметы являлись неотъемлемой частью костюма и завершали образ человека, которому они принадлежали.

Украшения

С левой и правой стороны височных долей погребенной были обнаружены две подвески (рис. 2: 8) (Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 193). Необходимо подчеркнуть, что четырехлопастные подвески на украшении и на головном уборе аналогичны.

В области шеи и груди зафиксирована гривна с заходящими концами, сделанная из литого золотого прута.

На запястьях женщины были надеты браслеты омеговидной формы с изображением условной сцены терзания фантастическим существом травояд-

ного животного (бычка?): изображены только их головы, при этом хищник как бы впился в загривок жертвы (рис. 2: 9). Фантастические хищники изображены с головой кошачьего хищника и рогами архара. Головы бычков смоделированы обобщенно. На лбу бычков вырезан треугольник, инкрустированный камнем серо-голубого цвета, судя по сохранившемуся фрагменту на одном из браслетов.

На правой руке погребенной, чуть выше кисти, обнаружено двустороннее бронзовое зеркало в ореховом футляре (определение по дереву выполнены М.И. Колосовой, к.б.н., научным сотрудником Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (РФ)). Ручка зеркала оформлена зооморфным орнаментом и обложена золотым листом.

Зеркало с круглым гладким диском, к которому при помощи двух заклепок прикреплен плоский ствол боковой ручки, расширяющийся кверху и книзу. Ручка обложена золотым листом, отходит от края диска и расположена в одной плоскости с ним. Верхняя и нижняя части ручки оформлены в виде двух стилизованных голов грифонов в зеркальном отображении (всего изображения четырех голов). Головы грифонов изображены в профиль, в низком рельефе (рис. 2: 10).

Мотив грифона дан в виде головы птицы с массивным загнутым книзу клювом, с большим круглым выпуклым глазом, обрамленным ободком, в глазницах имеются стеклянные вставки светло-голубого цвета. Под клювами грифонов проработана гравировка в виде запятых. Клювы грифонов соприкасаются с затылочной

частью грифонов, расположенных впереди. Если совместим верхнее и нижнее изображения ручек зеркала, то увидим своеобразный круг, «свастику», повторяющую изображение на бляшках, нашитых на платье погребенной. В изображении выдержана симметрия. Ствол ручки прямой, выполнен в виде «чешуи рыбы», не исключено, что это изображение оперенья птицы.

Слева между костями левой руки и туловища находился стеклянный сосудик в форме миниатюрного горшочка темно-синего цвета, одна сторона которого деформирована и расплавлена. Подобные сосуды характерны для территории Южного Приуралья, чаще всего они фиксировались в женских погребениях.

Предварительный анализ элементов костюма позволяет заключить, что убранство женщины – это логически выстроенный ансамбль. В этой удивительной, органично построенной композиции каждая вещь, образ, штрих, линия имеют свое определенное место (рис. 4).

Семантика

Декор одежды оформлен в «зверином» стиле, что являлось выражением духовных «основ мировоззрения и идеологии» (Мартынов, 1987, с. 14) как ранних кочевников Южного Приуралья, так и народов степной Евразии, при этом они передавали представление о мифологической и религиозной модели мира.

Большинство элементов костюма выполнено в «зверином» стиле, наряду с практической, эстетической функцией они играли магико-религиозную и стратификационную роль, выступали своеобразными символа-

ми, при этом каждый символ, являлся определенным кодом, в котором «аккумулируется и посредством которого передается определенная социальная информация» (Попов, 1996, с. 10).

Древние мастера согласовывали образ зверя с практическим назначением, создавая осмысленную, живую вещь, в которой предмет и мотив изображения на нем сливались воедино.

Образ зверя – это определенный код, который отображал набор знаков, например, мифологических, социальных.

Таксайский зооморфный набор изображений представлен конкретными или фантастическими животными, он не многолик, здесь представлено всего шесть взаимодополняющих образов, их изображения создавали невидимые орнаменты, несущие в себе некий символ, знак, с помощью которых возможно реконструировать идеологические и религиозные воззрения ранних кочевников.

Головной убор, его форма в виде конуса – это символическое древо жизни, гора, вершина. У ранних кочевников существовало три зоны мироздания, при этом образ животного на навершии какого-либо предмета служил инсигнией царской власти, высокого социального положения (Синика, 2004, с. 141). И важно отметить, что предметы были увенчаны изображениями либо существ, связанных с верхним миром, либо же копытных животных, которые и могли обозначать мировое древо в целом (Переводчикова, 1994, с. 17). В классификации животных козел относится к особо ритуально-значимым животным. Б.А. Литвинский считал, что у ираноязычных народов существует культ козла и он связан с культом гор,

циклом «дерева» и плодородия (Литвинский, 1972, с. 145). Возможно, именно этот смысл и заложен в структуре описываемого головного убора.

Горные козлы (таутеке), архары изображались как два одинаковых образа, а баран выступал как солярно-огненный символ и воплощал «хварну» (Акишев А.К., 1984, с. 37–38).

Среди изображений превалирует образ грифона, наряду с другими образами он представлял верхний мир – небо. Птица – общечеловеческий символ неба и солнца (Акишев А.К., 1984, с. 40). Культ солнца занимал одно из главных мест в мировоззрении ранних кочевников, он был одним из идейных выражений космоса и жизненного начала, а свастикавидная форма имела сакрально-магический характер (Смирнов, 1964, с. 139). В германо-скандинавской мифологии свастика трактуется и как древний символ плодородия, и как символ солнца (Смирнов, 1997, с. 2), в индийской мифологии – как солярный символ (Мелетинский и др., 1990, с. 481). Мы считаем, что код этого символа сохранился и у ранних кочевников Южного Приуралья. Образ птицы, изображенной на бляшке из Таксая-1, выступает как геральдический знак, подчеркивая статус человека в иерархии власти.

Изображение сцены терзания на браслетах представлено фантастическим хищным существом и травоядным животным. Семантика сцены терзания объяснялась тремя концепциями интерпретации «звериного» стиля (Королькова, 2006, с. 129). Древние верили в то, что каждая смерть вызывает новое рождение, эта идеология знакома всем народам в традиционных обрядах инициации.

Это одновременно жертвоприношение и рождение чего-то нового, проявление дуализма – борьбы противоположностей в природе. В сцене терзания заложены тотемистический, магический и мифологический аспекты. Е.Е. Кузьмина сцену терзания рассматривает как «символ весеннего возрождения и царского могущества» (Кузьмина, 1987, с. 9).

Костюм всегда наделялся особым смыслом. Он выполнял социальные, сакральные, эстетические, ролевые функции, позволяя различать людей по половому признаку, социальному статусу, территориальной, религиозной принадлежности. Костюм выступает в роли важного историко-культурного источника, который дает информацию о культурно-исторических связях и восприятия окружающего мира.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данное захоронение принадлежит женщине, занимавшей

высокое социальное положение в обществе, а наличие солярных знаков на одежде, отличительного головного убора, украшений свидетельствует об особом статусе погребенной.

Важно отметить, что в погребении были выявлены предметы, принадлежащие ей: зеркало, тёрочник, пест, бронзовый котел, жаровня, ореховый короб с арибалом, двумя конечностями волка и деревянным гребнем (Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 142–143). Данные артефакты позволяют атрибутировать анализируемый комплекс как жреческий.

Археологические памятники обычно дают очень ограниченный материал для суждения об одежде в целом, так как ткани, изделия из кожи, меха редко сохраняются, поэтому какой бы удачной, на наш взгляд, не считалась та или иная реконструкция костюма, она всегда будет иметь статус весьма примерной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
2. *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.
3. *Алтынбеков К.* Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с.
4. Влияния ахеменидской культуры в южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) Т. 2 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: ТАУС, 2012. 468 с.
5. *Королькова Е.Ф.* Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // Материалы и исследования по археологии Евразии / АСГЭ. Вып. 36 / Отв. ред. А.Ю. Алексеев. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 28–59.
6. *Кузьмина Е.Е.* Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифосибирский мир. Искусство и идеология / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 3–12.
7. *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.
8. *Мартынов А.И.* О мировоззренческой и идейной основах искусства скифосибирского мира // Скифосибирский мир. Искусство и идеология / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 13–24.
9. Мифологический словарь / Ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
10. *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.

11. Сдыков М.Н. Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). Уральск: Полиграфсервис, 2013. 292 с.

12. Ситика В.С. Артефакт с зооморфным навершием из кургана 31 могильника позднескифского времени у с. Глиное // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург – 1–4 декабря. СПб.: СПбГУ, 2004. С.138–142.

13. Смирнов В. Свастика – символ мироздания и вечности к единой картине мироздания // газета «ПОТАЕННОЕ» № 4(7). 1997 г.

14. Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.

15. Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т; Восточная Литература, 2006. 664 с.

Информация об авторе:

Лукпанова Яна Амангелдиевна, старший научный сотрудник, Западно-Казахстанский центр истории и археологии (г.Уральск, Казахстан); Yana_2004_75@mail.ru

RECONSTRUCTION OF FEMALE COSTUME FROM THE ELITE BURIAL GROUND TAKSAY-I: A VIEW OF THE ARCHAEOLOGIST

Ya.A. Lukpanova

The article presents a reconstruction of the female costume from the central grave of barrow no. 6 of the early Sarmatian burial ground Taksay-I (Western Kazakhstan). The author examines some key elements of the costume: dress, *kaftan* and headdress, with small sewed-on badges, biconic beads and pendant amulets of wolf fangs and teeth as main decorative elements. It is established that the female costume was decorated by elements of jewelry and personal effects, which altogether made up a logical composition, with each item on its own place and invested with a symbolic meaning. Majority of items were manufactured in animal style. The buried woman's headdress points to her high social status: presumably, she was a priestess.

Keywords: archaeology, Western Kazakhstan, early Iron Age, nomads, barrow, reconstruction, decoration, animal style, protoma, symbol, pendant amulet, priesthood.

REFERENCES

1. Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (Art and Mythology of the Saka)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana (Issyk Barrow. Art of the Saka from Kazakhstan)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
3. Altynbekov, K. 2013. *Vozrozhdeniia iz pepla. Rekonstruktsiia po materialam pogrebeniia zhritys iz kompleksa Taksai I (Reborn from Ashes: Reconstruction by the Materials of the Priestess's Burial from Taksai I Complex)*. Almaty: "Ostrov Krym" Publ. (in Russian).
4. Treister M. Yu., Yablonsky, L. T. (eds.). 2012. *Vliianiia akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V–III vv. do n. e.) (Influences of Achaemenid Culture in the Southern Ural Region (5th–3rd Centuries BC)) 2*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
5. Korol'kova, E. F. 2003. In Alekseev, A. Yu. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Evrazii (Materials and Studies on Eurasian Archaeology)*. Series: Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 36. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 28–59 (in Russian).

6. Kuz'mina, E. E. 1987. In Martynov, A. I., Molodin, V. I. (eds.). *Skifo-sibirskii mir. Iskusstvo i ideologiia (Scythian and Siberian World. Art and Ideology)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 3–12 (in Russian).
7. Litvinskii, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «Kryshi mira» (Ancient Nomads of the "Roof of the World")*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Martynov, A. I. 1987. In Martynov, A. I., Molodin, V. I. (eds.). *Skifo-sibirskii mir. Iskusstvo i ideologiia (Scythian and Siberian World. Art and Ideology)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 13–24 (in Russian).
9. Meletinskii, E. M. (ed.). 1990. *Mifologicheskii slovar' (Mythological Dictionary)*. Moscow: "Sovetskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).
10. Perevodchikova, E. V. 1994. *Iazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi (Language of Animal Images. Sketches of Art from Eurasian Steppes in Scythian Time)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
11. Sdykov, M. N. Lukpanova, Ya. A. 2013. *Rannie kochevniki Zapadnogo Kazakhstana (na primere kompleksa Taksai I) (Early Nomads of the Western Kazakhstan (example of Taksai I Complex))*. Ural'sk: "Poligrafservis" Publ. (in Russian).
12. Sinika, V. S. In Savinov, D. G. (ed.). 2004. *Izobrazitel'nye pamiatniki: stil', epokha, kompozitsii (Fine Arts Artifacts: Style, Epoch, Compositions)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 138–142 (in Russian).
13. Smirnov, V. 1997. In *Potaennoe (Hidden)* 4 (7). Available at: <http://masterskay.gold-lab.ru/istoricheskie-faktyi/simvol-kolovrata-istoricheskie-korni-sbornik-statey-4>.
14. Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Yatsenko, S. A. 2006. *Kostium Drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume in Early Eurasia (Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: Russian State University for the Humanities; "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

About the Author:

Lukpanova Yana A., History and Archaeology Center of Western Kazakhstan. Dostyk St., 184, Uralsk, 090000, Kazakhstan; Yana_2004_75@mail.ru

Статья поступила в номер 15.04.2016 г.

УДК.902.34 903.24

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ «АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО» КОСТЮМА¹

© 2017 г. К. Алтынбеков, Д.К. Досаева

В статье представлены некоторые результаты работ научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» (г. Алматы, Казахстан) по реконструкции «археологического» костюма из погребений раннего железного века. Авторами исследованы органические остатки одежды из кургана № 11 могильника Берель (IV–III вв. до н.э.), находящегося на территории Казахского Алтая. Выполнена частичная реконструкция нескольких предметов одежды: меховой шубы, головного убора и двух чулок из войлока. Достоверность реконструкции подтверждается хорошо сохранившимися аналогами из синхронных алтайских курганов на территории России и Монголии, относящихся к пазырыкской культуре. В статье также приводится описание методики извлечения из раскопа единым блоком (монолитом) непотревоженных захоронений. Подробно рассмотрена техника формирования блоков в раскопе и камеральных исследований «археологического» костюма в этих блоках, применяемые лабораторией «Остров Крым».

Ключевые слова: археология, Восточный Казахстан, Алтай, ранний железный век, пазырыкская культура, «археологический» костюм, курган, консервация, реставрация, реконструкция, блоки-монолиты.

Длительное время наш опыт реконструкции «археологического» костюма базировался на изучении сохранившегося декора (Алтынбеков, Алтынбекова, 2010; Алтынбеков, 2013; Алтынбеков, 2014), и только в последние годы мы целенаправленно занимаемся исследованием и систематизацией органических остатков одежды (Алтынбекова, 2015).

Берельские находки. В 1998–1999 гг. казахстанско-французская экспедиция проводила археологические исследования кургана № 11 могильника Берель IV–III вв. до н.э., расположенного в Казахском Алтае. Конструкция каменного кургана должна была обеспечить создание искусственной подкурганной мерзлоты. Ограбление кургана еще в древности нарушило условия образования лин-

зы мерзлоты, лед присутствовал лишь в отдельных участках конского отсека. Оставив почти непотревоженные останки двух погребенных, грабители полностью раздели их. Остатки одежды, с которой, видимо, было сорвано все, представляющее ценность, обнаружены в саркофаге, на саркофаге, в грабительском лазе в виде отдельных обрывков меха, войлока и других материалов.

Фрагменты извлечены из раскопа по отдельности или небольшими блоками и доставлены в лабораторию «Остров Крым», где после первичной консервации более 10 лет хранились в холодильнике. Ограниченное финансирование реставрационных работ приоритетно направлялось первоначально на консервацию и реставрацию деревянных предметов, и только

¹ Работы выполняются при поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан.

с 2011 г. дошла очередь и до фрагментов одежды. Завершена консервация всех органических остатков, которые могли по местоположению относиться к костюму, выявлено более 60 фрагментов. Это мех, войлок, кожа, шерсть и лишь один небольшой фрагмент ткани (рис. 1).

Остатки меха находились в различном состоянии: 1) сохранились волосяной покров и мездра; 2) мездра с фиксируемым волосяным покровом; 3) волосы без мездры. По объективным причинам мы не могли провести анализ каждого фрагмента, определены лишь типичные виды меха и шерсти². В основном использован мех лисицы. Значительное количество волос является шерстью верблюда, волокна которой не сострижены, а как бы выщипаны из мездры, поэтому сохранились деструктированные луковички.

После стабилизации состояния меха, войлока, кожи проведена систематизация фрагментов по виду и качеству материалов, типу швов и декора. Наиболее информативными для сборки стали кусочки меха с пришитой полоской резной кожи, обозначающие край предмета одежды или его элемента (рис. 2: 1–4). Благодаря им удалось собрать крупный фрагмент шубы – полосу меха размером 125 × 22 см, декорированную с двух сторон нашивками из золотой фольги и кожаными аппликациями (рис. 2: 5). Аналогичные детали присутствуют в пазырыкских, укокских и других комплексах пазырыкской

культуры, однако мех лисицы в них не отмечен. Фрагмент шубы сшит мехом наружу, по краю меха, плотную к пришитой коже, проходил поясик из фигурной фольги, не имеющей основы. Кожаные аппликации нашиты на кожу, укрепленную швами. Выявить рисунок мереи в кожаной отделке не представилось возможным в связи с высокой степенью деградации кожи, вид животного не определен.

Восстановлены сделанные из войлока 2 чулка и головной убор (рис. 3). Форма чулок аналогична предметам из синхронных алтайских курганов, где подобные изделия под названием «сапоги-чулки» найдены в целом виде: такой же шов сзади, тот же подогнутый присборенный носок. Одно из отличий – отсутствие пришитой подошвы. Чулок цельнокроенный, задний шов переходит на подошву. Войлок изготовлен из шерсти овцы.

Форма головного убора также аналогична пазырыкским шапкам-шлемам, но навершие его в виде головы птицы не обнаружено. Возможно, оно содержало большое количество драгоценного металла и было «реквизировано» рабителями.

Пока еще не выяснено назначение верблюжьей шерсти. Как известно, волокна с луковичками не применяются ни в плетении, ни в нитях, ни даже в войлоках. Шерсть могла использоваться как утеплитель, но в каком именно изделии и каким образом на данном этапе исследований непонятно.

Мы получили частичную реконструкцию почти полного костюмного комплекта, относящегося к одному или двум (?) погребенным в кургане. Но осталось еще много неидентифицированных фрагментов, в том числе

² Технологические и химические анализы выполнены старшим научным сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа Е.А. Миколайчук.

Рис. 1. Остатки одежды из кургана № 11 могильника Берель.
1, 2 – блоки-конгломераты; 3–8 – фрагменты органических материалов.

Fig. 1. Remains of clothes from barrow no. 11 of Berel burial ground.
1, 2 – conglomerate blocks; 3–8 – fragments of organic materials.

Рис. 2. Реконструкция фрагмента шубы из могильника Берель.
 1 – фрагмент меха; 2 – рентгеновский снимок фрагмента; 3 – фрагмент меха в развернутом виде; 4 – декорированный край фрагмента; 5 – фрагмент шубы после реконструкции.

Fig. 2. Reconstructed fragment of a fur coat from Berel burial ground.
 1 – fragment of fur; 2 – X-Ray picture of the fragment; 3 – fragment of fur, unfolded view;
 4 – decorated edge of the fragment; 5 – fragment of the fur coat after reconstruction.

Рис. 3. Реконструкция головного убора и чулок из могильника Берель.

Fig. 3. Reconstructed head-dress and stockings from Berel burial ground.

мех, вышитый бисером; аппликация, связанная (?) из шерстяных ниток; вышитый войлок. Работа по реконструкции костюма будет продолжаться.

В данном случае, несмотря на тщательную фиксацию фрагментов одежды при раскопках, реконструкция ее затруднена вмешательством древних грабителей и представляет сложный процесс изучения каждого клочка органического материала. Археологические параллели, использованные для подтверждения достоверности реконструкции – это полностью сохранившиеся вещи из других комплексов, относящихся к пазырыкской культуре. Идентичность большого количества артефактов из синхронных алтайских

курганов, находящихся на территории России, Монголии, Казахстана, позволила нам предположить, что и предметы одежды имеют форму, характерную для носителей пазырыкской культуры (Руденко, 1953; Полосьмак, Баркова, 2005; Молодин, Парцингер, Цзвэндорж, 2012).

Методика извлечения блоками.

Непотревоженные погребения как исследователи, так и реставраторы рекомендуют извлекать единым блоком, что дает возможность тщательного исследования объекта в лабораторных условиях и получения максимальной информации (Орфинская, 2010, с. 369; Сеницына, Пежемский, 2009).

Методы изъятия хрупких материалов, в частности, погребений, монолитами/блоками используются с давних пор (Эрнст, 1928; Кирьянов, 1960; Авдусин, 1980; Шульга, 2003). Техника извлечения, усовершенствованная нами в процессе полевых работ, имеет ряд отличий, очень важных для последующей реконструкции «археологического» костюма. Приводим ее детальное описание.

Порядок действий при подготовке блоков к извлечению и транспортировке следующий: антисептирование; предупреждение механических повреждений внутри блока; устройство жесткой упаковки; мягкая упаковка.

Необходимо зафиксировать все детали блока на месте, исключить их смещение и повреждения при изъятии и транспортировке. Чаще всего для этой цели применяется слегка влажный грунт. Если археологический комплекс не расчищался и имеет сверху сплошное покрытие, например, берестой, можно выравнивать его мешками с сеном. Для погребений в саркофагах, не засыпанных землей, нами разработан простой, но чрезвычайно эффективный, приемлемый для любых полевых условий метод защиты элементов будущего блока. Все предметы, находящиеся на вырезаемой поверхности, обкладываются тонкими полиэтиленовыми пакетиками с сухим мелкопросеянным грунтом/песком, из которых воздух удален путем сжатия. Размеры пакетиков зависят от размеров защищаемых элементов. Количество насыпаемого грунта должно быть таким, чтобы он переливался, как вода, обтекая защищаемую форму. Метод получил название «кумдорба» (по-казахски «песчаный мешочек»).

В качестве жесткой упаковки для крупных блоков применяется защитная фиксирующая конструкция из досок толщиной 30–40 мм. Вначале формируется основание (нижний щит) путем подведения поперечных досок. В грунте ниже уровня пола (или дна могилы) пробивается «тоннель», в который вставляется доска, плотно прижимаемая к нижней поверхности извлекаемого массива; свободное пространство снова плотно заполняется грунтом; рядом готовится «тоннель» для следующей доски. Вырезаемый блок всегда опирается на грунт, чем достигается безопасность извлекаемого комплекса. Доски скрепляются между собой шурупами или связываются веревками. Щит усиливается продольными досками. Если предполагается экспонировать археологический комплекс в музее, не разбирая монолит, нижний щит будет основой при подготовке блока к экспозиции, поэтому для его изготовления необходимо использовать качественные материалы. Щит надежен при извлечении и транспортировке, в лаборатории он устанавливается на колеса, что обеспечивает мобильность блока.

Мягкая упаковка сохраняет влажность и форму, препятствует проникновению из окружающей среды пыли, осадков, микроорганизмов. В качестве изолирующего материала успешно применяется пищевая пленка, дополняемая скотчем.

«Урджарская принцесса». Таким способом извлечено из раскопа и доставлено в лабораторию уникальное женское погребение IV–III вв. до н.э., так называемой «Урджарской принцессы» (размеры блока 2,4 × 0,8 м). При расчистке кургана выявлен не

Рис. 4. Извлечение блоком погребения «Урджарской принцессы». 1 – погребение в раскопе; 2 – погребение после вскрытия в лаборатории; 3,4 – защита элементов блока "кумдорба".

Fig. 4. Urdjar Princess's grave, extracted as a block. 1 – the grave in the dig; 2 – the grave opened in the lab; 3,4 – protecting 'kumdorba' elements of the block.

потревоженный древними грабителями каменный саркофаг. Плиты этого саркофага подогнаны друг к другу настолько плотно, что при его вскрытии останки погребенной оказались даже не засыпанными землей. Проведена тщательная подготовка «принцессы» к транспортировке. Останки с сохранившимися украшениями и истлевшими органическими материалами обложены «кумдорба» (рис. 4: 3, 4). Сравнение компонентов блока до и после извлечения из раскопа показало эффективность защитного покрытия: все хрупкие и рассыпающиеся детали погребения сохранены без дополнительного разрушения или смещения, несмотря на бездорожье и значительное расстояние от места раскопок до Алматы (более 800 км) (рис. 4: 1, 2).

Органические материалы одежды погребенной почти не сохранились. Однако на рентгеновском снимке обнаружены следы полностью утраченного декора нижнего края одежды (юбки или платья) (рис. 5: 3). Визуально они никак не определялись.

После рентгеновского исследования и графической фиксации всего блока в масштабе 1:1 перешли к выявлению формы и конструкции предметов костюма. Выполнена тщательная переборка тлена, которая производилась послойно небольшими порциями с укладкой его на место в той же последовательности. Удалялись лишь включения посторонних материалов – обломков камня от саркофага и почвы, все остальные составляющие тлена оставлены на месте. Проведен технологический анализ обнаруженных образцов текстиля головного убора и одежды. При переборке тлена на грунте проявились следы утрачен-

ного декора, выявленного рентгеном. От обуви также остались следы в виде темных пятен и, возможно, несколько деревянных элементов.

На основании рентгеновских снимков проведен поиск невидимых деталей головного убора. Обнаружены две бляшки из дерева, плакированного золотой фольгой, с изображением антилопы (рис. 5: 2, 4; 6: 2). Тщательное исследование слоев позволило определить границу головного убора и сделать вывод о наличии парика, который заканчивается на уровне плеч. Парик, скрепляемый железной шпилькой с шариком на конце, изготовлен из растительных волокон с помощью растительного же клея – камеди.

Фольга основного украшения изъята для консервации, после выправления деформаций и реставрации выявлено, что орнамент представляет собой изображение мифической птицы (рис. 6: 3). Согласно анализам на обратной стороне фольги находился сплошной слой известково-казеиновой массы, который, вероятно, являлся основой украшения. Микроскопическое исследование показало, что фольга была наклеена на заранее подготовленную и затвердевшую основу с использованием в качестве клея камеди, после чего вырезан орнамент. Украшение не крепилось к головному убору и выполняло функцию своеобразной короны.

Археологический блок «Урджарская принцесса» сохранен как полноценный исторический источник и как объект естественнонаучных исследований. Предполагается экспонирование погребения в музее в таком же практически оригинальном виде. Конечно, при этом проведена консервация всех компонентов блока.

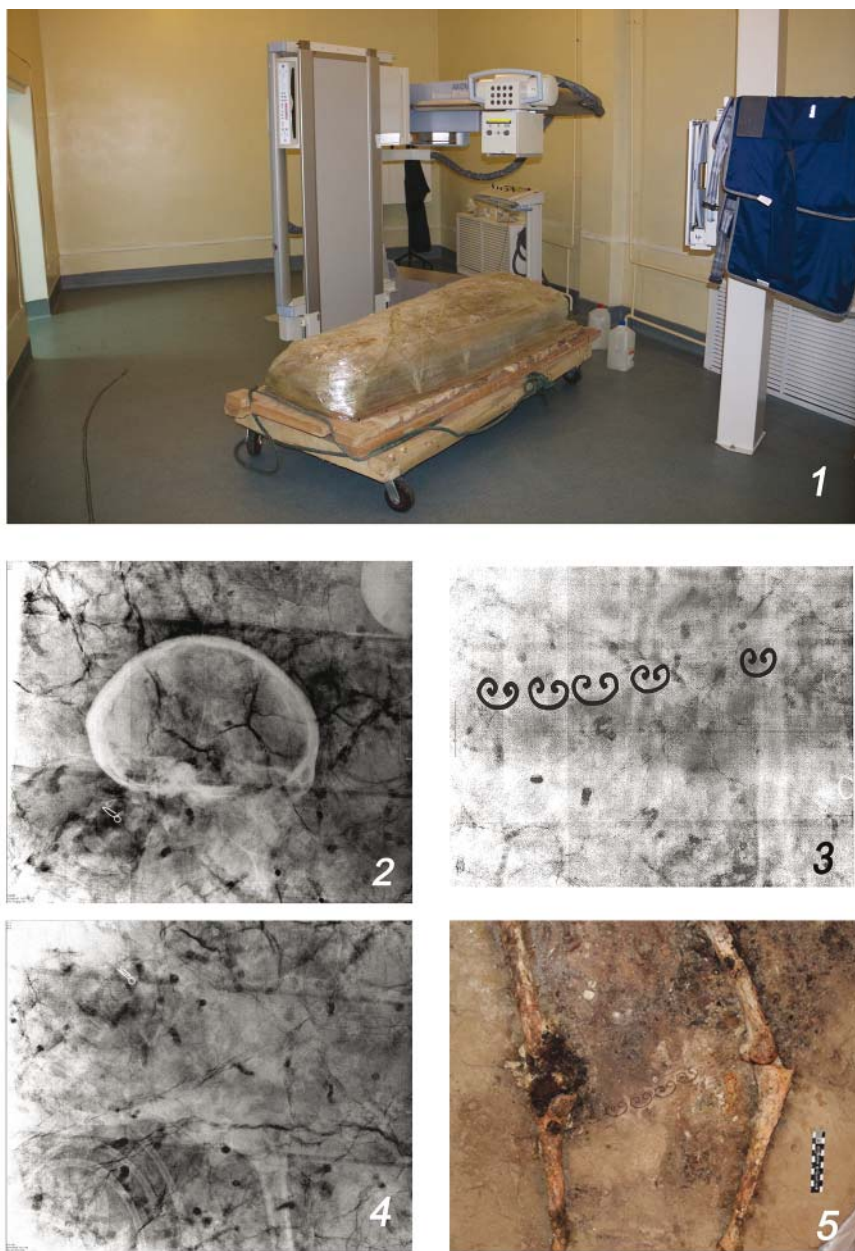

Рис. 5. Рентгеновское исследование блока «Урджарской принцессы».
1 – блок на исследовании; 2,4 – рентген головного убора; 3 – рентгеновский снимок с декором одежды (прорисовка); 5 – орнамент, выявленный на грунте (прорисовка).

Fig.5. Urdjar Princess's block in X-Ray.
1 – studied block; 2,4 – headdress in X-Ray; 3 – decorative elements of clothing in X-Ray (drawing); 5 – pattern found on the ground (drawing).

Рис. 6. Реконструкция головного убора «Урджарской принцессы».
 1 – головной убор до реставрации; 2 – головной убор в процессе реставрации;
 3 – головной убор после реставрации;
 4 – процесс реконструкции головного убора (моделирование).

Fig. 6. Urdjar Princess's headdress, a reconstruction.
 1 – headdress before restoration; 2 – headdress during restoration; 3 – headdress after restoration;
 4 – reconstructing the headdress (modeling).

Рис. 7. Подготовка блока с погребением золотоордынского периода к томографическому исследованию. 1 – блок после вскрытия (верх); 2 – устройство кожуха из монтажной пены; 3 – срезка лишнего грунта (низ блока); 4 – замена нижнего деревянного щита на пластик; 5 – блок после уменьшения веса (верх), антисептирование перед исследованием в медицинском центре.

Fig. 7. Preparing the block with the Golden Horde grave for a tomographic study. 1 – opened block (top); 2 – design of its shell made of mounting foam; 3 – cutting off excessive ground (bottom of the block); 4 – replacing the lower wooden shield with plastic; 5 – the block after its weight was reduced (top), antiseptic procedure before its examination in a medical center.

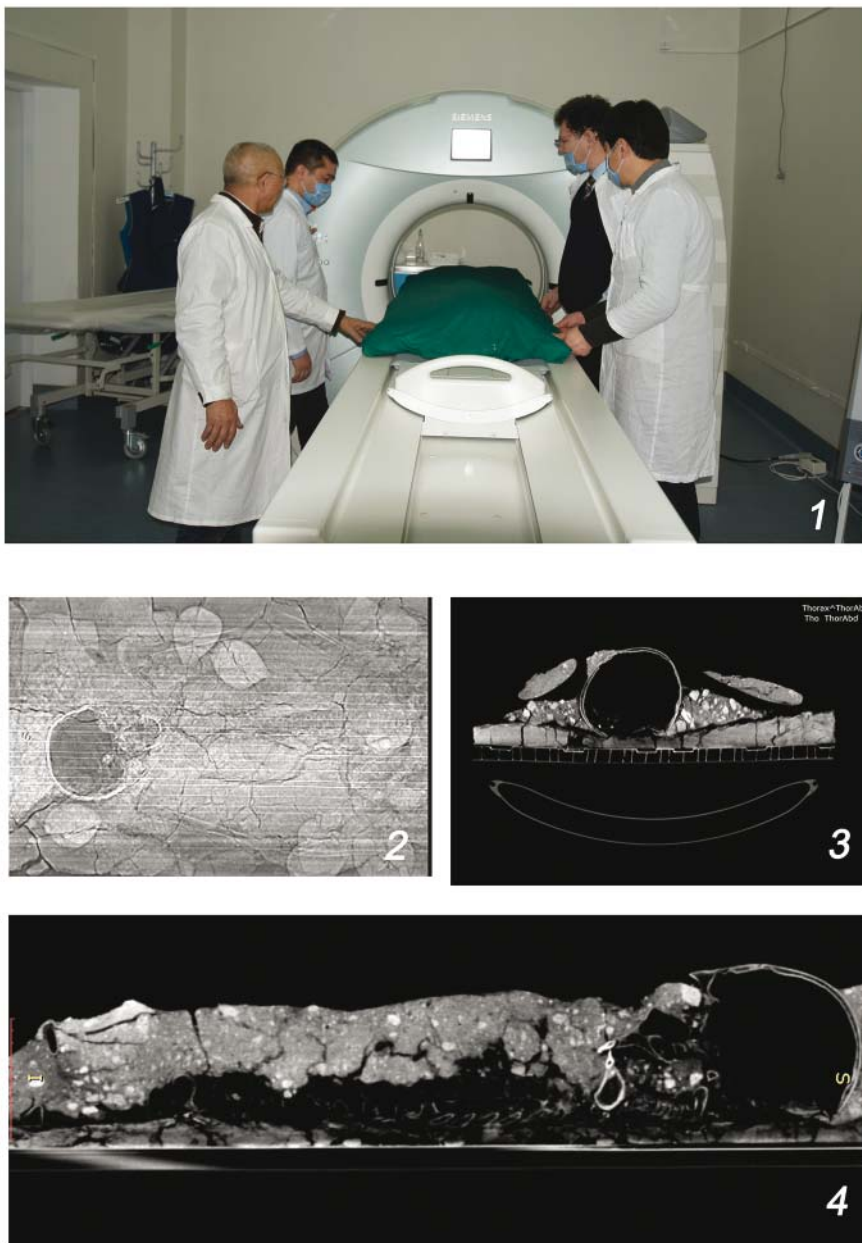

Рис. 8. Исследование блока методом магнитно-резонансной томографии (МРТ).
1 – помещение блока в томограф; 2–4 – снимки МРТ.

Fig. 8. Block subjected to magnetic-resonance tomography (MRT). 1 – placing the block into the tomograph chamber; 2–4 – MRT pictures.

После завершения исследований начата постепенная реконструкция костюма «Урджарской принцессы». Первым воссоздается головной убор, все элементы которого есть в наличии. Их первоначальное расположение выясняется моделированием (рис. 6: 4).

Томографическое исследование. Еще более полную информацию дает томографическое исследование блоков, но для него имеются весовые ограничения. Вес монолита уменьшается уже в камеральных условиях. Так, погребение золотоордынского периода извлечено из раскопа единым блоком, и сейчас выполняется его исследование неразрушающими методами, пока все детали находятся на первоначальном месте, можно сказать, *in situ*. Для проведения томографии вес блока уменьшен следующим образом: вокруг раскрытого погребения поверх пищевой пленки сформирован защит-

ный кожух из монтажной пены; блок перевернут; срезан лишний грунт; нижний деревянный щит заменен на легкий пластик, блок возвращен в первоначальное положение (рис. 7). Эта непростая операция, выполненная одним из авторов и археологами, после которой все детали блока остались на своем месте, позволила провести исследование методом магнитно-резонансной томографии (МРТ) и получить наиточнейшую послойную фиксацию всех компонентов нетронутого погребения. Теперь проводятся виртуальные раскопки со всех сторон блока в 3D-измерении (рис. 8).

Полученные в процессе работы с рассмотренными выше объектами навыки и опыт, а также все отработанные методики широко используются нами для исследования и реконструкции других уникальных объектов, раскопанных в последнее время казахстанскими археологами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980. 335 с.
2. Алтынбеков К., Алтынбекова Д. Исследования и реконструкция костюма по материалам кургана Аржан 2 // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Часть 1. Казань, 2010. С. 253–256.
3. Алтынбеков К. Древние кочевники Евразии: собирательные образы номадов в исторических реконструкциях костюма // Вестник Томского Государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 206–210.
4. Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Алматы, 2013. 64 с.
5. Алтынбеков К. Реконструкция погребения жрицы из курганного комплекса Таксай-I // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. Казань, 2014. С. 59–63.
6. Алтынбеков К. Опыт реконструкции костюма воина сакской эпохи (по материалам памятников степей Евразии) // История оружия. Альманах №10. Запорожье, 2014. С. 181–192.
7. Алтынбекова Д. К. Реставрация археологической коллекции из кургана № 11: новые находки // Казахское ханство в потоке истории: сб. научн. статей, посвящ. 550-летию образования Казахского ханства. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 649–658.
8. Кирьянов А.В. Реставрация археологических предметов. М., 1960. 94 с.
9. Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: ИД Триумф принт, 2012. 565 с.

10. Орфинская О.В. Опыт исследования и реконструкций изделий из археологического текстиля // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Часть 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 369–372.

11. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

12. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.: Наука, 1953. 401 с.

13. Синицына Н.П., Пежемский Д.В. Методика изъятия из саркофагов погребального инвентаря, органических материалов и скелетных останков // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т.1. М., 2009. С. 55–71.

14. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть 4а. Барнаул, 2003. 204 с.

15. Эрнст Н.Л. К технике вырезки древних погребений // Труды секции археологии РАНИОН, т. IV. М., 1928. С. 530–534.

Информация об авторах:

Алтынбеков Крым, академик Академии художеств РК, директор, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; tengri05@mail.ru

Досаева Дана Кырымовна, руководитель лаборатории консервации и реставрации, Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан); danatengri@gmail.com

EXPERIENCE OF A RECONSTRUCTION OF "ARCHAEOLOGICAL" COSTUME³

K. Altynbekov, D.K. Dosayeva

The article presents a reconstruction of “archaeological” costume restored by the Ostrov Krym Scientific Restoration Laboratory (Almaty, Republic of Kazakhstan) by the finds uncovered from Early Iron Age graves. The authors examined organic remains of clothes from barrow no. 11 of Berel burial ground (4th – 3rd centuries BC) located on the territory of the Kazakhstan Altai and undertook a partial reconstruction of several items: a fur coat, a headdress and two felt stockings. The accuracy of this reconstruction is confirmed by well-preserved analogues of synchronous Altai barrows on the territory of Russia and Mongolia, belonging to the Pazyryk culture. The article also describes a method by which undisturbed graves can be extracted as one (monolithic) block and contains techniques for formation of such blocks in the dig and lab studies of “archaeological” costumes in such blocks, applied by the Ostrov Krym Laboratory.

Keywords: Eastern Kazakhstan, Altai, early Iron Age, Pazyryk culture, “archaeological” costume, barrow, conservation, restoration, reconstruction, monolithic blocks.

REFERENCES

1. Avdusin, D. A. 1980. *Polevaia arkheologiya SSSR (Field Archaeology of USSR)*. Moscow: “Vysshaya shkola” Publ. (in Russian).
2. Altynbekov, K., Altynbekova, D. 2010. In Berezhnova, M. L. (ed.). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Eth-*

Works are carried out with the support of Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan.

nographic Studies) 1. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 253–256 (in Russian).

3. Altynbekov, K. 2013. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii (Bulletin of the Tomsk State University: History)* 23 (3), 206–210 (in Russian).

4. Altynbekov, K. 2013. *Vozrozhdeniia iz pepla. Rekonstruktsiia po materialam pogrebeniia zhritsy iz kompleksa Taksai I (Reborn from Ashes: Reconstruction by the Materials of the Priestess's Burial from Taksai I Complex)*. Almaty: "Ostrov Krym" Publ. (in Russian).

5. Altynbekov, K. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress at Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 59–63 (in Russian).

6. Altynbekov, K. 2014. In *Istoriiia oruzhiia. Al'manakh (History of Armament: Almanac)* 10. Zaporozh'e, 181–192 (in Russian).

7. Altynbekova, D. K. 2015. In Baipakov, K. M. (ed.). *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii (Kazakh Khanate in the Course of History)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, 649–658 (in Russian).

8. Kir'ianov, A. V. 1960. *Restavratsiia arkhelogicheskikh predmetov (Restoration of Archaeological Objects)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

9. Molodin, V. I., Partzinger, H., Tseveendorzh, D. 2012. *Zamerzshie pogrebal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury na iuzhnykh sklonakh Sailiugema (Mongol'skii Altai) (Frozen Funerary Complexes of the Pazyryk Culture on the Southern Slopes of Sailiugem (Mongolian Altai))*. Moscow: "ID Triumf print" Publ. (in Russian).

10. Orfinskaia, O. V. 2010. In Berezhnova, M. L. (ed.). *Integratsiia arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 369–372 (in Russian).

11. Polos'mak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostium i tekstil' pazyryktsev Altaia (IV–III vv. do n.e.) (The Costume and Textile of the Pazyryk People of Altai Mountains (4th–3rd Centuries BC))*. Novosibirsk: "Infolio" Publ. (in Russian).

12. Rudenko, S. I. 1953. *Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia (Culture of the Population of Gorny Altai in the Scythian Time)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Sinitsyna, N. P., Pezhemskii, D. V. 2009. In Panova, T. D. (ed., comp.). *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremliia (The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens at Ascension Convent of Moscow Kremlin)* 1. *Istoriiia usypal'nitsy i metodika issledovaniia zakhronenii (The History of Shrine and Method of Grave Research)*. Moscow: "Kuna" Publ., 55–71 (in Russian).

14. Shul'ga, P. I. 2003. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot' 4a (The Scythian Time Burial Ground Lokot' 4a)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

15. Ernst, N. L. 1928. In *Trudy sektsii arkhelogii Instituta arkhelogii i iskusstvovoznaniia RANION (Proceedings of the Department for Archaeology of the Archaeology Institute and Art Studies of the Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences)* 4. Moscow, 530–534 (in Russian).

About the Authors:

Altynbekov Krym, Academician of the Academy of Arts of the RK, Scientific-restoration laboratory the "Ostrov Krym", Almaty, Kazakhstan; tengri05@mail.ru

Dossayeva Dana K., National Museum of the Republic of Kazakhstan, Independence Avenue, 54, Astana, 010000, Kazakhstan; danatengri@gmail.com

Статья поступила в номер 01.07.2016 г.

УДК 902(470.51)“2/4”(045)

ХРОНОЛОГИЯ МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ III–V ВВ. ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА. ЧАСТЬ II¹

© 2017 г. Р.Д. Голдина, В.А. Бернц

Статья посвящена хронологии мужских захоронений поздней, мазунинской стадии Тарасовского могильника на Средней Каме и является продолжением работы по датировке ранней ныргындинской стадии (I–II вв.) этого памятника. Были использованы три основных метода исследования: формально-типологический, культурной стратиграфии и метод аналогий. Авторами проанализированы 86 мужских захоронений III–V вв. В результате было выделено 12 хронологических групп: 1-й половины III в. н.э. (группа 1); 2-й половины III в. (2); III в. (3); 1-й половины IV в. (4); 2-й половины III–IV в. (группа 5); 3-й четверти IV в. (6); 4-й четверти IV в. (7); 2-й половины IV в. (8); 2-й половины IV–V в. (9); IV–V вв. (10); 2-й половины III–V в. (11) и III–V вв. (12). В данной статье рассматриваются последние 6 групп, первые группы были проанализированы в предыдущей публикации. Анализ материалов выявляет несколько волн миграций на Нижнюю и Среднюю Каму и прилегающее Поволжье военизированных инокультурных групп во второй половине III–IV вв., истоки, характер и значение которых еще предстоит выяснить. Материалы женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника будут исследованы отдельно.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, I–V вв., Тарасовский могильник, культурная стратиграфия, хронология, мазунинская стадия, чегандинская культура, пьяноборская культурно-историческая общность, миграции.

Группа 7 немногочисленна, но очень выразительна. К ней отнесены 8 могил: 1784, 1772, 1850, 1787, 1777А, Б, 660, 1811, 1803. В состав группы входят овальные рамчатые пряжки с утолщением в передней части, с язычком, не выходящим за рамку и уступом у его основания (рис. 10: 84; 7 экз.), а также трехсоставные пряжки с короткой овальной пластиной и гладким нависающим язычком (рис. 10: 85; 2 экз.). Первые могут быть сопоставимы с группой 1 могильника Паласа-Сырт в Прикаспийском Дагестане, датированной М.Ю. Малашевым от второй четверти до конца IV столетия (Малашев и др., 2015, с.

99, рис. 203). Аналогии последним пряжкам имеются в материалах погребения 1 кургана VII Тураевского могильника (Генинг, 1976, рис. 32: 4), а В.Ю. Малашев находит типологическое сходство их с некоторыми позднесарматскими экземплярами второй половины IV в. (Малашев, 2000, с. 204).

Своеобразие группе придает оригинальная поясная гарнитура – пряжки и наконечники ремней, – украшенные в полихромном стиле: вставками из стекла и сердолика, позолотой, зернью и сканью (рис. 10: 87, 88). По общему облику эти пряжки и наконечники относятся ко второй половине

¹ Первая часть работы опубликована в журнале "Поволжская археология" 2016 № 3(17), с. 17–58. Нумерация рисунков сплошная: в части I помещены рисунки 1–9.

IV – началу V в. Однако эти предметы демонстрируют разные полихромные стили. Пряжки (рис. 10: 87а; 3 экз.) и наконечники ремней варианта (рис. 10: 88; 3 экз.) имеют явные признаки вырождающегося стиля – клуазонне, – когда вся поверхность изделия была покрыта фигурными пластинками полудрагоценных камней, разделенными перегородками. Эта техника, возникнув в II в. н.э. в Западном Закавказье и Иране (Бажан, Щукин, 1990, с. 83–96), продолжала использоваться и позже (Средняя Азия, Закавказье, европейские степи, вторая половина IV в.). В.Ю. Малашев отметил, что до III в. для украшения предметов в технике клуазонне использовались, главным образом, бирюза и стекло голубых, зеленоватых, серых и белых тонов, дополняемых красного оттенка гранатами, сердоликами, кораллами и стеклом. С середины III в. для вставок стали использоваться преимущественно гранаты и сердолики (Малашев, Яблонский, 2008, с. 69–71). Подобно Тарасовским находкам в стиле клуазонне украшены бронзовая пряжка с позолотой, вставками из красного камня (?) и темно-синего стекла и два наконечника ремней из погребения 1а кургана VII Тураевского могильника. По мнению В.Ф. Генинга, эти изделия имели причерноморское происхождение (1967, рис. 32: 6, 7, с. 105, 108).

Вариант пряжки из погребения 1850 (рис. 10: 87б) украшен иначе. Почковидная пластина бронзовой пряжки покрыта золотой пластиной с тремя сердоликовыми вставками и поясками зерни. Похожий экземпляр происходит из погребения 1 кургана 25 Бродовского могильника конца IV в. (Голдина Р.Д., 1991, рис. 1: 16).

Шлем из могилы 1784 (рис. 10: 86) имел цельнокованную железную тулью, полностью покрытую сверху серебряной фольгой. Он украшен двумя тонкими золотыми перекрещивающимися на верхушке полосами, закрепленными двумя рядами медных заклепок с крупными шляпками. Тулью подстилал кожаный подшлемник, края которого были загнуты и закреплены с внешней стороны двойным рядом медных заклепок. У шлема нет ни наносника, ни наушей, но существовала, вероятно, кольчужная бармица, пришитая к кожаной подкладке. А.П. Зыков датирует этот шлем концом IV–V вв. (Зыков, Ковригин, 2008, с. 72). По оценке М.М. Казанского, все 3 шлема из могил 1784, 1685 и 6 датируются первой половиной IV в. или периодом С3 европейской варварской хронологии (300/320 – 350–370 гг.) (Казанский, 2014, с.318).

Нам представляется, что шлем из могилы 1784 типологически существенно отличается от шлема из погребения 6 (группа 2, вторая половина III в., рис. 4: 30). В первом случае (погр. 1784) это цельнокованная железная каска, покрытая серебряной фольгой, украшенная узкими полосами из золота, во втором случае (погр. 6) – шлем склепан из 6 пластин с наносником и нащечниками. Очевидно, разница во внешнем виде и конструкции определены не только разным происхождением, но и временем использования.

Наиболее близок к шлему из погребения 1784 Тарасово экземпляр из могилы 1а кургана 7 Тураевского могильника (Генинг, 1976, рис. 31: 1, с. 108). Это оголовье, как и все Тураевские курганы, М.М. Казанский сопоставляет с находками из Муслумо-

во, Брюхановский выселок, Утамыш и датирует второй половиной IV в. (2014, с. 318).

В погребении 1784 обнаружены остатки кольчуги в свернутом состоянии (в корреляцию не вошла). Кольца ее имели диаметр до 15 мм, толщину до 3 мм круглого сечения. Плетение обычное: каждое кольцо переплетено с четырьмя соседними и скреплено клепкой. Покрой не восстанавливается. По данным А.П. Зыкова, в погребениях азелинско-тураевского типа найдены остатки 11 полных кольчужных доспехов, весом 13–16 кг. Все эти предметы были импортными, но место их производства определить невозможно (Зыков, Ковригин, 2008, с. 71). В могиле 1850 найдена также заготовка из латуни в виде округлого стержня длиной 23 и диаметром 1 см (в корреляцию не вошла; Голдина Р.Д., 2003, табл. 694: 4). Составляющие компоненты металла: медь (83,5%), цинк (10,6%) и свинец (2,75%) (Первошиков, Сабирова, 2014, рис. 5).

В целом предметы группы 7 по аналогиям датируются последней четвертью IV – началом V в. Более предпочтительна дата – последняя четверть IV в. Это в известной мере оправдано наблюдениями над пряжками могильника Брут 1 в Северной Осетии конца IV – середины V в., сделанными Т.А. Габуевым и О.С. Хохловой. Анализируя пряжки этого памятника и обращая особое внимание на форму и степень изгиба их язычков, авторы пришли к заключению, что эти признаки эволюционируют во времени. Для конца IV и начала V в. хоботковидные язычки пряжек доходят до середины кольца и примыкают к нему. В середине V в. язычки становятся длинными и выступают за коль-

цо (Габуев, Хохлова, 2012, с. 16–25). При этом Т.А. Габуев и О.С. Хохлова ссылаются на поддержку их мнения И.О. Гавритухиным и В.Ю. Малашевым. На пряжках этой группы Тарасово особенности пряжек могильника Брут 1 не зафиксированы – все язычки наших пряжек не загнуты и не выступают за пределы колец и, таким образом, они не имеют признаков развитого V в.

К датировке последней четвертью IV в. склоняет и оценка изделий в стиле клуазонне. Анализ предметов этого стиля юга Восточной Европы, в особенности Крыма позднеримского времени, выполненный С.А. Безугловым и В.П. Глебовым, показал, что по сопровождающим монетам и характеру вещей, расцвет этого стиля приходится на IV в. без его ранней трети (Безуглов, Глебов, 2002, с. 294–297). Временем от второй четверти до конца IV в. датирует пряжку в стиле клуазонне из кургана 2289 могильника Паласа-Сырт В.Ю. Малашев (2015, с. 99–100). Пряжку, выполненную в подобном варианте из кургана 14 могильника Центральный в Придонье, С.И. Безуглов и В.П. Копылов также датируют IV в. (1989, с. 177–178). Таким образом, для датировки могил мужчин группы 7 Тарасовского могильника более предпочтительна дата – последняя четверть IV в.

В группе 7 обнаружено 5 мечей (погр. 1784, 1772, 1703, 474 и 235). Строго говоря, к этой группе (последняя четверть IV в.) относятся только 2 меча: из могил 1784 и 1772, остальные использовались несколько позже – в начале V в. Два меча (погр. 1784, 474) сильно деформированы, у них достоверна лишь ширина клинка: погр. 1784 – 3,2 и 474 – 5 см. Все пять

клинков имели линзовидное сечение. Сохранившаяся длина меча из могилы 1772 составляла 64 см, ширина его 4,6 см; размеры клинка из захоронения 1703: общая длина – 97 см, клинка – 84, ширина 4,5, длина рукояти 13 см; меча из погребения 235 соответственно – общая длина 93, клинка – 83 и ширина его 4,5 см, длина рукояти 10 см. Остатки деревянных ножен сохранились у экземпляров из могил 1703 и 1772. Меч из захоронения 1772 был откован из высокоуглеродистой (заэвтектоидной) литой стали (Первошиков, Малых, 2014, с. 19). Металлография остальных не известна.

Заключая раздел о группе 7 Тарасовского могильника, хотелось бы подчеркнуть, что именно эта группа наиболее сопоставима по времени с Тураевскими курганами: аналогичны маленькие бронзовые пряжки с овальной пластиной, пряжка и наконечники в стиле клуазонне, округлый посеребренный шлем с золотыми крестообразными пластинами и кольчужной бармицей. Все это дает основания относить появление милитаризованной группы мужчин Тураевских курганов к последней четверти IV в. (гуннское время).

Автор раскопок Тураевских курганов В.Ф. Генинг в первой публикации 1962 г. датировал их III–V вв. (1962, с. 77). В статье 1976 г. он определял общую дату в пределах конца IV – первой половины V в., выделив 3 группы: раннюю – конец IV в., среднюю – начало V в. и позднюю – вторая четверть V в. (Генинг, 1976, с. 107–108). В работе 1995 г. исследователь несколько скорректировал даты групп: ранняя отнесена им к концу IV в., средняя – к концу IV – началу V в. и поздняя – к первой четверти V в. н.э. (Gening,

1995, p. 326). И таким образом, наиболее поздняя его точка зрения: Тураевские курганы датируются концом IV – первой четвертью V в. М.М. Казанский относил памятник ко второй половине IV – самому началу V в. (2002, с. 195), позже он, сопоставляя их с находками в Муслимово, Брюхановском выселке, Утамыше, датировал в целом второй половиной IV в. (2014, с. 318). Существуют и иные точки зрения на эту проблему. В свое время А.К. Амброз считал, что Тураевские курганы отложились в конце V – начале VI в. (Амброз, 1971, с. 107).

Признавая в целом справедливость оценки В.Ю. Малашевым приуральских материалов (Броды, Тураево) как весьма своеобразного явления в евразийской археологии, мы находим важным, что он объединяет эти материалы с комплексами Тугозвоново, Муслимово, Брюханова выселка в одну группу второй половины IV в. Правда, при этом он считает приуральские комплексы более поздними, чем вышеперечисленные (Малашев, 2000, с. 204–205). Но последняя четверть IV в. вполне соответствует хронологическому положению Тураевских курганных комплексов по отношению к Муслимово-Тугозвоново, предлагаемому В.Ю. Малашевым. К IV в. находки в Муслимово и Тугозвоново относили и С.И. Безуглов с В.П. Копыловым (1989, с. 178).

Благодаря усилиям С.И. Валиулиной тураевская проблема получила еще один важный источник для датировки. Ею была реконструирована и всесторонне проанализирована обнаруженная под курганом V лампада-кубок (Валиулина, 2009, с. 134–138). Лампада конической формы выполнена из редкого бесцветного прозрачно-

го стекла, украшена в верхней части крупными чередующимися группами из 6 мелких рельефных наклепов из синего стекла. Стекланные сосуды с орнаментом из синего стекла были широко распространены в римское время от Пиренейского полуострова до Кавказа и от Скандинавии до Египта. Они хорошо известны в памятниках Причерноморья, Танаиса, Северного Кавказа. Ближайшей аналогией тураевской является лампада IV в. из некрополя Пантикапея (могила 1, производство Сирии или Египта, хранящаяся в Эрмитаже (Кунина, 1997, с. 336, № 424)). Она совпадает с тураевской не только в форме, но и в размерах. Высота у пантикапейской – 13,9 см, у тураевской – 13–15 см, диаметр по верху у первой – 6,1 см, у второй – 7–8 см, диаметр дна соответственно – 0,9 и 0,9–1 см. Незначительное расхождение объясняется сильной деформацией тураевского экземпляра. Различие касается цвета стекла, у пантикапейской лампы оно оливково-желтое, у тураевской – бесцветное. Изучение химического состава тураевской лампы, проведенное С.И. Валиулиной, доказало ее ближневосточное происхождение, а именно из стекольной мастерской римского времени в Джаламе (Палестина).

Подобная лампада с синими наклепами найдена в Паннонии в одном из погребений могильника Интерхаза рядом с монетой Валентиниана (364–375 гг.). Л. Баркоци предполагал особое распространение подобной посуды в третьей четверти IV в. В качестве аналогии этой лампаде он привел находку из Сирии, экземпляры из стран Ближнего Востока, хранящиеся в Метрополитен-музее, музее Ватика-

на, в Кельне и другие (Barkoczi, 1972, с. 74, Abb. 4: 1).

Аналогичные конические светильники с орнаментом из капель синего стекла в цебельдинской культуре (северо-западная Грузия) О.А. Гей и И.А. Бажаном отнесены к периоду 6 (375–400 гг.). Важно, что эти кубки-светильники диагностируют, по их мнению, пятый период черняховской культуры, который соответствует времени после гуннского нашествия (последняя четверть IV в. н.э.) (Гей, Бажан, 1997, табл. 27: 24, с. 24–25, 48). Суммируя все вышесказанное, следует констатировать, что приуральские материалы типа Тураевских курганов, а значит и группа 7 Тарасово, датируются последней четвертью IV столетия.

Попытка В.Ф. Генинга растянуть время использования Тураевских курганов почти на столетие: последнюю четверть IV – первую половину V в. (1976, с. 108) представляется не совсем удачной. Под курганами похоронены 15 мужчин-воинов в 14 могилах. Под курганом III раскопаны 2 погребения. Погребение 2 отнесено В.Ф. Генингом к концу IV в., погребение 1 – к первой четверти V в. Даже простое визуальное сопоставление пряжек из обоих комплексов без всякой математики показывает, что они одновременны: все пряжки с асимметричной по толщине рамкой, нависающим, но не выступающим язычком, одинаковыми формами пластин (Генинг, 1976, рис. 27: 2 – погр. 2 и 27: 5 – погр. 1; 27: 6 – погр. 1 и 27: 7 – погр. 2). Подобное сопоставление может быть продолжено и оно приведет к единственному выводу – все могилы хронологически одновременны, то есть люди, захороненные под Тураевскими курганами,

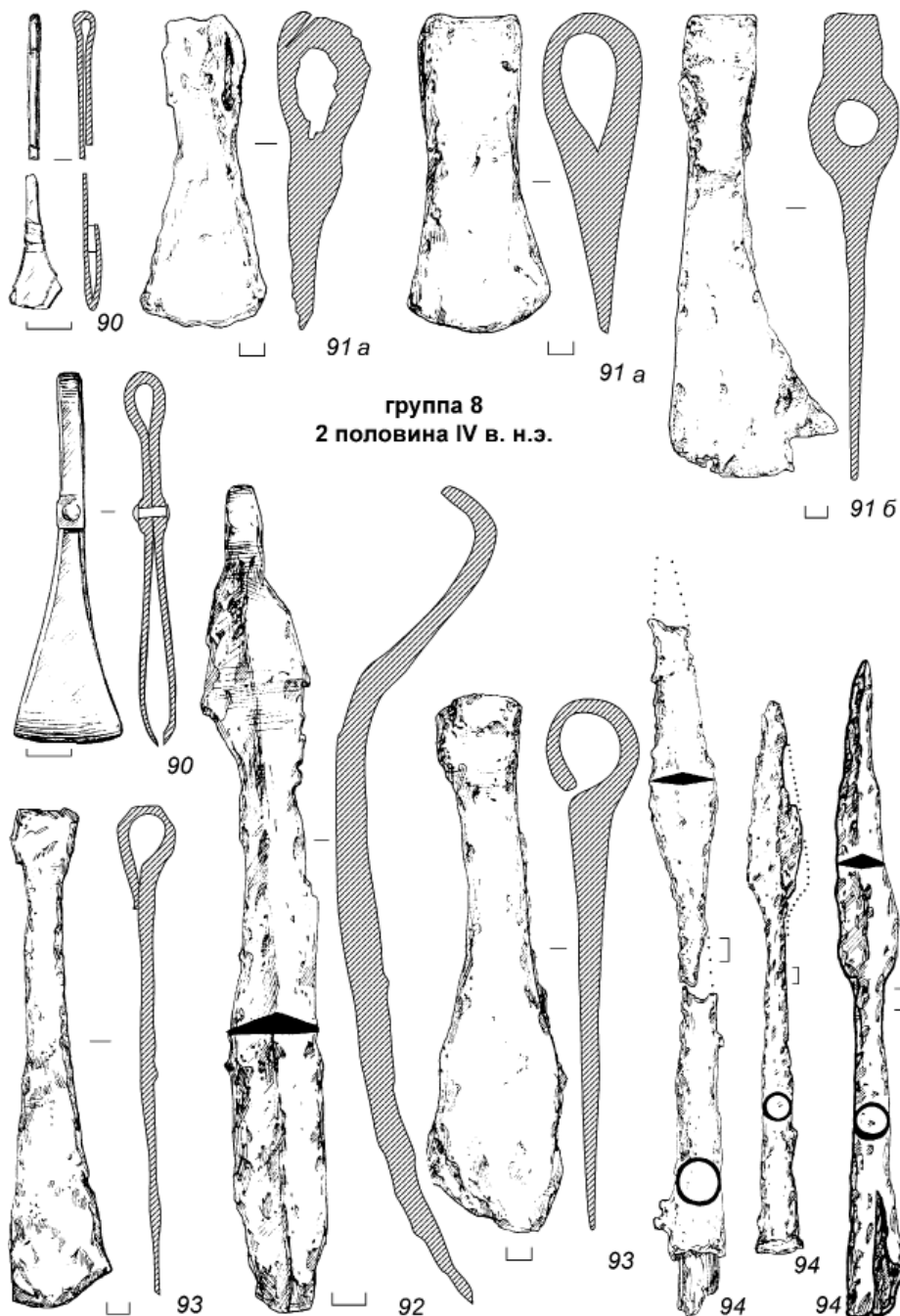

Рис. 11. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 8 (вторая половина IV в. н.э.). 90 – пинцеты; 91а, 91б – топоры; 92 – боевая коса; 93 – секировидные предметы; 94 – наконечники копий. 90 – бронза; 91а, 91б–94 – железо, иногда дерево.

Fig. 11. Tarasovo burial ground. Goods from male graves, group 8 (second half of the 4th century AD). 90 – tweezers; 91а, 91б – axes; 92 – war scythe; 93 – poleaxe items; 94 – spear heads. 90 – bronze; 91а, 91б–94 – iron or, sometimes, wood.

погибли в одно время (в один или несколько дней). Скорее всего, это была группа ранних именковцев (черняховцев), которые осваивали близлежащие к устью р. Камы территории и были убиты местным населением. Поскольку погребальный обряд пришельцев был мазунинцам неизвестен, пришлые воины были похоронены по близкому им обряду – труположению в одежде с сопровождающим инвентарем на окраине своего могильника (грунтовая часть Тураевского I могильника) (Голдина Р.Д., Бернц, 2010).

Группа 8 объединяет могилы групп 6 (третья четверть IV в.) и 7 (четвертая четверть IV в. – вторая половина IV в.) и свидетельствует о том, что эти группы тесно взаимосвязаны и, вероятно, являются отражением двух волн проникновения в Прикамье единого по происхождению населения в третьей и четвертой четвертях IV в.

В эту группу вошли косметические бронзовые пинцеты (рис. 11: 90; 4 экз.), которые хорошо известны на памятниках Великого переселения народов в Среднем Поволжье: Щербетьском островном селище (Старостин, 1968, рис. 1: 4) и Новинковском V селище именковской культуры (Сташенков, 2010, рис. 5: 7); в Среднем Прикамье, включая бассейн р. Белой: Усть-Сарапульском могильнике (Арматынская, 1986, рис. 6: 6), Ижевском, Ангасякском и Старокабановском (Останина, 1997, рис. 15: 1, 3) могильниках. Многочисленны они и на Верхней Каме, на памятниках харинского типа: Харинском, Аверинском могильниках, Опутятском городище, Коновалятском, Горт-Кушетском I, Лисья Курья селищах (Голдина Р.Д., 1985, табл. XXXIII: 23, 25, 26; XXXIX:

10; XLIV: 18, 34, 35), селище Пеньки (Мельничук, Соболева, 1986, рис. 2: 28) и в могиле 2 кургана 16 Бродовского могильника неволинской культуры (Голдина Р.Д., 1986, табл. 11: 5).

К этой же группе относятся железные проушные топоры. В Тарасово все могилы с проушными топорами концентрируются в воинских захоронениях поздней северной части памятника (Голдина Р.Д., Сабиров, Сабирова, 2015, ил. 247), в более раннее время они неизвестны. В большинстве случаев топоры представляют собой небольшие короткие изделия без выделенного обуха, длиной 13–16 см и шириной лезвия 6–9 см (рис. 11: 91а; 8 экз.). Они несколько напоминают топоры типов 1А и Б памятников Поочья, выделенных И.Р. Ахмедовым и А.М. Воронцовым (2012, с. 10–11). Правда, последние имели более узкое и слабо расширенное лезвие. Несколько разнится и дата – топоры Поочья датированы исследователями концом I – началом III в. и свидетельствуют о контактах населения мощинской культуры и рязано-окских финнов (там же, с. 17).

В Среднем же Прикамье такие топоры известны в могильниках азелинского типа бассейна р. Вятки: в Ошкинском (Голдина Р.Д., Лещинская, Макаров, 2014, табл. 11: 4, 17: 1 и др.); Тюм-Тюм (Ошибкина, 2010, табл. 15: 10, 16: 27, 24: 8 и др.); Суворовском и Азелинском (Генинг, 1963, табл. XVI: 4–9, XXIV: 7, 8). Подобные топоры обнаружены в Тураевских курганах (Генинг, 1976, рис. 38: 11, 36: 1), Тураевском бескурганном могильнике (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 244: 1–4, 245: 2) и других. В устье р. Камы и прилегающем Марийском Поволжье они найдены в погребениях 117

и 207 Рождественского V (Старостин, 2009, рис. 24: 31, 32: 8) и в захоронении 60 Мари-Луговского могильников (Халиков, 1962, табл. XXXVI: 12).

Примерно в это же время (III–V вв.) такие топоры появляются в Башкортостане: могильниках Старо-Кабановском (Останина, 1997, рис. 17: 1, 2; 18: 1); Шиповском бескурганном (Овсянников и др., 2007, рис. 40: 1); как в подкурганных, так и бескурганных могилах, а также в насыпях Старо-Муштинского могильника III–IV вв. (Сунгатов и др., 2004, с. 59–60, рис. 37: 1, 51: 15, 66: 9–11), а также в Ангажском могильнике этого же времени (4 экз., Васюткин, 1980, табл. 1–4).

Металлографически исследован лишь один проушный топор небольшого размера из погребения 1772 Тарасово. Лезвие было сделано по технологии продольной сварки стальной и железной многослойной полос. На рабочую часть выведена стальная полоса. Можно предполагать боковую наварку стального лезвия на основу из пакетированного железа (Перевошиков, Кондрашин, 2017, в печати, анализ 136).

Были исследованы и 3 топора такого же типа из погребений 1 кургана V и 1а кургана VII Тураево. Один из них был откован из цельносталльной заготовки с мягкой закалкой на конце (Семькин, 1993, с. 194, рис. 1: 3), другой – из двух сваренных высокоуглеродистых пластин (там же, с. 194, рис. 1: 4). Оба сделаны по одной технологии: отдельно выполнен клин лезвия, а затем к нему приварена дугообразная пластина, образующая обух. При этом формировался плоский срез в нижней части проушины. Этот способковки топоров был присущ именьковским мастерам (там же, с. 193).

В корреляционной таблице по погребению Тарасово все небольшие проушные топоры этого типа попали во вторую половину IV в. Очевидно, именно к этому времени относится их массовое поступление в Прикамье. Но следует учитывать и то обстоятельство, что один из таких предметов был обнаружен в могиле 14 Ошкинского некрополя, которая датирована Н.А. Лещинской первой половиной III в. (2014, с. 168). Вполне допустимо, что первое проникновение этого вида вооружения в Прикамье относится к этому времени.

Вопрос об истоках таких топоров достаточно сложен. Л.А. Вязов предполагает их связь с сарматами (2012, с. 46). Однако, как известно, сарматы топорами почти не пользовались (Хазанов, 1971, с. 51). Например, в позднесарматское время на Нижнем Дону из 89 погребений топор найден лишь в одном (Белоусов, 2010, с. 131). Обстоятельная работа И.Р. Ахмедова и А.М. Воронцова о топорах Верхнего и Среднего Поочья (2012) показала, что на этой территории найдено более 70 проушных топоров II–IV вв., среди которых присутствуют и изделия, близкие описываемым прикамским. И, очевидно, истоки последних следует искать именно там. Кроме того, Л.А. Вязовым сделано очень важное заключение, что коротколезвийные топоры появились в Прикамье одновременно с длиннолезвийными (2012, с. 46) и, следовательно, вряд ли их исходные позиции должны существенно различаться.

Небольшой короткий топор, похожий на тарасовские, тураевские и азелинские, обнаружен в могиле 4 крымского могильника Нейзац. По мнению И.Н. Храпунова, он аналогичен то-

порам черняховской культуры и свидетельствует о сармато-германских контактах. Топоры подобных форм во множестве встречались в ареале германских культур: вельбаркской, пшеворской, черняховской (Храпунов, 2010, с. 548–549, 552).

Оригинальны 3 топора из погребения 1685. Они имеют длину 17–21 см, узкие, асимметрично расширяющиеся к лезвию полотна шириной 7,5–8 см и сформированные обухи, один – хорошо выраженный молоточкообразный (рис. 11: 91б). Близкий по форме, но с меньшей шириной лезвия проушный топор происходит из погребения 5 Первомайского могильника худяковской культуры на р. Вятке (Голдина Р.Д. и др., 2014, табл. 135: 5). Некоторое отдаленное сходство эти топоры имеют с экземпляром, происходящим из погребения 11 могильника Заречье 4 в Среднем Поволжье (Ахмедов, Воронцов, 2012, рис. 13: 1). Этот топор значительно меньше по размерам (13,4 – длина, 4,9 см ширина лезвия), но у него такая же форма, с четко обозначенным обухом. Исследователи этого предмета отмечают его близость к черняховским топорам из Кнышивки и Компаниец и датируют его серединой IV в. (там же, с. 15–16). Топоры такого типа имеют сходство (за исключением отсутствия щековиц) с топорами-францисками позднеримского времени Восточной Европы и Северного Кавказа, которые С.Ю. Каргапольцев и И.А. Бажан связывают с походами готов и датируют временем не ранее первой половины III в. (1992, с. 120–121, рис. 4: 2, 10). И.Н. Храпунов, анализируя подобные экземпляры топоров с выраженным обухом, отметил, что они были распространены преимущественно в Аб-

хазии и Крыму и имели, возможно, местное происхождение (Храпунов, 2010, с. 548).

К этой же серии топоров второй половины IV в. следует отнести и один из железных проушных топоров из кургана V Тураевского могильника (Генинг, 1976, рис. 28: 10). Он несколько отличается от остальных вариантов топоров из этого могильника большими размерами (длина 18,5, ширина лезвия 5,5 см) и несколько расширенными щековицами. По заключению Ю.А. Семькина, этот топор из кургана Тураевского могильника изготовлен из пакетной заготовки в несколько полос кричного железа и сырцовый, неравномерно науглероженной стали. На режущую грань лезвия топора сознательно выведена наиболее богатая углеродом зона с зернистым перлитом. Предмет выполнен способомковки, характерным для именковских мастеров (Семькин, 1993, с. 194, рис. 1: 2).

В погребении Тарасово проушные топоры часто встречались с секировидными изделиями (погр. 1772, 1784, 1785, 1850), которые также входят в группу 8. Последние напоминают топоры, однако отличаются длинным (16–28 см) и узким корпусом (рис. 11: 93; 10 экз.). При этом они имели ширину лезвия – 3,5–6,2 см и очень узкую круглую или каплевидную проушину размерами: 1 × 1,5; 2 × 2,7 см, в максимуме 2 × 4 см. Вес этих изделий колеблется от 300 до 550 г.

В Прикамье они известны на могильниках середины I тыс. н.э. (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 57), особенно многочисленны на Тураевском (5 экз.), Тарасовском и Кудашевском (по 10), Тюм-Тюм (14 экз.) могильниках. Иногда в одной моги-

ле встречались несколько штук: от 5 (погр. 1784 Тарасово) до 14 (Тюм-Тюм, погр. 94). На Щербетьском I селище именьковской культуры в одном месте возле мастерской были найдены 26 секир (Старостин, Хомутова, 1981, с.209).

Вопрос о их назначении пока дискуссионен. В 1976 г., публикуя материалы Тураевских курганов, В.Ф. Геннинг четко отделял эти предметы от топоров, называя их железными пластинами с проушным загибом сверху и обращал внимание как на их сходство с топорами, так и отличия от них: малый объем проуха и отсутствие заостренного лезвия (1976, с. 69, рис. 28: 5). П.Н. Старостин и Л.С. Хомутова, анализируя большую серию (23 экз.) предметов подобного типа с Щербетьского I островного селища, сочли их топорами (1981, с. 212–213). Л.С. Розанова и Н.Н. Терехова предложили называть такие изделия секировидными предметами, учитывая их форму: длинное, узкое тело и узкое отверстие для рукояти, а также материал, из которого были сделаны эти вещи – целиком из железа, либо из мягкой сырцово-стали или пакетированного железа (Розанова, Терехова, 2000, с.137). Они обратили внимание на сходство формы этих предметов Прикамья с железными секировидными гривнами, служившими единицей обмена в Норвегии и Чехословакии, где они встречались на памятниках VIII–IX вв. сотнями экземпляров. Истоки этой традиции, по их мнению, восходят к римскому времени (Терехова, Розанова и др., 1997, с.149). Е.В. и Р.Д. Голдины присоединились к этой точке зрения (2010, с. 247, рис. 57), предполагая, что и в Прикамье

аналогичные предметы использовались как полуфабрикат.

С.Е. Перевошиков, анализирувавший металлографию двух таких изделий из Тарасово: из погребений 1772 (анализ 135) и 1779 (анализ 137), оценивает их как боевое оружие, основываясь на сложных кузнечных операциях при их изготовлении (качественный металл, сварка, наварка более науглероженного металла на лезвие и т.д.), а также на остатках дерева в проушине предмета из могилы 1779 (Перевошиков, Кондрашин, 2017, в печати). Думается, что сложность технологии изготовления не является весомым аргументом, такие полуфабрикаты могли делать из любого металла, который был под рукой, независимо от качества. Следы дерева в проушине могут быть единичным случаем.

Таким образом, вопрос о функциональном назначении этих изделий остается открытым. Но независимо от того, для чего использовались предметы такого рода, следует признать, что они реально существовали, имели определенные, весьма выразительные характеристики и могли представлять собой во всех выборках оба варианта – возможные боевые топоры и «секировидные предметы» – запас металла для изготовления будущей продукции или обмена. Для решения вопроса о соотношении этих видов изделий в конкретных могилах, памятниках, культурах следует провести серьезную исследовательскую работу.

По поводу датировки этих оригинальных изделий важно заключение Л.А. Вязова, что распространение длиннолезвийных топоров (секир?) происходило одновременно в имень-

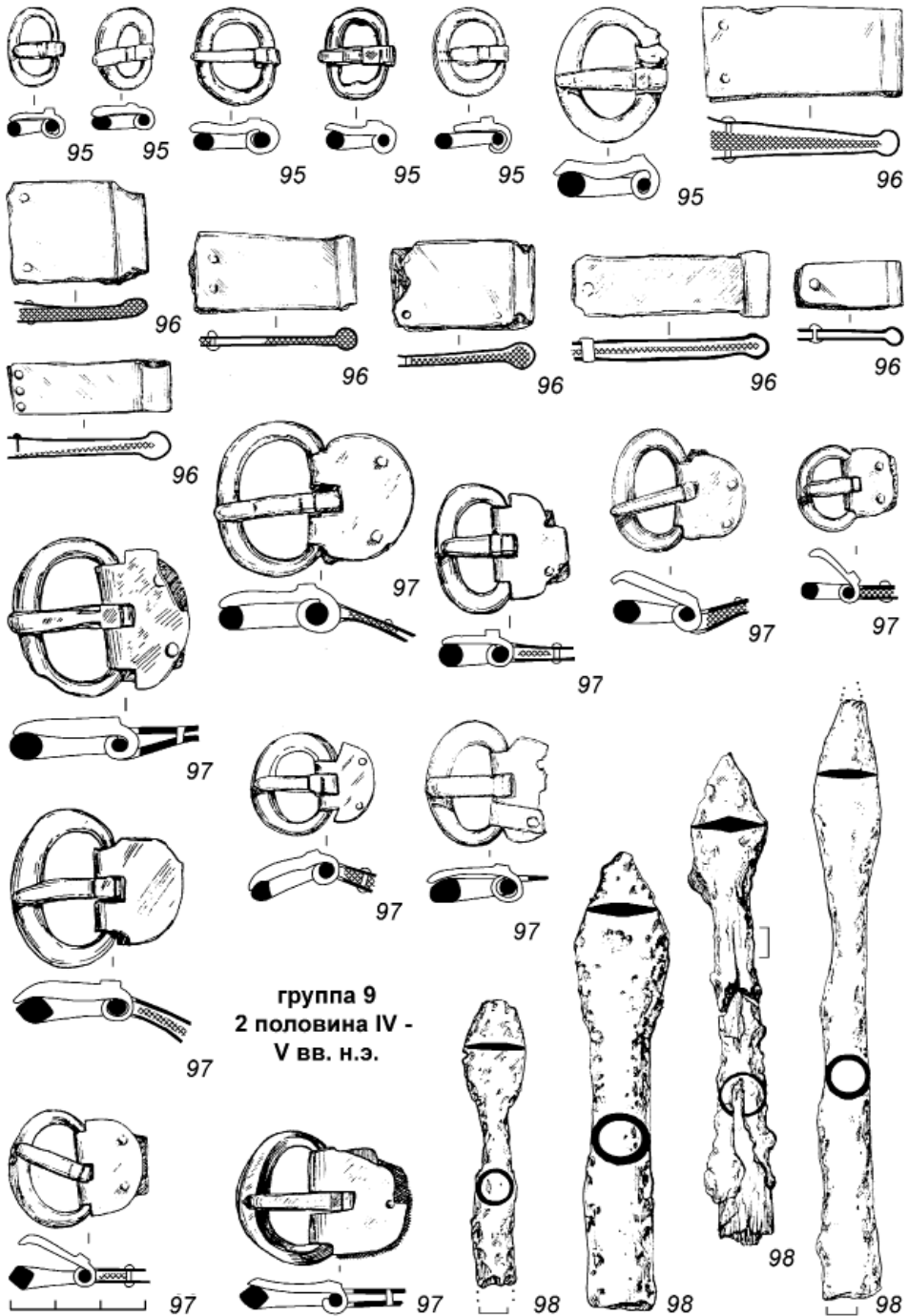

Рис. 12. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 9 (вторая половина IV–V вв. н.э.). 95, 97 – пряжки; 96 – наконечники ремней; 98 – наконечники копий. 95–97 – бронза, иногда кожа; 98 – железо, иногда дерево.

Fig. 12. Tarasovo burial ground. Goods from male graves, group 9 (second half of the 4th – 5th centuries AD). 95, 97 – buckles; 96 – belt tips; 98 – spear heads. 95–97 – bronze or, sometimes, leather; 98 – iron or, sometimes, wood.

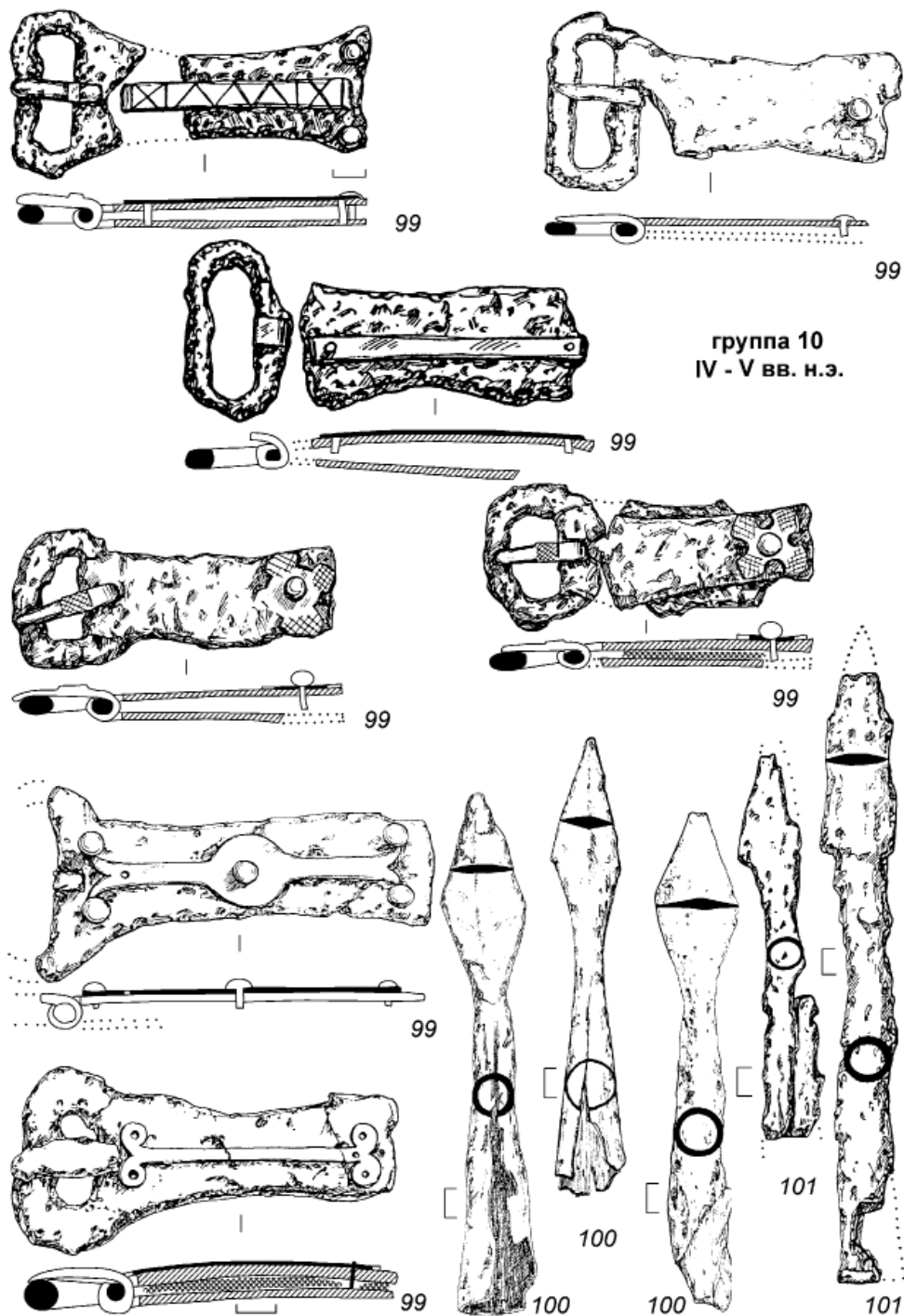

Рис. 13. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 10 (IV-V вв. н.э.). 99 – пряжки; 100, 101 – наконечники копий. 99 – железо, бронза; 100, 101 – железо.

Fig. 13. Tarasovo burial ground. Goods from male graves, group 10 (4th – 5th centuries AD). 99 – buckles; 100, 101 – spear heads. 99 – iron, bronze; 100, 101 – iron.

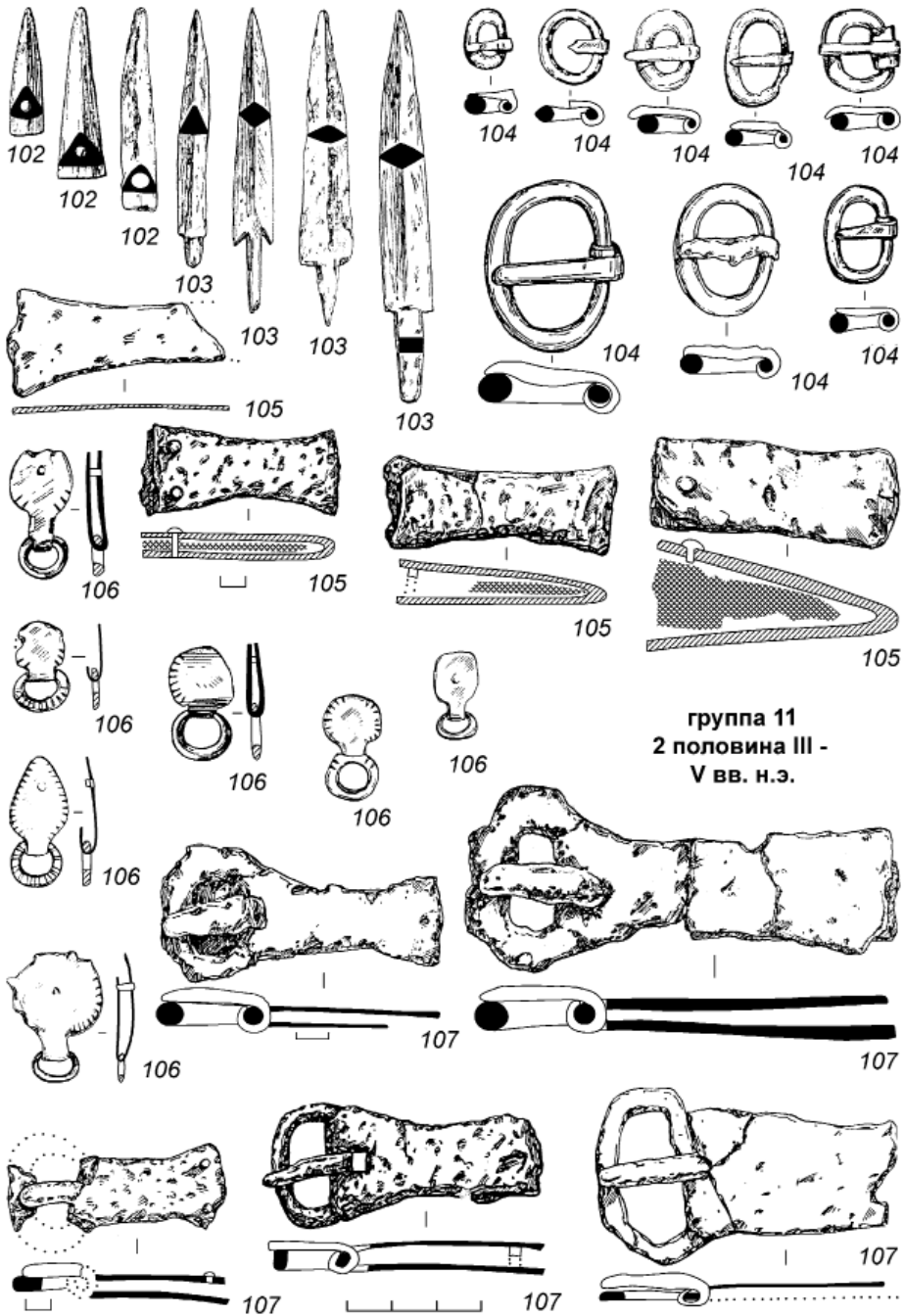

Рис. 14. Тарасовский могильник. Предметы мужских захоронений группы 11 (вторая половина III–V вв. н.э.). 102, 103 – наконечники стрел; 104, 107 – пряжки; 105 – наконечники ремней; 106 – накладки. 102, 103 – кость; 104, 106 – бронза; 105, 107 – железо.

Fig. 14. Tarasovo burial ground. Goods from male graves, group 11 (second half of the 3rd – 5th centuries AD). 102, 103 – arrow heads; 104, 107 – buckles; 105 – belt tips; 106 – plaques. 102, 103 – bone; 104, 106 – bronze; 105, 107 – iron.

ковской, азелинской и мазунинской культурах во второй половине IV в. (2012, с. 46). Но не надо думать, что время их бытования ограничено только этим временем. Скорее всего, появившись в Прикамье в указанный период, они продолжали использоваться и позже.

На близость кузнечного производства железных изделий Тураевских курганов и предметов именьковской и черняховской культур впервые указал Ю.А. Семькин (1993, с. 196, 214, 254). Ведущие специалисты в области металлографии – Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова и В.И. Завьялов – также отмечают значительное сходство технологий кузнечного производства черняховской, азелинской и именьковской культур (Терехова, Розанова, 1997, с. 146–148, 154–155). Черняховские и именьковские топоры совпадают не только по конструктивным особенностям, но и по размерам (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009, с. 125). Это определенно свидетельствует о едином происхождении населения Тураевских курганов, группы 8 Тарасовского могильника (воинские погребения), могильников азелинского типа: Азелино, Суворово, Тюм-Тюм, Усть-Брыска и других из одного или нескольких, но близких источников.

Одним из интереснейших предметов группы 8 являются боевые косы (рис. 11: 92; 11 экз.). Этот термин введен А.П. Зыковым и в большей степени, чем другие варианты отражает функцию предмета. А.А. Спицын называл этот предмет «ладьевидная стамеска» (Спицын, 1901, табл. XII-22; XV: 10), Н.А. Мажитов – «предмет, очень близко напоминающий кочедык» (Мажитов, 1962, с. 70), В.Ф. Ге-

нинг – «коса-горбуша», «железная коса с обоюдоострой полосой» (Генинг, 1963, с. 23, табл. XXIV: 4; 1976, с. 78, рис. 31: 12), С.В. Ошибкина – железный скобель-«коса» (Ошибкина, 1979, с. 71–79), В.П. Мокрушин – «обоюдоострая ладьевидная коса» (Мокрушин, 1997, с. 141), Т.И. Останина – «коса» (Останина, 1997, с. 72, рис. 18: 2), А.Н. Лепихин, А.Ф. Мельничук – «серп прямой с крючком» (Лепихин, Мельничук, 1999, с. 34, рис. 17: 1), Е.В. Голдина, Р.Д. Голдина – «железная коса-бумеранг» (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 184–185, рис. 51; 52). Боевые косы представляют собой изделия с обоюдоострым клинком (в среднем 14–16 см длиной и 2,5–4 см шириной), усиленным ребром жесткости и черешком с крючком на конце, поставленным под тупым углом к клинку. К настоящему времени их известно более 80 экземпляров. Они располагаются в основном на памятниках III–V вв. (даты авторов) Среднего Прикамья, бассейна р. Белой, на объектах азелинского типа на Вятке и Нижнем Прикамье, единично – в Пермском Прикамье и в бассейне р. Сылвы – на памятниках послегляденовского времени (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, рис. 52). Особенно многочисленны они на Тураевском (8 экз.), Тарасовском (12) и Кудашевском (не менее 30 экз.) могильниках. Предметы оригинальны, подобные на других территориях пока не известны.

С.Е. Перевошиков проанализировал металлографически 7 предметов такого рода из памятников мазунинского типа Удмуртского Прикамья: 2 – из Тураевского бескурганного могильника, 3 – из Тарасовского; по одному – из Момылевского и Ныр-

гындинского II городищ. Были привлечены и 6 анализов, выполненных другими авторами: 2 – из Тураевских курганов (Семькин, 1993, с. 195, рис. 1: 7, 8); 2 – из Рождественского V и 1 – из Усть-Брыскинского могильников азелинского типа (Терехова, Розанова и др., 1997, с. 136–138). Выяснилось, что при производстве кос использовалось кричное, хорошо прокованное железо, сырцовая или специально приготовленная сталь, часто применялась сварка железа и стали, при этом более качественное сырье выходило на рабочие края изделий, некоторые предметы подвергались закалке. Очевидно, при создании кос использовались технологии, применяющиеся для изготовления оружия и орудий высокого класса (Перевошиков, Пастушенко, 2006, с. 108–110). С.Е. Перевошиковым представлены возможные реконструкции как самого оружия, так и использования его в деле. Вероятно, если и оставить за этим изделием название «коса», то, несомненно, не горбуша, так как это не земледельческое орудие, а боевая коса, имея в виду, что это оружие, поражающее как на расстоянии (метательное), так и в ближнем бою. Свидетельством того, что это метательное оружие и в процессе его использования оно часто бывало утрачено, является и то обстоятельство, что в отдельных могилах эти предметы встречаются по несколько экземпляров. Таким образом, боевая коса представляет собой оригинальный вид вооружения, привнесенный в Прикамье во второй половине IV в.

Уместно сослаться на найденную Л.А. Вязовым характеристику вооружения франков: «все же остальные были пешими, не имели ни луков, ни копий, но каждый нес меч, щит и одну

секиру. Ее железо было крепким, и лезвие с обеих сторон острое до крайности, деревянная же ручка очень короткая. При первом же натиске по данному знаку они обычно бросают во врагов эти секиры, разбивают их щиты и убивают их самих» (Прокопий Кесарийский, «Война с готами», VI (II), 25; цит. по: Л.А. Вязов, 2012, с. 45). Именно такой секирой и могла быть боевая коса приуральских могильников.

Среди сопровождающего боевые косы инвентаря, в частности, в могиле 30 Суворовского могильника найдены мечи с навершием в виде халце-донового диска, наконечники копий и стрел, шлем. В захоронении I кургана VII Тураевских курганов вместе с боевой косой обнаружены уздечка, боевые топоры, наконечники копий, кинжалы, шлем, кольчуга, мечи.

На Тарасовском могильнике многочисленны втульчатые наконечники копий (всего 110 экз. из 104 могил, в могилах мазунинского времени – 74 экз.). Они встречались преимущественно в захоронениях мужчин в возрасте 17–45 лет. При помещении в могилу древки часто были сломаны. В погребении 1703 обнаружено целое копьё длиной 177 см с железным наконечником и деревянным древком. Наконечники копий встречались как в ранней части, так и в поздней. Среди вошедших в корреляционную таблицу и отнесенных к I в., наконечники копий содержались из 20 могил в 10, а ко II в. – из 17 могил – также в 10 (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 1). По результатам корреляции мужских захоронений в III – первой половине IV в. с наконечниками копий выявлено 5 могил из 38. Экземпляры из могил 176, 381 и 393 из корреляции

были исключены из-за сильной коррозии. Начиная с третьей четверти IV в. число могил с копьями резко увеличилось: из 19 они найдены в 10, а в четвертой четверти IV и V в. – из 30 – в 23 погребениях. В могиле 41 было обнаружено 2 наконечника копья. Очевидно, что копья были основным видом вооружения населения Среднего Прикамья. За все время использования копий Тарасово их роль особенно возросла с третьей четверти IV в. Следует также отметить, что в III и первой половине IV в. лишь один раз копье было найдено вместе с мечом, а во второй половине IV–V в. таких случаев зафиксировано уже 7. При этом в двух могилах (1685 и 1784) меч и наконечник копья обнаружены вместе с удилами (захоронения конных воинов). Одно из них относится к третьей четверти IV в., а другое – к четвертой четверти этого же столетия. Значительное увеличение могил воинов-всадников с третьей четверти IV в. подтверждают и следующие цифры. Если в III – первой половине IV в. число могил всадников (удила) с мечами известно 4 (погр. 782, 6, 1737, 199), то в более позднее время – их уже 7 (погр. 765А,Б, 129, 1772, 1703, 474, 235).

Наконечники копий коррозированы и типы их не всегда определимы. Границы между типами расплывчаты. В группу 8 включены наконечники копий с листовидным вытянутым пером, с расширением в нижней его трети, ромбическим сечением и длинной втулкой (рис. 11: 94, тип 1). На конце втулки иногда фиксируется железная муфта-манжета. Тяжелые наконечники с длинными втулками к ударным копьям были распространены в Евразии от середины I тыс. до н.э.

до середины II тыс. н.э. На Южном Урале они появились в сарматскую эпоху: в погребении 3 кургана 4 второй половины V – первой половины IV в. до н.э. могильника Филипповка I (Яблонский, 2008, с. 202, рис. 4: 1), в кургане Темир конца V – начала IV в. до н.э. (Зданович, Хабдулина, 1987, с. 56, рис. 3: 1), из ямы 1 Березовского кургана конца V – начала IV в. до н.э. (Древности Урало-Казахстанских степей..., 1991, с. 39, 56, кат. №168)² и существовали до середины II тыс. н.э. (Кирпичников, 1966, рис. 1). Близкие по форме наконечники происходят из могил группы 4 Верхнего Посурья и Примокшанья, где они датированы В.В. Гришаковым второй половиной IV – началом V в. (2008, рис. 20: 1, с. 110–113).

На западные истоки указывают и данные металлографии. Некоторые наконечники (погр. 660, анализ 42А, Б) откованы целиком из сырцово-стали с микротвердостью 314–351 кг/мм², металл характеризуется как пластинчатый перлит, феррит, феррито-перлит. Особый интерес представляет результат анализа наконечника копья такого типа, происходящий из сбора на грунте из траншеи нефтяников в поздней части памятника. Он имел основу в виде трех-четырёхслойной скрученной малоуглеродистой заготовки, к которой была приварена другая полоса, выкованная из разнородного сырья – мало- и среднеуглеродистой стали. Подобная схема придает изделию дополнительную

² Благодарю А.П. Зыкова за подробную консультацию о длинновтульчатых наконечниках ударных копий (электронные письма от 6.12.2015 и 15.12.2015).

упругость и известна по материалам черняховской культуры (Перевошиков, Кондрашин, 2017, в печати; Вознесенская, 1972, анализы 291 и 253).

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в могилах группы 8, где найдены нехарактерные для Прикамья вещи, предметов явно местного производства: крупных железных пряжек с прямоугольными пластинами, украшенных бронзовыми накладками, шпеньками с полусферическими головками и часто бронзовыми язычками (рис. 13: 99); некоторых местных типов наконечников копий (рис. 13: 100–101; 15: 108); костяных втульчатых (рис. 14: 102) и черешковых (рис. 14: 103) наконечников стрел и железных колчаных крючков (рис. 15: 110).

Группа 9 (вторая половина IV – V в.) представлена 18 могилами второй половины IV (уже перечислены) и 23 погребениями V в. (248, 381, 1703, 1763, 867, 1795, 1729, 742, 919А, 256, 452А, 364, 234, 762, 7, 474, 235, 393, 334, 176, 1731, 247, 41, рис. 1). Вещи этой группы начинают использоваться в третьей четверти IV в. и доживают до конца использования памятника. «Чистых» вещей V в. в мужских могилах выявить не удалось, все они имели более ранние истоки, но поскольку вещей IV в. в этих могилах нет, мы предполагаем их более поздний возраст. Среди них бронзовые рамчатые овальные, реже округлые пряжки с утолщенными передними частями рамок, с язычками, не выступающими за пределы колец и хорошо выраженными выступами в их задней части (рис. 12: 95; 10 экз.), а также близкие им по оформлению рамок и язычков, но с полуовальными короткими щитками, скрепленными с ремнем, как правило,

с помощью двух обычных шпеньков (рис. 12: 97; 40 экз.).

Напомним, что утолщение передней части кольца пряжек и выраженные выступы или уступы на заднем конце язычка наблюдались у сармат со второй половины III в. (Малашев, 2000, с. 209; 2014, с. 139). Тарасовские рамчатые экземпляры напоминают пряжки первой группы могильника Паласа-Сырт в Западном Прикаспии, которая датирована В.Ю. Малашевым от второй четверти и до конца IV в. (Малашев, Гаджиев, Ильюков, 2015, с. 99–100, рис. 203). И.О. Гавритухин по материалам юга Восточной Европы относит такие пряжки ко второй половине III – IV в. (2010, рис. 7: 1,4).

Подобные пряжки в Прикамье хорошо известны. В сводной работе по мазунинским памятникам Т.И. Останиной они фигурируют как изделия IV–V вв. в Старо-Кабановском и Югомашевском могильниках (1997, рис. 12: 29; 14: 12,15,21; 51: 30,40). Подобные пряжки с уступами, реже – с выступом на язычках встречались в Бродовских курганах конца IV – V в. (Голдина Р.Д., 2012, табл. 4: 9, 64; 5: 81, 100, 107, 123, 137 и др.). Территориально близки тарасовским экземплярам такие пряжки из могил второй половины IV – начала V в. Тураевского бескурганного могильника (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 261: 16, 263: 32,41, 269: 76). Подобные пряжки, только более крупные, иногда с граненой рамкой в Верхнем Прикамье существовали и в VI в. (Голдина Р.Д., 2012, табл. 6: 2,3).

В эту же группу попали весьма характерные наконечники ремней квадратной или прямоугольной форм из согнутой пополам пластины с валикообразным расширением в передней

части (рис. 12: 96; 54 экз.). По наблюдениям В.Ю. Малашева, такие наконечники, появившись на юге Восточной Европы во второй половине III в. (Малашев, 2000, рис. 7, В: 5), хорошо известны и в первой (Малашев, рис. 9: Б: 6,7; 10: Б: 2) и во второй половине IV в. (Малашев, рис. 13: Г: 14). Это мнение разделяет и И.О. Гавриутхин (2010, рис. 7: 2,35). Второй половиной III–IV в. датирует их в нижнедонских памятниках и С.И. Безуглов (2008, рис. 4: 15; 7: 11). В могильнике Брут-2 на Северном Кавказе такие наконечники отнесены к последним десятилетиям IV, возможно, началу V в. (Габуев, Малашев, 2009, с. 125, рис. 58: 1–6).

Ближние аналогии описанным предметам в Прикамье происходят из Тураевского I бескурганного могильника второй половины IV – V в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 263: 38, 265: 53). Концом IV–V в. датирует такие наконечники по вятским материалам Н.А. Лещинская (2014, табл. 95: 10, 11, 13, 15 и др.). Подобный экземпляр найден на городище Лбище именьковской культуры (Матвеева, 1998, рис. 4: 10). К V в. относит их по материалам Старо-Кабановского, Югомашевского и Бирского могильников Башкортостана Т.И. Останина (1997, рис. 12: 11–14, 22; 51: 18). Аналогичные предметы, только главным образом квадратные и украшенные рядом шпеньков с полусферическими шляпками, хорошо известны в Бродовском курганном могильнике конца IV–V в. в Верхнем Прикамье (Голдина Р.Д., 2012, табл. 4: 11; 5: 77, 88, 103, 124, 134). В этом регионе они продолжают использоваться и в VI в., только становятся более крупными, массивными, изготовлены часто из серебра,

а иногда и в полихромном стиле (там же, табл. 6: 13, 14; 8: 5).

К группе 9 относятся железные втульчатые наконечники копий с коротким листовидным пером, у которого наибольшее расширение приходится на его среднюю часть (рис. 12: 98, тип 4). Такие наконечники широко распространены в лесной полосе Восточной Европы, в том числе и в Прикамье.

Еще два типа легких ударно-металлических местных вариантов копий вошли в группу 10 (IV–V вв.). Среди них тип 2 – с коротким ромбическим пером и наибольшим расширением в его средней части (рис. 13: 100) и тип 5 – с коротким подтреугольным пером (рис. 13: 101). Некоторые из этих типов наконечников, появившись в раннем железном веке, были распространены в лесном Прикамье и позже. В частности, у населения, оставившего Тарасовский могильник, они (тип 2) были известны и в I–II вв. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 4: 37). Положение в корреляционной таблице указанных типов наконечников копий отражает их популярность в среде прикамского населения III–V вв. и демонстрирует разнообразие типологической вариативности, продиктованное вкусами местных кузнецов и населения. Возможно, в будущем и удастся проследить динамику их развития, но на уровне современных знаний это невозможно.

К группе 10 относится один из характернейших типов пряжек местного производства, в изготовлении которого успешно сочетались железо – основа изделия – и бронза – декоративные фигурные пластины и шпеньки с полусферической головкой. Как правило, в женских могилах они представляют

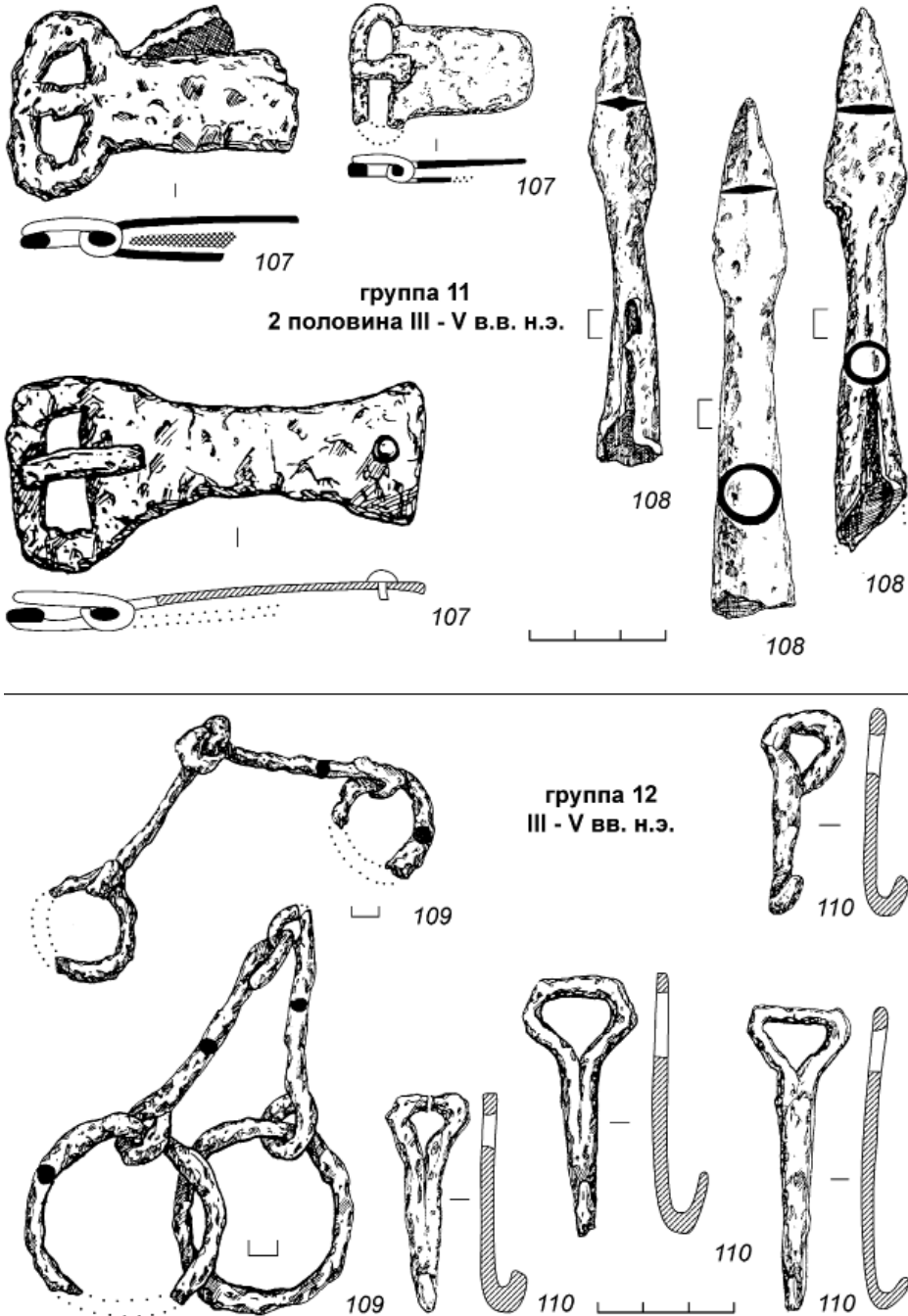

Рис. 15. Тарасовский могильник. 107, 108 – предметы мужских захоронений группы 11 (вторая половина III – V вв. н.э.). 107 – пряжки; 108 – наконечники копий. 109, 110 – предметы мужских захоронений группы 12 (III–V вв. н.э.). 109 – удила; 110 – крючки. 107–110 – железо.

Fig. 15. Tarasovo burial ground. 107, 108 – goods from male graves, group 11 (second half of the 3rd – 5th centuries AD). 107 – buckles; 108 – spear heads. 109, 110 – goods from male graves, group 12 (3rd – 5th centuries AD). 109 – bridle-bit; 110 – hooks. 107–110 – iron.

собой комплект – пряжку, наконечник ремня, прямоугольные или ромбические накладки. Пряжки (рис. 13: 99; 18 экз.), реже трехсоставные, с овальным кольцом и прямоугольной пластиной. Язычки часто имеют выступ у основания с насечками в виде сетки. Подобных изделий обнаружено много в могилах конца IV – V в. бескурганной части Тураевского могильника (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 228: 4–9), несколько экземпляров найдено на Ижевском могильнике, где они датированы Т.И. Останиной IV–V вв. (Останина, 1997, рис. 51: 42), В.Ф. Генингом – IV в. (Генинг, 1979, рис. Б: 1). Судя по тому что на могильниках Вятки такие пряжки отсутствуют, центр их производства находился в южной части правобережья удмуртского Прикамья (Тураево, Тарасово и др.).

Разделение на группы 11 и 12 в некоторой мере условно. Большинство вещей обеих этих групп бытовали на протяжении III–V вв., но по неизвестным или случайным обстоятельствам некоторые предметы не были зафиксированы в могилах первой половины III в. Например, костяные наконечники стрел как втульчатые (рис. 14: 102; 22 экз.), так и черешковые (рис. 14: 103; 69 экз.), конечно, использовались и в первой половине III в. Костяные втульчатые наконечники – этнографическая особенность чегандинской культуры Среднего Прикамья. По данным Б.Б. Агеева, здесь известно их более 900 экземпляров. Они хорошо представлены и в Тарасовских могилах I–II вв. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 4: 31). Хотя костяных черешковых наконечников стрел в могилах I–II вв. н.э. в Тарасово не зафиксировано, но они, конечно, были

популярны у местного населения, поскольку встречались на других памятниках (Генинг, 1970, табл. XXV: 4–6), и более просты в изготовлении, чем втульчатые. Это же касается и железных колчаных крючков с петлей в верхней части (рис. 15: 110; 86 экз.). Подобные обнаружены в могилах I в. Тарасово (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 2: 13) и многочисленны в могилах мужчин III–V вв.

В группу 11 (вторая половина III – V в.) вошел один из местных вариантов наконечников копий с коротким листовидным пером и наибольшим расширением в его нижней части – тип 3 (рис. 15: 108). Что касается бронзовых округлых или чаще овальных пряжек с гладким язычком, то они были известны тарасовскому населению в I–II вв. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 4: 39), но в III–V вв. у них изменился характер кольца: оно стало асимметричным, массивнее стала передняя часть и иногда фиксировалось его ограничение (рис. 14: 104; 30 экз.). Подобная пряжка с утолщенным передним кольцом найдена в кургане 37 могильника Лебедевка VI первой половины III в. в Западном Казахстане (Мошкова, Демиденко, 2010, рис. 1: 3).

На протяжении III–V вв. существовали составные поясные накладки с различными вариациями овальной верхней части и кольцом (рис. 14: 106; 75 экз.), только в первой половине III в. они отличались более тщательно исполненной фасетировкой как верхней части, так и кольца (рис. 2: 8).

В III–V вв. использовались железные удила с псалиями в виде малых или крупных колец (рис. 15: 109; 18 экз.). Для II в. нами зафиксировано бытование удил одновременно и с

крупными, и с малыми кольцами (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, табл. 3: 30). Вследствие плохой сохранности в некоторых случаях можно предполагать наличие только одного вида колец. Например, для могил 692 и 1420 можно допустить использование только малых колец (а возможно, крупные не сохранились). В мазунинское же время были распространены удила либо с малыми, либо с крупными кольцевидными псалиями. Попытка их разделить по времени пока оказалась безуспешной. Удила с малыми кольцами встречались как в первой половине III в. (погр. 111), так и в первой половине IV в. (погр. 1737), а также в третьей четверти IV в. (погр. 60).

В группу 11 вошли крупные железные пряжки с прямоугольными, иногда заууженными в середине щитками, овальными рамками и гладкими язычками (рис. 14, 15: 107; 77 экз.), часто сочетающиеся с железными прямоугольными наконечниками, согнутыми из одной пластины (рис. 14: 105; 43 экз.). Ранние варианты подобных пряжек и наконечников в Причерноморье отмечены во второй половине I – первой половине III в. (Гавритухин, 2010, рис. 5: 12–13). Известны они во II – первой половине III в. в Центральном Предкавказье (Абрамова, 1993, рис. 66: 11–24). В Прикамье они появились, вероятно, в первой половине, а по тарасовским материалам во второй половине III в. и бытовали в IV в. В V в. они получили в Среднем Прикамье особое распространение. Экземпляры из Ижевского и Сайгатского могильников датированы В.Ф. Генингом IV в. (1979, рис. Б: 2; В: 3), из Нивского и Чепанихинского некрополей отнесены Т.И. Останиной к IV–V вв. (1997, рис. 13: 20, 14: 3, 51: 42). Оби-

лие таких пряжек в Тарасовском и Тураевском бескурганном (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 230: 2–7, 231: 1–6), Заборье (Бернц, 2006, рис. 2: 5; 6: 9), Дубровском (более 20 погребений, раскопки Е.М. Черных), Боярском могильниках (раскопки Е.М. Черных) позволяет считать местом их производства южную часть мазунинской территории в удмуртском Прикамье.

Сопутствующие им железные прямоугольные наконечники ремней, иногда с заууженной серединой (рис. 14: 105; 44 экз.) уже были предметом исследования ученых. В частности, И.А. Бажан и И.О. Васкул именно их считали импортом в лесную зону Восточной Европы из районов пшеворской, западнобалтской и вельбаркской культур на рубеже II–III вв. н.э. (Бажан, Васкул, 1988, с. 76–89, рис. 3, 4). Очень хотелось бы поддержать эту гипотезу, но, к сожалению, по материалам Тарасово такие наконечники появились в Прикамье не ранее второй половины III в., а основное их бытование приходится на IV в. В V в. они становятся здесь крупнее и часто орнаментированы бронзовыми полусферическими шпеньками (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, табл. 234). Об этой более поздней дате (не рубеж II–III, а вторая половина III – IV в.) уже писал В.Ю. Малашев (Малашев, Яблонский, 2008, с. 53). Но следует помнить, что именно И.А. Бажан и И.О. Васкул впервые обратили внимание на существовавшие в первой половине I тыс. н.э. исторические связи между Урало-Поволжьем и западным миром.

В результате проделанной работы над погребальными комплексами мужских захоронений поздней мазунинской стадии III–V вв. Тарасовско-

го могильника удалось выделить 12 хронологических групп как короткого (четверть столетия и полустолетие), так и более длительного (столетие, 2 и 3 века) диапазона: первой половины III в. н.э. (группа 1); второй половины III в. (2); III в. (3); первой половины IV в. (4); второй половины III–IV в. (5); третьей четверти IV в. (6); четвертой четверти IV в. (7); второй половины IV в. (8); второй половины IV–V в. (9); IV–V вв. (10); второй половины III–V в. (11); III–V вв. (группа 12). Поскольку это первый опыт, мы хорошо понимаем, что предлагаемое хронологическое деление вызовет у многих сомнения и даже возражения, но надеемся, что возникшая дискуссия будет способствовать дальнейшему изучению проблемы. Предлагаемая группировка материалов ставит множество новых вопросов, которые требуют ар-

гументации. Становится очевидным существование нескольких волн миграции на Нижнюю и Среднюю Каму и прилегающее Поволжье военизированных пришлых групп: во второй половине III в., в третьей четверти IV в. и в четвертой четверти IV в. Интересна проблема причин и истоков этих миграций, их характер, взаимоотношения пришлого с местным населением и значение этих контактов. Все больше аргументов в пользу юго-западного и западного происхождения этих миграций, и, конечно, важно выяснить этническую принадлежность пришельцев и их соотношение друг с другом. Надеемся, что статья инициирует не только обсуждение проблем хронологии поволжско-приуральских древностей I–V вв. н.э., но и других общепроисторических оценок, основанных на материалах памятников этого края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до. н.э. – IV в. н.э.) // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. серии Г.Е. Афанасьев и Ф. Дайм при участии Д. Кидда. М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
2. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
3. *Арматинская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С. 26–46.
4. *Ахмедов И.Р., Воронцов А.М.* Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи великого переселения народов с территории Верхнего и Среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 9–54.
5. *Бажан И.А., Васкул И.О.* О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тыс. н.э. // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 11 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1988. С. 76–89.
6. *Бажан И.А., Щукин М.Б.* К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи великого переселения народов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 30 / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Л.: Искусство, 1990. С. 83–96.

7. *Безуглов С.И.* Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии: сб. памяти В.А. Башилова / МИАР. Вып. 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, ТАУС, 2008. С. 284–301.
8. *Безуглов С.И., Глебов В.П.* Курганные погребения позднеримского времени из могильника Козинка VIII // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского краеведческого музея, 2002. С. 288–301.
9. *Безуглов С.И., Копылов В.П.* Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.
10. *Белоусов В.В.* Вооружение и военное дело сарматов Подонья I–IV вв. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010. 246 с.
11. *Бернц В.А.* К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: б/и, 2006. С. 351–389.
12. *Валиулина С.И.* Стеклянная лампада из V кургана Тураевского могильника // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. ст. к 70-летию П.Н. Старостина / Отв. ред. Д.Г. Бугров / Археология Евразийских степей. Вып. 10. Казань: ИА АН РТ, 2009. С. 134–138.
13. *Васюткин С.М.* Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 72–91.
14. *Вознесенская Г.А.* Техника обработки железа и стали // Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры / МИА. № 187. М.: Наука, 1972. С. 8–49.
15. *Вязов Л.А.* О происхождении топоров именьковской культуры // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 43–53.
16. *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН: ТАУС, 2009. 468 с.
17. *Габуев Т.А., Хохлова О.С.* Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) // РА. 2012. № 4. С. 16–25.
18. *Гавритухин И.О.* Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 2: сб. науч. статей / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Ч. 1. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 49–67.
19. *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) / Науч. ред. М.Б. Щукин. М.: Наука, 1997. 144 с.
20. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. / ВАУ. Вып. 5. Ижевск, 1963. 195 с.
21. *Генинг В.Ф.* История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II / Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск, 1971. 159 с.
22. *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 7–84.
23. *Генинг В.Ф.* Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 72–80.
24. *Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военоначальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.

25. *Генинг В.Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.
26. *Голдина Е.В., Голдина Р.Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX в.). Ижевск: б/и, 2010. С. 156–260.
27. *Голдина Р.Д.* Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С. 47–98.
28. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
29. *Голдина Р.Д.* О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 167–192.
30. *Голдина Р.Д.* О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV–начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Ред. Л.И. Липина, Н.И. Широкова. Ижевск: Удмурт, ун-т, 2012. С. 203–285.
31. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
32. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
33. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.
34. *Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Макаров Л.Д.* Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лещинская Н.А. Вятский край в пьноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: б.и., 2014. С. 212–445.
35. *Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.
36. *Гришаков В.В.* Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.
37. Древности Урало-Казахстанских степей (красота и духовность мира вещей). Каталог выставки / Ред. Н.О. Иванова, Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та, 1991. 60 с.
38. *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.
39. *Зданович Г.Б., Хабдулина М.К.* Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд-е Баш. гос. ун-та, 1987. С. 45–64.
40. *Зыков А.П., Ковригин А.А.* Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: Научно-популярное издание. Екатеринбург: Раритет, 2008. 466 с.

41. *Казанский М.М.* Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 299–336.
42. *Казанский М.М.* Пряжки раннесарматской традиции в Северной Евразии // *Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник к 70-летию Я.А. Шера* / Науч. ред. В.В. Бобров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 193–197.
43. *Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А.* Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // *Петербургский археологический вестник*. Вып. 2. СПб: Ойум, 1992. С. 113–126.
44. *Киртичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 181 с.
45. *Кунина Н.З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб: Арт, 1997. 360 с.
46. *Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Гляденовское костыше. Материалы раскопок 1995-1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея: каталог. Вып. 4. Пермь: б/и, 1999. 58 с., илл.
47. *Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / *Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 472 с.
48. *Мажитов Н.А.* Ранние памятники бахмутинской культуры // *ВАУ*. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 65–71.
49. *Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // *Сарматы и их соседи на Дону* / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
50. *Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.
51. *Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т.* Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / *МИАР*. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.
52. *Матвеева Г.И.* Памятники лбищенского типа – ранний этап именниковской культуры // *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии)*. Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 87–96.
53. *Мельничук А.Ф., Соболева Н.В.* Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // *Приуралье в древности и средние века* / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С. 99–109.
54. *Мокрушин В.П.* Поселения предломоватовского периода в Пермском Прикамье // *Коми-пермяки и финно-угорский мир*. Материалы I Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 1997. С. 39–142.
55. *Мошкова М.Г., Демиденко С.В.* Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий* / *МИАР*. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 254–261.
56. *Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
57. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.
58. *Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–V вв. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.
59. *Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // *Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья*. КСИА. № 158. М.: Наука, 1979. С. 71–79.

60. *Перевоицков С.Е., Кондрашин В.В.* Кузнечное производство населения Среднего Прикамья в I–V вв. н.э. // Исследования материалов Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. 4. Ижевск, 2017. В печати.
61. *Перевоицков С.Е., Малых О.О.* К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник ЧелГУ. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 18–24.
62. *Перевоицков С.Е., Пастушенко И.Ю.* «Косы-горбуши» в средневековых памятниках Прикамья // Российские немцы: история и современность. Мат-лы науч.-практ. конф. Вып. 5 / Отв. ред. А.Н. Маркин. Ижевск, 2006. С. 105–121.
63. *Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М.* Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. Вып. 1 (24). С. 71–82.
64. *Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Культурные контакты азелинских племен (по данным археологической металлографии) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 135–140.
65. *Семькин Ю.А.* Технологическая характеристика кузнечного инвентаря из Тураевского могильника // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара, 1993. С. 192–200.
66. *Спицын А.А.* Гляденовское костыще // Записки русского археологического общества. Т. XII. Вып. 1, 2. СПб., 1901. С. 228–269.
67. *Старостин П.Н.* Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. № 1. С. 251–255.
68. *Старостин П.Н.* Рождественский V могильник // Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.
69. *Старостин П.Н., Хомутова Л.С.* Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. № 3. С. 208–217.
70. *Сташенков Д.А.* О ранней дате именьковской культуры // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 111–125.
71. *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Мушгинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.
72. *Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 320 с.
73. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
74. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. / Тр. МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1962. С. 7–187.
75. *Храпунов И.Н.* Оружие из могильника Нейзац // Terra barbarica / Monumenta archaeologica barbarica. Series Gemina. Т. II. Warszawa, 2010. С. 535–555.
76. *Яблонский Л.Т.* Новые материалы к проблеме формирования культуры ранних кочевников Южного Приуралья // ВАУ. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 194–208.
77. *Barkoczi L.* Spätromische glasbecher nit aufgelegten Nuppen aus Pannonien // Folia Archaeologica. Т. XXIII. Budapest: Népművelési propaganda iroda, 1972. С. 69–94.
78. *Gening V.F.* Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland. Eurasia Antiqua. Band 1. Mainz am Rhein, 1995. S. 265–326.

Информация об авторе:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Бернц Вероника Александровна, специалист по учебно-методической работе 1 категории, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

CHRONOLOGY OF 3RD – 5TH CENTURIES MALE GRAVES FROM THE TARASOVO BURIAL GROUND

R.D. Goldina, V.A. Bernts

The article focuses on the chronological attribution of male graves from the late Mazunino stage of the Tarasovo burial ground in the Middle Kama area and is sequel to an earlier article about dating of the early Nyrgynda stage (1st – 2nd centuries) of the same site.

We used here three main methods of research: formal typology, cultural stratigraphy and the nearest neighbor method. Eighty-six male graves of the 3rd – 5th centuries have been analyzed, of which we singled out 12 groups: 1st half of the 3rd century AD (group 1), 2nd half of the 3rd century AD (group 2), the 3rd century (group 3); 1st half of the 4th century (group 4); 2nd half of the 3rd – 4th century (group 5); 3rd quarter of the 4th century (group 6); 4th quarter of the 4th century (group 7); 2nd half of the 4th century (group 8); 2nd half of the 4th – 5th century (group 9); the 4th – 5th centuries (group 10); 2nd half of the 3rd – 5th centuries (group 11) and the 3rd – 5th centuries (group 12). In this article we consider the last 6 groups; the first six were examined in our previous paper. The analysis of this evidence allowed distinguishing several migration waves of militarized foreign cultural groups to the Lower and Middle Kama and the neighboring Volga region in the second half of the 3rd – 4th centuries, whose origins, characteristics and importance are still to be studied. Artifacts from the 3rd – 5th centuries female graves of the Tarasovo burial ground will be studied separately.

Keywords: archaeology, Middle Kama, 1st – 4th centuries, Tarasovo burial ground, cultural stratigraphy, chronology, Mazunino stage, Cheganda culture, Pyany Bor culture-historical community, migrations.

REFERENCES

1. Abramova, M. P. 1993. *Tsentrāl'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremia (III v. do n.e. – IV v. n.e.) (Central Ciscaucasus in Sarmatian Time (3rd Century BC – 4th Century AD))*. Series: Afanas'ev, G. E., Daim, F. with J. Kidd's contribution (series Chief Editors). *Arkheologiya epokhi velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia = Russian monographs in migration-period and medieval archaeology* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1971. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 106–134 (in Russian).
3. Armatynskaia, O. V. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages)*. Ustinov: Udmurt State University, 26–46 (in Russian).
4. Akhmedov, I. R., Vorontsov, A. M. 2012. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 9–54 (in Russian).
5. Bazhan, I. A., Vaskul, I. O. 1988. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Pamiatniki epokhi kamnia i metalla Severnogo Priural'ia (Stone and Metal Age Sites from Northern Ural*

The first part of this paper was published in *Volga River Region Archaeology*, 2016 no. 3(17), p. 17–58. The figures are numbered continuously: figures 1–9 can be found in part I.

Region). Series: Materials on the Archaeology of European Northeast 11. Syktyvkar, 76–89 (in Russian).

6. Bazhan, I. A., Shchukin, M. B. 1990. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 30. Leningrad: “Iskusstvo” Publ., 83–96 (in Russian).

7. Bezuglov, S. I. 2008. In Moshkova, M. G. (ed.). *Problemy sovremennoi arkheologii: Sbornik pamiati V. A. Bashilova (Issues of Contemporary Modern Archaeology: Collection of Papers in Memory of V. A. Bashilov)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Taus” Publ., 284–301 (in Russian).

8. Bezuglov, S. I., Glebov, V. P. 2002. In Kiiashko, V. Ya. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 18. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Museum-Reserve, 288–301 (in Russian).

9. Bezuglov, S. I., Kopylov, V. P. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 171–183 (in Russian).

10. Belousov, V. V. 2010. *Vooruzhenie i voennoe delo sarmatov Podon'ia I–IV vv. n.e. (Armament and Warfare of the Sarmatians in the Don River Basin in 1st – 4th Centuries AD)*. PhD Diss. Voronezh (in Russian).

11. Bernts, V. A. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 351–389 (in Russian).

12. Valiulina, S. I. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniia i srednevekovaia arkheologiia Volgo-Kamia (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 134–138 (in Russian).

13. Vasiutkin, S. M. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Pamiatniki epokhi srednevekov'ia v Verkhnem Prikam'e (Medieval Sites in the Upper Kama Area)*. Izhevsk: Udmurt State University, 72–91 (in Russian).

14. Voznesenskaia, G. A. 1972. In Bartseva, T. B., Voznesenskaia, G. A., Chernykh, E. N. *Metall cherniakhovskoi kul'tury (Metal of the Chernyakhov Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 187. Moscow: “Nauka” Publ., 8–49 (in Russian).

15. Vyazov, L. A. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo krugha Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: “IaZ” Publ, 43–53 (in Russian).

16. Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. 2009. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Sites of the Early Alans of Central Areas of the Northern Caucasus)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Taus” Publ. (in Russian).

17. Gabuev, T. A., Khokhlova, O. S. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 16–25 (in Russian).

18. Gavritukhin, I. O. 2010. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vlianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: “Kulikovo Pole” State Museum-Reserve, 49–67 (in Russian).

19. Gaj, O. A., Bažan, I. A. 1997. *Khronologiia epokhi «gotikh pokhodov» (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza) (Chronology of the Epoch of “Gothic Raids” (on the Territory of Eastern Europe and Caucasus))*. Moscow: “Nauka” Publ., (in Russian).

20. Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azeline Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on*

History of the Vyatka Area in the Great Migrations). Series: *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 5. Izhevsk (in Russian).

21. Gening, V. F. 1971. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu*. Ch. II. *Arkheologicheskie pamiatniki chegandinskoi kul'tury (III v. do n.e. – II v. n.e.)* (*History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part II. Cheganda Culture Archaeological Sites (3rd Century BC – 2nd Century AD)*) In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 11. Sverdlovsk; Izhevsk (in Russian).

22. Gening, V. F. 1967. In Medvedev A. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 7. Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).

23. Gening, V. F. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala* (Issues of the Ural Archaeology) 2. Sverdlovsk, 72–80 (in Russian).

24. Gening, V. F. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia* (*From the Volga-Kama Archaeology*). Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 55–108 (in Russian).

25. Gening, V. F. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 158, 96–106 (in Russian).

26. Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2010. In Goldina, E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.)* (*Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries)*). Izhevsk: s. ed., 156–260 (in Russian).

27. Goldina, R. D. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka* (*Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages*). Ustinov: Udmurt State University, 47–98 (in Russian).

28. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e* (*The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Area*). Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

29. Goldina, R. D. 1991. In Ivanova, M. G. (ed.). *Issledovaniia po srednevekovoi arkheologii lesnoi polosy Vostochnoi Evropy* (*Studies on Medieval Archaeology of the East-European Forest Belt*). Izhevsk: Academy of Sciences of the USSR, Ural Branch, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 167–192 (in Russian).

30. Goldina, R. D. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaia atributsiia* (*Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution*). Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 203–285 (in Russian).

31. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame* (*Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region*) II. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

32. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast')* (*Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*). Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

33. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya* (*Volga River Region Archaeology*) 15 (1), 41–89 (in Russian).

34. Goldina, R. D., Leshchinskaia, N. A., Makarov, L. D. 2014. In Leshchinskaia, N. A. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.)* (*Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD*). Series: *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt University, 212–445 (in Russian).

35. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame* (*Funerary Rite in the Tarasovo Burial*

Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area) III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

36. Grishakov, V. V. 2008. In *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2. Penza: "PIRO" Publ., 82–137 (in Russian).

37. Ivanova, N. O., Zdanovich, G. B. (eds.). 1991. *Drevnosti Uralo-Kazakhstanskikh stepei (krasota i dukhovnost' mira veshchei). Katalog vystavki (Antiquities of the Ural and Kazakhstan Steppes: Beauty and Spirituality of the World of Things. Catalogue of Exhibition)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).

38. Zav'ialov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2009. *Istoriia kuznechnogo remesla finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Predural'ia: K probleme etnokul'turnykh vzaimodeistvii (History of Finno-Ugric Peoples' Smithery in the Volga Basin and Cis-Urals Region: to the Problem of Intercultural Interactions)*. Moscow: "Znak" Publ. (in Russian).

39. Zdanovich, G. B., Khabdulina, M. K. 1987. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtysh Interfluves Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk: Bashkir State University, 45–64 (in Russian).

40. Zykov, A. P., Kovrigin, A. A. 2008. *Shchit i mech Otchizny. Oruzhie Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Shield and Sword of Motherland: the Urals Weapons from the Earliest Time to Present Day)*. Yekaterinburg: "Raritet" Ltd. Publ. (in Russian).

41. Kazanskii, M. M. 2014. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 299–336 (in Russian).

42. Kazanskii, M. M. 2002. In Bobrov, V. V. (ed.). *Pervobytnaia arkheologiya. Chelovek i iskusstvo (Prehistoric Archaeology: Humans and Art)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 193–197 (in Russian).

43. Kargapol'tsev, S. Yu., Bazhan, I. A. 1992. In *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (St. Petersburg Archaeological Bulletin)* 2. Saint Petersburg: "Oium" Publ., 113–126 (in Russian).

44. Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

45. Kunina, N. Z. 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha (Ancient Glass in the Hermitage Collection)*. Saint Petersburg: "ARS" Publ. (in Russian).

46. Lepikhin, A. N., Mel'nichuk, A. F. 1999. *Gliadenovskoe kostishche. Materialy raskopok 1995–1997 gg. iz sobraniia Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia: katalog (Gliadenovo Kostishche (concentration of bones): materials of 1995–1997 excavations from the collection of the Perm regional museum of local studies. Catalogue)* 4. Perm: Perm Regional Museum of Local Studies (in Russian).

47. Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii kraj v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

48. Mazhitov, N. A. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 2. Sverdlovsk, 765–771 (in Russian).

49. Malashev, V. Yu. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194–232 (in Russian).

50. Malashev, V. Yu., Gadzhiev, I. S., Il'iukov, L. S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiiskogo Dagestana III–V vv. n.e. (The Land of Maskuts on Western Coast of Caspian Sea. The Coastal Dagestan Kurgan Cemeteries of the 3rd–5th Centuries. AD)*. Makhachkala: “Mavraev” Publ. (in Russian).
51. Malashev, V. Yu., Iablonskii, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 9. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
52. Matveeva, G. I. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 87–96 (in Russian).
53. Mel'nichuk, A. F., Soboleva, N. V. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages)*. Ustinov: Udmurt State University, 99–109 (in Russian).
54. Mokrushin, V. P. 1997. Poseleniia predlomovatovskogo perioda v Permskom Prikam'ie. In Savelev, A. S. (comp.), Kokoleva, V. N., Kosova, L. A. (eds.). *Komi-permiaki i finno-ugorskii mir (Komi-Permyaks and the Finno-Ugric World)*. Kudymkar: “Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 39–142 (in Russian).
55. Moshkova, M. G., Demidenko, S. V. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: “Taus” Publ., 254–261 (in Russian).
56. Ovsianikov, V. V., Savelev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
57. Ostanina Vol. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
58. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tiium-Tiium (Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Series: Materialy okhrannykh issledovaniia (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
59. Oshibkina, S. V. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)* 158. Moscow: “Nauka” Publ., 71–79 (in Russian).
60. Perevoshchikov, S. E., Kondrashin, V. V. 2017. In *Issledovaniia materialov Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Studies of Materials of the Tarasovo Burial Ground from 1st–5th Centuries in the Middle Kama Area)* (4). Izhevsk. In print (in Russian).
61. Perevoshchikov, S. E., Malykh, O. O. 2014. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Chelyabinsk State University)* 351 (22). *Istoriia (History)* 61, 18–24 (in Russian).
62. Perevoshchikov, S. E., Pastushenko, I. Yu. 2006. In Markin A. N. (ed.). *Rossiiskie nemtsy: istoriia i sovremennost' (Russian Germans: History and Present Day)* 5. Izhevsk: Udmurt State University, 105–121 (in Russian).
63. Perevoshchikov, S. E., Sabirova, T. M. 2014. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 24 (1), 71–82 (in Russian).
64. Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ia (A. P. Smirnov's*

Scientific Legacy and Modern Problems of Volga-Kama Archaeology). Moscow: State Historical Museum, 135–140 (in Russian).

65. Semykin, Yu. A. 1993. In Kovalevskaia, V. B. (ed.). *Novoe v srednevekovoi arkheologii Evrazii (New Research in the Medieval Archaeology of Eurasia)*. Samara, 192–200 (in Russian).

66. Spitsyn, A. A. 1901. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* XII (1, 2). Saint Petersburg, 228–269 (in Russian).

67. Starostin, P. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 251–255 (in Russian).

68. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

69. Starostin, P. N., Khomutova, L.S. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 208–217 (in Russian).

70. Stashenkov, D. A. 2010. In Kuznetsova, L. V. (ed.). *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition)*. Series: Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History) XV. Samara: "Ofort" Publ., 111–125 (in Russian).

71. Sungatov, F. A., Garustovich, G. I., Iusupov, R. M. 2004. *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Staro-Mushtinskii kurganno-gruntovyi mogil'nik) (Cis-Urals Area during the Great Migrations: Staraya Mushta Burial Ground)*. Ufa: "Ufimskii poligrafkombinat" Publ. (in Russian).

72. Terekhova, N. N., Rozanova, L. S., Zav'ialov, V. I., Tolmacheva, M. M. 1997. *Ocherki po istorii drevnei zhelezoobrabotki v Vostochnoi Evrope (Sketches on History of the Ancient Iron Processing in Eastern Europe)*. Moscow: "Metallurgiiia" Publ. (in Russian).

73. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

74. Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

75. Khrapunov, I. N. 2010. In *Terra barbarica. Monumenta archaeologica barbarica*. Series Gemina. Vol. II. Warszawa, 535–555 (in Russian).

76. Yablonsky, L. T. 2008. In *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 25. Ekaterinburg; Surgut: Magellan, 194–208 (in Russian).

77. Barkoczi, L. 1972. Spätromische Glasbecher mit aufgelegten Nuppen aus Pannonien. In *Folia Archaeologica* XXIII. Budapest: Népművelési propaganda iroda, 69–94.

78. Gening, V. F. 1995. *Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland*. Eurasia Antiqua. Band 1. Mainz am Rhein, 265–326.

About the Authors:

Goldina Rimma D., Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Bernts Veronika A., Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 06.10.2016 г.

УДК 903.25

МОГИЛЬНИКИ МОРДВЫ III–V ВВ. И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017 г. В.И. Вихляев

В статье на основе новых археологических материалов рассматривается проблема существования единой древнемордовской культуры. Определяются бесспорные древнейшие погребальные памятники мордвы. На основании наиболее надежного этноопределяющего признака – деталей женского головного убора, к ним отнесено 14 могильников. Их территориальное расположение позволяет утверждать, что в III–V вв. в Окско-Сурско-Цнинском междуречье существовала единая древнемордовская общность. По мнению автора, разделение древнемордовской общности на два субэтнуса – эрзю и мокшу, началось позже – не ранее VI–VII вв., и завершилось к началу II тыс. н.э.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Окско-Сурско-Цнинское междуречье, ранний железный век, раннее средневековье, древняя мордва, этнос, субэтнос, могильник.

Мордовский этнос состоит из двух субэтносов – мокшанского и эрзянского. Исследователей истории мордовского народа всегда интересовало, когда и как произошло оформление такой этнической структуры.

В первой половине XX в. у большинства языковедов сложилось мнение о том, что в начале у мордвы существовал единый древнемордовский язык. Он функционировал в пределах единой общемордовской родоплеменной организации. Лишь позднее (полторы тысячи лет тому назад) произошло его разделение на мокшанский и эрзянский языки (Серебренников, 1965; Коляденков, 1965).

Среди археологов, первым по проблеме формирования мордовского этноса, высказался П.С. Рыков. Он считал, что сначала существовала единая древнемордовская культура. К этой культуре П.С. Рыков относил рязанско-окские могильники (Рыков, 1936, с. 64–69). А.П. Смирнов в последних своих работах высказал

мнение о том, что единая древнемордовская культура функционировала в первой половине I тысячелетия н.э. с первых веков н.э. К ней он отнес все могильники в пределах Тамбовской, Пензенской, Горьковской областей и Мордовской АССР. В середине I тысячелетия н.э. началось разделение культуры на мокшанскую и эрзянскую (Смирнов, 1965а). Этой точки зрения придерживалась и А.Е. Алихова, которая временем существования древнемордовской культуры, охватывающей многие племена, считала все I тысячелетие н.э., после чего началось ее разделение на мокшанскую и эрзянскую культуру (Алихова, 1965).

Другую гипотезу отстаивал П.Д. Степанов. По его мнению, мордва с самого начала своего существования как этноса была разделена на мокшу и эрзю. К эрзянским он относил рязанско-окские и муромские могильники (Степанов, 1968; 1970). К этой точке зрения о развитии древнего мордовского этноса близка концепция

М.Р. Полесских. В начале существовали протомокша, под памятниками которой он подразумевал могильники селиксенского типа и протоэрзя, представленная могильниками кошибеевского типа. Затем, с середины I тысячелетия н.э., образовались культуры древней мокши и древней эрзи. К мокше он относил могильники армиевского типа, к эрзе – погребальные памятники типа Кузьминского и Борковского могильников (Полесских, 1965).

В.И. Вихляев считал, что основы культуры двух мордовских субэтносов были заложены независимо друг от друга. Затем из этих культур в VI–VII вв., в результате их активного взаимодействия, стала формироваться общемордовская культура. Эта культура просуществовала до начала II тысячелетия, когда завершилось формирование мокшанской и эрзянской культур. Именно в это время их начинают различать письменные источники (Вихляев, 2000, с. 125–127).

Таким образом, в археологической научной литературе сложились различные мнения о существовании единой древнемордовской культуры. Одни, по сути дела, отрицали ее существование, другие говорили о ее функционировании в различные хронологические периоды мордовской истории, связывая с разными типами археологических памятников. Изменения во мнениях были обусловлены тем, что во второй половине XX в. интенсивно расширялась база археологических источников. Были открыты ранние пензенские могильники (Полесских, 1977), арзамасские могильники древней мордвы (Мартьянов, 2001) и другие памятники. Открытия продолжаются и в настоящее время.

Особенно важным для решения проблемы единства древнемордовской культуры являются материалы Сендимиркинского могильника первой половины III в. в Нижнем Посурье (Мясников, 2014). Они позволяют по-новому рассмотреть проблему, определить границы древнейшей мордовской культуры и уточнить детали развития этого этноса.

Как видно из нашего краткого обзора проблемы, к древнемордовской культуре первой половины I тысячелетия н.э. исследователи относили разные группы памятников: рязанокские могильники, пензенские могильники, погребальные памятники кошибеевского типа и даже Андреевский курган. Все это объясняется отсутствием использования единого надежного критерия отнесения погребальных памятников к древней мордве. На современном уровне развития археологии мордвы можно уверенно утверждать, что пока единственным надежным этноопределяющим признаком для древнемордовских могильников является женский головной убор, включающий в себя височную подвеску в виде стержня, обмотанного проволокой, с грузиком на нижнем конце и спиралькой на верхнем (на ранних экземплярах этого украшения весьма укороченный стержень не имеет обмотку). Эта подвеска, определенным образом эволюционируя, встречается только в мордовских могильниках на протяжении тысячелетия. В III–V вв. эти украшения различаются между собой формой грузика. Встречаются экземпляры с коническим, листовидным, биконическим, призматическим и бипирамидальным коротким грузиком (Вихляев, 1977, с. 6, 7, 44–51, рис. 2: 1–5; Вихляев,

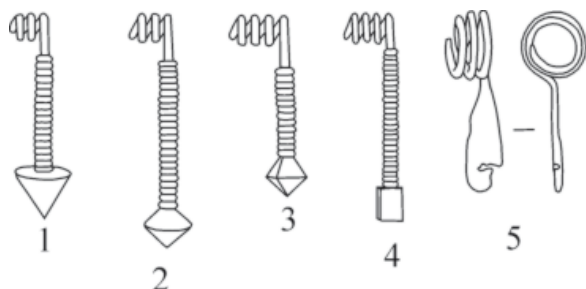

Рис. 1. Типы ранних подвесок с грузиком (III–V вв.).

Fig. 1. Types of early pendants with a weight (3rd – 5th centuries).

Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 11–13, 131–150, рис. 4: 5) (рис. 1). К погребальным памятникам мордвы III–V вв. (рис. 2) на основании выделенного критерия можно отнести:

1. Сендимиркинский могильник в Нижнем Посурье. Исследователь этого памятника Н.С. Мясников датировал его II–III вв. (Мясников, 2014). Вещевой комплекс этого памятника четко укладывается во вторую стадию развития культуры могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья и может быть датирован более точно – концом II – первой половиной III в. В нем в значительном количестве найдены датирующие бронзовые головные и нагрудные бляхи с рельефными концентрическими валиками по корпусу. Они сопровождаются предметами, широко бытуемыми в это время, такими как бронзовые круглодротовые браслеты с расплюснутыми в виде лопастей концами, заходящими друг за друга, а также другими украшениями (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 131, 132, рис. 4).

2. Таутовский могильник в Нижнем Посурье. Представлен одним женским погребением. Датирован А.П. Смирновым и Н.В. Трубниковой IV в. (Смирнов, 1961, с. 116, 117; Смирнов, Трубниковой, 1965, с. 24, табл. 4,1; 17, 1–5, 8, 17, 18). Однако этот комплекс почти полностью по-

вторяет комплексы Сендимиркинского могильника и может быть отнесен ко времени его функционирования.

3. Второй Стёксовский могильник в бассейне реки Тёши (Мартьянов, 2001, с. 99–159). Этот памятник функционировал на протяжении целого тысячелетия вплоть до первой половины XIV в. Ранние его погребения В.Н. Мартьянов относил к III–IV вв. (Мартьянов, 2001, с. 298). В системе хронологии могильников западной части Среднего Поволжья погребение 78 этого памятника с височной подвеской с бипирамидальным грузиком вошло в стадию 4, которая датируется концом III – первой половиной IV в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 133–134; Вихляев, 2014, с. 20–23). В ранних погребениях могильника имеются височные подвески с биконическим грузиком, аналогичные таким украшениям Сендимиркинского могильника (Мартьянов, 2001, с. 262). Это позволяет предположить наличие во Втором Стёксовском могильнике еще более древних захоронений.

4. Абрамовский могильник в бассейне реки Тёши. Его исследователь М.Ф. Жиганов датировал этот памятник – IV–V вв. (Жиганов, 1976, с. 45–46). Изучение сопряженности ведущих типов украшений позволило датировать Абрамовский могильник концом IV – серединой VIII в. (Вих-

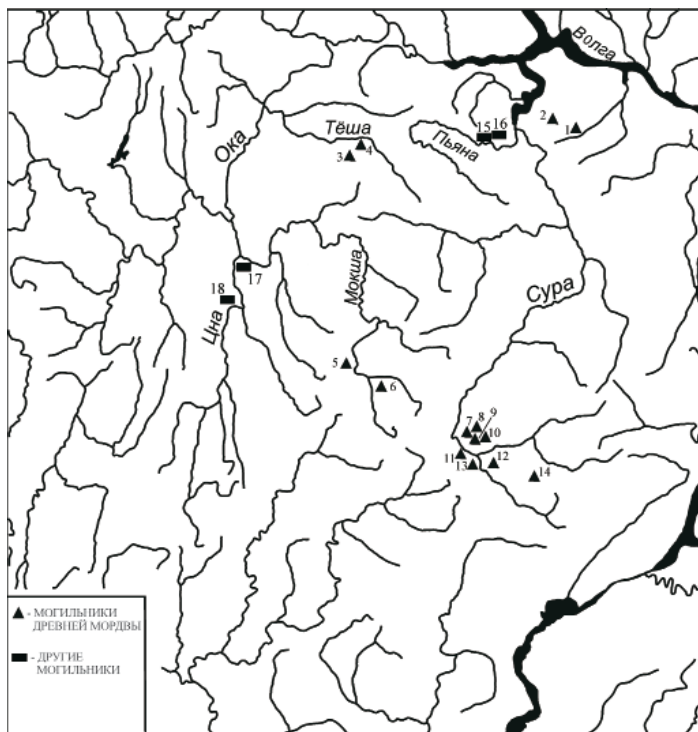

Рис. 2. Погребальные памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья III–V вв. 1 – Сандимиркинский, 2 – Таутовский, 3 – Степановский, 4 – Абрамовский, 5 – Тезиковский, 6 – Ражкинский, 7 – Пензенский, 8 – Селиксенский, 9 – Селикса – Трофимовский, 10 – Степановский, 11 – Алферьевский, 12 – Шемышейский, 13 – Усть-Узинский, 14 – Армиевский, 15 – Сергачский «Кожина слобода», 16 – Сергачский «Святой Ключ», 17 – Кошибеевский, 18 – Полно-Ялтуновский.

Fig. 2. Funerary sites of the Oka-Sura-Tsna interfluvial zone in the 3rd – 5th centuries. 1 – Sendimirki-no; 2 – Tautovo, 3 – Stepanovo, 4 – Abramovo, 5 – Tezikovo, 6 – Razhkino, 7 – Penza, 8 – Seliksa, 9 – Seliksa - Trofimovo, 10 – Stepanovo, 11 – Alferievo, 12 – Shemysheyka, 13 – Ust-Uza, 14 – Armievo, 15 – Kozhina Sloboda near Sergach, 16 – Svyatoy Klyuch near Sergach, 17 – Koshibevo, 18 – Polnoe Yaltunovo.

ляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 153).

5. Тезиковский могильник в Верхнем Примокшанье (Полесских, 1966, с. 268–296; Гришаков, 1998, с. 50–58). М.Р. Полесских датировал этот погребальный памятник IV–V вв. Затем эта дата была уточнена – конец IV–V вв. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 153).

6. Ражкинский могильник в Верхнем Примокшанье (Полесских, 1991, с. 152–167). В системе хронологии

могильников населения западной части Среднего Поволжья материалы памятника укладываются в рамки конца II–IV в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 152).

7. Пензенский могильник в Верхнем Посурье (Фонды ГИМ, янв. №77911). М.Р. Полесских датировал этот памятник III–IV вв. (Полесских, 1977, с. 34).

8. Селиксенский могильник в Верхнем Посурье. М.Р. Полесских видел в этом памятнике два – Старший и

Младший и датировал соответственно III–IV вв. и VII – началом VIII в. (Полесских, 1977, с. 33–49). В системе хронологии погребальных памятников западной части Среднего Поволжья Селиксенский могильник датируется второй половиной III – первой половиной VIII в. без выделения старшего и младшего периодов (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 153).

9. Селикса-Трофимовский могильник в Верхнем Посурье. Этот памятник был датирован М.Р. Полесских IV–V вв. (Полесских, 1974а, с. 12–32). В общей хронологии погребений населения западной части Среднего Поволжья могильник отнесен ко второй половине IV – началу V в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 153).

10. Степановский могильник в Верхнем Посурье. М.Р. Полесских датировал его IV–V вв. (Полесских, 1974а, с. 17–21, 27–32). Эта датировка была уточнена создателями системы хронологии могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. В ней комплексы Степановского могильника уложились в рамки конца IV–V в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 153).

11. Алферьевский могильник в Верхнем Посурье. М.Р. Полесских датировал этот памятник IV–V вв. (Полесских, 1977, с. 134). В хронологической системе погребальных комплексов I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья этот могильник не определился.

12. Шемьшейский могильник в Верхнем Посурье. М.Р. Полесских отнес этот памятник к III–IV вв. (Полесских, 1974б, с. 73–75). В системе хро-

нологии, основанной на применении статистико-математических методов, Шемьшейский могильник датируется концом II – первой половиной IV в. и содержит самые древние бесспорно мордовские погребения (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 153).

13. Усть-Узинский могильник в Верхнем Посурье. Исследователи этого памятника датируют его III–IV вв. (Гришаков, Давыдов, Седышев, Сомкина, 2014, с. 57–60). В систему хронологии могильников западной части Среднего Поволжья он не вошел, так как его раскопки были завершены уже после разработки системы.

14. Армиевский могильник в Верхнем Посурье (Рыков, 1930; Полесских, 1979, с. 5–56). М.Р. Полесских отнес этот памятник к VI – началу VIII в. (Полесских, 1977, с. 34). При разработке общей системы хронологии могильников западной части Среднего Поволжья в нем были выявлены погребальные комплексы от конца IV до VII в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 153).

Еще совсем недавно древнейшие могильники с височными подвесками с грузиком были известны до III–IV вв. только в южной части Окско-Сурско-Цнинского междуречья (Верхнее Посурье и Нижнее Примокшанье). В северной части этой территории имелось лишь одно погребение с древнейшей мордовской височной подвеской в Нижнем Посурье (Таутовский могильник). В массовом порядке эта этноопределяющая вещь, претерпевшая существенные изменения в форме грузика, была тогда прослежена в Абрамовском могильнике в Притёшье, древнейшие погребения которого относятся ко времени не

ранее конца IV–V в. Таким образом, фактический материал показывал, что древнейшая бесспорно мордовская культура начала развиваться там, где позже формировалась древняя культура мокшанского субэтноса мордвы. В такой ситуации не совсем было понятно, почему развитие древнеэрзянского этноса задерживалось по сравнению с древнемокшанским и какими памятниками он представлен. Это приводило к возникновению на археологических материалах различных гипотез о развитии единого древнемордовского этноса вплоть до отрицания его существования.

В последние десятилетия были открыты и исследованы в северной части Окско-Сурско-Цнинского междуречья памятники, одновременные с южными и имевшие в своем вещевом комплексе височные подвески с грузиком. Это Второй Стёксовский могильник в Потёшье и Синдимиркинский могильник в Нижнем Посурье. Следовательно, древнейшие бесспорные мордовские памятники теперь известны по всей территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья. Они расположены в северных его районах – Нижнее Посурье и Потёшье и в южных районах – Верхнее Посурье и Примокшанье (рис. 2).

Как показывают последние исследования происхождения древнейшей мордовской культуры, она формировалась, прежде всего, на базе городечной культуры раннего железного века, памятники которой расположены по всей территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья и предшествует мордовским (Вихляев, 2000). Время возникновения древнемордовской культуры как на севере, так и на юге Окско-Сурско-Цнинского между-

речья определяется не ранее конца II – первой половины III в. Общее происхождение, единая территория, одновременность возникновения, общие основы материальной культуры позволяют уверенно утверждать, что с III в. в Окско-Сурско-Цнинском междуречье существовала единая общемордовская культура.

На первом этапе (III в.) возникновения и развития единой древнемордовской культуры в области Нижнего Посурья функционируют Сендимиркинский и Таутовский могильники. На реке Тёше, притоке Оки, начинает свое существование Второй Стёксовский могильник. В Верхнем Посурье совершаются захоронения в Шамышейском, Усть-Узинском, Селиксенском и, возможно, Пензенском погребальных памятниках. В Верхнем Примокшанье функционирует Ражкинский могильник.

На втором этапе развития общемордовской культуры (IV в.) в Нижнем Посурье захоронения этого времени не фиксируются. В Потёшье продолжает функционировать Второй Стёксовский могильник и начинают совершаться погребения на Абрамовском могильнике. В Верхнем Посурье продолжают хоронить в Шемышейском, Усть-Узинском, Селиксенском и, возможно, Пензенском могильниках. Возникают Селикса-Трофимовский, Степановский, Армиевский и, возможно, Алферьевский могильники. В Верхнем Примокшанье продолжает функционировать Ражкинский и начинает использоваться Тезиковский могильники.

Захоронения третьего этапа (V в.) развития древнемордовской культуры в Нижнем Посурье пока что не обнаружены. На реке Тёше начинает

функционировать Абрамовский могильник и, возможно, совершаются захоронения на Втором Стёксовском могильнике. В Верхнем Посурье продолжают совершаться погребения на Селиксенском, Степановском, Армиевском и, возможно, Усть-Узинском могильниках. В Верхнем Примокшанье продолжает использоваться Тезиковский могильник.

Важным определителем этнокультурной принадлежности могильников являются особенности погребального обряда. Среди них особо значимым обычно считается ориентировка покойника головой по сторонам света. Однако для ранних древнемордовских могильников этот признак не работает. Здесь господствующая ориентировка погребенных весьма разнообразна и у каждого памятника своя. Так, северная ориентировка преобладает в рассматриваемое время в Ражкинском и Абрамовском могильниках, северо-восточная – в Селикса-Трофимовском и Степановском могильниках, восточная – в Усть-Узинском, Тезиковском и Алферьевском могильниках, юго-юго-восточная в Сендимиркинском могильнике, южная – в Шемшейском и Армиевском могильниках, западная – во втором Стёксовском и Селиксенском могильниках.

Такое многообразие, на наш взгляд, объясняется тем, что в III–V вв. могильники мордвы небольшие по размеру, со сравнительно немногочисленными погребениями, представляют собой родовые кладбища, отражающие погребальные традиции каждого отдельного рода. Племенные кладбища значительно более крупные с многочисленными погребениями и выработанной устойчивой однообразной ориентировкой покойных появля-

ются позже, не ранее VI–VII вв. Для эрзи преобладающей ориентировкой становится северная, для мокши – южная.

Возможно, снова следует проверить гипотезу М.Р. Полесских о типичности для древнейших мордовских погребений ориентировки покойников ногами к реке, что было распространено у древних финноугров (Полесских, 1972, с. 70).

На территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья имеются могильники, где в погребениях не найдено головных уборов с височными подвесками и грузиком. Это Кошибеевский и Польно-Ялтуновский могильники в Нижнем Примокшанье и на средней Цне, а также Сергачский («Святой Ключ» и «Кожина Слобода») на реке Пьяне, левом притоке Суры. Кошибеевский могильник датируется концом II – V в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 131–137), Польно-Ялтуновский – концом III – первой половиной IV в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, с. 133–134), Сергачский («Кожина Слобода») – II – первой половиной III в. (Шитов, 2000, табл.), Сергачский («Святой Ключ») – IV–V вв. (Шитов, 2000, табл.) Эти памятники можно отнести к особому кошибеевскому типу могильников в Окско-Сурско-Цнинском междуречье. Возможно, к данному типу относятся самые ранние погребения Ражкинского могильника (конец II–первая половина III в.) в Верхнем Примокшанье, так как в них не найдено височных подвесок с грузиком. Носители культуры этой группы могильников, несомненно, принимали участие в формировании и развитии единого древнемордовского этноса. (Вихляев, 2000, с. 61–80).

Наличие могильников кошибеевского типа в Нижнем Посурье и отсутствие здесь бесспорных мордовских погребений во второй половине III–IV в., может быть, объясняется экспансией носителей культуры могильников кошибеевского типа на эту территорию. История древнейшей мордвы в это время в северной части Окско-Сурско-Цнинского междуречья продолжалась в бассейне реки Тёши.

Итак, современные археологические материалы показывают, что в начале развития мордовского этноса (III–V вв.) существовала единая общемордовская археологическая культура. В ней еще не прослеживается деление на два субэтноса – эрзю и мокшу. Это разделение начало формироваться не ранее VI–VII вв. И завершилось к началу II тыс. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алихова А.Е.* Расселение мордовского народа по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 142–143.
2. *Вихляев В.И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 1977. 99 с.
3. *Вихляев В.И.* К вопросу о единстве древнемордовской культуры // Гуманитарий. 2014. № 2(26). С. 20–23.
4. *Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Ист.-социол. ин-т Мордовского гос. ун-та им. Н.П. Огарева, 2000. 132 с.
5. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2008. 352 с.
6. *Гришаков В. В., Давыдов С. Д., Седышев О.В., Сомкина А. Н.* Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III–IV вв. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2016. 195 с.
7. *Гришаков В.В.* Три неопубликованных погребения Тезиковского могильника (к уточнению хронологии памятника) // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып 1. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 1998. С. 50–58.
8. *Жиганов М.Ф.* Память веков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1976. 136 с.
9. *Колядёнков М.Н.* Историческая общность мокши и эрзи по данным языка // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 257–271.
10. *Мартыанов В.Н.* Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т, 2001. 322 с.
11. *Мясников Н.С.* Отчет об археологических раскопках Сендимиркинского могильника в Вурнарском районе Чувашской республики в 2013 году / Архив ИА РАН. 2014. Р-1. №№ 40868, 40869.
12. *Полесских М.Р.* Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы I тыс. н.э. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1979. С. 5–56.
13. *Полесских М.Р.* Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволжское кн. изд-во. Пензенское отделение, 1977. 88 с.
14. *Полесских М.Р.* Новые памятники древнейшей мордвы. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45 / Ред. А.П. Смирнов и др. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1974а. С. 12–32.
15. *Полесских М.Р.* Основания этно-хронологического определения памятников древнейшей мордвы. // Вопросы советского финноугроведения. Тезисы докладов и сообщений

на XIV Всесоюзной конференции по финноугроведению. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1972. С. 70.

16. *Полесских М.Р.* Ражкинский могильник // Археология восточноевропейской степи. Вып. 2. Саратов: Издательство Саратовского гос. ун-та, 1991. С. 152–167.

17. *Полесских М.Р.* Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8-10 декабря 1964 года / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 144–148.

18. *Полесских М.Р.* Тезиковский могильник IV–V вв. // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 30 / Ред. В.С. Ивашкин. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1966. С. 268–296.

19. *Полесских М.Р.* Шемышейский могильник селиксенского типа // КСИА. Вып. 140. М.: Наука, 1974б. С. 73–75.

20. *Рыков П.С.* Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов: Нижневолжский ин-т краеведения, 1930. 82 с.

21. *Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов: Саратовское краевое изд-во, 1936. 152 с.

22. *Серебрянников Б.А.* История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8-10 декабря 1964 года / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 237–256.

23. *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 170 с.

24. *Смирнов А.П.* Этногенез мордовского народа по данным археологии I–XV вв. н. э. // Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 г. / Ред. Б.А. Рыбаков. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1965. С. 18–28.

25. *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура / САИ. Вып. Д1-14. М.: Наука, 1965. 40 с., 31 табл.

26. *Степанов П.Д.* Древняя история мордвы – эрзи. (Очерк второй – археологические и этнографические данные) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 39 / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1970. С. 26–66.

27. *Степанов П.Д.* Древняя история мордвы – эрзи. (Очерк первый – письменные источники) // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 34 / Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1968. С. 263–277.

28. *Шитов В.Н.* Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно – угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Секции исторических и педагогических наук). Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2000. С. 52–60.

Информация об авторе:

Вихляев Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск, Россия); mary.vikh@gmail.com

MORDOVIAN CEMETERIES OF 3RD – 5TH CENTURIES AND THE UNITY OF THEIR EARLY CULTURE

V.I. Vikhlyajev

This article, based on the new archaeological materials, considers the problem of existence of a solid early Mordovian culture and determines the indisputable ancient Mordovian funerary sites. Details of female head set – as one of the most reliable ethnic sign – allowed attributing 14 burial grounds to this culture.

Their geographical location allows us to assert that there was a solid early Mordovian community in the Oka - Sura - Tsna interfluvial zone in the 3rd – 5th centuries. The author maintains that their division into two sub-ethnic groups - Erzya and Moksha - began later, not earlier than in 6th – 7th centuries, and was complete by the beginning of the II millennium AD.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Oka-Sura-Tsna interfluvial zone, early Iron Age, early Middle Ages, early Mordovians, ethnic group, sub-ethnic group, cemetery.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1965. In Rybakov, B. A., Serebrennikov, B. A., Smirnov, A. P. (eds.). *Etnogenez mordovskogo naroda (Ethnic Genesis of the Mordovian People)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 142–143 (in Russian).
2. Vikhlijaev, V. I. 1977. *Drevniaia mordva Posur'ia i Primokshan'ia (Ancient Mordva People in the Sura and Moksha Rivers Area)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).
3. Vikhlijaev, V. I. 2014. In *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia (Humanitarian: current issues of humanities and education)* (2 (26)), 20–23 (in Russian).
4. Vikhlijaev, V. I. 2000. *Proiskhozhdenie drevnemordovskoi kul'tury (Origins of the Ancient Mordovian Culture)*. Saransk: Institute for History and Social Sciences, Mordovia State University named after N. P. Ogarev (in Russian).
5. Vikhlijaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiiia mordovskikh mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of Mordovian Burial Grounds of the 1st–14th Centuries Population in the Western Part of the Middle Volga Area)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).
6. Grishakov, V. V., Davydov, S. D., Sedyshev, O. V., Somkina, A. N. 2016. *Mordovskie plemena nakanune Velikogo pereseleniia narodov (Ust'-Uzinskii mogil'nik III–IV vv.) (Mordva Tribes on the Eve of Great Migrations: Ust-Uza Burial Ground of 3rd-4th Centuries AD)*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).
7. Grishakov, V. V. 1998. In *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfluves Area)* 1. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 50–58 (in Russian).
8. Zhiganov, M. F. 1976. *Pamiat' vekov (Memory of Ages)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
9. Koliadenkov, M. N. 1965. In Rybakov, B. A., Serebrennikov, B. A., Smirnov, A. P. (eds.). *Etnogenez mordovskogo naroda (Ethnic Genesis of the Mordovian People)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 257–271 (in Russian).
10. Mart'ianov, V. N. 2001. *Arzamasskaia mordva v I – nachale II tysiacheletii (Arzamas Mordvians in the I – Beginning of the II Millenium AD)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute (in Russian).
11. Miasnikov, N. S. 2014. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Sendimirkinskogo mogil'nika v Vurnarskom raione Chuvashskoi respubliki v 2013 godu (Report on Archaeological Excavations of the Sendimirkino Burial Ground in the Vurnary District, Chuvash Republic, in 2013)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 40868, 40869 (in Russian).
12. Poleskikh, M. R. 1979. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki mordvy I tys. n.e. (Archaeological Sites of the Mordva of I Millennium AD)*. *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 63. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 5–56 (in Russian).
13. Poleskikh, M. R. 1977. *Drevnee naselenie Verkhnego Posur'ia i Primokshan'ia (Ancient Residents of the Upper Sura and Moksha Rivers Area)*. Penza: "Privolzhske knizhnoe izdatel'stvo" Publ., Penza Branch (in Russian).
14. Poleskikh, M. R. 1974a. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy po arkheologii i etnografii Mordovii (Materials for the Archaeology and Ethnography of Mordovia)*. Series: *Trudy Mordovskogo nauchno-*

issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 45. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 12–32 (in Russian).

15. Polesskikh, M. R. 1972. In *Voprosy sovetskogo finnougrovedeniia (Issues of Soviet Finno-Ugric Studies)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 70 (in Russian).

16. Polesskikh, M. R. 1991. In *Arkheologiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 2. Saratov: Saratov State University, 152–167 (in Russian).

17. Polesskikh, M. R. 1965. In Rybakov, B. A., Serebrennikov, B. A., Smirnov, A. P. (eds.). *Etnogenez mordovskogo naroda (Ethnic Genesis of the Mordovian People)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 144–148 (in Russian).

18. Polesskikh, M. R. 1966. In Ivashkin, V. S. (ed). *Materialy po arkheologii i etnografii Mordovii (Materials for the Archaeology and Ethnography of Mordovia)*. Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 30. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 268–296 (in Russian).

19. Polesskikh, M. R. 1974. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 140. Moscow: "Nauka" Publ., 73–75 (in Russian).

20. Rykov, P. S. 1930. *Kul'tura drevnikh finnov v raione r. Uzy (Culture of Ancient Finnic Peoples in the Uza River Basin)*. Saratov: Lower Volga Institute of Local Studies (in Russian).

21. Rykov, P. S. 1936. *Ocherki po istorii Nizhnego Povolzh'ia po arkheologicheskim materialam (Essays on the History of the Lower Volga Area by Archaeological Data)*. Saratov: "Saratovskoe kraevoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

22. Serebrennikov, B. A. 1965. In Rybakov, B. A., Serebrennikov, B. A., Smirnov, A. P. (eds.). *Etnogenez mordovskogo naroda (Ethnic Genesis of the Mordovian People)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 237–256 (in Russian).

23. Smirnov, A. P. 1961. *Zheleznyi vek Chuvashskogo Povolzh'ia (Iron Age of the Chuvash Volga Region)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 95. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

24. Smirnov, A. P. 1965. In Rybakov, B. A., Serebrennikov, B. A., Smirnov, A. P. (eds.). *Etnogenez mordovskogo naroda (Ethnic Genesis of the Mordovian People)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 18–28 (in Russian).

25. Smirnov, A. P., Trubnikova, N. V. 1965. *Gorodetskaia kul'tura (The Gorodets Culture)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-14. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

26. Stepanov, P. D. 1970. In Stepanov, P. D. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii i etnografii Mordovskoi ASSR (Studies on the Archaeology and Ethnography of Mordovia ASSR)* Series: Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy) 39. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 26–66 (in Russian).

27. Stepanov, P. D. 1968. In *Trudy Mordovskogo nauchno-issledovatel'skiogo instituta iazyka, literatury, istorii i ekonomiki (Proceedings of the Mordovia Institute of Language, Literature, History, and Economy)* 34. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 263–277 (in Russian).

28. Shitov, V. N. 2000. In Arsent'ev, N. M. (ed.). *Finno-ugorskii mir: istoriia i sovremennost' (Finno-Ugric World: History and Contemporaneity)*. Saransk: Mordovian State University, 52–60 (in Russian).

About the Author:

Vikhlyaev Viktor I., Doctor of Historical Sciences. Professor. National Research Ogarev Mordovia State University. Bolshevistskaya St., 68, Saransk ,430005, Republic of Mordovia, Russian Federation; mary.vikh@gmail.com

Статья поступила в номер 29.12.2016 г.

УДК 904:391.4 (470.51)''3/4''(045)

ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР ИЗ ДУБРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ. Н. Э.

© 2017 г. А.А. Красноперов, Е.М. Черных

Исследуются остатки женского головного убора из Дубровского могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье. Время захоронения определяется эпохой великого переселения народов. Автором раскопок оно датировано по общему облику IV–V вв. Как известно, женский убор являлся символом статуса и знаком родоплеменной принадлежности. Рассматриваемый убор принадлежал молодой женщине, статус которой подчеркивался как контекстом коллективного захоронения, так и составом сопровождающих вещей. Тип головного убора устанавливается по его конструктивным деталям, особенностям размещения металлического декора и сохранившейся органике. По мнению авторов, убор включал переднюю часть (очелье) на твердой основе с декоративными элементами и мягкий задник (плат с металлическими деталями). Приводятся археологические аналогии и этнографические параллели, позволяющие реконструировать культурный контекст находки.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, пьяноборская эпоха, погребальный обряд, женский головной убор, реконструкция.

Головному убору в женском костюме во все времена уделялось особое внимание. Это важнейший элемент традиционной культуры, аккумулировавший на протяжении веков множественную информацию о своих носителях – положение в обществе, состоятельность, мировоззрение, эстетические предпочтения. Не случаен интерес и к «археологическому костюму»; в реконструкциях профессионалов этой части убора всегда отводилось важное место, что нашло отражение в многочисленных специальных исследованиях (Сабурова, 1974; 1975; 1978; Яценко, 1986; Жилина, 2003; 2010; Мاستыкова, 2009; Степанова, 2010). Головные уборы прикамских племен пьяноборской эпохи предметно рассматривались в работах В.Ф. Генинга, Т.И. Останиной (1997), Н.И. Шутовой (1999), А.А. Красноперова (2005). При всем разнообразии подходов и оценок они, тем не менее,

обнаруживают определенное единство в типологическом определении прикамских головных уборов, представленных лентами-повязками, мягкими шапочками и высокими уборами с плоским верхом (Останина, 1997; Красноперов, 2006д, с. 57–88).

Пьяноборская эпоха в Прикамье характеризуется динамичными культурными трансформациями, разнонаправленностью этнокультурных связей, что не могло не отразиться в «археологическом костюме» эпохи. Мазунинский головной убор сер. III – нач. V в. отличался от более раннего, первых веков н.э., насыщенностью металлических и полнотой сохранности органических деталей, что позволяло исследователям с большей убедительностью интерпретировать его внешний вид. Но вопросов, касающихся конструкции отдельных обнаруженных при раскопках уборов, их типологической принадлежности,

происхождения и продолжительности бытования в целом ряде археологических культур, меньше не стало.

В ходе раскопок вновь выявленных могильников мазунинского типа в Удмуртском Прикамье получены новые выразительные серии головных уборов, позволяющих наполнить некоторые сложившиеся представления дополнительной конкретикой. В этом ряду особый интерес представляют остатки головных уборов, изученные в погребениях Дубровского могильника IV–V вв. н.э. Новый памятник исследуется Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета с 2009 г. (Бернц, Черных и др., 2015; Черных, 2010; 2014; Черных, Карпушкина и др., 2013). Расположен он на юго-западе Удмуртии, в административных границах Киясовского района, на высоком левом берегу небольшой речки Шехостанки, недалеко от ее впадения в р. Кырыкмас (левый приток р. Иж, правого притока р. Камы), на южной окраине Сарапульской возвышенности. На площади некрополя исследовано 176 могил¹ с признаками, типичными для мазунинского погребального обряда (Генинг, 1967, с. 9–18, 23–32; Останина, 1997, с. 31). Останки 34 погребенных определены по антропологическим признакам как женские². В 10 случаях на черепных костях захороненных выявлены мно-

гослойные остатки головных уборов (фрагменты текстиля, меха и других органических материалов, дополненные украшениями из металла и стекла). В данной публикации предметом рассмотрения авторов явился лишь один головной убор, заметно отличавшийся среди прочих как по форме, так и конструктивными особенностями. Типологически он относится к варианту высоких головных уборов на твердой основе, наличие которых в захоронениях пьяноборской эпохи в Прикамье подтверждается пока крайне малым числом находок: в диссертации А.А. Красноперова (2006д, с. 90–91) описаны три таких убора для периода II в. до н.э. – II в. н.э. – из погребений № 15 Кипчаковского, № 6 Меллятамакского I и № 232 Тарасовского могильников; уточнения см. далее.

Новая находка связана с погребением 98 Дубровского могильника. Это коллективное захоронение, изученное в 2012 г., представляло собой яму прямоугольной формы, размерами 230 × 185 см, с вертикальными стенками и плоским дном; глубина ямы составляла 113 см (рис. 1), что заметно превышало средний показатель для данного некрополя (60–80 см). В яме обнаружены останки четырех человек. В придонной части южной половины могилы зафиксированы фрагменты деревянной погребальной конструкции (крышки гроба?), размерами 55 × 60 см и 95 × 30 см. Под ними расчищены останки молодой женщины, умершей в возрасте около 20 лет (костяк В). Рядом с ним, справа и слева, обнаружены еще два детских и 1 подростковый костяки (от 7 до

¹ Исследования могильника продолжаются. Данная ситуация фиксирует состояние на начало 2016 г.

² Приносим благодарность научному сотруднику Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург), к.и.н. И.Г. Ширококову за сотрудничество и возможность оперативного использования результатов его определений пола и возраста погребенных.

Приводимые цифры характеризуют степень изученности могильника на 2015 г.

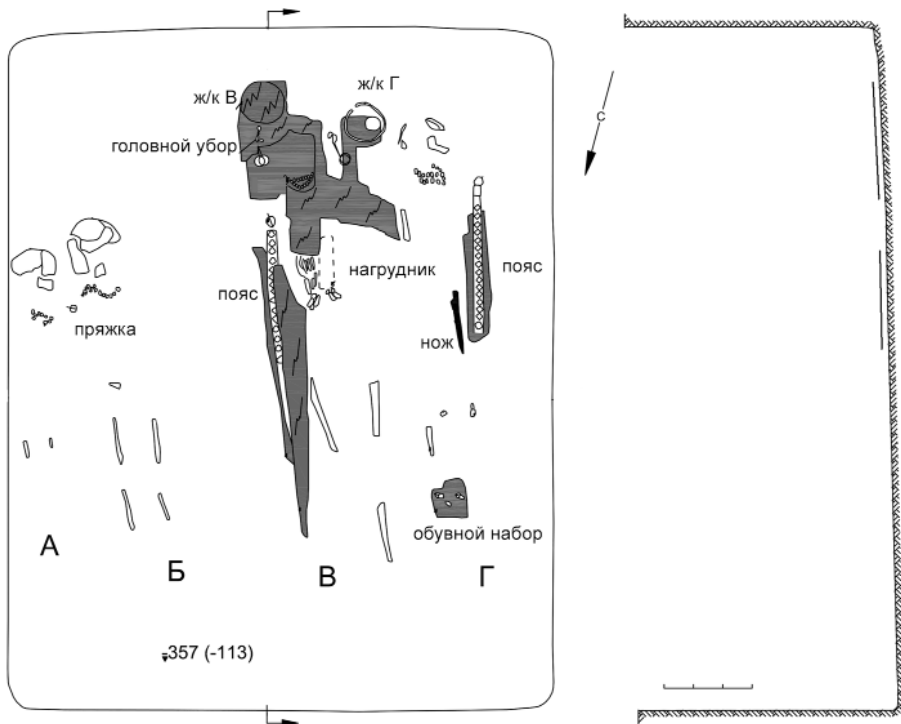

Рис. 1. Дубровский могильник, п. 98. План погребения.

Fig. 1. Dubrovskiy burial ground, grave 98. Plan.

14 лет). От них сохранились лишь кости черепов и частично трубчатых костей рук и ног. Судя по взаиморасположению костей, все умершие были уложены рядом одновременно, вытянуто на спине, головами на ЮЮВ.

Детским костякам А и Б, по-видимому, принадлежала только небольшая железная овально-рамчатая пряжка.

Умершего Г, лежавшего у западной стенки могилы, сопровождали остатки подарочного набора, железный нож и стеклянная бусина, кожаный пояс с ромбическими накладками, аналогичными поясу женщины, только меньших размеров, и обувной набор (две пряжки и два наконечника ремня). Подарочный набор³, распола-

гавшийся справа от черепа, включал железную гривну из круглого дрота, височные подвески, 2 стеклянные бусины и бронзовые пронизки (37 экз.). Пояс был уложен слева от погребенного, в расправленном состоянии, от плеча вдоль тела. От него сохранились кожаная основа, железная пряжка и накладки из цветного металла на медной основе, декорированные полугорошинами (16 экз.), а также наконечник пояса.

жертвенными комплексами (Останина Т.И., 1997, с. 26–27, 31). В настоящее время Р.Д. Голдиной предложена иная атрибуция данных комплектов, как даров усопшим. Совершенно очевидно, что необходимо вернуться к осмыслению этого явления в культурах Прикамья, с учетом значительно возросшего арсенала источников и познавательных практик.

³ В региональной научной литературе такие наборы традиционно называют

Центральное место в могиле, без сомнения, принадлежало женскому костяку В. После разборки древесного тлена перекрытия, при расчистке костей, четко обозначились детали костюмного убранства погребенной. Справа, вдоль костяка, был уложен в расправленном виде пояс с металлическими накладками. В области груди сохранились остатки сложносоставного нагрудника, включавшего металлические и стеклянные детали. В изголовье умершей, справа, был оставлен подарочный набор (бронзовая гривна из круглого в сечении дрота и свернутая пополам кожаная лента, шириной 3 см и длиной 36 см, с бронзовыми накладками-обоймами (48 экз., рис. 2).

В области черепа был расчищен оригинальный головной убор (рис. 2). От него сохранились три узкие текстильные ленты шириной 1,5 см, с рядами медных полусферических бляшек (27 экз.; рис. 2: 1–2; 3: 1–2), пришитых нитью. В тыльной части убора сохранилась железная цепочка с прикрепленными к ней тремя железными трапециевидными подвесками (рис. 2: 4, 7–8, 10). В затылочной части также расчищены остатки железного наконечника, сплетенного из железных колец (рис. 2: 11). От убора сохранились кусочки ткани, войлока и меха. Кроме того, в области правого уха умершей сохранились оригинальные плетеные косички⁴ (рис. 2: 9; 3: 9); под ними была обнаружена железная каплевидная привеска (рис. 2:

3; 3: 3). С обеих сторон убора зафиксированы по паре довольно крупных железных височных подвесок мазунинского типа с бронзовой обмоткой (рис. 2: 5–6; 3: 5–6).

Характеристика органических остатков из погребения 98В (атрибуция и описания Ю.А. Меньшиковой, с коррективами А.А. Красноперова)

Для реконструкции внешнего облика и формы убора чрезвычайную важность приобретают остатки текстиля, сохранность которых в археологических слоях, как правило, оставляет желать лучшего. В данном случае в нашем распоряжении оказалось сразу несколько фрагментов:

1. Ткань с головного убора (рис. 2: 6; 4: 7), обнаружена в области верхней части черепа под бронзовыми бляшками. Ткань полотняного переплетения. Плотность 12×14 н/см. Нити основы и утка равномерные S-кручения. Волокно нитей животного происхождения (шерсть).

2. Ткань, в полевых условиях отнесенная к ЖК (рис. 2: 3; 4: 9–10): расчищена в изголовье с правой стороны. Найдены два фрагмента: первый размерами $12,2 \times 5,1$ см был согнут пополам; второй имел размеры $15,4 \times 2,9$ см. В обоих образцах использован двойной уточный репс, плотность 8×12 н/см, нить S-кручения. Волокно нитей животного происхождения (шерсть). Скорее всего, это два фрагмента одного изделия.

3. Нитка для пришивания украшений либо подшивания ткани (рис. 4: 5) была 2S-кручения, слабой крутки, толщиной 2–3 мм. Волокно нитей животного происхождения (шерсть).

4. Фрагменты вязаного (плетеного?) изделия из 3–5 «косичек» (рис. 2:

⁴ По мнению профессора Удмуртского государственного университета, д.б.н. О.Г. Барановой, сырьем служили волокна растительного происхождения (возможно, тонкие полоски луба)

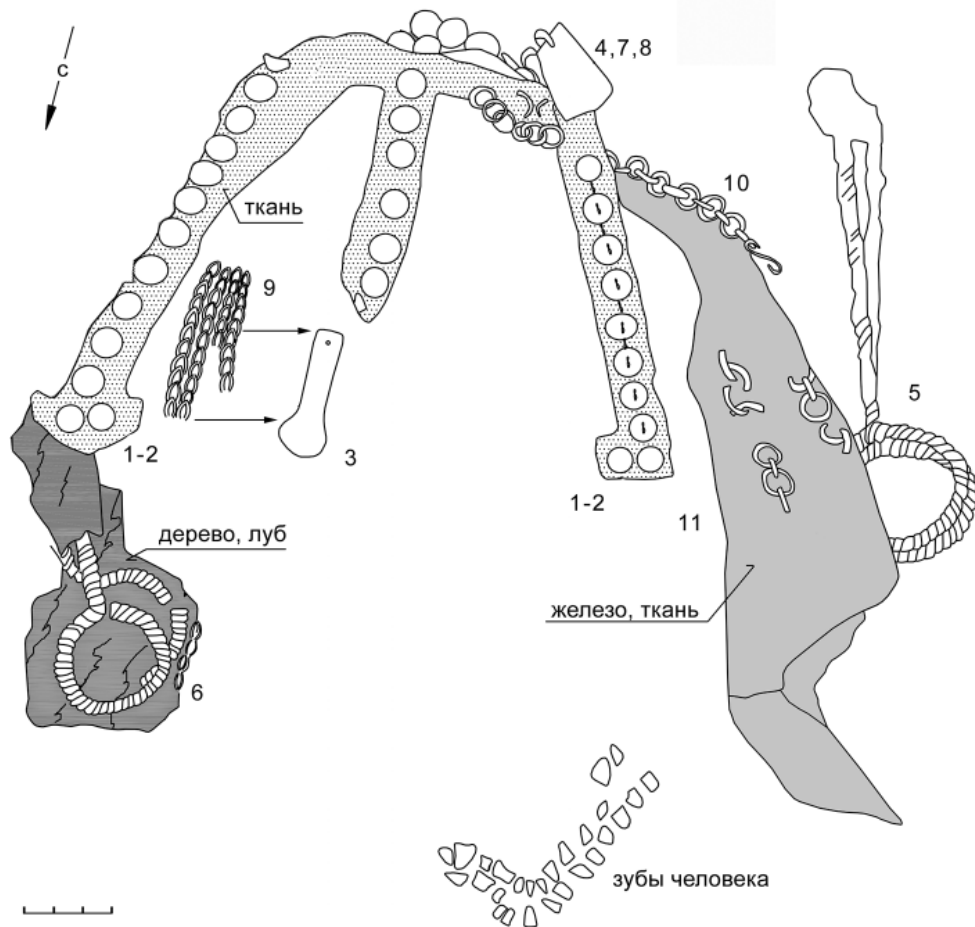

Рис. 2. Дубровский могильник, п. 98. Фрагмент погребения in situ (полевой чертеж).

Fig. 2. Dubrovskiy burial ground, grave 98. Fragment of grave in situ (field scheme).

9; 3; 9; 4; 6) были обнаружены на черепе справа. Нити толщиной 1,0–1,5 мм. Плотность 2×2 н/см.

5. Фрагменты ткани от покрытия (рис. 4: 8): обнаружены при расчистке древесного тлена над головой умершей. Полотняное переплетение со сдвоенным утком. Крутку нити понять трудно, т.к. нет кромки, но Z не исключается.

6. Куски древесного тлена, луб, кожа, текстиль (рис. 4: 1–3): обнаружены под предметами ЖК; сохранившиеся нити S-кручения.

Интерпретация

Основным типом головных уборов, неоднократно встреченных в мазунинских погребениях, является повязка-лента с характерными *пронизками-обоймами* (Красноперов, 2006д, рис. 13–15; Останина, 1997, с. 48, рис. 5: 24–25) в виде прямоугольных пластинок с загнутыми краями, орнаментированных одним или несколькими рядами выпуклин (рис. 5: Б, ЖК). Иногда, что тоже надежно зафиксировано в погребениях, она является налобной, наиболее декори-

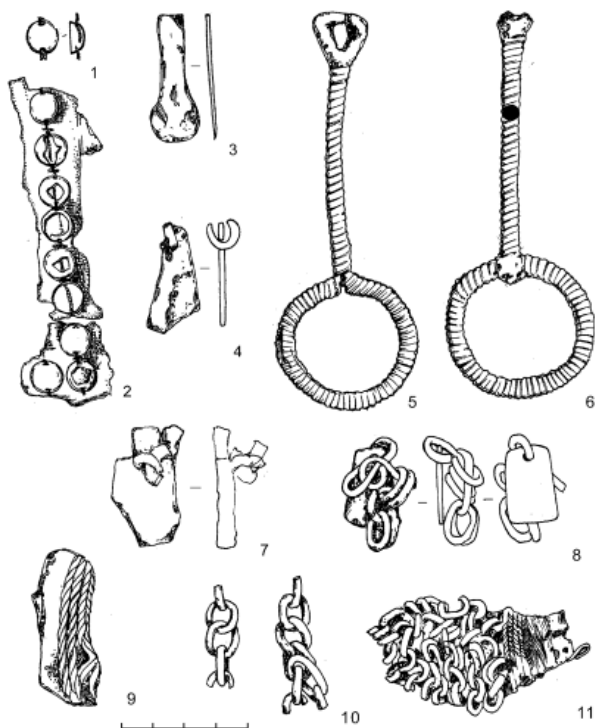

Рис. 3. Дубровский могильник. Детали головного убора: 1 – медная бляшка; 2 – тканая лента с медными бляшками; 3, 4, 7, 8 – железные подвески; 5, 6 – железные височные подвески с обмоткой из медной проволоки; 9 – фрагмент ткани; 10 – железные цепочки; 11 – фрагмент накосника (железо).

Fig. 3. Dubrovskiy burial ground. Details of headdress: 1 – copper badge; 2 – woven ribbon with copper badges; 3, 4, 7, 8 – iron pendants; 5, 6 – iron temporal pendants with copper winding; 9 – fragments of fabric; 10 – iron chains; 11 – fragments of fillet (usu. braided into plaits).

рованной, частью полусферической шапочки. Шапочка могла дополняться специфически мазунинским накосником кольчужного плетения (Останина, 1997, с. 36–37). Случаи соединения / включения ленточного головного убора в закрытый (шапочку), неоднократно описаны в этнографии и являются обычными.

Совершенно иначе дело обстоит с иным типом головного убора – высоким, предположительно с плоским верхом. Находки их столь редки, что каждая требует самостоятельного рассмотрения и подробного обоснования. Для прикамских древностей ранее высказывались предположения

о высоких головных уборах (В.Ф. Геннинг, Н.А. Быков, О.А. Арматынская), но без достаточных обоснований.

Впервые археологически достоверный убор такого типа был найден С.Э. Зубовым на Кипчаковском могильнике (Зубов, 2000), где в погребении 15 были зафиксированы остатки кожного убора цилиндрической формы с закрытым затылком и ушами. Основным украшением убора являются ажурно-прорезные накладки. Шапочка была разделена на 4 секции-ряда пятью ремешками, сплошь покрытыми обжимными обоями. Первый верхний ряд состоял из 15 прямоугольных ажурных накладок,

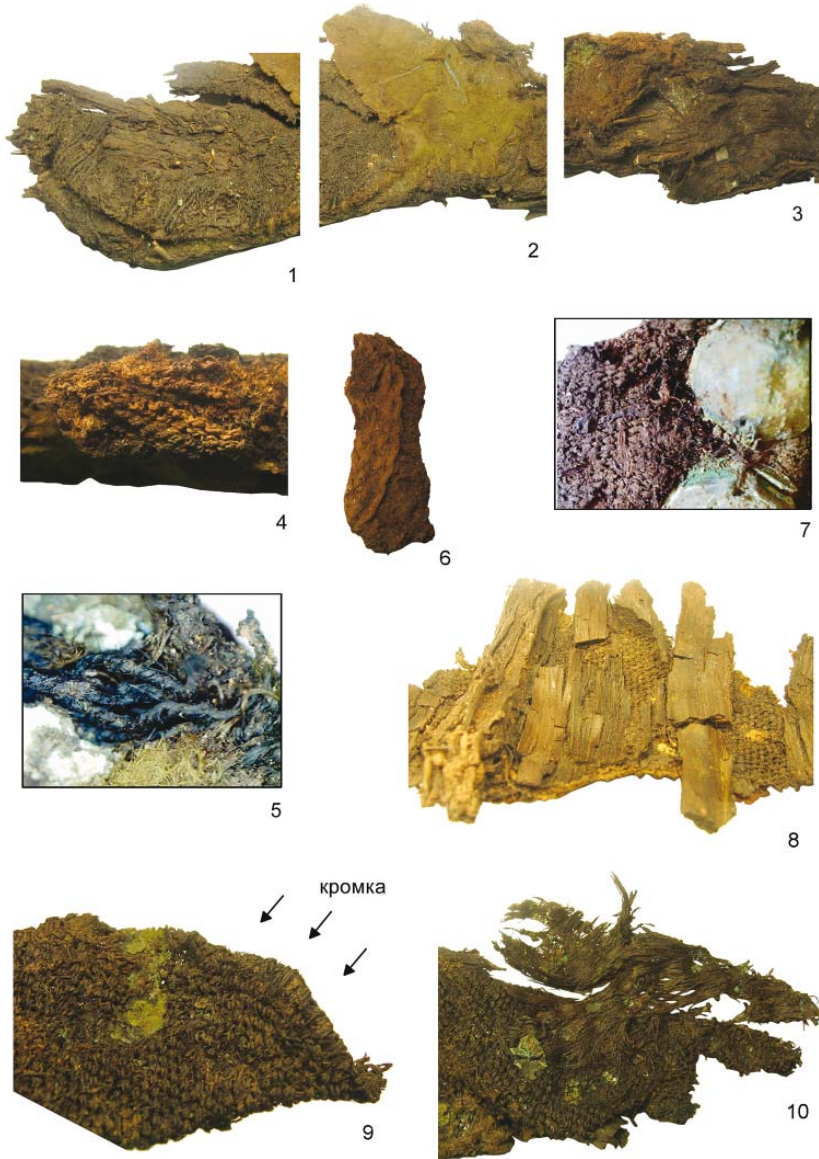

Рис. 4. Дубровский могильник. Фото образцов органики: 1–3 – деталь головного убора (дерево, кожа, ткань); 4–5 – соединительные шнуры, 6 – фрагмент текстиля; 7 – фрагмент ткани с пришитыми медными бляшками; 8 – фрагмент погребального покрытия (дерево, ткань); 9–10 – фрагменты платя.

Fig. 4. Dubrovskiy burial ground. Photo of organic samples: 1–3 – detail of headdress (wood, leather, fabric); 4–5 – connecting cords, 6 – fragment of textile; 7 – fragment of fabric with sewn on copper badges; 8 – fragment of burial cover (wood, fabric); 9–10 – fragment of shawl.

второй – из 8 ромбических ажурных накладок и одной накладки из пяти спиралей, третий – из симметрично нашитых справа и слева ажурных

накладок четырехугольной формы. Нижний, четвертый, ряд был украшен круглыми бляшками (9 экз.). Головной убор дополняли 12 височных

А

Б

Рис. 5А, 5Б. Дубровский могильник, п.98В. Деталь погребения in situ, полевая фотография (описание см. в тексте).

Fig. 5A, 5B. Dubrovskiy burial ground, grave 98B. Detail of grave in situ, field photo (see description in the text).

подвесок: 9 спиральновитых, 1 гофрированная и 2 листовидных (рис. 6: 1). С.Э. Зубов считает, что соединенные в ряд ажурные накладки, найденные в изголовье, относятся к наkosнику. Головной убор полностью сохранил органическую основу затылочной ча-

сти. Если бы ажурные накладки относились к наkosнику, они бы тоже сохранили свое положение, вероятно, это был верхний ряд того же убора (рис. 6: 2). С.Э. Зубов интерпретирует как наkosник и находки из п.5/2006 Кипчаковского могильника (Зубов,

2010, рис. 9: 4). Правда план погребения (Зубов, 2010, рис. 9: 1) позволяет усомниться в определении именно «накосника» – все элементы найдены на лобной части черепа (рис. 6: 3).

Такие же типы накладок (заметим при этом, что они использовались не только для декорирования головных уборов) зафиксированы в области черепов из пьяноборских памятников Башкирии: в погребениях Кушулевского III (возможно, пп. 141, 143, 172), Камышлытамакского (возможно, пп. 35, 50), Старокиргизовского (п. 2) могильников. И хотя фиксация материала не позволяет делать уверенные выводы о месте расположения их на головном уборе, полностью исключать вариант бытования именно высокого убора нельзя.

Возможно, остатки головного убора из бисера, пронизок, накладок и просверленных зубов мелких хищников из могильника Меллятамак I (п. 6) также можно включить в разряд высоких (около 15 см) головных уборов. К сожалению, план могилы (Старостин, 1978, рис. 6: 6) не позволяет детально восстановить расположение украшений.

К типу высоких достаточно надежно относится головной убор из погребения 232 Тарасовского могильника. Бронзовые бляшки на нем расположены по центру и бокам тремя вертикальными рядами, нижний край лобной части украшений не имеет. Ряды бляшек выгнуты выше черепа приблизительно на 20–25 см; выше их, перпендикулярно, расположен ряд бронзовых подвесок, железные и бронзовые цепочки. Расположение украшений позволяет предполагать башнеобразный головной убор высотой до 25 см, несколько сужающийся кверху, декорированный тремя верти-

кальными рядами бляшек и горизонтальным рядом подвесок по верхнему краю околыша. В височной области его дополняли украшения из цепочек и подвесок. В погребении найдены фрагменты дерева, кожи, но поблизости от черепа никаких органических остатков не зафиксировано. Можно лишь предполагать, что основа убора была из войлока. Подобная же схема размещения украшений наблюдалась в погребении 28 этого могильника: бусы *in situ* располагались вертикальными рядами вверх от черепа. Возможно, и здесь мы имеем остатки высокого башнеобразного головного убора (рис. 6: 8–9). В связи с новой находкой можно скорректировать первоначальную реконструкцию, приведя ее в соответствие с убором из описываемого погребения 98.

Очевидно, неслучайными можно считать находки на поселениях позднеананьинского-раннепьяноборского времени предметов глиняной пластики, в том числе являющихся изображениями головных уборов (Голдина, Митряков и др., 2014, табл. 29: 15) (рис. 6: 11). Глиняная фигурка, рассматриваемая как изображение головного убора конусообразной формы, найдена на городище Серенькино (Иванов, 2003, рис. 6: 1). Она представляет собой фигурку, разделенную горизонтальными вдавлениями на 7 (8?) рядов, в середине, в углублениях, – два ряда глиняных наделов, изображающих бляшки декора головного убора. Из этого же городища происходит еще одна подобная фигурка, но без наделов (Иванов, 2003, рис. 6: 8). Головной убор того же типа, возможно, демонстрирует глиняная фигурка, найденная на Уяндыкском городище (Иванов, 1976, с.

Рис. 6. Археологический контекст высоких головных уборов. 1,2 – Кипчаково, п.15 (Зубов, 2000, рис. 1); 3 – Кипчаково, п.5/2006 (Зубов, 2010, рис. 9.1; фрагмент); 4 – тиара (Бабенко, 1999, рис. 2); 5 – тиара (Мирошина, 1980, рис. 4: слева); 6 – тиара (Мирошина, 1981, рис. 5а: слева); 7 – терракота кушанского времени (Лобачева, 2006, рис. рис. 186); 8–9 – Тарасово, п.232 (Красноперов А.А., 2005); 10 – Дубровский, п. 98В, вариант реконструкции внешнего вида (рисунок Л.И. Липиной); 11 – Тарасовское селище-святилище (МДСИКВМ, №1676/714).

Fig. 6. Archaeological context of high headdresses. 1,2 – Kipchakovo, grave 15 (Зубов, 2000, рис. 1); 3 – Kipchakovo, g.5/2006 (Зубов, 2010, рис. 9.1; fragment); 4 – tiara (Бабенко, 1999, рис. 2); 5 – tiara (Мирошина, 1980, рис. 4: left); 6 – tiara (Мирошина, 1981, рис. 5a: left); 7 – Kushan terracotta (Лобачева, 2006, рис. рис. 186); 8–9 – Tarasovo, g.232 (Красноперов А.А., 2005); 10 – Dubrovskiy, g. 98В, reconstruction of exterior, a version (рисунок Л.И. Липиной); 11 – Tarasovo unfortified settlement – shrine (МДСИКВМ, №1676/714).

311–312, рис. 2: 9). Уборы из погребенный Кипчаково и глиняную пластику с Серенькино и Тарасово объединяют общие принципы декорировки – горизонтальное расположение рядов украшений.

Остатки головного убора из погребения 98 Дубровского могильника дают в распоряжение исследователей древнего костюма совершенно новые сведения в основном за счет сохранности органических материалов.

Полевые наблюдения над взаиморасположением деталей убора:

1. От костяка сохранились не сместившиеся со своих мест лишь контур тлена и зубы, что позволяет соотнести с ними детали убора.

2. Оценка процесса распада органики позволяет считать, что головной убор, первоначально надетый на голову, оставался целым и сохранял форму дольше тканей погребенного, впоследствии сместился со своего места вправо вверх.

3. Височные подвески с левой стороны изначально висели на головном уборе парой, были воткнуты в органическую основу без металлических украшений (рис. 5 Б: 3), отпали первыми, так как оказались перекрытыми фрагментами «кольчужного» плетения (рис. 5 Б: 4).

4. Остатки истлевшей кожи, меха, перекрывали жертвенный комплекс, уложенный рядом с головой умершей (рис. 5 Б: 1).

5. Лобная часть головного убора разрушилась позже остальных, так как именно она перекрывает жертвенный комплекс.

6. Фрагменты «кольчужного» плетения спеклись складками (рис. 5 Б: 5), что говорит, скорее, об их свободном (не жестком, не облегающем) на-

легании друг на друга в момент археологизации.

7. Фрагменты «кольчужного» плетения налегали непосредственно на органическую основу убора – «войлок» / «луб» (рис. 5 А: 3).

8. Плетеный «валик» (шнур) лежал (рис. 5 А: 1) выше цепочки «кольчужного» плетения.

9. Бляшки, по 12 экз. в каждом ряду, перекрывали, в свою очередь, плетеный «валик» (шнур) (рис. 5 А: 4), и цепочку «кольчужного» плетения (рис. 5 А: 2).

10. Прямые ряды бляшек были закреплены на ткани полотняного переплетения (рис. 5 Б: 7). Крайние ряды внизу заканчивались дополнительной бляшкой, обращенной к центру и образующей прямой угол к основному ряду (рис. 5 Б: 6).

11. Средний ряд бляшек не короче фронтальных, как это видится на первый взгляд, он просто сильнее сместился в затылочную часть (рис. 5 Б: 2).

Исходя из выполненных атрибуций органики и наблюдений за расположением деталей можно утверждать, что головной убор имел основу из «лубяных волокон» (рис. 4: 1–3), был подбит (?) или покрыт войлоком (?) и покрыт кожей (рис. 4: 2). Налобная деталь имела плоскую поверхность и трапециевидную, или усеченно-треугольную, форму. Вариант прямоугольника можно исключить на основании расположения бляшек. Верхний край лобной детали был укреплен шнуром (-ами), характер сучения и плетения которого хорошо заметен (рис. 4: 4–6; 5 А: 1). Фрагменты «кольчужного» плетения крепились на органическом подкладе (ткань (рис. 4: 9–10), кожа), но не имели жесткого каркаса, спуска-

лись с головного убора складками, как плат. Сумма данных позволяет предполагать в нашем случае головной убор с жестким околышем-начельником и мягкой лопастью-покрывалом (рис. 6: 10). Утверждать, составляли ли эти элементы единый убор (были соединены друг с другом) или были двумя самостоятельно надевавшимися деталями, не позволяют имеющиеся данные. Оба варианта равновероятны.

Головной убор в контексте погребения

Следующий аспект, заслуживающий внимания, – нахождение двух головных уборов в одном погребении. Такие ситуации известны в мазунинском погребальном обряде, но приводить точное количество пока считаем преждевременным. Разберем лишь несколько случаев. В Заборьинском могильнике (п. 29) на костях ног умершего найдены две височные подвески, по мнению автора раскопок, это остатки головного убора, уложенного развернуто на ноги (Бернц, 2006, рис. 18). В погребении 24 того же могильника детали головного убора найдены в составе жертвенного комплекса (Бернц, 2006, с. 360), а еще один головной убор – кожаная лента (шириной 2 см, длиной около 40 см), украшенная двумя рядами бронзовых бляшек и кожаный шнурок с бронзовыми спиральновитыми пронизками, которые были нашиты у нижнего края убора, расчищен у правого плеча (Бернц, 2006, рис. 9, 10: 1).

В составе жертвенных комплексов остатки головных венчиков, украшенных пронизками-обоймами, найдены в могильниках Тарасовском (пп. 232, 383), Югомашевском (пп. II-51, II-55) и Ижевском (п. 96). В Тарасовском (пп. 392, 400в, 1027,

1792), Ангасякском (пп. 10, 13, 17, 49), Малокачаковском (п. 4), Старокабановском (пп. 10, 35, 36, 40, 43, 69–1, 92, 107), Нивском (п. 150а), Усть-Сарапульском (пп. 38, 52) могильниках в жертвенных комплексах обнаружены также фрагменты железных вещей кольчужного плетения – остатки женских накосников. В Боярском «Арай» могильнике (раскопки Е.М. Черных) отмечен один подобный случай, когда остатки головного убора были найдены на черепе умершей и одновременно в жертвенном комплексе (п. 168). В новом Дубровском могильнике схожие случаи зафиксированы еще в двух погребениях. Так, в погребении 63, помимо декорированной металлическими накладками ленты на черепе погребенной, фрагменты типичного мазунинского накосника и 2 височных подвески найдены в составе подарочного комплекта. В погребении 77 А (женщина, 18–22 лет) остатки головных уборов (и в области черепа, и в подарочном наборе) при близком рассмотрении позволили обнаружить ситуацию, обратную той, что мы уже охарактеризовали по материалам погребения 98 В. Голову умершей при погребении убрали лентой с металлической гарнитурой, а в жертвенный комплекс уложили второй головной убор. Последний был украшен текстильными лентами с медными полусферическими бляшками, железными плоскими трапециевидными подвесками и 2 парами височных подвесок мазунинского типа и типологически сопоставим с высокими уборами на твердой основе (Широбокова, 2013).

Нахождение двух головных уборов в могиле, одного на голове умершего,

другого в составе жертвенного комплекса, может служить знаком смены социального и общественного статуса погребенного. Точнее, свидетельством того периода, когда переход в новый статус осуществлен еще не полностью, и сохраняется определенная степень связи с прежним положением. Речь идет о недостаточно исследованных на археологическом материале обрядах перехода (ван Геннеп, 1999) – смене возрастного и социального статуса носителей погребальных традиций. Имеющиеся этнографические сведения (по любой традиционной культуре) однозначно говорят о том, что именно головному убору придавалось особое значение в цикле женской обрядности. Ведущими событиями в жизни являлись свадьба, рождение первого ребенка, чуть менее четко – рождение внука. Каждый из этих ключевых моментов оформлялся внешним символом – сменой формы головного убора. В нашем случае ключевую деталь такой перемены сформулировала Н.И. Гаген-Торн: «при всем разнообразии женских головных уборов у них есть одна общая черта – тенденция как можно плотнее укрыть и спрятать волосы женщины, в то время как девичьи уборы оставляют волосы открытыми» (Гаген-Торн, 1933, с. 78). Видимо, этим объясняется нахождение двух головных уборов в одном погребении: «закрытого» – женского – на голове и прежнего, «открытого» – девичьего – в наборе съёмных украшений, в жертвенном комплексе.

Высокие головные уборы в археологическом и этнографическом контексте

Значительную трудность представляет подбор аналогов рассматри-

ваемому головному убору. Логичным было бы начать с этнографии Камско-Вятского междуречья. Но вот на практике это оказывается трудновыполнимо. Единственная обобщающая работа издана в 1951 г. (Белицер, 1951); она представляет собой описание материалов, собранных в ходе полевых экспедиций 1930–1931 гг. (Красноперов, 2008). Описания крайне не полные, а что касается группы головных уборов, то из публикации невозможно понять наличие или отсутствие у них твердой основы. Совершенно отсутствуют сведения о крое. Усугубляет положение непоказательный иллюстративный ряд.

Большой трудностью является также описание в литературе уборов по принципу объединяющего названия. Нагляднее всего это иллюстрирует пример с чувашскими *хушту*. Их три вида: 1) невысокий кожаный цилиндр, расшитый монетами и бисером (рис. 7: 2); 2) относительно высокий, до 20 см, полый кожаный конус, расшитый монетами (рис. 7: 3); 3) шлемообразная шапка с треугольными наушниками, расшитая монетами (рис. 7: 4). Если первые два варианта можно считать разновидностями одного убора, то третий, с тем же названием, очевидно, нельзя. Распространен он локально у низовых чувашей, отмечен в Татарстане и максимально близок башкирскому *кашмау* (рис. 7: 5), от которого и происходит (Гаген-Торн, 1960, с. 200–204). У бесермян Удмуртии под схожим названием *кашту* (рис. 7: 1), фигурирует отличающийся тип убора (Белицер, 1951, с. 105; Попова, 1998, фото 7, 19; Лебедева, рис. 216); описание см. ниже. Приведенный пример означает, что термины явно поздние; одно название

объединяет значительно отличающиеся уборы.

Видимо, предметом интереса должны стать все головные уборы на твердой основе. Знакомство с этнографической литературой позволяет выделить в них 2 самостоятельные группы: 1) полностью твердые, с целиком жестким каркасом; 2) полутвердые, сочетающие твердые и мягкие детали. Для поволжского региона характерны головные уборы в виде конуса или цилиндра, свернутого из бересты (в виде исключения – из кожи), покрытого тканью и украшенного. Нижний край прямой, без дополнительных деталей. Сзади к верху убора крепится лопасть, спускающаяся на спину: у удмуртов – это *айшон* (рис. 7: 9), мари луговых – *шурка*, мордвы-эрзя – *панго* (рис. 7: 8), чувашей – *хушту* (рис. 7: 2–3).

С ними часто сравниваются высокие головные уборы на твердой основе у народов Средней Азии: казахов, каракалпаков – *саукеле* (рис. 7: 12–14), киргизов – *шокуло*. Внешний вид этой группы уборов различается: высокие конусовидные, шлемообразные; общие черты проявляются в материале изготовления и крое: войлочная основа с простежкой, покрытие красного цвета, металлические украшения со вставками камней; обязательные детали – ушные и затылочные лопасти и длинная полоса ткани, спускающаяся на спину. Термины восходят к иранскому *кулах*. У некоторых групп узбеков и туркмен-чоудоров под схожим названием фигурирует шлемовидный (невысокий) убор, но с теми же особенностями кроя (Лобачева, 1991, с. 85–88; 2006, с. 64–66). Название убора и крой с определенностью указывают на его происхождение, уходящее корнями в культуру ирано-

язычных народов раннего железного века (Амударьинский клад, рельефы Персеполя, курган Иссык). Каракалпакскому (шлемовидному) варианту (рис. 7: 11) соответствует башкирский *кэлэпуш* (Руденко, 2006, рис. 160, с. 165); цилиндрический вариант известен у табынцев – *башкейем* (Руденко, 2006, рис. 154, с. 160), их иногда объединяют (Шитова, 1995, с. 68–69), скорее всего, неоправданно.

Но в Средней Азии известен и убор в виде расширяющегося сверху цилиндра, свернутого из соломенных или травяных жгутов, и покрытого красной тканью – *хасава* у туркмен-йомудов (Морозова, 1989, с. 72–73, рис. 7: II) (рис. 7: 7).

Таким образом, мы имеем значительно отличающиеся традиции: 1) головной убор из войлока с наушниками и назатыльником; 2) головной убор на основе материала растительного происхождения с прямым нижним краем. Надо лишь добавить, что войлок – характерная черта кочевого быта, а береза так далеко на юге не произрастает.

Убор *хасава* (Лобачева, 2006, рис. 18а), судя по достаточно уверенно реконструируемым образцам, можно сравнивать с хорошо известными уборами из курганов Причерноморья (Мирошина, 1981, рис. 3; Бабенко, 1999, рис. 2) (рис. 6: 4–6). Но *калафы* и *тиары* – греко-скифские уборы, – сочетающие обе традиции, греческую и кочевую, отличает сплошной назатыльник; перспективным представляется сравнение с терракотами (Лобачева, 2006, с. 87, рис. 18б) (рис. 6: 7). По своей форме очень близок скифским тиарам высокий головной убор, зафиксированный на Кипчаковском могильнике (рис. 6: 2). Т.В. Мирошина

Рис. 7. Этнографический контекст высоких головных уборов поволжской и среднеазиатской традиции. 1 – *kashpu*, бесермяне (Лебедева, 2008, рис. 216); 2–4 – *хушту*, мордва (низовые, верховые, низовые) (Меджитова, Трофимов, 1981, рис. 159: слева; 158: справа; 161: внизу); 5 – *кашмау*, башкиры (Шитова, 1995, с. 66); 6 – «шапочка с накосником от тульи, нашитой на околыш», таджики, верховья Зеравшана Широкова, 1989, рис. 23: 7); 7 – *хасава*, туркмены (Лобачева, 2006, рис. 18а); 8 – *панга*, мордва (Белицер, 1958, рис. 34: 3); 9 – *айшон*, удмурты (Лебедева, 2008, рис. 161); 10 – *подурга*, бесермяне (Белицер, 1958, рис. 35: 1); 11 – *саукеле*, каракалпаки (Лобачева, 2006, рис. 76); 12 – *саукеле* (Белицер, 1958, рис. 34: 4); 13–14 – *саукеле*, казахи (Захарова, Ходжаева, 1989, рис. 33; Захарова, Ходжаева, 1964, рис. 33: 3,4).

Fig. 7. Ethnographic context of high headdresses in Volga and Central Asian tradition. 1 – *kashpu*, Besermens (Лебедева, 2008, рис. 216); 2–4 – *hushpu*, Mordovians (lower, upper, lower) (Меджитова, Трофимов, 1981, рис. 159: left; 158: right; 161: bottom); 5 – *kashmau*, Bashkir (Шитова, 1995, с. 66); 6 – ‘hat with fillet drawn from the crown sewn on the cap-band’, Tajiks, upper stream of the Zarafshan River (Широкова, 1989, рис. 23: 7); 7 – *hasava*, Turkmen (Лобачева, 2006, рис. 18а); 8 – *panga*, Mordovians (Белицер, 1958, рис. 34: 3); 9 – *aishon*, Udmurts (Лебедева, 2008, рис. 161); 10 – *podurga*, Besermens (Белицер, 1958, рис. 35: 1); 11 – *saukele*, Kara-Kalpak (Лобачева, 2006, рис. 76); 12 – *saukele* (Белицер, 1958, рис. 34: 4); 13–14 – *saukele*, Kazakhs (Захарова, Ходжаева, 1989, рис. 33; Захарова, Ходжаева, 1964, рис. 33: 3,4).

полагает, что диаметр плоского верха тиары составлял 19 см, высота спереди – 8,8–10, общая высота – 25–28 см (Мирошина, 1981). В данном случае «тиара» представляет собой вариант «обратно-конического» (расширенно-го кверху) убора с назатыльником.

В этнографии зафиксированы и комбинированные головные уборы, очевидно, составленные из исторически ранее самостоятельных шапочки и накосника. Так, у удмуртов зафиксирован убор *подурга* (Белицер, 1951, рис. 35: 2) в тех районах, где нет *айшонов* (Белицер, 1951, с. 65). У бесермян такой же убор носит название *кашту* (Белицер, 1951, с. 105) (рис. 7: 1) – лобная его часть сохраняла форму и украшалась, мягкий верх собирался на вздежку, но не зашивался, волосы закрывались мягкой лопастью (рис. 7: 10). Конкретно эти примеры, вероятно, можно сопоставлять с конструктивно близкими образцами у туркмен *культе-пешек* (Морозова, 1989, рис. 7: 1б, III: 61), *култанпушак* (Люшкевич, 1989, рис. 17: 3), таджи-

ков *калтушак*, *шавкулак* (Широкова, 1989, рис. 23: 2–9) и т.п. (пример: рис. 7: 6). Составные уборы в виде мягкого чепца, полностью закрывавшего волосы, но с твердой от украшений лобной частью отмечены у авар – *чохто* (Сагитова, 2012), но сопоставлять его нужно с уборами кон. XV в. (Теплякова, 2014). Отмеченные образцы могут составлять две линии развития: объединение шапочки с накосником и твердого околыша (рудимент *калафа*) с платком-накосником. Видимо, они составляют обособленную группу полутвердых высоких головных уборов. Судя по сохранившимся элементам, описываемый убор из п. 98 Дубровского могильника, только внешне напоминал *тиару* скифского типа, но не имел ни назатыльника, ни вообще твердой затылочной части. Аналогичное расположение украшений убора из женского погребения 232 Тарасовского могильника как будто убеждает, что вертикальные ряды металлического декора на нем не исключение, а закономерность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л.И.* Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // *Донская археология.* 1999. № 2. С. 85–90.
2. *Белицер В.Н.* Народная одежда мордвы / Труды Института этнографии, новая серия. Т. 101. М.: Наука, 1973. 216 с.
3. *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов: материалы к этногенезу / Труды Института этнографии, новая серия. Т. X / Отв. ред. Н.Н. Чебоксаров. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 144 с.
4. *Бернц В.А.* К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи Великого переселения народов удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // *Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Материалы международного научного симпозиума* (Ижевск, 29.07–01.08. 2003 г.) и международной научно-практической конференции (Ижевск, 22–24.06. 2005 г.). Ижевск, 2006. С. 351–389.
5. *Бернц В.А., Черных Е.М., Перевозчикова С.А.* Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Киясовском районе Удмуртской Республики // *Археологические открытия 2010–2013 гг.* / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2015. С. 455–457.
6. *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 228 с.

7. Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.
8. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв.: очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов / ВАУ. Вып. 5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск; Ижевск, 1963. 5–144, 158–160.
9. Генинг В.Ф. Женский наряд периода пьяноборской культуры (опыт реконструкции) // СЭ. 1963б. № 3. С. 83–94.
10. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) Ч. I. // ВАУ. Вып. 10 / Отв. ред. В.А. Семенов. Ижевск, 1970. 257 с.
11. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 7–84.
12. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
13. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
14. Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в среднем Прикамье / Науч. ред. Л.И. Липина. МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск, 2013. 184 с.
15. Жилина Н.В. Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство) // Stratum plus. 2010. № 6. С. 255–268.
16. Жилина Н.В. Эволюция филигранного убора по кладям Старой Рязани // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: Поверенный, 2003. С. 179–190.
17. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / Ред. Н.П. Лобачева, М.В. Сазонова. М.: Наука, 1989. С. 204–227.
18. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда (XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1964. 178 с.
19. Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.
20. Зубов С.Э. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III международной научной конференции. Самара: СОИКМ, 2000. С. 44–51.
21. Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1976. № 3. С. 308–312.
22. Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р. Белой // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 199–215.
23. Красноперов А.А. Головные уборы пьяноборского времени // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия. Материалы региональной научно-практической конференции / Ред. А.А. Бобрихин и др. Екатеринбург: СОДФ, 2005. С. 77–92.
24. Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск, 2006. Т.1. 273 с.; Т.2. 305 с.
25. Красноперов А.А. Этнографическое изучение одежды народов Прикамья (сравнительно-историографический аспект) // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья. Сборник материалов межрегион. науч.-практ. конференции (Уфа, 24 октября 2008 г.) / Отв. ред. Ф.Г. Галиева. Уфа: ЦЭИ, 2008. С. 240–254.
26. Лебедева С. Х. Удмуртская народная одежда. Ижевск: Удмуртия, 2008. 208 с.

27. *Лобачева Н.П.* Народная одежда как источник по этногенезу (К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III: Этнография / Отв. ред. Т.А. Жданко, Б.А. Литвинский. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1991. С. 82–95.
28. *Лобачева Н.П.* Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов Среднеазиатско-Казахстанского региона (по материалам сер. XX в.) // СЭС. Вып. V / Отв. ред. С.Н. Абашин, В.И. Бушков. М.: Наука, 2006. С. 47–94.
29. *Люшкевич Ф.Д.* Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов I пол. XX в. (опыт предварительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / Ред. Н.П. Лобачева, М.В. Сазонова. М.: Наука, 1989. С. 107–138.
30. *Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
31. *Меджитова Э.Д., Трофимов А.А.* Чувашское народное искусство. Альбом. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1981. 248 с.
32. *Мирошина Т.В.* Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н.э. // СА. 1981. № 4. С. 49–69.
33. *Мирошина Т.В.* Скифские калафы // СА. 1980. № 4. С. 30–45.
34. *Морозова А.С.* Традиционная одежда туркмен // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / Ред. Н.П. Лобачева, М.В. Сазонова. М.: Наука, 1989. С. 39–89.
35. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
36. *Оятева Е.И.* О семантике ритуального башмака // АСГЭ. Вып. 19. Л.: Аврора, 1978. С. 86–92.
37. *Попова Е.В.* Семейные обычаи и обряды бесермян (кон. 19 – 90-е гг. 20 вв.). Ижевск: УИИЯЛ, 1998. 241 с.
38. *Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
39. *Сабурова М.А.* Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор) // КСИА. Вып. 155. М.: Наука, 1978. С. 32–35.
40. *Сабурова М.А.* Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. 1974. № 2. С. 85–97.
41. *Сабурова М.А.* О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 144. М.: Наука, 1975. С. 18–22.
42. *Сагитова М.Д.* Чотхо: этнографический и археологический аспекты изучения // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции (Махачкала, 23–28 апр. 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 374–377.
43. *Старостин П.Н.* Нармонский могильник. Казань: Школа, 2002. 62 с.
44. *Старостин П.Н.* Первый Меллятамакский могильник // Древности Иско-Бельского междуречья. Отчеты НКАЭ. Вып. 2. Работы Татарского отряда / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань, 1978. С. 126–142.
45. *Степанова Ю.В.* Этнографические материалы для изучения древнерусского костюма Верхневолжья // Stratum plus. 2010. № 6. С. 249–253.
46. *Теплякова А.Н.* Редкий тип убора с Северного Кавказа // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 2007–2012. К 80-летию со дня рожд. / ТГЭ. Т. LXXII. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. С. 76–83.
47. *Черных Е.М.* Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II / Ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 437–439.

48. Черных Е.М., Карпушкина О.А., Митряков А.Е., Перевоицков С.Е. Исследования Камско-Вятской экспедиции в Удмуртской Республике // Археологические открытия 2009 года. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 245–246.

49. Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 22–23 апреля 2010 г.) / Ред. Р.Д. Голдина, И.Г. Шапран, Н.А. Лещинская. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2010. С. 207–209.

50. Ширококова Ю.А. Головные уборы как индикаторы пола и возраста погребенных в Дубровском могильнике IV–V вв. // XLV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2013 г.). Тезисы докладов. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. С. 201–203.

51. Широкова З.А. Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана / Ред. Н.П. Лобачева, М.В. Сазонова. М.: Наука, 1989. С. 182–203.

52. Шитова С.Н. Башкирская национальная одежда. Уфа: Китап, 1995. 248 с.

53. Шитова Н.И. Женская одежда средневекового населения бассейна р. Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990–1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск, 1999. С. 210–231.

54. Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 186. М.: Наука, 1986. С. 14–20.

Информация об авторах:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук (г. Ижевск, Россия); khaa@udm.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

FEMALE HEADDRESS FROM DUBROVSKIY BURIAL GROUND OF 4TH–5TH CENTURIES

A.A. Krasnopeorov, E.M. Chernykh

The article examines the remains of a female headdress from Dubrovskiy burial ground of Mazunino type in the Kama region of Udmurtia. The burial is defined by the Migration Period, and the leader of the excavations generally attributed it to the 4th – 5th centuries AD. As widely known, female dress was a status symbol, a sign of belonging to a tribe. The headdress studied here belonged to a young woman, whose status was demonstrated through the context of this collective burial and the grave goods. The type of the headdress is reconstructed by its constructive details, peculiar location of metallic decorations and preserved organics. According to the authors, the headdress had the front part (frontal piece) on a solid base with decorative elements, and a soft back part (a shawl with metallic details). The authors refer to archaeological analogies and ethnographic parallels, which allow reconstructing the cultural context of the find.

Keywords: archaeology, Middle Kama region, Pyany Bor epoch, funerary rite, female headdress, reconstruction.

REFERENCES

1. Babenko, L. I. 1999. In *Donskaia arkheologiya (Archaeology of Don)* 2, 85–90 (in Russian).
2. Belitser, V. N. 1973. *Narodnaia odezhdza mordvy (Mordvinian Popular Dress)*. Series: Proceedings of the Ethnography Institute, new series 101. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

3. Belitser, V. N. 1951. *Narodnaia odezhda udmurtov: materialy k etnogenezu (Udmurt Popular Dress: Materials for Ethnic Genesis Studies)*. Series: Cheboksarov, N. N. (ed.). Proceedings of the Ethnography Institute, new series X. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. Bernts, V. A. 2006. In Goldina, R. D. (ed.). *Vzaimodeistvie narodov Evrazii v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Interaction of Eurasian Peoples in the Great Migrations Age)*. Izhevsk: Udmurt State University, 351–389 (in Russian).
5. Bernts, V. A., Chernykh, E. M. Perevozchikova, S. A. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013)* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 455–457 (in Russian).
6. Gagen-Torn, N. I. 1960. *Zhenskaia odezhda narodov Povolzh'ia (Women Dress of Peoples of the Volga Region)*. Cheboksary: “Chuvashgosizdat” Publ. (in Russian).
7. Gagen-Torn, N. I. 1933. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (5–6), 76–88 (in Russian).
8. Gening, V. F. 1963. In Medvedev A. F. (ed.). *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azeline Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 5. Izhevsk. 5–144, 158–160. (in Russian).
9. Gening, V. F. 1963b. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 83–94 (in Russian).
10. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. In Semenov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 10. Izhevsk (in Russian).
11. Gening, V. F. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoii kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 7. Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).
12. Gennep, A. van. 1999. *Obriady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obriadov (The Rites of Passage)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ. (in Russian).
13. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I–V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st–5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).
14. Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zheleznogo veka v srednem Prikam'e (Early Iron Age Sanctuary Tarasovo in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).
15. Zhilina, N. V. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 255–268 (in Russian).
16. Zhilina, N. V. 2003. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Oskskogo basseina (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of the Oka River Basin)*. Ryazan: “Poverennyi” Publ., 179–190 (in Russian).
17. Zakharova, I. V., Khodzhaeva, R. D. 1989. In Lobacheva, N. P., Sazonova, M. V. (eds.). *Traditsionnaia odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana (Traditional Dress of Peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: “Nauka” Publ., 204–227 (in Russian).
18. Zakharova, I. V., Khodzhaeva, R. D. 1964. *Kazakhskaia natsional'naia odezhda (XIX – nachalo XX v.) (Kazakh National Dress of 19th – Early 20th Centuries)*. Alma-Ata (in Russian).
19. Zubov, S. E. 2010. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 10. Ufa: “Gilem” Publ., 64–82 (in Russian).
20. Zubov, S. E. 2000. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (iz istorii kostiama) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 44–51 (in Russian).
21. Ivanov, V. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 308–312 (in Russian).

22. Ivanov, V. A. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: "Gilem" Publ., 199–215 (in Russian).
23. Krasnopeorov, A. A. 2005. In Bobrikhin, A. A. (comp.). *Natsional'nye kul'tury Urala: samobytnost', istoriia i perspektivy vzaimodeistviia (National Cultures of the Ural Region: Identity, History, and Possibilities of Interaction)*. Yekaterinburg: Sverdlovsk Regional Folklore House, 77–92 (in Russian).
24. Krasnopeorov, A. A. 2006. *Kostium naseleniia chegandinskoi kul'tury v Prikam'e (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Costume of Residents of the Cheganda Culture in the Kama River Basin (2nd Century BC – 5th Century AD))*. PhD Diss. In 2 vols. Izhevsk (in Russian).
25. Krasnopeorov, A. A. 2008. In Galieva, F. G. (ed.). *Material'naia kul'tura bashkir i narodov Uralo-Povolzh'ia (Material Culture of Bashkirs and Peoples of the Ural-Volga Area)*. Ufa: Center for Ethnographical Research, 240–254 (in Russian).
26. Lebedeva, S. Kh. 2008. *Udmurtskaia narodnaia odezhda (Udmurt Popular Dress)*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
27. Lobacheva, N. P. 1991. In Litvinskii, B. A., Zhdanko, T. A. (eds.). *Problemy etnogeneza i etnicheskoi istorii narodov Srednei Azii i Kazakhstana (Problems of the Ethnic Genesis and Ethnic History of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan)* III. *Etnografiia (Ethnography)*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 82–95 (in Russian).
28. Lobacheva, N. P. 2006. In Abashin, S. N., Bushkov, V. I. (eds.). *Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik (Central Asian Ethnographical Collection)* V. Moscow: "Nauka" Publ., 47–94 (in Russian).
29. Liushkevich, F. D. 1989. In Lobacheva, N. P., Sazonova, M. V. (eds.). *Traditsionnaia odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana (Traditional Dress of Peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: "Nauka" Publ., 107–138 (in Russian).
30. Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI vv. n. e. (Women's Costume of Central and Western Fore-Caucasus at the End of 4th – Middle 6th Century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
31. Medzhitova, E. D., Trofimov, A. A. 1981. *Chuvashskoe narodnoe iskusstvo. Al'bom (Chuvash Popular Art: Album)*. Cheboksary: "Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
32. Miroshina, T. V. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 49–69 (in Russian).
33. Miroshina, T. V. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 30–45 (in Russian).
34. Morozova, A. S. 1989. In Lobacheva, N. P., Sazonova, M. V. (eds.). *Traditsionnaia odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana (Traditional Dress of Peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: "Nauka" Publ., 39–89 (in Russian).
35. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
36. Oiateva, E. I. 1978. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 19. Leningrad: "Avrora" Publ., 86–92 (in Russian).
37. Popova, E. V. 1998. *Semeinye obychai i obriady besermian (konets XIX – 90-e gody XX v.) (Family Customs and Rites among Besermians: Late 19th Century – 1990s)*. Izhevsk: Udmurtian Language, Literature and History Institute, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
38. Rudenko, S. I. 2006. *Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Bashkirs: Historical and Ethnographical Sketches)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).
39. Saburova, M. A. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 155. Moscow: "Nauka" Publ., 32–35 (in Russian).
40. Saburova, M. A. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 85–97 (in Russian).

41. Saburova, M. A. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 144. Moscow: "Nauka" Publ., 18–22 (in Russian).
42. Sagitova, M. D. 2012. In Gadzhiev, M. S. (ed.). *Noveishie otkrytiia v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniia i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Newest Discoveries in the Archaeology of North Caucasus: Investigations and Interpretations. Materials of the International Conference)*. Makhachkala: "Mavraev" Publ., 374–377 (in Russian).
43. Starostin, P. N. 2002. *Narmonskii mogil'nik (Narmonka Burial Ground)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
44. Starostin, P. N. 1978. In Bader, O. N. (ed.). *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves Area)*. Series: Reports of Lower Kama Archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. Issue 2, Works of Tatar Squad. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 126–142 (in Russian).
45. Stepanova, Yu. V. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 249–253 (in Russian).
46. Tepliakova, A. N. 2014. In *Ermitazhnye chteniia pamiati V. G. Lukonina 2007–2012. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia (Hermitage Readings in Memory of V. G. Lukonin: 2007–2012: 80th Anniversary)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum LXXII. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 76–83 (in Russian).
47. Chernykh, E. M. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* II. Kazan: "Otechestvo" Publ., 437–439 (in Russian).
48. Chernykh, E. M., Karpushkina, O. A., Mitriakov, A. E., Perevoshchikov, S. E. 2013. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2009 goda (Archaeological Discoveries in 2009)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 245–246 (in Russian).
49. Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A., Bernts, V. A. 2010. In Goldina, R. D., Shapran, I. G., Leshchinskaya, N. A. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeistviia cheloveka, prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniia (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society)*. Izhevsk: Udmurt State University, 207–209 (in Russian).
50. Shirobokova, Yu. A. 2013. In *XLV Uralo-Povolzhskaiia arkheologicheskaiia konferentsiia studentov i molodykh uchenykh (45th Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Izhevsk: Udmurt University Press, 201–203 (in Russian).
51. Shirokova, Z. A. 1989. In Lobacheva, N. P., Sazonova, M. V. (eds.). *Traditsionnaia odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana (Traditional Dress of Peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: "Nauka" Publ., 182–203 (in Russian).
52. Shitova, S. N. 1995. *Bashkirskaiia natsional'naia odezhda (Bashkir National Clothing)*. Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).
53. Shutova, N. I. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 210–231 (in Russian).
54. Yatenko, S. A. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 186. Moscow: "Nauka" Publ., 14–20 (in Russian).

About the Authors:

Krasnopeorov Alexander A., Candidate of Historical Sciences, Izhevsk, Udmurt Republic, Russian Federation; khaa@udm.ru

Chernykh Elizaveta M., Candidate of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 21.07.2016 г.

УДК 930.26(470.5):643

БУСЫ ДУБРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА IV–V ВВ. В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ¹© 2017 г. **Е.В. Голдина, Е.М. Черных**

Статья представляет классификацию бус из погребений Дубровского могильника – одного из новых памятников мазунинского времени в Среднем Прикамье. Коллекция бус Дубровского могильника насчитывает 3018 экз., из них для классификации использованы 2992. Они были разделены на 32 типа. Приводится их описание и результаты количественного анализа встречаемости бус в погребениях, а также их размещения относительно погребенного. Прослежены особенности использования бус мужской и женской частью палеопопуляции, оставившей некрополь. Бусины обнаружены почти в трети могил, более половины из них содержали по 1–3 экземпляра, однако, почти в одной пятой части погребений количество бус превышало сотню. Большое количество бус, как правило, связано с находками женских головных уборов, часто украшенных бисером в виде низки из 1–2 рядов по нижнему краю или в сочетании с металлическими деталями. Возможно, разные виды головных уборов могли отражать половозрастные характеристики погребенных. Бусины часто нанизывались на височные подвески, входившие в состав подарочного набора или головного убора. Крупные бусины входили в портупейный набор мечей и/или ножей, при этом рядом с ножами они зафиксированы не только в захоронениях мужчин, но и женщин зрелого возраста (25–45 лет).

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, III–V вв., бусы, классификация, мужской и женский наборы бус, головной убор, височные подвески с бусинами, темлячные подвески.

Бусы – ценный археологический источник, изучение которого позволяет, в частности, осветить вопросы, связанные с культурным своеобразием и эстетическими вкусами населения, использовавшего эти предметы.

Коллекция бус Дубровского могильника² насчитывает 3018 экземпляров, которые происходят из 56 погребений (32% от 174 погребений; 3016 экз.) или представлены сбором с поверхности (2 экз.).

Классификация и каталог бус. Создание классификации для бус Дубровского могильника проводилось по системе, разработанной для бус Верхнего Прикамья IV–IX вв. н.э. (по материалам могильников неволинской культуры) (Голдина, 2010, с. 24–26) и является ее продолжением. Бусы разделены на группы, подгруппы, типы и подтипы. Критерием выделения групп среди стеклянных бус является технология их изготовления,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-18003/16.

² Памятник находится в Киясовском районе Удмуртской республики на левом берегу р. Шехостанка, правого притока р. Кырыкмас, левого притока р. Иж, правого притока р. Камы. Изучение могильника продолжается Е.М. Черных, В.А. Бернц, С.А. Перевозчиковой.

для бус из других материалов – вид материала. Номера групп обозначены римскими цифрами. При выявлении подгрупп учтено наличие или отсутствие декора и вид материала. Номера подгрупп обозначены прописными буквами русского алфавита. Типы отражают форму, цвет, прозрачность, вид декора и обозначены арабскими цифрами. Подтипы характеризуют цвет декора (обозначены строчными буквами русского алфавита).

В коллекции бус Дубровского могольника было выделено 4 группы, 5 подгрупп, 32 типа (табл. 1). Всего в классификацию вошло 2992 экземпляра бус, для 26-ти экземпляров тип не установлен.

Группа I. Бусы, изготовленные из тянутых трубочек
Подгруппа А. Одноцветные без декора

Тип IA1 (28 экз., рис. 1). Зонная синяя полупрозрачная: погребение (далее погр.) 70 (1-6)³.

Тип IA4 (92 экз., рис. 1). Зонная желтая непрозрачная: погр. 31 (20-6'), погр. 34 (25-6'), погр. 41А (4-6'), погр. 68 (1-6'), погр. 93 (8-6'), погр. 171 (34-6').

Тип IA5 (142 экз., рис. 2). Зонная желто-зеленая полупрозрачная: погр. 31 (13-6'), погр. 41А (7-6'), погр. 68 (94-6'), погр. 77А (11-6'), погр. 98В (4-6'), погр. 99 (13-6').

Тип IA7 (383 экз., рис. 1). Зонная бирюзовая полупрозрачная: погр. 7 (31-6'), погр. 41А (16-6'), погр. 63 (124-6'), погр. 77А (12-6'), погр. 98В

(122-6'), погр. 99 (15-6'), погр. 117Б (8-6'), погр. 151 (32-6'), погр. 171 (23-6').

Тип IA8 (847 экз., рис. 1). Зонная бирюзовая непрозрачная: погр. 9 (10-6'), погр. 31 (1-6'), погр. 34 (2-6'), погр. 68 (81-6'), погр. 70 (40-6'), погр. 86 (118-6'), погр. 93 (28-6'), погр. 98В (234-6'), погр. 99 (123-6'), погр. 117Б (54-6'), погр. 151 (1-6'), погр. 171 (155-6').

Тип IA9 (74 экз., рис. 1). Зонная черная непрозрачная: погр. 7 (55-6'), погр. 99 (19-6').

Тип IA17 (1 экз., рис. 1). Бочонкообразная бирюзовая непрозрачная: погр. 53 (1-10').

Тип IA32 (439 экз., рис. 1). Цилиндрическая бирюзовая непрозрачная: погр. 9 (1-7'), погр. 31 (3-6'), погр. 34 (11-7'), погр. 68 (228-7'), погр. 77А (33-6'), погр. 86 (26-6'), погр. 93 (26-6'), погр. 98В (65-7'), погр. 99 (16-7'), погр. 117Б (21-6'), погр. 171 (9-7').

Тип IA34 (66 экз., рис. 1). Цилиндрическая желтая непрозрачная: погр. 31 (13-7'), погр. 34 (15-7'), погр. 70 (3-6'), погр. 98В (13-7'), погр. 117Б (15-7'), погр. 151 (1-7'), погр. 171 (6-6').

Тип IA35 (63 экз., рис. 1). Цилиндрическая черная непрозрачная: погр. 7 (32-6', 1-8'), погр. 68 (1-7'), погр. 70 (5-7'), погр. 98В (4-6'), погр. 99 (14-7'), погр. 171 (5-7').

Тип IA37 (5 экз., рис. 1). Цилиндрическая красно-коричневая непрозрачная: погр. 171 (5-7').

Тип IA48 (1 экз., рис. 1). Многочастная бочонкообразная бирюзовая полупрозрачная: погр. 99 (1-12').

Тип IA59 (410 экз., рис. 1). Зонные синие или сине-фиолетовые непрозрачные: погр. 63 (1-6'), погр. 68 (157-6'), погр. 77А (112-6'), погр. 117Б (73-6'), погр. 151 (67-6').

³ Первая цифра в скобках означает количество экземпляров, вторая – код размера бусины (для расшифровки кода см. табл. 2).

Рис. 1. Типы бус Дубровского могильника.
 Fig. 1. Types of beads found on the Dubrovskiy burial ground.

Таблица 1

Дубровский могильник. Количество и встречаемость типов бус в погребениях

Тип	Общее количество бус данного типа	Встречаемость в погребениях	№№ погребений
IA1	28	1	70
IA4	92	6	31, 34, 41А, 68, 93, 171
IA5	142	6	31, 41А, 68, 77А, 98В, 99
IA7	383	9	7, 41А, 63, 77А, 98В, 99, 117Б, 151, 171
IA8	847	12	9, 31, 34, 68, 70, 86, 93, 98В, 99, 117Б, 151, 171
IA9	74	2	7, 99
IA17	1	1	53
IA32	439	11	9, 31, 34, 68, 77А, 86, 93, 98В, 99, 117Б, 171
IA34	66	7	31, 34, 70, 98В, 117Б, 151, 171
IA35	63	7	7, 68, 70, 98В, 99, 117Б, 171
IA37	5	1	171
IA48	1	1	99
IA59	410	5	63, 68, 77А, 117Б, 151
IA60	68	9	31, 34, 41А, 63, 77А, 93, 99, 117Б, 151
IA66	8	2	34, 99
IA70	3	2	99, 171
IA74	3	1	34
IA75	270	10	7, 31, 41А, 63, 77А, 98В, 99, 117Б, 151, 171
IA76	13	1	98В
IB29	25	4	9, 68, 77А, 171
IVA16	2	2	23, 45
IVA19	1	1	9
IVA21	1	1	16
IVA24			15, 29, 34, 53, 55, 59, 68, 77Б, 80, 101А, 101В, 123, 137
IVA49	1	1	68
IVA66	11	4	5, 10, 66, 98Г
IVA84	1	1	34
VIIA1	10	8	5, 21А, 26, 60, 89А, 127, 128, 141, с участка
VIIA2	2	2	7, 41А
VIIA7	1	1	22
VIIA13	4	2	63, 85
XIE1	1	1	68
Тип не установлен	26	18	3, 4, 9, 10, 14, 29, 36, 39, 40, 43, 67, 71, 98Г, 101В, 102, 105, 107, 133

Таблица 2

Дубровский могильник. Код для определения размеров бус

H/D \ D (мм)	< 3	3-5	6-8	9-11	12-14	15-17	18-20	21-23
H/D ≤ 0,5 короткие	1'	5'	9'	13'	17'	21'	25'	29'
0,5 < H/D ≤ 1 средне-короткие	2'	6'	10'	14'	18'	22'	26'	30'
1 < H/D < 1,5 средне-длинные	3'	7'	11'	15'	19'	23'	27'	31'
H/D ≥ 1,5 длинные	4'	8'	12'	16'	20'	24'	28'	32'

Таблица 3

Дубровский могильник. Распределение бус по числу находок в погребениях

Количество бус в погребении	№№ погребений	Количество погребений	%	Общее количество бус	%
1	3, 4, 15, 16, 21А, 22, 23, 26, 36, 39, 40, 45, 55, 60, 66, 67, 77Б, 80, 89А, 102, 105, 123, 127, 137, 141	25	44,6	25	0,83
2	29, 53, 59, 71, 101А, 101В, 107, 128, 133	9	16	18	0,60
3	10, 14, 85, 98Г	4	7	12	0,40
8	5	1	1,8	8	0,27
34	9	1	1,8	34	1,13
48	41А	1	1,8	48	1,59
54	31	1	1,8	54	1,79
60	34	1	1,8	60	1,99
72	93	1	1,8	72	2,39
76	70	1	1,8	76	2,52
130	151	1	1,8	130	4,30
144	86	1	1,8	144	4,77
175	7	1	1,8	175	5,80
189	117Б	1	1,8	189	6,27
197	77А	1	1,8	197	6,53
219	99	1	1,8	219	7,26
243	63	1	1,8	243	8,05
260	171	1	1,8	260	8,62
485	98В	1	1,8	485	16,09
567	68	1	1,8	567	18,80
Не установлено	43	1	1,8	н/у	
Всего		56	100	3014	100

Тип IA60 (68 экз., рис. 1). Цилиндрическая желто-зеленая непрозрачная: погр. 31 (1-7'), погр. 34 (1-7), погр. 41А (3-6'), погр. 63 (1-6'), погр. 77А (16-6'), погр. 93 (10-6'), погр. 99 (3-7'), погр. 117Б (11-7'), погр. 151 (22-7').

Тип IA66 (8 экз., рис. 1). Зонная бесцветная непрозрачная (серый слабый оттенок): погр. 34 (1-6'), погр. 99 (7-10').

Тип IA70 (3 экз., рис. 1). Бочонкообразная сине-фиолетовая непрозрачная: погр. 99 (2-6'), погр. 171 (1-10').

Тип IA74 (1 экз., рис. 1). В форме шестиугольной призмы сине-фиолетовая непрозрачная: погр. 34 (3-8').

Тип IA75 (270 экз., рис. 1). Цилиндрическая бирюзовая полупрозрачная: погр. 7 (48-6', 7-7'), погр. 31 (3-7'), погр. 41А (12-6', 5-7'), погр. 63 (106-6', 10-7'), погр. 77А (12-6'), погр. 98В (30-7'), погр. 99 (6-7'), погр. 117Б (6-7'), погр. 151 (7-7'), погр. 171 (18-7').

Тип IA76 (13 экз., рис. 1). Зонная зеленая полупрозрачная: погр. 98В (13-6').

Подгруппа В. Бусы с металлической прокладкой

Тип IB29 (25 экз., рис. 1). Многочастная или одночастная зонная с бежевым внешним слоем: погр. 9 (7-6', 7-7', 4-8'), погр. 68 (2-4'), погр. 77А (1-6'), погр. 171 (2-6', 2-7'). Возможно, желтый оттенок дает золотая металлическая прокладка.

Группа IV. Бусы, изготовленные из тянутых палочек

Подгруппа А. Одноцветные без декора

Тип IVA16 (2 экз., рис. 1). Бочонкообразная сине-фиолетовая полупрозрачная: погр. 23 (1-18'), погр. 45 (1-18').

Тип IVA19 (1 экз., рис. 1). Бочонкообразная красно-коричневая непрозрачная: погр. 9 (1-18').

Тип IVA21 (1 экз., рис. 1). Бочонкообразная бирюзовая полупрозрачная: погр. 16 (1-18').

Тип IVA24 (15 экз., рис. 1). Бочонкообразные оливкового слабого цвета полупрозрачные: погр. 15 (1-18'), погр. 29 (1-22', 1-?'), погр. 34 (1-?'), погр. 53 (1-?'), погр. 55 (1-18'), погр. 59 (1-17', 1-18'), погр. 68 (1-22'), погр. 77Б (1-22'), погр. 80 (1-22'), погр. 101А (1-18', 1-22'), погр. 101В (1-22'), погр. 123 (1-18'), погр. 137 (1-22').

Тип IVA49 (1 экз., рис. 1). В форме параллелепипеда со срезанными вершинами сине-фиолетовая полупрозрачная: погр. 68 (1-7').

Тип IVA66 (11 экз., рис. 1). Зонные оливкового слабого цвета полупрозрачные: погр. 5 (7-21'), погр. 10 (2-17'), погр. 66 (1-17'), погр. 98Г (1-21').

Тип IVA84 (1 экз., рис. 1). Эллипсоидная бесцветная (серый слабый оттенок) полупрозрачная: погр. 34 (1-8').

Группа VIII. Бусы, изготовленные способом навивки

Подгруппа А. Одноцветные без декора

Тип VIIIA1 (9 экз., рис. 1). Зонная зеленая (сине-зеленая или желто-зеленая) полупрозрачная: погр. 5 (1-21'), погр. 21А (1-26'), погр. 26 (1-21'), погр. 60 (1-21'), погр. 89А (1-18'), погр. 127 (1-21'), погр. 128 (2-21'), погр. 14 (1-21').

Тип VIIIA2 (2 экз., рис. 1). Зонная оливкового слабого цвета прозрачная: погр. 7 (1-25'), погр. 41А (1-25').

Тип VIIIA7 (1 экз., рис. 1). Зонная сине-фиолетовая полупрозрачная: погр. 22 (1-18').

Тип VIII A13 (4 экз., рис. 1). Зонная черная непрозрачная: погр. 63 (1-17'), погр. 85 (3-18').

Группа XI. Каменные бусы

Подгруппа E. Халцедоновые

Тип XI E1 (1 экз., рис. 1). Шарообразная: погр. 68 (1-42').

Особенности встречаемости бус в погребениях. Количество бус в могилах варьирует от 1 до 567 экземпляров (табл. 3). Чаще всего в погребении встречается по одной (25 погребений; 44,6%), две (9 погребений, 9,16%) или три бусины (4 погребения, 4,7%). Наборы в несколько десятков бус (от 34 до 76 экз.) зафиксированы в шести случаях (10,8%). Крупные скопления – более сотни экземпляров (от 130 до 567 экз.) – зафиксированы в десяти могилах (18%).

Специфика размещения бус в погребениях и их использование.

Анализ размещения бус в могиле проведен на основании сведений о 56 погребенных (табл. 4, 5). Пол более чем трети из них определен как женский (20, 35,7%), 12 погребений (21,4%) – мужские. Почти в половине случаев (24 погребения; 42,9%) пол погребенных определить не удалось, из них семь захоронений являются детскими (12,5%).

В **женских**⁴ могилах бусы чаще всего находились в составе *подарочных наборов* (14 погребений, 70% от женских могил с бусами; табл. 5), которые размещались в области головы (справа – 6 погребений, слева – 4, по центру – 1), правого плеча (2

погребения) или правой стопы (1 погребение). Судя по сохранившимся фрагментам органики, вещи заворачивали в ткань или мех, либо укладывали в берестяную коробочку (например, погр. 5, 77А, 77Б, 86, 152). Подарочные наборы, помимо иного инвентаря, содержали от 1 до 260 экземпляров бус, представленных разнообразным одноцветным бисером, бисером с металлической прокладкой (тип IB29; рис. 1), а также крупными бусинами (типы IVA24, IVA66, VIIIA1 и др.). Определить функциональную принадлежность бус, входящих в подарочный набор, возможно только в редких случаях: короткое ожерелье из крупных бус (погр. 5), пронизь из бус и бронзовых пронизок (погр. 14) и височные подвески с нанизанными бусинами (погр. 5, 10, 55, 71, 107).

Особенностью данного памятника является большое количество находок сложных *головных уборов* (всего 15 экз.). Они сохранились там, где их носили при жизни (в области головы) и были украшены бронзовыми деталями, реже – бисером и бусинами. Головные уборы с бисером и бусинами (9 экз. из 15) зафиксированы как в женских захоронениях (погр. 9, 93, 99), так и на костях, пол которых определить не удалось (погр. 41А, 63, 68, 70, 86, 151). Следуя полевым наблюдениям, можно констатировать, что бисер и бусины применяли для украшения головных уборов следующими способами. Самый простой вариант – это лента-повязка из ткани, без бронзовых украшений, но обшитая по нижнему краю двумя рядами бисера (погр. 86, 12–20 лет). Самый распространенный вариант – ленты из ткани и бересты или кожи с бронзовыми накладками-обоймами, до-

⁴ Антропологические определения выполнены к.и.н., научным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург) И.Г. Ширококовым.

Дубровский могильник. Размещение бус в погребении

№ погр.	Пол	Возраст	Количество бус	Размещение	Сопровождающий материал
4	ж	35-45	1 (рассып.)	таз	нож, пояс
5	ж	25-35	1 на вис. подв. 7 (рассып.)	справа в изголовье ПН*	много вещей
9	ж	12-20	30 (бисер) 3 (рассып.) 1 (бусина)	справа в изголовье правое плечо ПН	фр-ты гол. убора на черепе много вещей
10	ж	25-35	3 (1 на вис. подв. рассып.)	справа в изголовье ПН	много вещей
14	ж	40-50	3	правая стопа ПН	много вещей (в том числе пронизь: 4 бр. спиральновитые пронизки, 2 бусины и 3 бр. пронизки)
15	ж	25-30	1	левое бедро	пояс?
23	ж	25-35	1	таз	нож, жел. вещь
40	ж	45-55	1 (рассып.)	слева у черепа ПН	много вещей
45	ж	45-55	1 на вис. подв.	справа у головы	фр-ты вис. подвески, фр-ты жел. пряжки
55	ж	25-30	1 на вис. подв.	справа в изголовье ПН	много вещей
67	ж	35-45	1 (рассып.)	справа у черепа ПН	много вещей
71	ж	старше 55	2 на вис. подв.	правое плечо ПН	много вещей
77А	ж?	18-22	197 (бисер)	слева у черепа ПН	много вещей
93	ж	14-18	70 (бисер) 2 (бисер, рассып.)	на черепе справа у черепа ПН	фр-ты гол. убора много вещей
98В	ж	14-18	485 (бисер)	в области груди	нагрудное украшение: бабочк. фибула, спиралевидные пронизки, подвески-колокольчики, жел. пряжка, бисер
99	ж	20-25	7 (бусы) 1 211 (бисер)	на черепе на черепе слева у черепа ПН	фр-ты гол. убора тыльная часть гол. убора много вещей
107	ж	30-35	2 на вис. подв.	в изголовье слева ПН	много вещей
133	ж?	30-50	2 (рассып.)	справа в изголовье ПН	биметалл. фибула, вис. подв.
171	ж	20-25	260 (бисер)	в изголовье ПН	2 вис. подв.
3	м	45-55	1 (рассып.)	таз	жел. пряжка, нож
16	м	50-60	1	таз	жел. пряжка, нож
22	м	45-55	1	левый локоть	ниже меч, нож, 2 пряжки
26	м	40-50	1	между голеней	
29	м	18-30	1 1	таз справа левое бедро	меч, пояс

53	м?	18-20	1 1	справа в области груди слева у таза	нож, пояс
59	м	18-20	1 1	справа у бедра правое колено	нож
60	м?	20-25	1	таз	нож, пояс
77Б	м?	20-25	1 на вис. подв.	слева у черепа ПН	жел. сюльгама, жел. гривна
105	м	40	1 (рассып.)	таз	жел. пряжка
128	м	20-25	1 1	левый локоть левое бедро	меч, бр. пряжка, бр. обкладки ножен нож
137	м	20-25	1	таз	бронз. трапециевидная подвес., ж. подвес.
141	м	20-30	1	между бедер	ж. нож, пояс (тканевый)
7	?	12-20	1 на вис. подв. 174 (бисер)	слева в изголовье ПН	много вещей
21А	?	6-7	1	правое бедро	меч, пояс
31	?	18-30	54 (бисер)	слева у челюсти ПН	2 жел. подвески, браслет
34	?	20-30	59 (бисер) 1 (рассып.)	слева в изголовье ПН	много вещей
36	?	11-13	1 (рассып.)	стопы? ПН?	вис. подвески
39	?	18-20	1 (рассып.)	справа в изголовье ПН	много вещей
41А	?	18-30	47 (бисер) 1 (остальные рассып.)	на черепе справа у головы ПН?	фр-ты гол. убора много вещей
43	?	?	бусы рассып.	в области головы	жел. цепочка, жел. пряжка
63	?	?	1 на вис. подв. 223 (бисер) 19 (бисер)	справа в изголовье ПН справа у головы и слева у нижн. челюсти	много вещей гол. убор?
68	?	18-20	халц. бусина 1 на вис. подв. 356 (бисер) 209 (бисер)	слева у черепа ПН на черепе	много вещей фр-ты гол. убора
70	?	10-12	76 (бисер)	справа у черепа	фр-ты гол. убора: вис. подв., бисер, бр. пронизь, береста
66	?	20-35	1 (фр-ты)	справа у черепа ПН	бр. бабочковидная фибула, кусочки тканых шнурков
80	?	?	1	таз	нож – левое бедро
85	?	старше 35	3 на вис. подв.	справа у черепа ПН	много вещей
86	?	12-20	144 (бисер)	в области головы	фр-ты гол. убора
89А	?	до 7	1	слева в ногах ПН	много вещей

98Г	?	7-8	1 2 (рассып.)	между бедер справа у черепа ПН	пояс, жел. наконечник пояса
101А	?	3-7	2	справа у черепа	
101В	?	до 5-6	2 (1 рассып.)	?	
102	?	?	1 (рассып.)	между бедер	нож, жел. пряжка
123	?	?	1	в области груди?	
127	?	?	1	таз слева	нож, жел. пряжка
117Б	?	старше 16	189 (бисер)	справа в изголовье ПН	много вещей
151	?	20-25	130 (бисер)	левое плечо	гол.убор?: низки бисера, пронизи из 23 бр. пронизок, кож. шнурок, остатки ткани
171	ж	20-25	260 (бисер)	в изголовье ПН	2 бр. вис.подв., береста

* подарочный набор

полненными бисером в один ряд по нижнему краю (например, погр. 93, жен., 14–18 лет) или низками из бисера, прикрепленными к концам ленты в области висков (?) (например, погр. 41А, 18–30 лет: рис. 2; погр. 63). Интересен головной убор в виде шапочки (?) из погр. 99 (жен., 20–25 лет; рис. 3). Основа ленты украшена медными пластинчатыми обоями с «вздутиями»-полугорошинами, по кромке ленты нашиты чередующиеся спиральновитые пронизки и белые бусины, в затылочной части крепились железная сеточка кольчужного плетения, голубая бусина и бронзовая бляшка, по бокам – по бронзовой трапезиевидной подвеске.

В погребении 98В (жен., 14–18 лет), найдено оригинальное составное *нагрудное украшение*, содержащее бисер. Оно представляло собой крупную бабочковидную фибулу, к которой были прикреплены бронзовые и железные спиралевидные пронизки с железными подвесками-колокольчиками на концах. Вероятно, слева к фибуле были привешены низки сине-

го, зеленого и желтого бисера (всего 485 экз.; рис. 4а, 4б). Однако, возможно, низки бисера не были связаны с фибулой, служившей застежкой для верхней одежды, а являлись украшением нижней рубашки.

В женских захоронениях крупные бусины обнаружены и в *области таза*: в погребении 4 (35–45 лет) бусина и нож размещались рядом с кожаным (?) поясом; в погребении 23 (25–35 лет) бусина обнаружена рядом с ножом и железной вещью. Вероятно, в погребении 15 (25–30 лет) крупная бусина также имела отношение к поясу. Но необходимо учесть, что пол трех указанных костяков определен как женский условно.

В **мужских** захоронениях бусы встречались по 1–2 экземпляра в нижней части скелета (табл. 4, 5), чаще всего в области таза (7 случаев) и бедер (3 случая). Анализ сопровождающего инвентаря показал, что бусины часто располагались рядом с ножом и железной пряжкой (погр. 3, 16, а также погребения с неопределенным полом 102, 127), или ножом

Таблица 5

Дубровский могильник. Сводные данные о размещении бус в погребениях

Пол погребенного Размещение бус	Женщина	Мужчина	Пол не определен	Всего наблюдений	%
голова	п. 45 (1)	-	п. 43 (?), п. 70 (70), п. 86 (144), п. 101А (2)	5	8,9
голова, подарочный набор	п. 9 (34), п. 93 (72), п. 99 (219)	-	п. 41А (48), п. 63 (243), п. 68 (567)	6	10,6
плечо	-	-	п. 151 (130)	1	1,8
локоть	-	п. 22 (1)	-	1	1,8
локоть, бедро	-	п. 128 (2)	-	1	1,8
грудь	п. 98В (485)	-	п. 123 (1)	2	3,6
грудь, таз	-	п. 53 (2)	-	1	1,8
таз	п. 4 (1), п. 23 (1)	п. 3 (1), п. 16 (1), п. 60 (1), п. 105 (1), п. 137 (1)	п. 80 (1), п. 127 (1)	9	16
таз, бедро	-	п. 29 (2)	-	1	1,8
бедро	п. 15 (1)	-	п. 21А (1)	2	3,6
бедро, колено	-	п. 59 (2)	-	1	1,8
между бедер	-	п. 141 (1)	п. 102 (1)	2	3,6
между голеней	-	п. 26 (1)	-	1	1,8
подарочный набор	п. 5 (8), п. 10 (3), п. 14 (2), п. 40 (1), п. 55 (1), п. 67 (1), п. 71 (2), п. 77А (196), п. 107 (2), п. 133 (2), п. 171 (260)	п. 77Б (1)	п. 7 (175), п. 31 (53), п. 34 (60), п. 36 (1), п. 39 (1), п. 66 (1), п. 85 (3), п. 89А (1), п. 117Б (189)	21	37,5
подарочный набор, между бедер	-	-	п. 98Г (3)	1	1,8
не установлено	-	-	п. 101В (2)	1	1,8
Всего	20	12	24	56	
%	35,7	21,4	42,9		100

и развернутым вдоль тела поясом (погр. 53, 60, 141). Выявлены случаи размещения бусины недалеко от ножа (погр. 59, погр. 80 (пол не определен) или рядом с пряжкой (погр. 105).

Бусины являлись обязательным элементом портупейного набора

меча (из пяти могил с мечами, в четырех найдены крупные бусины; табл. 4). Эти погребения (помимо иного инвентаря) содержали одновременно меч, нож и бусину (погр. 22) или меч, нож, пояс и 2 бусины (погр. 29). В погребении 128 обнару-

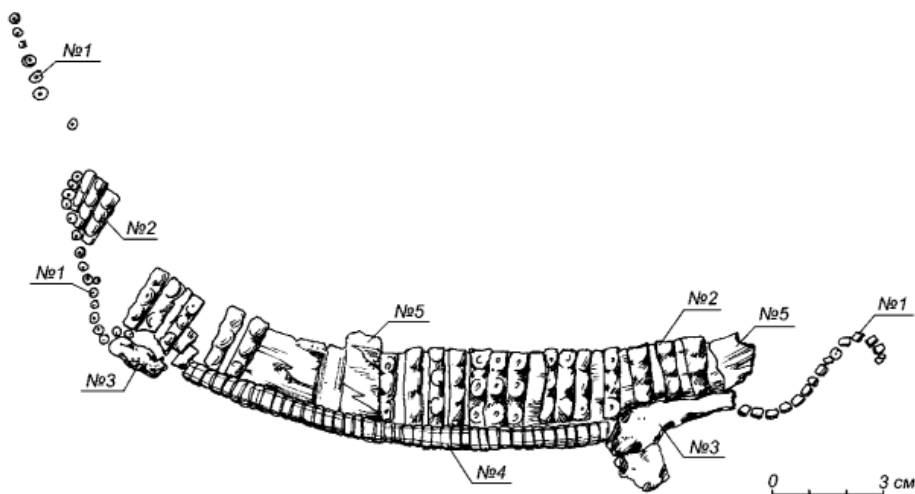

Рис. 2. Дубровский могильник. Прорисовка головного убора из погребения 41А:

- 1 – бисер (47 экз.); 2 – бронзовые накладки (25 экз.); 3 – железные детали;
4 – бронзовые пронизки (42 экз.); 5 – береста.

Fig. 2. Dubrovskiy burial ground. Drawing of a head dress from grave 41A: 1 – small beads (47 pcs); 2 – bronze onlays (25 pcs); 3 – iron elements; 4 – bronze bead strings (42 pcs); 5 – birch bark.

жены две бусины, сопутствовавшие и ножу, и мечу. В погребении ребенка 6–7 лет (№ 21А) найден меч, пояс и крупная бусина. Чаще всего, бусина располагалась в верхней трети меча, вместе с ножом или без него. Бусины, найденные рядом с мечами и ножами, все одноцветные из зеленого (тип VІІІА1), бесцветного (тип ІVА24) или сине-фиолетового стекла (тип VІІІА7) довольно крупных размеров – диаметром 14–23 мм с отверстием 5–7 мм. Практика применения бусин в портупейных наборах не раз отмечалась при характеристике погребального обряда и инвентаря как памятников Среднего Прикамья, так и на соседних территориях. Например, на Тарасовском могильнике зафиксировано 11 находок бусин рядом с мечами (Голдина, Липина, 2015, с. 287) и 25 находок бусин рядом с ножами (Голдина, 2015) в мужских могилах, а также более 14 находок бусин рядом с ножами в женских захоронениях

(Голдина, 2015а). По наблюдениям Т.И. Останиной, в могильниках мазунинского типа известны находки мечей и кинжалов с бусинами в средней части ножен (около 20 случаев) (Останина, 1997, с. 73, 74). Бусины из халцедона, янтаря или стекла находились также около мечей или кинжалов в погребениях курганной части Тураевского I могильника IV–V вв. н.э. (курган V, курган VII, погр. 1а, 1б) (Генинг, 1976, рис. 14: 1, с. 69–72; рис. 14: 2, с. 74–77; с. 80, 87, 94). Один подобный случай известен и в его грунтовой части (погр. 171) (Голдина Р.Д., Бернц, с. 43, 44, табл. 120, 121). Бусины как составная часть портупейного поясного набора зафиксированы и на Кудашевском могильнике (Быкова, Казанцева, 2012, с. 95). Находки мечей нередки на памятниках азелинского типа, где ножны в верхней части также обычно снабжались крупной стеклянной или халцедоновой бусиной (Азелинский могильник, погр. 5; Суворовский мо-

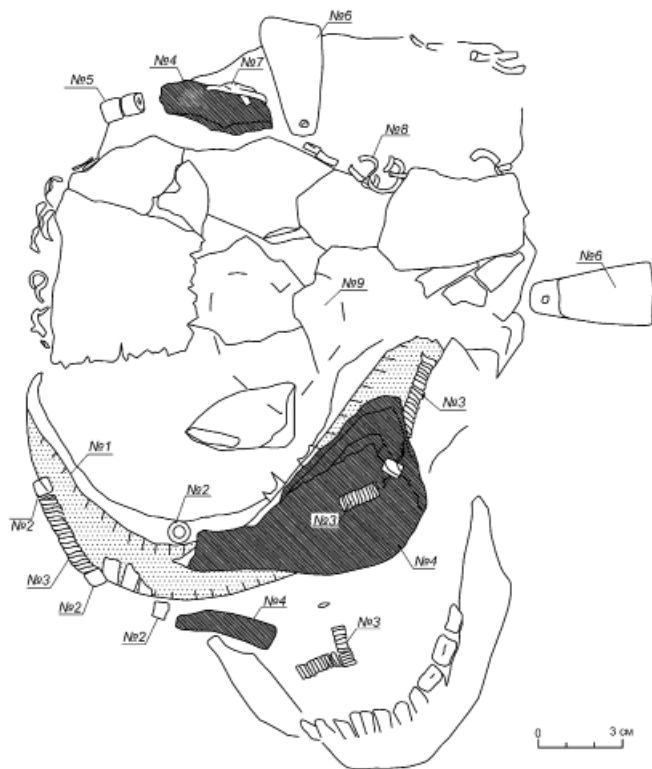

Рис. 3. Дубровский могильник. Прорисовка головного убора из погребения 99: 1 – кожаная полоса с бронзовыми обоймами-накладками; 2 – стеклянные белые бусины; 3 – бронзовые спиральновитые пронизки; 4 – ткань; 5 – стеклянная голубая бусина; 6 – бронзовые подвески (2 экз.); 7 – бронзовая пуговица; 8 – железная вещь кольчужного плетения (накосник?); 9 – железная сердцевидная накладка.

Fig. 3. Dubrovskiy burial ground. Drawing of a head dress from grave 99: 1 – a leather strap with bronze onlays; 2 – white beads of glass; 3 – bronze spiral twisted strings; 4 – fabric; 5 – blue bead of glass; 6 – bronze pendants (2 pcs); 7 – bronze button; 8 – iron chainmail piece (head dress?); 9 – iron cordate onlay.

гильник, погр. 1, 17, 20, 30) (Генинг, 1963, с. 100, 109, 117–119, 124, 125, табл. XXIII-2, рис. 48, 56, 64, 68). Находки крупных халцедоновых бусин известны на могильнике Тюм-Тюм, однако нельзя однозначно утверждать об их принадлежности к мечам (Ошибкина, 2010, с.48–49).

Как и на других памятниках Среднего Прикамья этого времени, на Дубровском могильнике найдены бронзовые **височные подвески** мазунинского типа, с нанизанными на

стержень бусинами. Общее количество височных подвесок, найденных на памятнике, составляет около 114 (цифра неточная, в связи с плохой сохранностью некоторых экземпляров). Они происходят из 46 могил (26% от 174) и принадлежали 49 погребенным: 24 (49%) женщинам, двум (4%) мужчинам и 23 (47%) костякам с неопределенным полом. В могилу укладывали от 1 до 4 височных подвесок. В силу особенностей их применения, височные подвески часто встречались

Таблица 6

Дубровский могильник. Височные подвески с напускными бусинами

№ п/п	№ погр.	Пол	Возраст	Всего височных подвесок в погребении	Из них с бусинами	Количество бусин на височной подвеске
1	5	ж	25-35	2	1	1
2	7	н/о	12-20	4	1	1
3	10	ж	25-35	4	1	1
4	45	ж	45-55	1	1	1
5	55	ж	25-30	3	1	1
6	63	н/о	н/о	2	1	1
7	68	н/о	до 18-20	4	1	1
8	71	ж	старше 55	2	2	1
9	77Б	м?	20-25	4	1	1
10	85	н/о	старше 35	3	3	1
11	107	ж	30-35	2	2	1

в количестве двух экземпляров (23 случая, 47%). Кроме того, по 4 подвески зафиксировано в 9 погребениях (18%), по 1 – в 10 случаях (20%), по 3 височных украшения – 5 случаев (10%); в 2 случаях (5%) количество подвесок установить не удалось. Височные подвески, как правило, находились в составе подарочного набора (37 случаев, 76%). В восьми захоронениях они были расположены в области головы (16%), в трех – между бедренных костей (6%) и в одном случае их местоположение не определено (2%).

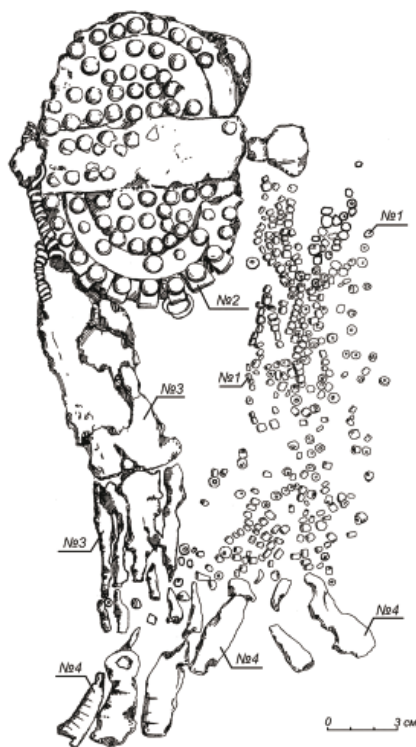
Височные подвески с бусинами сопровождали 11 погребенных (табл. 6; 22% от 49): шестерых женщин зрелого возраста (25–55 лет), одного мужчину (20–25 лет) и четырех погребенных с неопределенным полом (12–35 лет). В этих могилах всего найдена 31 височная подвеска, из них бусинами было украшено 15. Причем характерно, что в большинстве погребений встречено только по одной височной подвеске с бусиной. Такие бусины были достаточно крупными (диаметр 14–17 мм) и изготовлены из

оливкового слабого (тип IVA24; рис. 1), зеленого (тип VIIIA1), сине-фиолетового (тип IVA16) или черного стекла (тип VIIIA13). Аналогичные типы бус были обнаружены и в мужских погребениях на поясах и рядом с ножами или мечами. По-видимому, такие экземпляры были наиболее пригодны для нанизывания на металлический прут височной подвески, на темляк ножа или кожаный шнурок пояса.

Резюмируя сказанное, приходим к следующим важным выводам, касающимся встречаемости бус в Дубровском могильнике. Можно считать бусы одной из наиболее популярных категорий сопровождающего инвентаря. Они обнаружены в каждом третьем погребении, из которых треть могил являются женскими, одна пятая часть – мужскими, у половины – пол не определен (из них семь захоронений являются детскими (12,5%). В коллекции доминирует зонный или цилиндрический бисер диаметром 3–5 мм бирюзового, синего и желтого цветов (типы IA8, IA32, IA59, IA7 и др.), изготовленный серийным способом производства – путем членения

а

б

Рис. 4. Дубровский могильник. Нагрудное украшение из погребения 98В (а) и его прорисовка (б): 1 – бисер (485 экз.); 2 – фибула с железной основой и бронзовыми украшениями; 3 – железные пронизки (7 экз.); 4 – железные подвески-колокольчики (7 экз.).

Fig. 4. Dubrovskiy burial ground. Chest garment from grave 98B (a) and its drawing (b): 1 – small beads (485 pcs); 2 – fibula with iron basis and bronze decoration; 3 – iron bead strings (7 pcs); 4 – iron bell-shaped pendants (7 pcs).

тянутой стеклянной трубочки. Немногочисленны по количеству, но часто встречаются в погребениях крупные бусы из бесцветного (тип IVA24) или зеленого разных оттенков (тип VIIA1) стекла.

Как правило, в могилах обнаруживалось от 1 до 3 бусин (58% погребений). Однако весома и доля погребений, содержащих скопления бус свыше сотни экземпляров (18%). Это наблюдение коррелирует с находками женских головных уборов, часто

декорированных бисером. Бисер в головном уборе мог быть как самостоятельным украшением в виде низки, пришитавшейся в один или два ряда по нижнему краю налобной ленты (например, погр. 86), так и дополнением к бронзовым деталям (например, погр. 41А, 63, 93, 99). Можно высказать предположение, что за разными видами головных уборов скрыты половозрастные различия погребенных, но количество наблюдений пока явно не достаточно для уверенных сужде-

ний. Отметим, что ленты, украшенные бронзовыми деталями и бисером, носили, по-видимому, молодые девушки, а шапочки с бронзовыми украшениями, бусами и сеточками-накосяниками, скорее всего, являлись частью костюма зрелой женщины (например, Красноперов, 2006, с. 64; Широкова, 2013, с. 202–203; Голдина, 2015а, с. 54). Уникальна находка нагрудного украшения, состоявшего из бабочковидной фибулы, спиралевидных пронизок с подвесками-колокольчиками на концах и низок синего, зеленого и желтого бисера. В отличие от мужских, для женских могил характерно помещение бус и бисера в подарочные наборы – берестяные контейнеры с разнообразным инвентарем.

Крупные бусины (типы IVA24, VIIIA1 и др.) нанизывали на стерженьки височных подвесок. На данном памятнике височные подвески, украшенные всегда одной бусиной, обнаружены, как правило, в женских захоронениях в составе подарочного набора или головного убора.

Находки ножей с бусинами (типы IVA24, VIIIA1 и др.) зафиксированы не только в захоронениях мужчин, но и женщин зрелого возраста (25–45 лет). Крупные бусины, входившие в состав ремней, на которые привешивали мечи и ножи, могли выполнять как практическую роль (фиксатор ножен/ограничитель движения меча по портупейному ремню, закрепитель узлов на ремешках, темлячная подвеска), так и функцию оберега. Традиция применения бусин в оформлении предметов вооружения (прежде всего мечей), прослеживаемая на широкой территории от Китая до Запад-

ной Европы в течение многих веков, скорее всего, не может быть присуща какой-то определенной этнической группе и связана с так называемым вертикальным способом крепления меча воина-всадника. Возможно, традиция привешивания бусины к ножу возникла у прикамских народов под влиянием степной моды (III в. н.э.), а позднее мечи с халцедоновыми дисками-навершиями и крупными бусинами были принесены воинами-всадниками, появившимися в Прикамье в уже сложившейся экипировке во второй половине IV в. н.э. из юго-западных районов Евразии.

Таким образом, по характеру наборов бус Дубровский могильник – типичный памятник мазунинского этапа чегандинской культуры пьяноборской КИО. Схожесть при этом прослеживается не только по морфо-технологическим параметрам бус (доминирование бирюзового стеклянного бисера, изготовленного методом разрезания тянутой трубочки; доля бус, выполненных из тянутой палочки, не превышает 10% и др.), но и по способам их использования. Так, в женском костюме бусы и бисер использовались в качестве украшений головного убора, пояса, височных подвесок. Использование бус мужчинами носило однотипный характер. Крупные бусины применялись ими в качестве темлячной подвески ножа и (или) меча, а также в составе портупейного ремня. Спецификой данного памятника является широкое распространение женских головных уборов, украшенных бронзовыми деталями и бисером, и полное отсутствие декорированных бус.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Быкова Н.В., Казанцева О.А.* Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I–V веков в бассейне реки Камы // Вестник Пермского университета. История. 2012. Выпуск 1 (18). С. 93–104.
2. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. // Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / ВАУ. Вып. 5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск-Ижевск, 1963. 195 с.
3. *Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.
4. *Голдина Е.В.* Бусы в женских погребениях Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Вестник Пермского университета. История. 2015а. Вып. 1 (28). С. 53–69.
5. *Голдина Е.В.* Бусы в мужских погребениях Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // КЛИО. №1 (97). СПб: Издательство «Полторак», 2015. С. 174–181.
6. *Голдина Е.В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) // Материалы и исследования КВАЭ. Т. 6. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. 264 с.
7. *Голдина Е.В., Литина Л.И.* Бусы в захоронениях воинов (по материалам Тарасовского могильника) // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. Самара, 2015. № 3. С. 287–294.
8. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // Материалы и исследования КВАЭ. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
9. *Красноперов А.А.* Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.). Дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
10. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
11. *Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–IV вв. // Материалы охранных исследований. Т.13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.
12. *Широбокова Ю.А.* Головные уборы как индикатор пола и возраста погребенных в Дубровском могильнике IV–V вв. // XLV Урало-Поволжская конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2013 г.): тез. докл. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. С. 201–203.

Информация об авторах:

Голдина Екатерина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); goldina66@yandex.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

**BEADS OF THE DUBROVSKIY BURIAL GROUND (4TH–5TH CENTURIES A.D.) IN
THE MIDDLE KAMA REGION: CLASSIFICATION AND USE**

E.V. Goldina, E.M. Chernykh

The article introduces the results of the study of beads originating from Dubrovskiy burial ground – one of the new sites of the Mazunino time in the Middle Kama region. The collection of beads from the Dubrovskiy burial ground contained 3018 beads, and 2992 of them were used for classification and divided into 32 types. The authors offer descriptions of beads and the findings of the quantitative analysis of their frequency in graves, as well as their location related to the buried body. Specific uses of beads by male and female groups of the paleopopulation who left this necropolis is considered. The beads are found almost in every third burial. While more than half of them contained 1–3 beads, almost one fifth of the burials had more than a hundred beads. The big number of beads, as a rule, is associated with female head dresses, which were decorated by 1–2 rows of bead strings along the lower trim, or where beads were combined with metal elements. Apparently, different types of headdress reflect the gender and age of the buried. In addition, the beads were often used in temple pendants, which were part of a gift set or a headdress. Large beads were included in belt set of swords and (or) knives, with a number of knives found not only in the graves of men but also women of mature age (25–45 years).

Keywords: archaeology, Middle Kama region, 3rd – 5th centuries, beads, classification, male and female sets of beads, headdress, temple pendants with beads, belt pendants

REFERENCES

1. Bykova, N. V., Kazantseva, O. A. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)* 18 (1), 93–104 (in Russian).
2. Gening, V. F. 1963. In Medvedev A. F. (ed.). *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azelino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 5. Izhevsk (in Russian).
3. Gening, V. F. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 55–108 (in Russian).
4. Goldina, E. V. 2015. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriia (Bulletin of the Perm University: History Series)*. 28 (1), 53–69 (in Russian).
5. Goldina, E. V. 2015. In *Klio (Klio)*, 97 (1). 174–181 (in Russian).
6. Goldina, E. V. 2010. In *Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition)* 6. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
7. Goldina, E. V., Lipina, L. I. 2015. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 17, no. 3, 287–294 (in Russian).
8. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

The publication was prepared within the framework of a research project supported by the Russian Foundation for Humanities № 15-11-18003/16

9. Krasnopeorov, A. A. 2006. *Kostium naseleniia chegandinskoi kul'tury v Prikam'e (II v. do n.e. – V v. n.e.) (Costume of Residents of the Cheganda Culture in the Kama River Basin (2nd Century BC – 5th Century AD))*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).

10. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd– 5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

11. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tyum-Tyum (Vyatka River Antiquities: Tyum-Tyum Burial Ground)*. Series: Materialy okhrannykh issledovani (Materials of Rescue Studies) 13. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

12. Shirobokova, Yu. A. 2013. In *XLV Uralo-Povolzhskaya konferentsiia studentov i molodykh uchenykh (45th Conference of Students and Young Scientists from the Ural and Volga Regions)*. Izhevsk: Udmurt University Press, 201–203 (in Russian).

About the Authors:

Goldina Ekaterina V., Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; goldina66@yandex.ru

Chernykh Elizaveta M., Candidate of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 27.06.2016 г.

УДК 903.02

НАБОРНЫЕ ПОЯСА ИЗ КУЗЕБАЕВСКОГО КЛАДА VII ВЕКА

© 2017 г. Т.И. Останина

Статья посвящена описанию и анализу наборных поясов, входящих в состав Кузубаевского клада VII в., обнаруженного на юге Удмуртии в 2004 г. Клад оставлен ремесленником-ювелиром из Согда (Хорезма?). Поясная гарнитура принадлежала двум поясам полихромного стиля, выполненным задолго до сокрытия клада (в VI – начале VII в.). Исследование выявило, что они, вероятно, были отданы мастеру-ювелиру для ремонта и представляли для их владельца ценную реликвию. Приводятся аналоги подобных находок в степях Евразии, а также данные археологии и письменных источников, определяющие социальное значение поясов в эпоху раннего средневековья. На основе археологических данных и изображений настенной живописи из раскопок в Средней Азии автором предпринята попытка реконструкции поясов из Кузубаевского клада.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Удмуртия, раннее средневековье, Кузубаевский клад, наборные пояса, реконструкция.

Статья является логическим продолжением публикации автора, вышедшей в одном из выпусков журнала «Поволжская археология» (Останина, 2014, с. 114–135). Если предыдущая работа была посвящена итогам изучения мазунинской культуры (III–V вв.) в Среднем Прикамье, то данное исследование освещает один из элементов материальной культуры эпохи Великого переселения народов – наборные пояса, найденные на той же территории в VII в.

В последнее время появилось значительное число работ, посвященных поясной гарнитуре I тысячелетия н.э. Для памятников культур территории Среднего Прикамья разработаны также реконструкции поясов (Р.Д. Голдина, М.Г. Иванова, А.Г. Иванов, Т.И. Останина, Н.И. Шутова и т.д.). Сделаны они согласно расположению находок элементов, в основном женских поясов, в погребениях неволинской, ломоватовской, мазунинской, полумской, чепецкой культур,

оставленных финно-пермским населением. Обычно авторами приводятся только их графические рисунки, описанию же деталей конкретного пояса не уделяется должного внимания. В Национальном музее Удмуртской Республики им. Кузубая Герда хранится клад VII в., в состав которого входят остатки двух наборных поясов, имеющих истоки в степях Евразии от Алтая до Северного Причерноморья, где пока отсутствуют реконструкции поясов, за исключением конской упряжи с аналогичными накладками-бляшками (Засецкая и др., 2009, с. 60–82, рис. 21, 27). Автор статьи поставил цель – восполнить данный пробел в исследовании поясов времени существования I Тюркского каганата. Для ее достижения были поставлены задачи: описать все возможные элементы ремней; найти аналогии подобных поясов в изображениях настенной живописи Средней Азии этого времени; выполнить цветную реконструкцию поясов.

Обратимся к материалам Кузубаевского клада, обнаруженного в 2004 г. около д. Кузубаево Алнашского района Удмуртии, в 10 км от правого берега р. Камы, условно названный нами «клад ремесленника-ювелира», так как в его состав входят предметы, связанные с ювелирным делом (Останина и др., 2011). Они представлены коллекцией инструментов, имеющих довольно редкое хождение в подобном составе, а именно молотки для разных видов ювелирных работ, наковальни, в том числе двурога (шперак), напильники, резец, зубило, ножницы по металлу, льячки. В собрании клада входит значительное число разных категорий предметов, сопутствующих ювелирному делу (слитки меди, бронзы, латуни разных размеров, детали будущих предметов, обрезки от изготовления изделий, бракованные предметы, металлический лом и т.д.). Выделяется группа, названная нами предметами «представительского» типа, которые определяют этническую и культурную принадлежность мастера (монеты среднеазиатской чеканки, накладка-оттиск бухарской монеты V–VII вв., подвески и пряжка зооморфного и антропоморфного типов, печать с изображением музыканта). Тематика изображений, высокое мастерство ювелира имеют самые близкие аналогии в культурах среднеазиатского происхождения V–VII вв. (Согд или Хорезм).

Весь набор предметов (всего найдено 1053 экз.) свидетельствует в пользу того, что владелец артефактов был ювелиром «широкого профиля», обладающим всеми известными для того времени техниками ювелирного дела (литье, в том числе литье по ма-

стер-моделям, штамповка, тиснение, позолота, серебрение, зернь и т.д.).

Мастер специализировался в основном на изготовлении элементов поясной гарнитуры (поясных накладок, пряжек, наконечников ремня), выполненных в известном среди исследователей стиле под названием «геральдического», столь характерном для второй половины I тысячелетия.

Исследования, проведенные нами ранее, позволяют отнести сокрытие клада к третьей четверти VII в. (Останина и др., 2011, с. 92). В число находок из клада вошли элементы двух наборных поясов, которые были популярны в V–VI вв. (Засецкая и др., 2007, с. 90), второй трети VI – начала VII в. (Амброз, 1986а, с. 69).

Поясные наборы состоят из поясных накладок крупных размеров с остатками кожаного ремня бордово-коричневого цвета шириной 3,0–3,4 см, пряжки и наконечника ремня. Поясные накладки однотипны по технике изготовления с использованием позолоты, зерни и стеклянных кабошонов. Разница наблюдается лишь в форме основы поясных накладок, выполненной из свинцово-оловянной латуни.¹

Первый набор. На двух крупных кусках кожи от ремня шириной 3,0 см закреплено 4 поясных накладки (всего было 7 поясных накладок и 12 кусочков кожи) прямоугольной, с округленными углами, формы (рис. 1: 1–5). Все они однотипны по своей конструкции и представляют собой латунную пластину размером 3,5 × 1,5 см, украшен-

¹ Определение состава металла выполнено в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН.

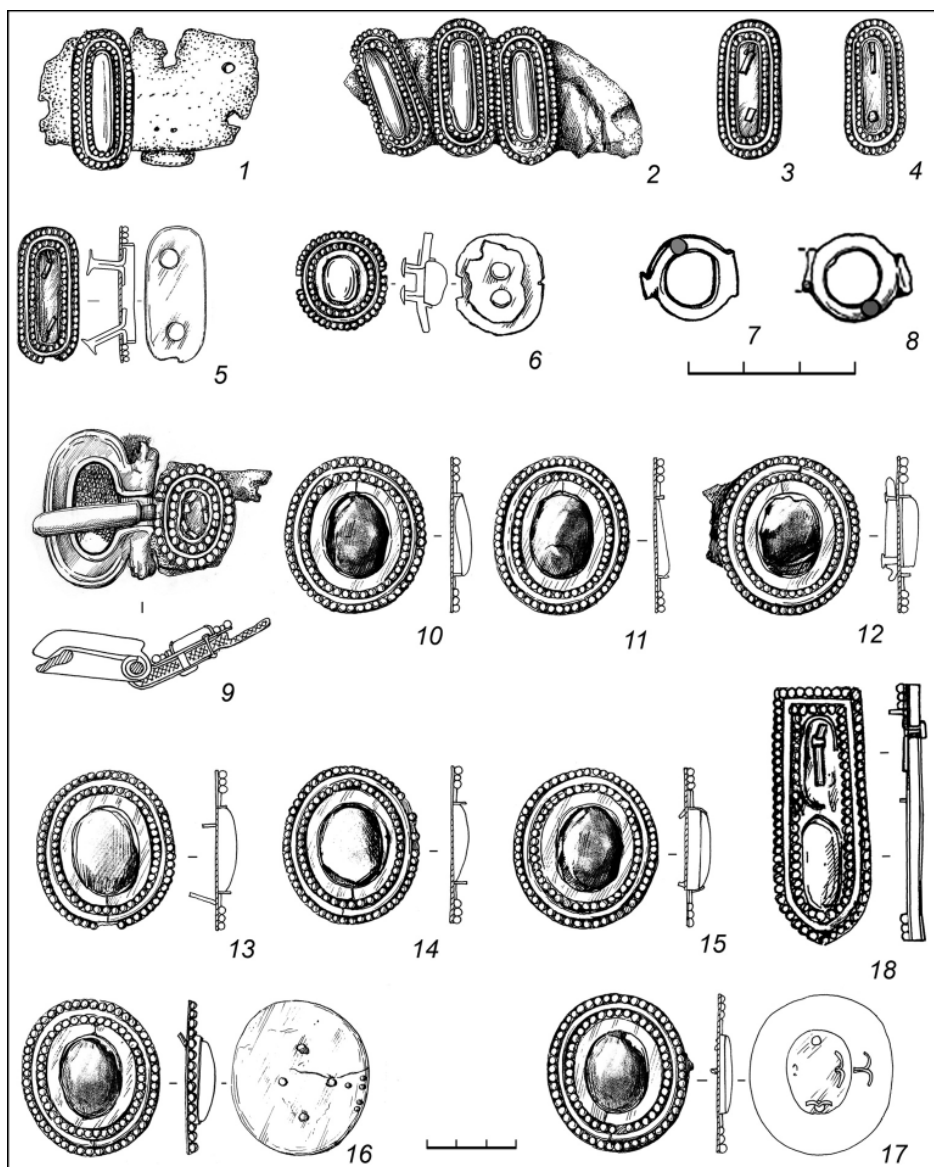

Рис. 1. Кузубаевский клад. Детали поясов: 1–5 – накладки пояса № 1, 6 – щиток пряжки, 7–8 – колечки, 9 – пряжка, 10–17 – накладки пояса № 2, 18 – наконечник ремня.

1–2, 9, 12 – латунь, кожа; 3–5, 18 – латунь; 6, 10–17 – латунь, стекло; 7–8 – бронза.

Fig. 1. Kuzebaevskiy hoard. Elements of belts: 1–5 – onlays of belt no. 1, 6 – buckle shield, 7–8 – rings, 9 – buckle, 10–17 – onlays of belt no. 2, 18 – belt tip. 1–2, 9, 12 – brass, leather; 3–5, 18 – brass; 6, 10–17 – brass, glass; 7–8 – bronze.

ную двумя рядами одинаковой по размерам мелкой зерни и рядом загнутой в овал проволоки между ними. Все внешние металлические детали покрыты позолотой (золочение амаль-

гамой). В центральной части, в касте, закреплен кабошон удлиненно-овальной формы (у трех накладок он отсутствует, рис 1: 3–5). Стекло кабошона было бесцветное, но серебрение (вы-

явлено после реставрации) под ним создавало иллюзию матовости стекла (цвет полудрагоценного камня: агата, халцедона). Вес поясных накладок колебался в пределах 4,95–7,25 г, их общий вес равен 41,5 г. Разница в весе связана с наличием или отсутствием в касте кабошона. Вес накладки полной формы был равен 7,0–7,25 г. Закреплялись накладки с помощью двух крепежных петель с «усиками», продетых через пробитые отверстия под кабошоном, проходящих через кожу ремня (рис. 1: 5). Внешний конец петля расплющен и посеребрен. Основой ремня, на которую закреплялись накладки данного набора, является загнутый вдвое кусок недубленной кожи. Стык кожи при ее загибе находился посередине длинной внутренней части ремня, искусно сшитой толстой суровой нитью так, что шов не был виден. По определению В.П. Голикова, полоса кожи была сложена бахтармой друг другу. Лицевая поверхность кожи была чем-то обработана. Комплексное экспериментальное исследование кожи из клада, проведенное Центром исторических и традиционных технологий Института Наследия, выявило, что это были «темные глинистые продукты, которые придавали местам на коже, где они присутствовали, темный и гладкий вид, что создавало впечатление специфической обработки лицевой поверхности кожаных фрагментов».²

² Выражаем искреннюю благодарность заведующему Центром исторических и традиционных технологий Института Наследия, кандидату биологических наук В.П. Голикову за проведенное им исследование находок кожи из Кузубаевского клада.

На одном куске кожи, между накладками (от второй накладки на коже зафиксированы лишь отверстия от крепежных петель), обнаружена кожаная петля шириной 1,3 см. Она вставлена в разрез сгиба кожи и закреплена швом из тонкой кожаной полоски. Петля выступает за пределы ремня на 0,4 см (рис. 1: 1). Она служила для крепления портупей кинжала и (или) меча. К первому поясному набору, на наш взгляд, относится объемный **наконечник ремня** в виде коробочки (рис. 1: 18). Он представляет собой две параллельные пластины, выполненные из латуни прямоугольной формы с округлением внизу, которые припаяны к боковым стенкам-пластинкам, создающим емкость глубиной 4 мм. Сюда вставлялся конец кожаного ремня шириной 1,4 см. Длина наконечника равна 4,5 см при ширине 1,5 см. Лицевая сторона украшена двумя рядами одинаковой по размерам мелкой зерни и линией тонкой проволоки между ними. В центральном поле – остатки двух каст овальной формы для кабошонов. Хорошо сохранился каст только у основания наконечника ремня. Вся поверхность, в том числе под кабошонами, была позолочена амальгамой. Крепежное устройство-петля с двумя «усиками» находилось ближе к основанию наконечника ремня. Оно выходило через кожу ремня на поверхность задней пластинки коробочки и расклепывалось. Тем самым происходило крепление кожи поясного ремня к наконечнику ремня.

Оборотная сторона наконечника – плоская. Следует заметить, что узор и размеры его элементов на лицевой стороне наконечника копируют рисунков вышеописанных поясных накладок из Кузубаевского клада. Одинаково-

вы и некоторые элементы размеров: ширина накладок равна ширине наконечника ремня. Наконечники подобного типа («коробочка»), как считают исследователи, распространены территориально весьма широко (от Центральной Европы до Южной Сибири). В коллекции клада он отражает один из локальных вариантов данного типа, выраженный в наличии украшения лицевой пластины зернью, кабошонами, позолотой (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 35; Гавритухин, Иванов, 1999, с. 114).

Второй набор. На кожаном ремне шириной 3,1–3,4 см (остались только отдельные фрагменты кожаного ремня рис. 1: 12) имелось 8 одинаковых крупных поясных накладок овальной формы (рис. 1: 10–17). Размер основы-пластины всех накладок почти одинаков и был равен 5,5–5,6 × 4,7–4,9 см. Ее орнаментальный узор аналогичен первому поясному набору. Следует лишь отметить на поясных накладках этого набора наличие узкой пластины («плоского кольца») между кастом и внутренним рядом зерни, а также большие размеры зерни (диаметр 2,0–2,5 мм) и дрота-проволоки (диаметр 2,5 мм). В период реставрации³ на дне каста всех накладок было выявлено серебрение. При ремонте, выполненном в древности (замена 4-х стеклянных кабошонов), для подъема относительно плоского стекла на более высокий уровень, а также для его крепления на дно каста был уложен толстый (3–4 мм) слой клея на меловой основе. Клей под стеклом кабошона так же, как и серебрение,

создавал иллюзию полудрагоценного камня (агата, халцедона).

Крепление всех накладок набора осуществлялось с помощью крепежных петель с «усиками», которые продевались через 4 отверстия в пластине-основе накладок и кожу ремня, затем были расплющены и посеребрены на внешнем конце (рис. 1: 12). Наличие следов ремонта на одной из накладок (закреплена трещина основы, заменены потерянные шарики зерни; рис. 1: 16) свидетельствует в пользу того, что данный поясной набор был дорог его владельцу. Он мог быть личным поясом мастера, но работы по его изготовлению и ремонту делались руками двух ювелиров. Первый хорошо знал технику зерни, позолоты и серебрения, прекрасно умел формировать объемные стеклянные кабошоны. А второй мастер заменил потерянные стеклянные вставки некачественно выполненными кабошонами (тонкие, неровные, они не совпадают с размером каста), вместо зерни в пробитые отверстия вставил отлитые шарики с ножками-шпешками.

Подобной формы, конструкции, орнамента, техники исполнения овальные бляшки (медальоны) в последнее время были выявлены на широкой территории степной полосы Евразии – от Алтая до Северного Причерноморья.

В настоящее время в науке достаточно много известно археологических комплексов с подобными находками: погребение в Бома на территории Синьцзяня, катакомбное погребение в долине реки Шамси, могильники Бурмачап, Тунок, Аламышик в Киргизии, погребение у оз. Боровое и ряд склепов Борижарского могильника в Казахстане, два погребения на

³ Реставрация поясных наборов была выполнена в 2010 г. реставратором высшей категории В.А. Михеевым.

р. Морской Чулек в Северном Причерноморье (Кубарев, 2010, с. 30–31). Изделия, судя по месту находки в погребении, украшали в основном уздечный набор и (или) переднюю луку седла. Делались они из золота и серебра, реже из бронзы. Они были меньших размеров (например, $2,8 \times 2,4$ см из погребения на р. Морской Чулек) (Засецкая и др., 2007, с. 80), чем накладки из Кузубаевского клада. По всем параметрам (размеры, рисунок, материал) накладки второго поясного набора клада наиболее близки к находкам из погребений в Шамси (Засецкая и др., 2007, рис. 29: 6). Здесь, как в нашем случае, они были выполнены из цветного сплава (латунь, бронза) и стекла. По мнению И.П. Засецкой и И.Р. Ахмедова, бляшки-медальоны являются продукцией ювелирных мастерских центральноазиатского происхождения, хотя авторы в момент написания монографии не могли определить более точно место их изготовления (Засецкая и др., 2007, с. 80). В 2009 г. в Юго-Восточном Алтае на памятнике археологии Аржан-Бугузун обнаружена коллекция бляшек от уздечного набора и медальон, выполненные в полихромном стиле. Бронзовые овальной и прямоугольной формы бляшки были украшены рядами зерни, а вставками служили халцедон и сердолик, происходящие из территории Монголии (Кубарев, 2010, с. 28). Исследователь коллекции Г.В. Кубарев приходит к мысли, что подобные украшения принадлежали тюркской знати. В «смутный» период истории Евразийской степной зоны (вторая половина V в. – начало VI в.) вместе с кочевниками они оказались на Западе (Кубарев, 2010, с. 31).

В период существования I Тюркского каганата и сбруя, и традиционный наборный пояс кочевника имели накладки одного и того же типа. Широкий пояс стал украшаться полихромными накладками, но большими по своим размерам, чем в более раннее время (украшение конского снаряжения перешло на украшение наборного пояса) (Распопова, 1980, с. 95).

В состав второго поясного набора, по нашему мнению, входила и единственная в кладах щитковая рамчатая **пряжка** больших размеров, соответствующих размерам поясных накладок, а именно, $5,6 \times 6,5$ см (высота пряжки соответствовала высоте накладок второго поясного набора), а ее щиток размером $3,5 \times 3,0$ см выполнен в стиле оформления вышеописанных накладок обоих поясных наборов с использованием позолоты, зерни, проволоки и кабошона (от кабошона сохранился только каст; рис. 1: 9). Зернь щитка по размерам идентична зерни поясных накладок второго набора (диаметр 2,5 мм). Все металлические части пряжки были также покрыты позолотой. Рамка-приемник овальной формы с выступами у основания имеет выпукло-вогнутое сечение, язычок цельнолитый хоботковидной формы, имеющий в сечении треугольник. Относительно малые размеры щитка (по сравнению с накладками) привели к уменьшению числа крепежных петель с «усиками» до трех экземпляров. Подобная форма и украшение щитка наблюдается и на пряжках от уздечного набора из Аржан-Бугузун (Кубарев, 2010, рис. 1: 19, 21) и погребения из Шамси (Засецкая и др., 2007, рис. 30: 1–3).

Данную пряжку мы относим к пряжкам с овальным приемником и

полихромным щитком. В основании рамки – выступы и выемки. Отдельные элементы выступов напоминают изображение животного (голова зверя?). Возможно, при отливке потерялась четкость изображения или мастер имел непонятные для него некачественно выполненные образцы, напоминающие головы животных. На обороте пряжки зафиксированы кусочек кожи темно-коричневого (бордового?) цвета и фрагмент ткани (от мешковины).

Остатки кожаного ремня второго поясного набора также были изучены В.П. Голиковым. Их технико-технологическое исследование дали те же характеристики, что и кожа от первого поясного набора. Истоки же изготовления кожаного ремешка (стык по середине одной из длинных сторон) можно найти в более ранних памятниках – памирских сакских курганах (Литвинский, 1972, с. 53).

Итак, выделенные нами два поясных набора относятся к группе наборных поясов, представляющих собой кожаный ремень, украшенный поясными накладками (бляшками), наконечником ремня и пряжкой для крепления. Изучение подобных поясов и их элементов происходит довольно длительное время и на большой территории. Чаще всего на пояса обращали внимание в связи с исследованием памятников разных археологических культур, оружия (мечи, кинжалы) (Хазанов, 1971; Амброз, 1986, с. 28–35; 1986а, с. 53–73; Мотов, 1998, с. 425)), предметов искусства (живописи, наскальных рисунков), металлической посуды (Распопова, 1980; Даркевич, 2010), вопросов хронологии (Амброз, 1971; Ковалевская, 1979). Это далеко не полный список работ, посвящен-

ных подобным поясам. Исследователи раннесредневековых памятников Евразии пришли к единому мнению о значении наборных поясов, которые не только имели утилитарное назначение, но и определяли социальный статус владельца, его ранг (личный знак), имели ритуальное и сакральное назначение. Ношение поясов регулировалось государством. Так, византийский историк-писатель Прокопий Кесарийский (VI в.) сообщает: «В Персии не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не пожаловано царем» (по: Распопова, 1980, с. 107). Рунические эпитафии, китайские письменные источники, археологические данные свидетельствуют о том, что в определении ранга воина, аристократа имеет значение металл поясных накладок, их форма, размеры и их количество на ремне. Учитывалась величина пряжки и ее декор (Зеленцова, Сапрыкина, 2013, с. 86). Как отмечает В.И. Распопова: «На живописи Пенджикента знатные мужчины всегда опоясаны желтым поясом» (Распопова, 1980, с. 57), что означает золотой пояс. Венгерский ученый Д. Ласло, анализируя погребения аварских могильников, установил, что рангу воина соответствовал определенный металл поясных накладок (золото, серебро с золочением, бронза с серебрением, бронза). В Пенджикенте, за редким исключением, накладки-бляшки были изготовлены в основном из бронзы. Но и здесь были накладки с серебряной или золотой фольгой (Распопова, 1980, с. 107). Анализируя погребения тюрок Саяно-Алтая, Н.Н. Серегин выделил три социально-типологические модели погребений элиты. В каждой

из них присутствовал наборный пояс из драгоценных металлов (Серегин, 2013, с. 76–77). Металлические элементы поясов, украшенные золотой фольгой, обнаружены в кыргызских памятниках. Это дает возможность судить об особом значении золотистого цвета деталей пояса у средневековых жителей степей Евразии. Их хранили и передавали по наследству, поэтому в Кузубаевском кладе третьей четверти VII в. оказалось два поясных набора, сделанных намного ранее (вторая половина VI в., возможно, начало VII в.). Пояса попали к ремесленнику-ювелиру, приехавшему на территорию Среднего Прикамья, для ремонта (вставить кабошоны в поясные накладки, в щиток пряжки, наконечник ремня, закрепить поясную накладку и зернь на ней, добавить недостающие детали). Их появление в Средней Азии связано с I Тюркским каганатом.

Имея довольно большой набор деталей поясной гарнитуры, попытаемся выполнить реконструкцию двух поясов. В этом нам могут помочь многочисленные изображения в настенной живописи на юге Средней Азии, прежде всего в Пенджикенте, и на восточных металлических блюдах.

Пояс № 1 (рис. 2) состоял из кожаного ремня шириной 3,0 см, представляющего сложенную вдвое полосу кожи, бахтармой друг к другу. Бахтарма состоит из чистого протеина – коллагена (характерный компонент любой кожи). На коже, вокруг отверстия от петли накладки, при исследовании были найдены темные глинистые продукты, которые придавали коже темный и гладкий вид. Это создавало впечатление специфической обработки лицевой поверхности кожи и придавало ей коричнево-бордовый цвет.

Завершался кожаный ремень наконечником (рис. 1: 18), надетым на более узкий кусок кожи, равный по ширине 1,3 см. Он вместе с металлическим наконечником составлял единое целое. Подобные наконечники (часть зауженной кожи с металлическим наконечником) можно наблюдать на росписи восточной стены помещения 10 объекта XVI Пенджикента (рис. 4: 1). Судя по изображениям поясов (все с кинжалами) Пенджикента, в основном у пояса украшалась накладками его левая часть (рис. 4, 5). Исходя из этого и по нахождению накладок на коже, обнаруженных в кладе, нами было определено их расположение на поясе: на левой стороне (от владельца) находилось 4 накладки, на правой – три (рис. 2). Судя по куску кожи (рис. 1: 1), между двумя накладками было пространство (около 1,6 см). Здесь в нижней части пояса находилась кожаная петля шириной 1,4 см. Она выходила за край пояса на 0,4 см. Петля была вставлена в разрез нижнего края пояса и закреплена толстой ниткой (очертания их четко сохранились на коже). Остальные накладки располагались впритык друг к другу. На левой стороне, после четвертой накладки, можно предположить нахождение подобной же кожаной петли для портупей ножен кинжала. Кинжалы, судя по живописи, – непременная принадлежность костюма как аристократов, так и купцов (Распопова, 1980, с. 79). Кинжалы в ножнах подвешивались к поясу слева в горизонтальном положении за два боковых выступа (рис. 4, 5). Как подметил А.К. Амброз, носились они у самого пояса и имели распространение с конца V в. (Амброз, 1986, с. 32). Подвеска осуществлялась на два узких ремешка,

Рис. 2. Кузубаевский клад. Реконструкция пояса № 1 с прямоугольными с закруглением на углах накладками. Автор реконструкции д.и.н. Т.И. Останина, дизайнеры Г.Ф. Ушакова, Н.Ф. Гафурова.

Fig. 2. Kuzebaev hoard. Reconstruction of belt no. 1 with rectangular onlays with rounded corners. Reconstructed by Doctor of Historical Sciences T.I. Ostanina, designed by G.F. Ushakova, N.F. Gafurova.

которые крепились внизу на боковые выступы ножен кинжала, а верхними концами – к поясу. На поясе, где петля для крепления узкого ремешка портупей имела небольшую ширину, его крепление через данную петлю было проблематично. Требовались своеобразные переходники большего размера. Ими могли быть колечки, которые найдены в кладе. Их отсутствие на поясе, возможно, связано с потерей. Мастер-ремесленник для ремонта пояса отлил из бронзы два одинаковых колечка (рис. 1: 7–8) диаметром 1,6 см (внутренний диаметр равен 1,0 см), но не успел убрать остатки литников.

Обязательной частью наборных поясов являлись пряжки, которые по размерам должны соответствовать ширине кожаного ремня, размерам поясных накладок и стилю их оформления. К сожалению, пряжки, соответствующей размерам нашего пояса,

в составе кладе не обнаружено. По наличию пряжки полихромного стиля, с соответствующим декором (рис. 1: 9), можно предположить подобную конструкцию пряжек и поясного набора № 1, но указанная пряжка отличается большими размерами, чем поясные накладки. Ближе по оформлению данных накладок два щитка от пряжек, размером 2,5 × 2,2 см (рис. 1: 6). Аналогичен декор и техника исполнения (позолота, серебрение концов двух петель, зернь). Одинаковые размеры зерни щитков и поясных накладок, цвет стеклянных кабошонов (матовый).

Пояс № 2 представлен восьмью поясными накладками овальной формы и пряжкой, выполненными в полихромном стиле, имеющих одинаковый декор. Ширина ремня, судя по фрагменту кожи под одной из накладок (рис. 1: 12) и отсутствию позолоты

Рис. 3. Кузубаевский клад. Реконструкция пояса № 2 с овальными накладками. Автор реконструкции д.и.н. Т.И. Останина, дизайнеры Г.Ф. Ушакова, Н.Ф. Гафурова.

Fig. 3. Kuzubaevho hoard. Reconstruction of belt no. 2 with oval onlays. Reconstructed by Doctor of Historical Sciences T.I. Ostanina, designed by G.F. Ushakova, N.F. Gafurova.

на оборотной стороне всех накладок (вследствие потертости от регулярного пользования поясом), равняется 3,1–3,4 см. Кожаный ремень был намного уже высоты накладок, что можно наблюдать на одном из рисунков на южной стене помещения 1 объекта VI Пенджикента, изображающих сражение воинов (рис. 7). Пояс был украшен крупными, круглой формы, бляшками с рисунком в виде розеток. Такие бляшки изображены на ножнах меча воина. Более простые, но также круглой формы есть на узком ремне другого воина с копьем (рис. 7; по: Распопова, 1980, рис. 57). Попытаемся реконструировать указанный наборный пояс (рис. 3). На кожаный ремень темно-коричневого (цвета глины) с помощью крепежных петель закреплены поясные накладки: по четыре с каждой стороны пряжки. Если высота накладок больше на

2,0 см ширины кожаного ремня, то найденная в кладе пряжка (рис 1: 9) имеет приемник, равный им по высоте (5,6 см), а высота щитка равна ширине пояса (3,4–3,5 см). Как и у пояса № 1, у него должны быть кожаные петли с колечками для подвески ножен кинжала. Они располагались на левой стороне пояса (владельца). Исходя из изображений настенной живописи можно предположить, что одна петля должна быть у пряжки, вторая – на некотором расстоянии (их изображение на поясе выделено нами более светлым цветом). Общая длина орнаментированной части пояса предположительно равна около 50 см.

Не надо забывать, что в V–VI вв. наряду с кинжалом согдийские, а также тюркские воины, богатые купцы, ремесленники и представители средневековой элиты носили мечи, поэто-

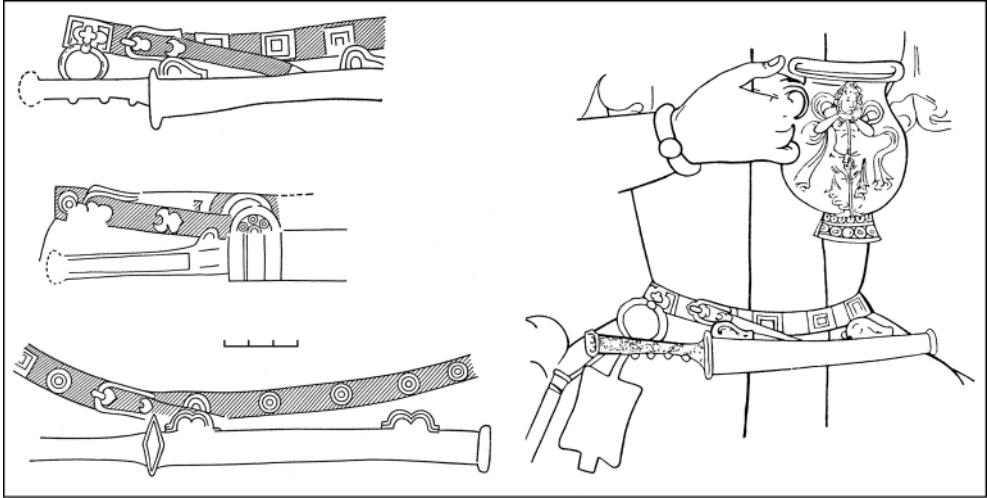

Рис. 4. Пенджикент. Изображение поясов в настенной живописи
(по: Распопова, 1980, рис. 53; 67).

Fig. 4. Penjikent. Belts depicted in murals (after: Распопова, 1980, рис. 53; 67).

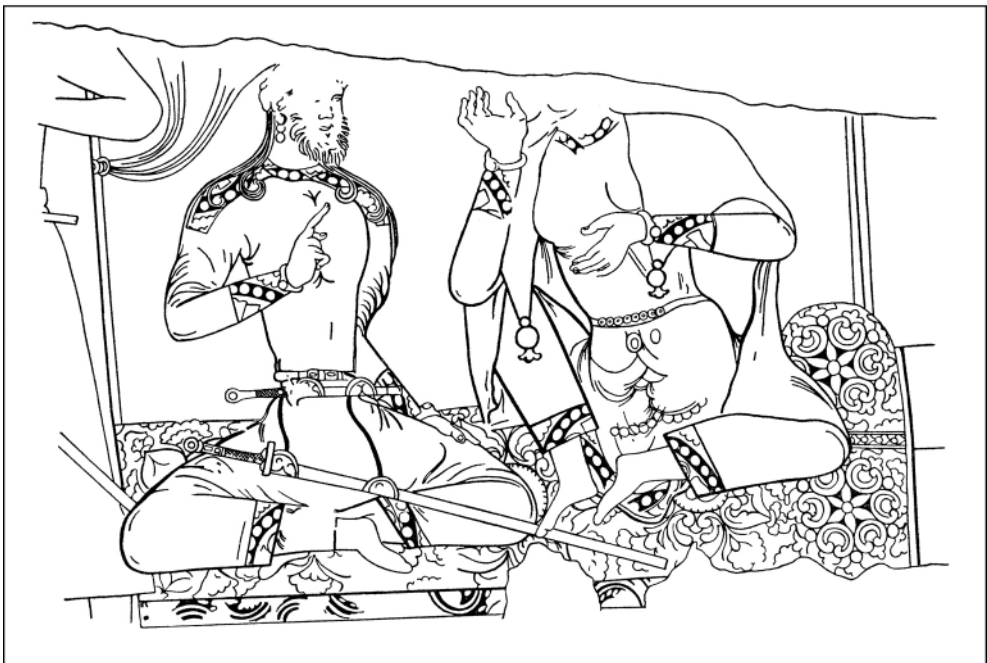

Рис. 5. Пенджикент, объект XXI. Роспись задней стенки помещения 4
(по: Распопова, 1980, рис. 50).

Fig. 5. Penjikent, item XXI. Painting on the rear wall of building 4 (after: Распопова, 1980, рис. 50).

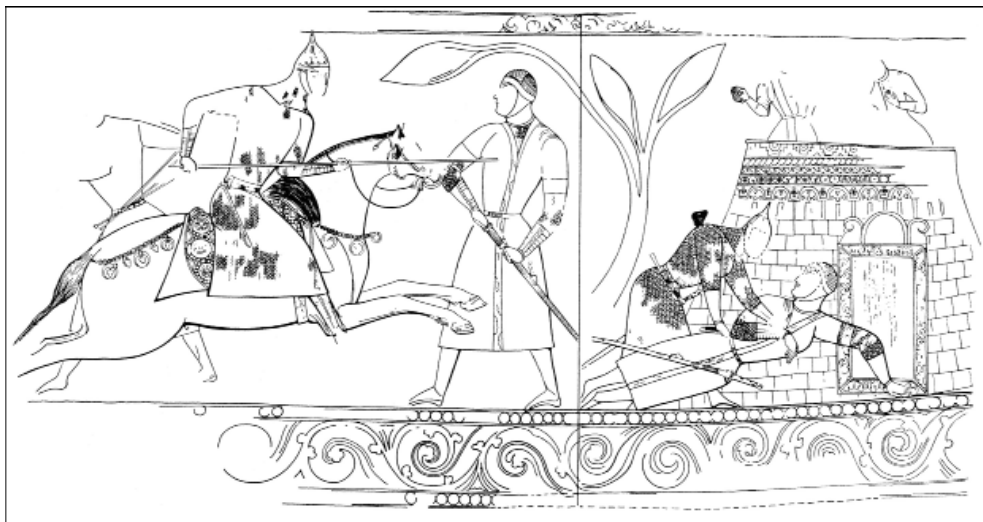

Рис. 6. Пенджикент, объект XXII. Прорисовка сцены поединка
(по: Распопова, 1980, рис. 51).

Fig. 6. Penjikent, item XXII. Drawing of a duel scene (after: Распопова, 1980, рис. 51).

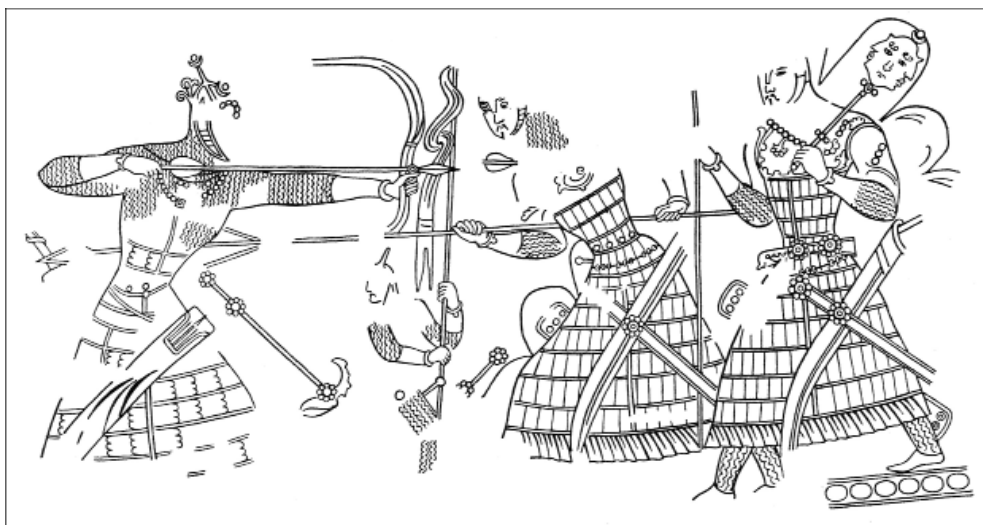

Рис. 7. Пенджикент, помещение 1, объект VI. Роспись южной стороны.
Сражение воинов (по: Распопова, 1980, рис. 57).

Fig. 7. Penjikent, premise 1, item VI. Painting of the southern side.
Battle scene (after: Распопова, 1980, рис. 57).

му крепежные петли могли служить для крепления узких кожаных ремешков портупеи ножен.

Итак, из большой массы предметов Кузубаевского клада были выделены основные элементы, принадлежащие двум наборным поясам, выполненные в полихромном стиле.

В результате анализа поясных накладок и наконечника ремня нами определен высокий уровень ювелирного дела в эпоху раннего средневековья для степей Евразии (зернь, позолота, серебрение). Данные исследования кожи и результаты реставрационных работ помогли опре-

делить и цветовое решение поясов. Конструктивные элементы были выявлены на основании изображений настенной живописи из раскопок Пенджикента в Средней Азии, откуда прибыл владелец клада.

Таким образом, если для финно-пермских племен роскошные пояса были в основном характерны для женских захоронений, что выделяло их из общей массы погребений на могильнике, а значит когда-то и в обществе, то в степях Евразии пояса определяли социальный статус, военный ранг мужчины и имели сакральное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А.К.* Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 2. С. 28–35.
2. *Амброз А.К.* Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986 а. № 4. С. 53–73.
3. *Гавритухин О.И., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН. 1996. 296 с.
4. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. (Произведения торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья). М.: Книжный дом: Либроком, 2010. 184 с.
5. *Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С.* Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. 212 с.
6. *Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А.* Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. // КСИА. № 229. М.: Наука, 2013. С. 84–90.
7. *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки / САИ. Вып. Е1–2. М.: Наука. 1979. 57 с.
8. *Кубарев Г.В.* Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 27–31.
9. *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.
10. *Мотов Ю.А.* О датировке мечей с настенных росписей раннесредневековых городов Средней Азии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Стащенко. Самара: СОИМК им. П.В. Алабина, 1998. С. 424–435.
11. *Останина Т.И.* Развитие взглядов В.Ф. Генинга и других исследователей на мазунинскую культуру // Поволжская археология. 2014. № 1. С. 114–135.

12. *Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б.* Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник: Монография. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.

13. *Распопова В.Д.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 136 с.

14. *Серегин Н.Н.* Элита раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая (по материалам погребальных комплексов) // КСИА. № 229. М.: Наука, 2013. С. 71–83.

15. *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.

Информация об авторе:

Останина Таисия Ивановна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда (г. Ижевск, Россия); tiostanina@gmail.com

THE SEVENTH CENTURY COMPOSITE BELTS FROM KUZUBAEVO HOARD

T.I. Ostanina

The author describes and analyzes composite belts from Kuzubaevo hoard of the seventh century found in the south of Udmurtia in 2004. The hoard was buried by a jeweler from Sogd (Khwarezm?). The elements belonged to two belts in polychrome style manufactured long before the hoard was buried (in the 6th – early 7th centuries). The study showed that they could be given to the jeweler to be repaired and were very precious for their owner. The author refers to similar finds from Eurasian steppes, as well as data of archaeology and written accounts, which could help defining social meaning of such belts in the early Middle Ages. Based on the archaeological evidence and murals from the digs in Central Asia, the author attempts to reconstruct belts from Kuzubaevo hoard.

Keywords: archaeology, Kama region, Udmurtia, early Middle Ages, Kuzubaevo hoard, composite belts, reconstruction.

REFERENCES

1. Ambroz, A. K. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 28–35 (in Russian).
2. Ambroz, A. K. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 53–73 (in Russian).
3. Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. 1996. In Afanasyev, G. E., Rusanova, I. P. (eds.). *Gaponovskii klad i ego kulturno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context)*. Series: Rannelslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (The World of the early Slavs. The Archaeology of the Slavs and Their Neighbours) 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
4. Darkevich, V. P. 2010. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII–XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th – 13th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Zasetskaya, I. P., Kazanski, M. M., Akhmedov, I. R., Minasyan, R. S. 2007. *Morskoj Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu (Morskoj Chulek. Burials of Noblemen from the Azov Region and Their Place in the History of the Tribes of Northern Black Sea Region in the Post-Hun Epoch)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
6. Zelentsova, O. V., Saprykina, I. A. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 229. Moscow: “Nauka” Publ., 84–90 (in Russian).
7. Kovalevskaia, V. B. 1979. *Poiasnye nabory Evrazii IV–IX vv. Priazhki (Eurasian Belt Sets of 4th – 9th Centuries: Buckles)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–2. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

8. Kubarev, G. V. 2010. In Tishkin, A. A. (ed.). *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii (Toreutics in Ancient and Medieval Cultures of Eurasia)*. Series: Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Research VI. Barnaul: "Azbuka" Publ., 27–31 (in Russian).
9. Litvinskii, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «kryshi mira» (Ancient Nomads of the "Roof of the World")*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Motov, Yu. A. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletia n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 424–435 (in Russian).
11. Ostanina, T. I. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 114–135 (in Russian).
12. Ostanina, T. I., Kanunnikova, O. M., Stepanov, V. P., Nikitin, A. B. 2011. *Kuzebaevskii klad iuvelira VII v. kak istoricheskii istochnik (Kuzebayev Jeweler's Hoard of 7th Century as a Historical Source)*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
13. Raspopova, V. D. 1980. *Metallicheskie izdeliia rannesrednevekovogo Sogda (Metal Articles of Early Medieval Sogda)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Seregin, N. N. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 229. Moscow: "Nauka" Publ., 71–83 (in Russian).
15. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Ostanina Taisiya I. Doctor of Historical Sciences. The National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebai Gerd. Kommunarov St., 287, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; tiostanina@ gmail.com

Статья поступила в номер 01.08.2016 г.

УДК 902.2

**РАБОТЫ МАРИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ПОВЕТЛУЖЬЯ**

© 2017 г. Т.Б. Никитина

В статье дан обзор археологического изучения территории Поветлужья, включающий историю полевых исследований, основные научные работы, в которых отражены материалы изученных памятников, научные гипотезы, построенные на этих источниках. Основной массив археологических артефактов был сформирован в результате работ, проведенных Марийской археологической экспедицией за 60 лет существования, и связан преимущественно с проблемой формирования и развития марийской культуры эпохи средневековья. Новый этап в изучении средневековых древностей Поветлужья начался в конце прошлого – начале нынешнего тысячелетия. Материалы, полученные в результате новых работ под руководством автора статьи, еще не нашли полного освещения в научной литературе. Именно им в статье уделяется наибольшее внимание.

Ключевые слова: археология, Поветлужье, этногенез, поволжские финны, марийцы, этнокультурные связи, торговые контакты, история изучения.

Поветлужье – территория, тесно связанная с ранними этапами этнической истории марийцев; именно здесь в эпоху средневековья формировались основы марийской материальной культуры и мировоззрения, которые, изменяясь под внешними воздействиями, все же находят преемственность в традиционной культуре марийского народа, хорошо известной по этнографическим источникам.

Археологические работы в Поветлужье были начаты Марийской археологической экспедицией (МарАЭ) с первых дней ее существования. В первую очередь, это объясняется тем, что по изучению Поветлужья был создан определенный задел и к моменту создания МарАЭ на территории Поветлужья уже были известны археологические памятники, связанные предшественниками с марийской культурой, которые послужили основой для построения теории происхождения марийского народа.

Первые из них были обнаружены еще в конце XIX в. Раскопки были произведены Ф.Д. Нефедовым на Одоевском городище выше г. Ветлуги, но исследователь памятника не увидел там средневековых слоев, а связал объект с каменным веком (Нефедов, 1890, с. 493–500). В 1894–1896 гг. были произведены раскопки на Богородском городище у г. Варнавино А.П. Поливановым (Поливанов, 1897), в начале XX в. работы в Ветлужском уезде Костромской губернии, ныне Ветлужский район Нижегородской области, на Одоевском и Богородском городищах продолжил Н.М. Бекаревич. Им же в 1903 г. было обследовано Чортово городище (Бекаревич, 1903). Исследования на этом городище были продолжены В.И. Каменским в 1908 году (Каменский, 1909), который выделил на памятнике слои эпохи железа и средневековья, а также обнаружил три захоронения VI–VII вв. В этом же году В.И. Камен-

ский раскопал 16 средневековых погребений на «Черемисском кладбище» IX–XI вв. на р. Луданге, левобережном притоке р. Ветлуги (Отчет Археологической комиссии, 1908). Одновременно (1908–1909 гг.) в бывшей Тоншаевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии (в настоящее время – Тоншаевский район Нижегородской области) П.П. Ефименко произвел раскопки на двух марийских могильниках (Отчет Ефименко П.П., кол. 2344, 2345). Один из них – Тоншаевский – датирован XVII в., второй – Большеошкарский – XVIII в.

В 1920–1930-е гг. территория Поветлужья была охвачена работами Комплексной антропологической экспедиции МГУ. В 1925 г. были произведены раскопки на Одоевском, Богородском, Русенихинском городищах (руководитель О.Н. Бадер) и на Чортовом городище (руководители: А.Е. Алихова, Е.Н. Горюнова), открыты Троицкое и Спасское городища. Работы на Одоевском городище О.Н. Бадером были продолжены в 1926 г., тогда же начато исследование Шангского городища в верховьях Ветлуги. Е.И. Горюновой начаты также раскопки Большепольского могильника некрещеных марийцев XVI в. в Ветлужском районе Нижегородской области (Жуков, 1930). В 1927 г. начаты раскопки Веселовского могильника в Ветлужском уезде на р. Какше – одном из левобережных притоков Ветлуги. Долгое время в научной литературе бытовало мнение, что этот могильник раскопан М.П. Званцовым (Халиков, Безухова, 1960). Причиной, вероятно, послужила публикация М.П. Званцева в местной газете (Званцев, 1929). Фактически раскопки на нем проводил работник Ветлужского

краеведческого музея И.И. Разумов, который свои действия согласовывал с Б.С. Жуковым, возглавлявшим тогда Комплексную антропологическую экспедицию (Запись Разумова).

Полученные материалы, содержавшие значительную информацию о самобытной культуре местного населения, способствовали появлению первых теорий о происхождении марийцев и остались основополагающими для изучения этногенеза и ранних этапов развития марийской культуры до настоящего времени.

В 1940-е годы А.П. Смирновым была выдвинута теория о начале формирования этнических основ древнемарийского народа в результате расселения городецких племен с правобережья Волги на левый берег в бассейн Поветлужья и смешения их с местным населением (Смирнов, 1949, с. 79; Смирнов, 1952).

На материалах ветлужских памятников в 1950-е годы к вопросам средневековой истории мари обратился О.Н. Бадер (Бадер, 1951а, с. 149–158). На основе четко зафиксированной стратиграфии культурных слоев и залегания находок, особенно на Одоевском городище, О.Н. Бадеру удалось установить, что в начале I тысячелетия н.э., вероятнее всего, в III в. н.э. в Поветлужье произошла смена культурных форм, связанная с проникновением «в область левобережья правобережных племен» (Бадер, 1951, с. 31). Ярким показателем этого процесса, по его мнению, является изменение керамических традиций: место круглодонной керамики пермского облика заняла плоскодонная посуда с примесью шамота. О.Н. Бадер характеризовал культуру племен, оставивших верхние слои ветлуж-

ских городищ, как марийскую (Бадер, 1951a, с. 155).

Марийская археологическая экспедиция (далее МарАЭ) продолжила начатые исследования в Поветлужье и с первых лет работы экспедиции основное внимание было сосредоточено на Ветлужском районе Нижегородской области вокруг тех территорий, где располагались ранее известные памятники. В 1957 году совместными работами МарАЭ и Горьковского областного музея были проведены разведки по р. Ветлуге, в результате которых были открыты Шилихинское городище, осмотрено Спасское городище. В этом году проведены раскопки на Чортовом городище и начаты работы на Веселовском могильнике (15 погребений), могильнике «Черемисское кладбище» (12 погребений) (Халиков А.Х., Безухова Е.А., 1960). Раскопки на Веселовском могильнике в следующем году были продолжены. Исследователи пришли к выводу, что могильники Веселовский и «Черемисское кладбище» исчерпаны. В 1958 году было также изучено раскопками Шилихинское городище (80 кв. м), выявлено два слоя общей мощностью 30–40 см: V–IV вв. до н.э. и I тыс. н.э. На валу обнаружены остатки оборонительных сооружений (Архипов, 1982, с. 15).

В устье Ветлуги были проведены лишь незначительные работы на Руткинском и Выжумском II могильниках XII–XIII вв. отрядом под руководством Г.А. Архипова. Выжумский II могильник был обнаружен при раскопках жилища эпохи неолита, удалось зафиксировать одно разрушенное погребение и разрозненные находки в отдельных квадратах. Руткинский могильник зафиксирован при раскоп-

ках поселения волосовской культуры и было вскрыто три погребения (Архипов, 1986, с. 6, 8). В этом же году был выявлен Выжумский I могильник XVII в., на котором В.Е. Стоянов вскрыл 5 погребений.

Последующее изучение Руткинского и Выжумского II могильников проведено им же, в основном в 70-е гг., в связи с подготовкой территории под Чебоксарское водохранилище. На Выжумском II могильнике вскрытая площадь составила 448 кв. м, на ней выявлено всего 6 погребений, которые располагались на возвышениях между котлованами от жилищных впадин. Еще 3 погребения также между раскопанными жилищными впадинами в 2005 г. выявлены Т.Б. Никитиной. На Руткинском могильнике в 1969 и 1970 гг. раскопано еще 46 погребений (Архипов, 1973, с. 6–8). В 1971 г. Г.А. Архиповым было также продолжено изучение Выжумского I могильника и вскрыто 10 погребений (Архипов, Никитин, Шикаева, 1984, с. 23–27, 41–47). Последующее исследование памятника произведено Т.Б. Никитиной в 1993 году (31 погребение).

Для постановки и решения проблемы происхождения мари большое значение имело изучение Младшего Ахмыловского могильника, расположенного в левобережной части старого устья Ветлуги. Исследование памятника начато в 1960 г., раскопки продолжены в 1963, 1965, 1966, 1974 г. (Архипов Г.А., Халиков А.Х., Патрушев В.С.). Памятник входил в Ахмыловский археологический комплекс, включающий широко известный Старший Ахмыловский могильник раннего железного века и могильник эпохи средневековья, названный Младшим Ахмыловским. К

Младшему Ахмыловскому могильнику отнесено 75 захоронений (Архипов, 1991). Памятник долгое время оценивался по уже устоявшейся схеме вычленения двух компонентов: позднегородецкого и азелинского (Архипов, 1973, с. 91–107). Некоторые исследователи относят его полностью или частично к азелинской культуре (А.Х. Халиков, П.Н. Старостин, Н.А. Лещинская).

Могильник стал основополагающим памятником для построения теории о смешанном характере марийской культуры, сложившейся в результате синтеза городецкой и азелинской культур. С 1960-х годов активным сторонником этой теории выступал А.Х. Халиков (Халиков, 1962). В его последних работах по этногенезу финно-угорских народов в схеме сложения марийского этноса основная роль отведена пермскому (азелинскому) компоненту. При этом А.Х. Халиков признает определенное воздействие южных ираноязычных племен.

Взгляды А.П. Смирнова и А.Х. Халикова активно развивал Г.А. Архипов, внесший значительный вклад в изучение этногенеза марийского народа. Тезис о том, что в V–VII вв. ядро древних мари формируется в Ветлужско-Вятском междуречье на основе городецко-азелинского субстрата (Младший Ахмыловский могильник, Кубашевское городище), был подтвержден им фактическим материалом и превращен в развернутую научную гипотезу (Архипов, 1973, с. 86 и сл.). В поисках более древней основы марийского этноса Г.А. Архипов выделил несколько этапов этногенеза: прамарийцы (племена ахмыловской культуры) и протомарийцы (волосов-

цы Марийского Поволжья), удревняя тем самым процесс вплоть до II тысячелетия до н.э. (Архипов, 1985; Архипов, 1988).

Два фундаментальных исследования «Марийцы IX–XI вв.» (Архипов, 1973) и «Марийцы XII–XIII вв.» содержат основные положения по этнической истории марийского народа, в них впервые удалось выделить этнические маркеры для каждого этапа марийской культуры в погребальном обряде, украшениях и инвентаре, а на основе сравнительного анализа всех древнемарийских могильников отметить локальные особенности средневековых памятников. На фактическом материале была аргументированно доказана преемственность памятников XII–XIII вв. с древнемарийскими могильниками IX–XI вв. Отмечая близость погребального инвентаря марийских могильников XII–XIII вв. памятникам Костромского Поволжья, к сожалению, автор недостаточное внимание уделил этим фактам, упрощенно объясняя их многовековыми контактами населения междуречья рек Костромы, Унжи и Повеллужья.

В конце XX в. Т.Б. Никитиной было сформулировано новое положение о происхождении марийской культуры. Памятники Повеллужья Младший Ахыловский могильник, Чортово городище были передатированы с учетом новых материалов и полностью связаны с кругом культур волжско-финского облика. К этому же кругу отнесены Безводнинский и Желтухинский могильники. На территории Повеллужья носители этой культуры пришли не ранее середины VI в. Участие культур пермского облика на начальном этапе формирования марийцев поставлено под сомнение.

На материалах могильников «Черемисское кладбище, Веселовский IX–XI вв., Выжумские памятники к. XI–XIII в. обозначены последующие этапы развития марийской культуры с учетом этнокультурных и торгово-экономических связей с окружающими племенами и народами, в разной степени повлиявших на изменения местной культуры (Никитина, 2002).

Полевое исследование Поветлужья активно возобновлено Марийской археологической экспедицией в начале третьего тысячелетия. Причиной послужили сведения о частых кладоискательских раскопках в Поветлужье и значительных разрушениях на памятниках, в том числе и на могильниках. Для проверки информации в 2007 г. одним из отрядов МарАЭ под руководством Т.Б. Никитиной были проведены разведочные работы, в результате которых выявлено, что вышеуказанные памятники не исчерпаны, представляют интерес для изучения и систематически, в течение нескольких лет, подвергаются разграблению неизвестными людьми. В последующие годы исследования были продолжены на нескольких объектах: на могильнике Черемисское кладбище, Веселовском могильнике Т.Б. Никитиной, на Чортовом городище Д.Ю. Ефремовой. Разведки в Ветлужском и Шахунском районах Нижегородской области произвел А.В. Акилбаев, в Воскресенском районе Нижегородской области – А.В. Михеев и Т.Б. Никитина (Никитина, Ефремова, Акилбаев, 2010; Михеев, отчет 2001 г.), в Шарьинском районе Костромской области – В.В. Никитин, Т.Б. Никитина и А.В. Михеев. Проведенные исследования позволили получить новый ма-

териал для изучения этногенеза и этапов средневековой истории марийцев.

Значительный интерес представляют раскопки Чортова городища. В 2009 г. на площадке городища была вскрыта площадь в 82 кв. м.

Предварительный анализ керамики раскопа показал, что посуда делится на две основные группы: 1) толсто-стенные сосуды с пористой неровной поверхностью коричневатого-серого цвета с примесью шамота; 2) сосуды довольно тонкостенные с лощеной или заглаженной наружной поверхностью темно-серого или почти черного цвета примесью песка. По форме сосуды практически не отличаются и представлены в основном горшковидными сосудами с невысокими прямыми или отогнутыми наружу шейками и округлым краем венчика. Днища у этих сосудов, как правило, плоские с выступом у основания. Орнамент на стенках и шейках большинства из них отсутствует. Таким образом, полученный материал подтверждает точку зрения о том, что участие пермско-финского населения в формировании культуры населения (марийцы) не фиксируется или было незначительным.

Для изучения этнокультурных процессов в этом регионе в эпоху средневековья интересный материал дали вновь обнаруженные и в последующем раскопанные могильники: в верхнем течении в Шарьинском районе Костромской области – «Кузинские хутора», в низовьях в Воскресенском районе Нижегородской области – Русенихинский, в устье Ветлуги в Юринском районе Республики Марий Эл – Выжумский.

Русенихинский могильник X–XI вв. был открыт в 2009 году на пра-

вом берегу р. Ветлуги. Исследования проводились в 2010–2013 годы при поддержке РГНФ (проекты № 10-01-18045е; № 11-01-18023е; № 13-01-18052). Исследованная площадь составила более 1500 кв. м: сплошное археологическое обследование – 948 кв. м, с использованием геофизических методов обследована территория в пределах 1000 кв. м. На изученной площади обнаружено 18 погребений и 15 жертвенных комплексов между могилами. Изучение могильника носило комплексный характер: проведен анализ антропологического материала с использованием метода атомной абсорбции, химический анализ грунтов, биологическое изучение кож, мехов от одежды и подстилок, изучение текстильных волокон методами оптической микроскопии в проходящем и отраженном поляризованном свете и др. Выявлено три группы захоронений, которые имеют отличия в погребальном обряде и инвентаре и занимают самостоятельное территориальное пространство. Две группы имеют погребальный обряд и инвентарь, характерный для марийских памятников Ветлужско-Вятского междуречья. Особый интерес представляет отдельно расположенная северная группа объектов с вещевым инвентарем, имеющем аналогии в памятниках Древней Руси и славянизированных финнов. Минеральный состав костной ткани погребенных этой группы отличается по содержанию стронция, магния, свинца и более высокой минерализацией.

Полученные материалы представляют значительный интерес для изучения древнемарийской культуры в системе этнокультурных связей и

взаимодействия народов Восточной Европы в эпоху средневековья.

Тема этнокультурных связей с населением Древней Руси хорошо иллюстрируется материалами Выжумского могильника XI–XII вв., расположенного у пос. Юркино Юринского района Республики Марий Эл на правом берегу р. Выжум, левого притока р. Ветлуга. Стационарное исследование памятника проводилось в 2013–2016 гг. в рамках программ «Культура России» и «Культурное наследие Республики Марий Эл». Вскрытая площадь составила более 700 кв. м, на которой изучено 58 объектов: 36 погребений (полных и разрушенных) и 22 жертвенных комплекса между могилами.

Сохранение специфических культурных традиций, характерных для марийских могильников IX–XI вв., проявляется в погребальном обряде и инвентаре: жертвенные комплексы в межмогильном пространстве, наличие дополнительных даров в погребениях, большое количество железных котлов в ногах погребенных, бронзовые цепочки в составе головного убора, накосники, традиция ношения парных нагрудных украшений, наборные пояса (Никитина, 2012). Архаичные для этого периода признаки в основном встречаются в погребениях женщин-литейщиц, которые являются хранителями этнической традиции, или в жертвенных комплексах как маркерах марийской культуры эпохи средневековья. Но в культуре населения, оставившего этот могильник, уже присутствуют элементы, характерные для XII–XIII вв. Не обнаружено крупных шумящих украшений, изготовленных в наборной технике;

преобладающими становятся литые украшения, в декоре которых широко используется техника зерни. Среди инвентаря обнаружено большое количество изделий, характерных для славянизированных финнов и древнерусского населения. Изделия южного импорта практически не встречаются.

По вещевому комплексу и особенностям обряда изучаемый памятник близок ранней части Выжумского III могильника, расположенного на соседней дюне. Памятник предварительно Г.А. Архиповым датирован XII–XIII вв. Автор данного сообщения уже высказывала предположение о возможной более ранней дате отдельных погребений на этом памятнике. В свете вновь обнаруженных находок были пересмотрены материалы Выжумского III могильника и выявлено, что восточная часть памятника имела более ранний облик, конец XI–XII в. Именно на этой территории расположены погребения и жертвенные комплексы, имеющие черты, общие с культурой предшествующего периода.

Таким образом, по предварительным данным, Выжумский могильник является памятником переходного периода (XI–XII вв.) в сложившейся хронологической схеме развития марийской культуры и позволяет проследить преемственность между двумя этапами культуры.

Для изучения этнокультурных процессов в Поволжье уникальный материал был получен на могильнике «Кузинские хутора», расположенном около г. Шарья Шарьинского района Костромской области на коренной террасе левого берега речки «Кузинки», левого притока р. Ветлуги, на месте урочища «Кузинские хутора».

Памятник открыт в 2013 г. отрядом МарАЭ под руководством В.В. Никитина. В 2014 году Т.Б. Никитиной начато его изучение; вскрыта площадь 85 кв. м, на которой зафиксировано 10 погребений. В настоящее время на памятнике всего изучено 12 погребений.

Полученный вещевой материал относится к периоду с IX по XI в. Эта дата подтверждается находками монет. В погр. 6 монета чеканена 987 г. и трижды пробита¹. Наиболее сложной проблемой является определение этнокультурной принадлежности памятника. Среди материалов могильника, безусловно, присутствует ряд вещей, которые признаны этномаркерами марийской средневековой культуры: браслетообразные височные кольца с одним отогнутым концом (пп. 9, 10), бронзовые цепочки с привесками в форме бубенчиков, которые обычно использовались в качестве головных (пп. 7, 10), очковидные подвески, соединенные цепочкой, служившие украшением носка обуви (п. 11); трапецевидные подвески с шумящими привесками, выполненные в наборной технике. Древнемарийские вещи располагаются компактно в погребениях 9, 10, 11 и образуют комплексы, характерные для населения Ветлужско-Вятского междуречья как по взаимовстречаемости, так и по местоположению в погребении. Наряду с изделиями, типичными для марийских древностей Ветлужско-Вятского междуречья, обнаружены вещи пермского облика, но их немного. Большинство украшений – калачевидные и треугольные кольца

¹ Монеты определены старшим научным сотрудником Болгарского музея-заповедника Д.Г. Мухаметшиным.

серьги, усатые перстни, граненные браслеты и различные типы накладок, обнаруженные на могильнике «Кузинские хутора», – также имеют аналогии на широкой территории от Волги до Урала, в том числе многочисленные параллели в синхронных марийских могильниках Ветлужско-Вятского междуречья.

Значительный интерес представляет керамика (Никитина, 2015, с. 138). Сосуд из погребения 1 наследует волжскофинскую керамическую традицию, а керамика из погребений 3, 9 и подъемного материала имеет аналогии среди посуды Камско-Вычегодского края. Но при этом сосуд из погребения 3 имеет плоское дно и основную примесь в тесте шамот, что также сближает его с волжскофинскими гончарными традициями.

Обряд кремации вновь изученного памятника значительно отличается от обряда трупосожжения известных могильников Поветлужья, представленных марийскими некрополями. Во-первых, ни на одном изученном марийском могильнике кремация не является преобладающим способом захоронения; на Дубовском могильнике она составляет 25%, а на Русенихинском все захоронения совершенны по обряду ингумации. Достаточно высокий процент обряда кремации на могильнике «Черемисское кладбище» (до 50%), наиболее близко расположенном к вновь открытому памятнику. Обряд кремации на могильнике «Кузинские хутора» имеет определенное сходство с вытянутыми погребе-

ниями (к сожалению, их количество слишком мало, чтобы делать выводы) на могильнике Большое Молочное в Костромском Поволжье: минимальное количество костей, вещевой инвентарь представлен разрозненными разнохарактерными вещами, часто поломанными или поврежденными; беспорядочное разноуровневое залегание костей и инвентаря. Но более значительное сходство обнаруженные на могильнике «Кузинские хутора» трупосожжения имеют с одной группой погребений вымских и вычегодских могильников и памятников средневекового населения Верховья Камы. В этих районах кремация содержится в вытянуто-овальных или прямоугольных могильных ямах; немногочисленные кости и поломанные вещи располагались бессистемно, преимущественно в засыпи; встречаются немногочисленные случаи нахождения их на дне. Указанные памятники связаны с происхождением народа коми: вымские и вычегодские – с коми-зырянами, верхнекамские – с коми-пермяками. У населения Верхней Камы обряд трупосожжения в большей степени характерен для ломоватовского и раннеродановского времени, а затем наблюдается его затухание. Погребения с сожжением на могильнике «Кузинские хутора» датируются не ранее XI в., когда у населения Верховья Камы наблюдается затухание этого обряда. Погребальный обряд вымской культуры к этому периоду характеризуется усилением роли кремации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // *Поселения и жилища Марийского края / АЭМК. Вып. 6 / Научн. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1982. С. 5–50.*

2. *Архипов Г.А.* Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история) // Доклад на соискание уч. ст. доктора ист. наук. М. 1991. 40 с.
3. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
4. *Архипов Г.А.* Марийцы XII–XIII вв. (к этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 115 с.
5. *Архипов Г.А.* Основные этапы этногенеза марийцев // Древние этнические процессы Волго-Камья / АЭМК. Вып. 9 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола. 1985. С. 5–23.
6. *Архипов Г.А.* Проблемы ранней этнической истории марийцев // Этногенез и этническая история марийцев / АЭМК. Вып. 14 / Научн. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола, 1988. С. 56–78.
7. *Архипов Г.А., Никитин В.В., Шикаева Т.Б.* Выжумские памятники на р. Ветлуге // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края / АЭМК. Вып. 7 / Ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола, 1984. С. 5–48.
8. *Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. № 22. М.: АН СССР, 1951. С. 110–158.
9. *Бадер О.Н.* Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. 1951. № 2. С. 15–41.
10. *Бекаревич Н.М.* О раскопках, произведенных в 1903 г. в Костромской губернии // ИАК, прибавление к вып. 10. М., 1904.
11. *Жуков Б.С.* Отчет о работах Антропологической комплексной экспедиции Антропологического научно-исследовательского Института при I Московском Государственном Университете в Марийской автономной области. 1929 г. // Марий илыш. Вып. III. Йошкар-Ола, 1930. С. 56–61.
12. Запись И.И. Разумова о находках в Ветлужском уезде Нижегородской губернии / Архив ИИМК, ф.2, оп. 1, д. 264.
13. *Званцев М.П.* Нижегородская коммуна, 1929. № 115 (3160).
14. *Каменский В.И.* «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1908 г. // Сборник музея по антропологии и этнографии. Вып. VII. СПб., 1909. 12 с.+6 табл.
15. *Михеев А.В.* Отчет разведочного отряда Марийской археологической экспедиции о работах в Воскресенском районе Нижегородской области и Юринском р-не Республики Марий Эл в 2001 г. / Архив ИА РАН. Д. № 22504.
16. *Нефедов Ф.Д.* О каменном веке в Приветлужье // Протоколы заседания антропологического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1 декабря 1881 по 1886 г. // Труды Антропологического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. IX. Вып. 3. СПб., 1890, С. 493–500.
17. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
18. *Никитина Т.Б.* Население верхнего Поветлужья в начале II тыс. н.э.: новые материалы // КСИА. Вып. 240. М.: ИА РАН, 2015. С. 124–140.
19. *Никитина Т.Б.* Раскопки Выжумского могильника в Поветлужье // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 513.
20. *Никитина Т.Б.* Русенихинский могильник древнемарийской культуры IX–XI вв. // Научные экспедиции РГНФ. М.: РГНФ, 2014. С. 50–51.
21. *Никитина Т.Б.* Русенихинский могильник древнемарийской культуры: междисциплинарный подход к изучению памятника // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 228–231
22. *Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., Акилбаев А.В.* Новые находки древнемарийской культуры в Поветлужье // Нижегородские исследования по краеведению и археоло-

логии: сборник научных и методических трудов. Вып. 12 / Отв. ред. Е.А. Молев. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2010. С. 50–58.

23. Отчет Археологической комиссии за 1908 г. СПб, 1912. С. 23–27, 41–47.

24. *Поливанов А.П.* О раскопках Богородского городища // Журнал заседаний Костромской ученой археологической комиссии. Кострома, 1897.

25. *Смирнов А.П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск: Горномар. фил. Маргосиздата, 1949. 136 с.

26. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 274 с.

27. *Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа / Железный век Марийского края. Труды МарАЭ. Т. II. Йошкар-Ола: марийское книжное издательство, 1962. 268 с.

28. *Халиков А.Х.* Об азелинско-ананьинской подоснове этногенеза марийского народа // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 7–18.

29. *Халиков А.Х., Безухова Е.А.* Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький, 1960. 60 с..

Информация об авторе:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, заместитель директора, ГБНУ «Марийский научно-исследовательский НИИ языка, литературы истории им. В.М.Васильева» (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

PROGRESS OF MARI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION IN STUDY OF MEDIEVAL ANTIQUITIES OF VETLUGA REGION

T.B. Nikitina

The article provides an overview of archaeological study of Vetluga region territory, including the history of the field research, key scientific works focusing on materials from the studied medieval sites, as well as scientific hypotheses built on these sources. Studies of the Mari archaeological expedition over 60 years of its existence formed the core of the archaeological artifacts, mainly associated with the issue of formation and development of the medieval Mari culture. New stage in the study of medieval antiquities of the Vetluga region began in late 20th – early 21st centuries. Materials yielded by new expeditions, led by the author, have not yet been fully offered for scientific discussion. This article presents some preliminary results of the new studies on the early medieval sites (Chortovo hillfort, Vyzhum, Rusenikha and “Kuzinskie khutora” cemeteries), which provided substantial evidence for further studies into the ethnic genesis and cultural connections of the early Mari.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Vetluga River region, Middle Ages, Volga Finns, Mari, ethnic genesis, ethnic-cultural connections, trade contacts, history of research.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1982. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Poseleniia i zhilishcha Mariiskogo kraia (Settlements and Dwellings of the Mari Land)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 5–50 (in Russian).

2. Arkhipov, G. A. 1991. *Drevnie mariitsy: Etnogenez i ranniaia etnokul'turnaia istoriia (Ancient Mari People: Ethnic Genesis and Early Ethnic and Cultural History)*. Presentation of Doctoral Thesis (Doctor of History). Moscow (in Russian).
3. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th–11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
4. Arkhipov, G. A. 1986. *Mariitsy XII–XIII vv. (k etnokul'turnoi istorii Povetluzh'ia) (Mari People in 12th–13th Centuries: to the Ethnic and Cultural History of the Vetluga River Basin)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
5. Arkhipov, G. A. 1985. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnie etnicheskie protsessy Volgo-Kam'ia (Ancient Ethnic Processes in the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 9. Yoshkar-Ola, 5–23 (in Russian).
6. Arkhipov, G. A. 1988. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Etnogenez i etnicheskaia istoriia mariitsev (Ethnic Genesis and Ethnic History of the Mari People)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 14. Yoshkar-Ola, 56–78 (in Russian).
7. Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V., Shikaeva, T. B. 1984. In Arkhipov, G. A., Sepeev, G. A. (eds.). *Istoriografiia i istochnikovedenie po arkheologii i etnografii Mariiskogo kraia (Historiography and Source Studies on Archaeology and Ethnography of the Mari Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 7. Yoshkar-Ola, 5–48 (in Russian).
8. Bader, O. N. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 22. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 110–158 (in Russian).
9. Bader, O. N. 1951. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (2), 15–41 (in Russian).
10. Bekarevich, N. M. 1904. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*, appendix to issue 10. Moscow (in Russian).
11. Zhukov, B. S. 1930. In *Marii ilysh (Mari People's Life)* III. Yoshkar-Ola, 56–61 (in Russian).
12. *Zapis' I. I. Razumova o nakhodkakh v Vetluzhskom uezde Nizhegorodskoi gubernii (Note of I. I. Razumov on Finds in the Vetluga District, Nizhny Novgorod Province)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 2. Inv. 1, dossier 264 (in Russian).
13. Zvantsev, M. P. 1929. In *Nizhegorodskaia kommuna (Nizhny Novgorod Commune)*, no. 115 (3160) (in Russian).
14. Kamenskii, V. I. 1909. In *Sbornik muzeia po antropologii i etnografii (Collected Papers of the Museum for Anthropology and Ethnography)* VII. Saint Petersburg (in Russian).
15. Mikheev, A. V. 2001. *Otchet razvedochnogo otriada Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh v Voskresenskom raione Nizhegorodskoi oblasti i Iurinskom r-ne Respubliki Marii El v 2001 g. (Report of the Survey Team of the Mari Archaeological Expedition on the Fieldworks in the Voskresenskoye District, Nizhny Novgorod Oblast, and in Yurino District, Mari El Republic, in 2001)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, dossier 22504 (in Russian).
16. Nefedov, F. D. 1890. In *Trudy Antropologicheskogo otdeleniia Imperatorskogo Obshchestva liubiteli estestvoznaniia, antropologii i etnografii (Proceedings of the Section of Anthropology, Imperial Society of Amateurs of Natural Sciences, Anthropology and Ethnography)* IX (3). Saint Petersburg, 493–500 (in Russian).

17. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).
18. Nikitina, T. B. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 240. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, S. 124–140 (in Russian).
19. Nikitina, T. B. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 513 (in Russian).
20. Nikitina, T. B. 2014. In *Nauchnye ekspeditsii Rossiiskogo humanitarnogo nauchnogo fonda (Scientific Expeditions of the Russian Foundation for Humanities)*. Moscow: Russian Foundation for Humanities, 50–51 (in Russian).
21. Nikitina, T. B. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 228–331 (in Russian).
22. Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu., Akilbaev, A. V. 2010. In *Nizhegorodskie issledovaniia po kraevedeniiu i arkheologii (Nizhny Novgorod Studies on Local Lore and Archaeology)* 12. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 50–58 (in Russian).
23. *Ochet Arkheologicheskoi komissii za 1908 g. (Report of the Archaeological Commission from 1908)*. 1912. Saint Petersburg, 23–27, 41–47 (in Russian).
24. Polivanov, A. P. 1897. In *Zhurnal zasedanii Kostromskoi uchenoi arkheologicheskoi komissii (Journal of Sessions of the Kostroma Scientific Archaeological Commission)* (in Russian).
25. Smirnov, A. P. 1949. *Arkheologicheskie pamiatniki na territorii Mariiskoi ASSR i ikh mesto v material'noi kul'ture Povolzh'ia (Archaeological Sites on the Territory of the Mari Autonomous Republic and Their Place in the Volga Region Material Culture)*. Kozmodemyansk: “Gornomariiskii filial Margosizdata” Publ. (in Russian).
26. Smirnov, A. P. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 28. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
27. Khalikov, A. Kh. 1962. *Ocherki istorii naseleniia Mariiskogo kraia v epokhu zheleza (Essays of History of the Population of the Mari Region in the Iron Age) = Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
28. Khalikov, A. Kh. 1992. In Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. (eds.). *Srednevekovyye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Arkheologiiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute, 7–18 (in Russian).
29. Khalikov, A. Kh., Bezukhova, E. A. 1960. *Materialy k drevnei istorii Povetluzh'ia (arkheologicheskie issledovaniia v Vetluzhskom raione Gor'kovskoi oblasti v 1957 godu) (Materials on the Ancient History of the Vetluga River Area: Archaeological Investigations in the Vetluga District, Gorky Oblast, in 1957)*. Gorky (in Russian).

About the Author:

Nikitina Tatyana B., Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Статья поступила в номер 22.12.2016 г.

УДК 902/904

ДРЕВНЕРУССКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ X–XI ВВ.¹

© 2017 г. А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова

Исследуется характер взаимодействия населения Среднего Предуралья с Русью – важный фактор этнокультурного процесса в эпоху средневековья. В период X–XI вв. это взаимодействие базируется на торговых отношениях при активной посреднической роли Волжской Болгарии. На поселениях в Среднем Предуралье находят предметы южнорусского происхождения – результат этой торговли. В XII–XIII веках территория расселения древнерусского народа вплотную приближается к Предуралью, возникают русские города Гляден и Устюг, а также городища вымской культуры со смешанным славяно-финским населением. Формируется опорная сеть русской колонизации северных районов Предуралья. В XIII–XIV вв. начинается инфильтрация этого смешанного населения из районов Европейского Северо-Востока в Среднее Предуралье. Об этом свидетельствуют археологические материалы, новации в быту и хозяйстве обитателей Прикамья. По мнению авторов, ярким примером такой инфильтрации населения и распространения надэтнической культуры Европейского Севера является Плотниковский могильник XIII–XIV вв. в Пермском крае.

Ключевые слова: археология, Среднее Предуралье, средневековье, Древняя Русь, торговля, миграции, колонизация.

Древняя Русь – мощный ареало- и культуро-формирующий фактор эпохи средневековья в Восточной Европе, особенно в ее северной и северо-восточной частях. Взаимодействие населения этих территорий (преимущественно финно-угорского) с Русью, постепенное включение в экономическую, а позже политическую и демографическую орбиту означало постепенное расширение территории русских земель на северо-восток. В силу этого понятно постоянное внимание исследователей к данной проблематике.

Письменные источники фиксируют постоянное нарастание интереса населения древнерусских земель к северным и предуральским территориям. Очевидно, с последней четвер-

ти XI–XII в. начинается постепенный приток в Северное Предуралье западных переселенцев. Как отмечает Н.А. Макаров, в XI–XII вв. объектом древнерусской колонизации стали не отдельные компактные районы, а обширная территория между Финмарком и Северным Приуральем с достаточно неопределенными границами (Макаров Н.А., 1997, с. 15). Первый отраженный в письменных источниках выход русских в Предуралье зафиксирован в 1092 г. – поход отрока Гюряты Роговича. Однако уже в XII в. древнерусский натиск (новгородский и владими́ро-суздальский) на земли европейского Северо-Востока стал усиливаться. В 1173 г. Всеволод Большое Гнездо заложил в устье р. Юг городок Гляден. В 1187 г. «избыны

¹ В рамках проекта Комплексной программы УрО РАН № 15-10-6-29.

быша печерские даньники и югорский в Печере, а друзии за Волоком, и паде голов о ста кьметьства» (ПСРЛ. Т. 3. С. 19). В 1193–1194 г. был совершен поход на Югру воеводы Ядрея, назначенного новгородским вече. И хотя этот поход закончился разгромом новгородского отряда, он наглядно продемонстрировал государственный интерес к землям Предуралья (ПСРЛ. Т. 3. С. 21–22). В 1212 г. владимиро-суздальцы построили еще один свой опорный пункт вблизи от Северного Предуралья – Устюг. На Вятской земле, судя по письменным источникам, в XII в. новгородскими ушкуйниками были основаны два городка – Никульчин и Хлынов (Оборин, 1990, с. 61–63).

Письменные источники, однако, не достаточно полны и весьма скупymi мазками обрисовывают ситуацию взаимодействия местного финно-угорского населения с Русью на землях европейского Северо-Востока и Предуралья. Наиболее точным и полновесным источником для данного вопроса выступает археологический материал.

В Пермском Предуралье в настоящее время известно 37 пунктов обнаружения древнерусских вещей и 40 местонахождений поволжско-прибалтийско-финских предметов XI–XV вв. Ареалы их распространения в значительной мере совпадают, охватывая преимущественно север современной Пермской области, а также бассейн р. Иньвы (Белавин, Оборин, 1986, с. 63–75).

Собственно древнерусский материал разнообразен, хотя и среди него преобладают украшения. В комплексах XI в. присутствуют отдельные экземпляры подковообразных фибул, бубенчиков, зоо- и орнитоморфных

подвесок западных форм, новых для Прикамья форм пластинчатых кресал (Крыласова, 2013, с. 110). К более массовому материалу можно отнести бусы древнерусского производства, приток которых наблюдается с начала XI в. (Абдулова, 2008, с. 535), встречены также фрагменты стеклянных браслетов киевского или рязанского производства. Самой уникальной находкой, безусловно, является серебряная трапециевидная подвеска из погр. № 37 Рождественского могильника, на лицевой стороне которой помещено парадное изображение трезубца Владимира Святославовича, на оборотной – знак в виде соединения молота Тора и меча, соответствующего реальным прототипам X в. (тип 9 по А.Н. Кирпичникову) (рис. 1: 1). Основываясь на наиболее аргументированной точке зрения А.А. Молчанова по поводу подобных подвесок (которых известно всего чуть более 2 десятков), подвеска из Рождественского могильника была истолкована как верительный знак, дававший право купцу торговать как на территории древнерусского государства, так и в скандинавских землях (Крыласова, 1995; Крыласова, 2000, с. 234–236). Грубые копии с этой или подобной подвески, изготовленные по оттиску, известны сейчас с территории Удмуртии (Белавин, 2015, с. 39–40).

Височные украшения древнерусского облика представлены: трехбусинными кольцами с ложнозернеными и узелковыми бусинами середины XII в., пятибусинным кольцом с гладкими бусинами из Аверинского могильника, подвесками лунницами как замкнутыми так и разомкнутыми. Из шейных украшений найдены: крестопрорезные бубенчики, монетовидные

подвески с вписанным в окружность ложнозерновым крестом, близкие новгородским XII–XIII вв., косорешетчатые подвески (рис. 1: 4–6) и т.п. Разнообразен набор перстней древнерусского происхождения: щитковосрединные с овальным щитком и заходящими концами, аналогичные древнерусским изделиям XI–XII вв.; серебряные замкнутые с прямоугольным щитком: один перстень – с плетеным орнаментом и чернью, второй – с узором из перекрещивающихся линий с насечками из Романовского клада XIII в. (Генинг, 1956, рис. 50), серебряный «усатый» перстень из погребения № 118 Рождественского могильника (рис. 1: 2); овалнощитковые с изображением свастики (поч. Златина, Гайнская вол., могильник Телячий Брод) и розетки в обрамлении резных линий (д. Елева), бронзовые, в два оборота, с овальным щитком (д. Старица Гайнская вол. и другие).

На городищах Анюшкар, Саломатовском, Рождественском, Кудымкарском и на других поселениях найдены шиферные розовые пряслица из южнорусского Овруча. В.Л. Янин рассматривает их как своеобразный эквивалент денег, применявшийся на значительной территории. На месте разрушенного Кыласовского могильника в районе городища Анюшкар (Кыласово) найдена единственная в Прикамье поливная игрушка – яйцописанка киевского типа.

К древнерусскому импорту могут быть отнесены костяные расчески в тщательно отполированных, украшенных орнаментом футлярах, широко представленные в X–XII вв. на прикамских городищах (рис. 1: 7). Их распространение может быть признано результатом деятельности стран-

ствующих ремесленников-гребенщиков, которая привела к существенной нивелировке типов гребней и технологических приемов обработки рога по всей Европе (Флерова, 2001, с. 144). При таком способе распространения составные расчески могли получить ту массовость, которую мы наблюдаем на памятниках Пермского Предуралья, однако их находки не свидетельствуют о прямом переселении русских мастеров, а только об их эпизодическом появлении (м.б. вместе с болгарскими торговыми караванами).

Находки христианских крестикотельников домонгольского времени в Предуралье, возможно, маркируют появление отдельных славяно-финских поселенцев. Об этом можно говорить с большой долей вероятности, так как использование таких крестиков как каких-либо крестовидных привесок в составе ожерелий (как это считалось ранее) не доказано в результате исследования предуральских могильников XI–XIII. Крестики XI – нач. XIII в. киевского типа с выемчатой эмалью (4 экз.) и бронзовые литые кресты «скандинавского» типа X–XII вв. (3 экз.) найдены на Вакинском селище, в д. Старица, Михалевском, Елевском и Рождественском могильниках (рис. 1: 21, 23, 24); крестикотельник с погрудным изображением святого обнаружен на Городищенском городище (аналогии в Киеве и Новгороде) (рис. 1: 22). Эти предметы, вероятно, не были предметами торговли и могли попадать в Предуралье с какими-либо мигрантами из русских земель (например, с теми же странствующими гребенщиками).

Еще более редкими древнерусскими находками являются предметы

Рис. 1. Древнерусские материалы из Пермского Предуралья.

1, 2, 24 – Рождественский м-к; 3–5 – коллекция Зеликмана; 6 – коллекция Теплоуховых; 7 – Анюшкар; 8, 11–13, 17, 18, 19, 20 – Плотниковский м-к; 9, 15, 16 – Саломатовское городище; 10, 14 – Телячий Брод м-к; 21 – д. Михалева; 22 – Городищенское городище; 23 – д. Старица.

Fig. 1. Early Russian materials from the Perm Cis-Urals region.

1, 2, 24 – Rozhdestvensky burial ground; 3-5 – Zelikman's collection; 6 – Teploukhov's collection; 7 – Anyushkar; 8, 11-13, 17, 18, 19, 20 – Plotnikovo burial ground; 9, 15, 16 – Salomatovskoe hillfort; 10, 14 – Telyachii brod burial ground; 21 – Mikhaleva village; 22 – Gorodishchenskoe hillfort; 23 – Staritsa village.

вооружения. В Предуралье учтены две находки каролингских мечей (местонахождения Селезни неподалеку от г. Чёрмоз (Макаров, Мельничук, Третьяков, 2011, с. 108) и у д. Гавриково в Косинском районе – тип Е по А.Н. Кирпичникову). Известны бронзовая булава с шипами XII–XIII вв. киевского типа из д. Модороб, бронзовая булава из д. Новосело с р. Велва, бронзовая гирька от кистеня с р. Лолог и железная булава с 4 шипами из Рождественского городища (находка 2016 г.).

Обнаружены в Предуралье монетные гривны новгородского, киевского и черниговского типов. Так, в составе Чигиробского клада содержалась ромбическая гривна черниговско-киевского типа, три монетные гривны киевского типа входили в состав клада у д. Малый Шакшер, монетные гривны древнерусского происхождения найдены в составе Мало-Аниковской находки и находки в д. Вотяки. Как правило, этим предметам сопутствуют восточные сосуды, в т.ч. с куфическими надписями, что, видимо, указывает на их путь в Прикамье через арабских торговцев и Волжскую Булгарию. Однако среди находок серебряной утвари есть и византийские чаши с древнерусскими надписями, а иногда и со знаками Рюриковичей – эти предметы явно поступили из Руси (Белавин, 2015, с. 40–41).

Еще раз подчеркнем, что все эти находки отнюдь не свидетельствуют о появлении в Предуралье какого-либо древнерусского населения в XI–XII вв. Не указывают на это и редкие находки так называемой «древнерусской» керамики. Эта посуда зафиксирована всего на 10 поселениях родановской культуры, где составляет

незначительный процент. Так, в верхнем слое городища Анюшкар обнаружены фрагменты, по меньшей мере, 8 так называемых «древнерусских» сосудов (1% керамического комплекса) (Белавин, 2002, с. 246). Скорее всего, это так называемая посуда XV группы из Волжской Булгарии – «славяноидная посуда» (Хлебникова, 1984, с. 200–201). Эта керамика сформировалась при участии древнерусского населения и представлена в центральных и северо-восточных районах Булгарии. Именно с этими регионами Волжской Булгарии средневековое население Предуралья имело тесные этнокультурные и экономические связи в домонгольское время, эта посуда могла принадлежать переселенцам из Булгарии в Предуралье (Белавин, 2000, с. 68–71).

Однако ситуация стала меняться в XII–XIII вв. Именно с XII в. начинает существенно меняться облик материальной культуры, в XII–XIII вв. исследователями отмечается усиление притока вещей древнерусского происхождения в Прикамье (Бадер, Оборин, 1958, с. 223).

Возможно, с древнерусским влиянием или движением населения связаны различные инновации в хозяйстве и быту, например, распространение пашенного земледелия (Сарапулов, 2015), появление новых технологических приемов в различных ремеслах, начало использования горизонтально ткацкого станка, новых способов освещения жилища, керамики новых форм с уплощенным дном и пр. Пожалуй, наиболее показательным фактом присутствия древнерусских переселенцев на территории Пермского Предуралья является широкое распространение с конца XI–XII в.

разнообразных украшений из легкоплавких сплавов (преимущественно, свинцово-оловянистых), а также формочек для отливки этих изделий (Вострокнутов, Крыласова, 2012) (рис. 1: 8–20). О.А. Щеглова в ряде статей показала, что традиция литья изделий из низкотемпературных сплавов была заимствована раннеславянским населением Поднепровья и Побужья в VI в. н.э. из Подунавья. Простота изготовления и, вероятно, дешевизна этих вещей, обеспечивавшая их доступность, способствовали их массовому распространению. Традиция изготовления мелких свинцово-оловянистых украшений распространялась с юга на север на волне славянского расселения, достигнув европейского Северо-Запада, где свинцово-оловянистые поделки стали производиться в массовом количестве (Щеглова, 2002, 2004, 2005; Егорьков, Щеглова, 2000). Появление некоторых видов украшений из легкоплавкого металла в Пермском Предуралье, к примеру, колечек-нашивок, вряд ли можно объяснить возникновением моды на них среди местного населения под влиянием западных импортов, поскольку сама традиция использования в костюме подобных нашивных украшений была чужда предуральским финно-уграм. По мнению О.А. Щегловой, появление определенной технологии и сырья не тождественно переносу ремесленной традиции изготовления определенных изделий, которая иногда не может преодолеть этнических и культурных границ (Щеглова, 2002, с. 138). Возникновение моды на украшения из свинцово-оловянистых сплавов обычно сопоставляется с волнами славянских переселенцев, в нашем случае речь идет о «древнерусской ко-

лонизации», которая, по выражению Н.А. Макарова, представляла собой «не расселение этнических славян, а движение колонистов, связанных с древнерусской метрополией, будь то славяне, финны или скандинавы» (Макаров Н.А., 1997, с. 7). О.А. Щеглова подчеркивает, что изготовление изделий из свинцово-оловянистых сплавов не требует высокой специализации, поэтому появление формочек для их отливки на поселениях свидетельствует о движении населения, а не мастеров (Щеглова, 2002, с. 146). При этом мало было наладить производство дешевых украшений, необходимо, чтобы они пользовались спросом (Щеглова, 2002, с. 147). Следовательно, распространялись они либо в среде переселенцев, давно знакомых с подобными украшениями, либо предположительно среди местных жителей, испытывавших культурное воздействие переселенцев при непосредственном контакте с ними (Вострокнутов, Крыласова, 2012, с. 106).

Часть древнерусских вещей проникает в это время в бассейн р. Сылва, где после ухода отсюда населения неволинской культуры в первой трети IX в. проживают группы угорских кочевников (ранние чияликцы?). Здесь найден серебряный с позолотой медальон оплечья второй половины XII – начала XIII в., изготовленный в княжеских мастерских города Владимира, попавший к угорским кочевникам в бассейн р. Сылва (Кишертский могильник) в результате или болгарских торговых операций или каких-либо воинских походов, а также обнаружена в 1903 г. в Кунгурском уезде лицевая створка энколпиона, аналогичная кресту киевского производства пер-

вой половины XIII в. (Макаров Л.Д., 2001).

Зоной древнерусской колонизации становится европейский Северо-Восток, где уже в XII в. появляются опорные пункты древнерусской колонизации. Здесь выделено четыре древнерусских поселения XII–XIV вв., при этом Пожегское городище, по мнению исследователей, на раннем этапе функционирования представляло собой опорный пункт сборщиков дани (Археология Республики Коми, 1997, с. 662–666), на могильниках процент древнерусского импорта возрастал от 35–38% в XII в. до 50–56% – в XIII–XIV вв. (Археология Республики Коми, 1997, с. 657). Как считает Э.А. Савельева, многочисленные находки древнерусских изделий свидетельствуют не только о существовании тесных торговых связей Перми с Русью, но и проникновении и оседании русских на Выми и Вычегде уже с XII в. (Савельева, 1987, с. 173). Отсюда небольшие группы «древнерусского» (т.е. смешанного славяно-финского населения) начинают проникать в Пермское Предуралье.

Показательным памятником, иллюстрирующим процесс переселения в Предуралье этого смешанного славяно-финского потока колонистов (или какого-либо финского населения, уже находившегося под сильным культурным древнерусским влиянием) является Плотниковский могильник под Кудымкаром (изучено 100 погребений). На основе датированных предметов и представительной серии радиоуглеродных дат период функционирования могильника определен XIII–XV вв. Керамика из погребений представляет собой неорнаментированные или слабо орнаментирован-

ные сосуды (чаши, кружки) ручной лепки с уплощенным и плоским дном, без выраженной шейки, с наибольшим расширением в нижней части. Поверхность сосудов небрежно заглажена рукой или куском кожи. Сосуды с ручками и уплощенным дном получили широкое распространение с конца XI – XII в. Они типичны для родановской археологической культуры XII–XV вв., выделенной на территории Пермского края, но хорошо известны также по материалам чепецкой культуры на территории Удмуртии (Иванов, 1998, рис. 70; Иванова, 1998, рис. 93: 10–11) и вымской культуры (могильники Ыджыдбельский и Жигановский) на территории Республики Коми (Археология Республики Коми, 1997, рис. 28: 9). Можно считать, что подобная посуда характерна для материальной культуры пермских финнов (предков удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков) XII–XV вв. (Крыласова, Брюхова, Белавин, 2012, с. 129; Батуева, 2014).

В материалах могильника в достаточно большом количестве представлены вещи древнерусского происхождения. Так, к группе медальонов принадлежат плоские подвески круглой, овальной или квадратной формы с ушком для подвешивания (13 целых и 7 фрагментов), изготовленные из легкоплавких металлов (свинцово-оловянистый сплав, олово). Медальоны круглой формы представлены монетовидными подвесками диаметром до 30 мм, более крупными медальонами с орнитоморфным орнаментом и подвесками-лунницами.

К подвескам с орнитоморфным орнаментом относятся медальоны с изображением птицы, повернутой в левую геральдическую сторону (рис. 1:

17). У птицы длинный клюв, четко выделены крылья, хвост, мощные когтистые лапы. Изображение выполнено путем имитации зерни. По контуру медальона – кайма, образованная концентрированными окружностями, имитирующими ряды, изображенные с помощью зерни. Аналогичная находка из Прикамья имеется в дореволюционной коллекции М.Н. Зеликмана. За пределами Пермского Предуралья подобные изделия встречены в материалах XIV в. Древнего Новгорода (Седова, 1981, с. 45, рис. 15: 1, 3), один раз в материалах Перми Вычегодской (Жигановский могильник, погребение 281) (Савельева, 2010, с. 409, рис. 281: 2).

Подвески-лунницы (7 экз.) принадлежат к типу замкнутых. Из них 6 представляют собой одинаковые изделия небольшого размера – до 2 см в диаметре, седьмая более крупная (до 3 см). По внешнему контуру подвески орнаментированы имитацией штампованной проволоки, вокруг отверстия – имитацией зерни; верхняя орнаментальная зона над отверстием разделена прямыми выпуклыми полосками на 3 части, в которых размещены треугольники, имитирующие зернь, обращенные углом к отверстию; «рога» лунниц украшены косой решеткой. Крупная лунница украшена с двух сторон скано-зерневым орнаментом и треугольниками, покрытыми косой решеткой (рис. 1: 20). Лунницы Плотниковского могильника отлиты из олова в разъемных формах.

В единичном экземпляре представлен квадратный медальон (рис. 1: 19). Он изготовлен из олова литьем в двухстворчатой форме. Обе стороны изделия декорированы «шахматным» орнаментом из чередующихся гладких и

покрытых косой решеткой квадратов (всего 9 квадратов). На территории Пермского Предуралья аналогичный медальон найден на могильнике Телячий Брод (XII–XIV вв., погребение 41) (Вострокнутов, Крыласова, 2012, с. 108, рис. 2: 16).

Многочисленные (более 100) мелкие нашивные бляшки в виде небольшого колечка (диаметром 7–10 мм) с перемычкой и без нее. По форме, декору и технологии изготовления данные изделия можно поделить на две группы. Первую группу составляют выпуклые с одной стороны колечки, имеющие перекадину с декором в виде насечек по окружности или без него. Изделия данной группы изготовлены способом литья в односторонней форме. Большая часть изделий сделана из олова. Во вторую группу входят двояковыпуклые колечки без перекадины с декором в виде насечек по окружности или без него. Изделия были изготовлены способом литья в двухсторонней форме. Большая часть их сделана из олова. Эти изделия были широко распространены на территории Предуралья в XII–XV вв. На соседних территориях аналоги данных изделий обнаружены в материалах Чиргинского могильника (X–XIII вв., Удмуртия) (Иванов, 1998, рис. 55: 16) и Мурзихинского селища (Республика Татарстан) (Руденко, 2002, рис. 58: 18). Формы для отливки таких изделий встречаются в материалах вятичей (Серенск), датируемых XI–XIII вв. (Зайцева, Сарачева, 2011, с. 284, рис. 149: 40).

К рассматриваемой категории относятся привески/нашивки в виде лапок водоплавающих птиц (17 экз.) – плоские ажурные, «скелетные» украшения, орнаментированные насечка-

ми. Изделия выполнены из олова или свинцово-оловянистого сплава способом литья в одностороннюю форму (рис. 1: 18). За пределами Пермского Предуралья данные изделия получили широкое распространение в вымских памятниках, датируемых XII в. (Савельева, 1987, рис. 37: 74) и на территории Западной Сибири в XIII–XIV вв. (Угорское наследие, 1994, рис. 147–150).

В целом облик материальной культуры населения, оставившего Плотниковский могильник, сформирован под мощным влиянием надэтнической культуры европейского Севера (как Северо-Запада, так и Северо-Востока). При этом данная группа имеет определенные связи с населением более южных крупных ремесленно-торговых центров Предуралья – городищами Анюшкар и Рождественским, откуда происходили бронзовые колоковидные пронизки, спиралевидные пронизки, привески-колокольчики, привески-бубенчики, а также серебряные перстни т.н. «булгарского типа», скорее всего, производимые мастерами на указанных городищах.

Плотниковский могильник, таким образом, иллюстрирует начальный этап «древнерусской колонизации», выражавшийся в проникновении в Предуралье небольших групп финского (или смешанного славяно-фин-

ского) населения европейского Северо-Востока.

В XIII–XIV вв. Пермское Предуралье превращается в слабозаселенную область. К XIV в. отмечается резкое уменьшение количества памятников археологии, из 104 объектов XIII в. остается лишь 49. Перестали функционировать 69 памятников (Вострокнутов, 2011). Самая многочисленная группа памятников расположена в верхнем течении Камы (современные Гайнский и Косинский районы) – 20 памятников, вторая по численности группа – 11 памятников – Колвинско-Вишерская. Эта группа может быть сопоставлена с Пермью Великой, первое упоминание о которой относится к 1324 г. (Московский свод, с. 197). По мнению П.А. Корчагина, во времена Стефана Пермского (вторая половина XIV в.) и Федора Пестрого (поход 1472 г.) «... Пермь Великая – это весьма небольшой район по реке Колве протяженностью около 50 километров», – т.е. часть территории Колвинской группы средневековых памятников (Корчагин, 2010, с. 103). Русская керамика XIV–XV вв. найдена при раскопках Искорского городища, где она залегала вместе с фрагментами вымской посуды. По мнению исследователей, изначальная Пермь Великая – это выселки с территории Перми Вычегодской.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулова С.И.* Бусы Рождественского комплекса // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Приложение. Пермь: Пермский фил. Института истории и археологии УрО РАН, 2008. С. 515–535.
2. *Археология республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева.* М.: ДиК, 1997. 756 с.
3. *Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1958. 244 с.
4. *Батуева Н.С.* Сравнительный анализ погребальной посуды на примере Плотниковского могильника (по итогам раскопок 2007–2013 гг.) // Вестник научной ассоци-

ации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Пермь: ПГГПУ, 2014, № 1(10). С. 88–92.

5. *Белавин А.М., Оборин В.А.* Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в XXIII вв. // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР. 1986. С. 63–75.

6. *Белавин А.М.* Археологические памятники эпохи русской колонизации Предуралья и нового времени // Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2002. С. 243–251.

7. *Белавин А.М.* Знаки Рюриковичей из Пермского Предуралья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 10. / Отв. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 36–45.

8. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

9. *Вострокнутов А.В.* Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI–XV вв. Опыт картографического исследования с применением климатических данных // Казанская наука. 2011. № 8. С. 15–19.

10. *Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б.* Украшения XII–XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия История. 2012. Вып. 1(18). С. 105–113.

11. *Егорьков А.Н., Щелова О.А.* Состав свинцово-оловянистых сплавов раннесредневековых кладов "древностей антов" // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. № 4. Київ, 2000. С. 56–61.

12. *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.

13. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 308 с.

14. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

15. *Корчагин П.А.* Шли крестьяне, за ними – государство // Соль. 2010. №3. С. 102–103.

16. *Крыласова Н.Б.* Древнерусские изделия в материалах Рождественского могильника в Пермской области // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Сборник научных трудов. / Отв. ред. Шашков А.Т. Екатеринбург: УрГУ, 2000. С. 232–241.

17. *Крыласова Н.Б.* Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 2. С. 192–197.

18. *Крыласова Н.Б.* Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 1 (21). С. 104–115.

19. *Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г., Белавин А.М.* Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника // РА. 2012, № 2. С. 127–133.

20. *Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2001. 143 с.

21. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: «Скрипторий», 1997. 368 с.

22. *Макаров Э.Ю., Мельничук А.Ф., Третьяков Д.В.* Новые средневековые археологические древности близ г. Чермоза Пермского края // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. Вып.1 (15). С. 104–113.

23. *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск: Из-во Ирк. ун-та, 1990. 168 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородские летописи. СПб: Типография Эдуарда Праца, 1841. 308 с.
25. *Руденко К.А.* Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.): Опыт микрорегионального исследования: Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002. 208 с.
26. *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.
27. *Савельева Э.А.* Жигановский могильник. Сыктывкар: ИИЯЛ КомиНЦ УрО РАН, 2010. 454 с.
28. *Сарапулов А.Н.* Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным: монография. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. 170 с.
29. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / Ред. Зыков А.П. и др. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.
30. *Флёрова В.Е.* Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетей, 2001. 352 с.
31. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
32. *Щеглова О.А.* Изделия из свинцово-оловянистых сплавов с городища Никодимово // Славянский мир Полесья в древности и средневековье : материалы междунар. науч. конференции, 19–20 октября 2004 г. Гомель / Ред. О.А. Макушников. Гомель, 2004. С. 190–193.
33. *Щеглова О.А.* Набор свинцово-оловянистых бляшек с городища Кудеярова Гора из раскопок А.Е. Алиховой 1961 г. // Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Материалы межрегиональной научной конференции / Курск: Курский обл. музей археологии, 2005. С. 57–60.
34. *Щеглова О.А.* Свинцово-оловянистые украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 134–150.

Информация об авторах:

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); belavin@pspu.ru

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Пермский научный центр Уральского отделения Российской академии наук (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

ANCIENT RUSSIAN MATERIALS IN THE PERM CIS-URALS DURING THE 10TH – 11TH CENTURIES

A. M. Belavin, N. B. Krylasova

The article examines the interaction of the Middle Cis-Urals with Russia as an important factor in ethnic and cultural process in the Middle Ages. During the 10th–11th centuries, this interaction was based on trade relations alongside with active intermediary role of the Volga Bulgaria. The Middle Ages Cis-Urals items of south Russian origin found on the settlements appeared as a result of this trade. In the 12th – 13th centuries, the territory populated by the early Russian people approached the Cis-Urals. Russian towns (Glyaden and Ustyug) appeared, as well as hillforts of the Vym culture with mixed Slavic-Finnish population.

Under the project of the Complex program of the Ural Branch of RAS no,15-10-6-29

Thus, a network of basic Russian colonies in the northern Cis-Urals region was formed. Infiltration of the mixed population from the regions of European North-East to the Middle Cis-Urals begins in the 13th–14th centuries. This is proved by archaeological materials and innovations in everyday life of the Kama river region's inhabitants. According to the authors, the Plotnikovo burial ground of the 13th–14th centuries in the Perm land is a bright example of such infiltration and spread of super-ethnic culture of the European North.

Keywords: archaeology, the Middle Cis-Urals, Ancient Russia, the Middle Ages, trade, migration, colonization

REFERENCES

1. Abdulova S. I. 2008. In Belavin, A. M., Krylasova, N. B. *Drevniaia Afkula: arkhelogicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University, 515–535 (in Russian).
2. Savel'eva, E. A. (ed.). 1997. *Arkheologiya Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: "DiK" Publ. (in Russian).
3. Bader, O. N., Oborin, V. A. 1958. *Na zare istorii Prikam'ia (At the Dawn of History of the Kama Basin)*. Perm: "Permskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
4. Batueva, N. S. 2014. In *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov I aspirantov istoricheskogo fakul'teta PGGPU (Bulletin of the Scientific Association of Students and Graduate Students of the Department for History, Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 1(10). Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 88–92 (in Russian).
5. Belavin, A. M., Oborin, V. A. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaya Bulgariya i Rus' (k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 63–75 (in Russian).
6. Belavin, A. M. 2002. In Belavin, A. M. (ed.). *Ocherki arkhologii Permskogo Predural'ia. Uchebnoe posobie dlia studentov i aspirantov (Essays on the History of Perm Cis-Urals: Textbook for graduate and post-graduate students)*. Perm: Perm State Pedagogical University, 243–251 (in Russian).
7. Belavin, A. M. 2015. In Krylasova, N. B. (ed.). *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VI. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 36–45 (in Russian).
8. Belavin, A. M. 2000. *Kamskii torgovyi put'. Srednevekovoe Predural'e v ego ekonomicheskikh i etnokul'turnykh svyaziakh (Kama Trade Route: Medieval Cis-Urals in its Economic and Cultural Relations)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
9. Vostroknutov, A. V. 2011. In *Kazanskaia nauka (Kazan Science)* (8), 15–19 (in Russian).
10. Vostroknutov, A. V., Krylasova, N. B. 2012. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 18 (1), 105–113 (in Russian).
11. Egor'kov, A. N., Shcheglova, O. A. 2000. In *Arkheometriya ta okhorona istoryko-kul'turnoi spadshchyny (Archaeometry and Conservation of Historical and Cultural Heritage)* 4. Kiev, 56–61 (in Russian).
12. Zaitseva, I. E., Saracheva, T. G. 2011. *Iuvelirnoe delo «zemli viatichei» vo vtoroi polovine XI–XIII vv. (Jewelry of the "Vyatichi Land" in the Second Half of 11th – 13th Centuries)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
13. Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and*

Economic Relations of the Cheptsra River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th – First Half of 13th Centuries)). Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

14. Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtское gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th–13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

15. Korchagin, P. A. 2010. In *Sol' (Salt)* (3). Perm, 102–103 (in Russian).

16. Krylasova, N. B. 2000. In Shashkov, A. T. (ed.). *Novgorodskaiia Rus': Istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie (Novgorod Rus: Historical Space and Cultural Heritage)*. Yekaterinburg: Ural State University, 232–241 (in Russian).

17. Krylasova, N. B. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 192–197 (in Russian).

18. Krylasova, N. B. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriiia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 21 (1), 104–115 (in Russian).

19. Krylasova, N. B., Briukhova, N. G., Belavin, A. M. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 127–133 (in Russian).

20. Makarov, L. D. 2001. *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ia v X–XV vv. (Ancient Russian Population in the Kama Area in 10th–15th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

21. Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiia severnykh okrain Drevnei Rusi v XI–XIII vekakh. Po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov na volokakh Beloz'er'ia i Poonezh'ia (Colonization of Northern Margins of the Early Rus' in 11th–13th Centuries. By Materials from Archaeological Sites on the Portages of Belozero and Onega)*. Moscow: “Skriptorii” Publ. (in Russian).

22. Makarov, E. Yu., Melnichuk, A. F., Tretiakov, D. V. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriiia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 15 (1), 104–113 (in Russian).

23. Oborin, V. A. 1990. *Zaselenie i osvoenie Urala v kontse XI – nachale XVII v. (Peopling and Development of Ural in Late 11th – Early 17th Centuries)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

24. *Novgorodskie letopisi (Novgorod Chronicles)*. 1841. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) III. Saint Petersburg: Eduard Prats typography (in Russian).

25. Rudenko, K. A. 2002. *Ostrov «Murzikha» i ego okrestnosti. Khronologicheskii atlas arkheologicheskikh kolleksiis NM Respubliki Tatarstan (1991 – 1999 gg.) Opyt mikroregional'nogo issledovaniia. Katalog arkheologicheskikh kolleksiis NM Respubliki Tatarstan (Murzikha Island and Its Environs. Chronological Atlas of Archaeological Collections of Tatarstan National Museum (1991 – 1999). An Experience of Microregional Research. Catalog of Archaeological Collections of Tatarstan National Museum)*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

26. Savel'eva, E. A. 1987. *Vymskie mogil'niki XI–XIV vv. (The Vym' Burial Grounds of 11th – 14th Centuries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).

27. Savel'eva, E. A. 2010. *Zhiganovskii mogil'nik (Zhiganovka Burial Ground)*. Syktyvkar: Institute for History, Language, and Literature, Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

28. Sarapulov, A. N. 2015. *Srednevekovoe zemledelie Permskogo Predural'ia po arkheologicheskim dannym (Medieval Agriculture in the Perm Cis-Urals Region by Archaeological Data)*. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University (in Russian).

29. Zykov, A. P., et al. (eds.). 1994. *Ugorskoe nasledie: drevnosti Zapadnoi Sibiri iz sobranii Ural'skogo universiteta (Ugric Heritage: Antiquities of Western Siberia from Collections of the Ural University)*. Yekaterinburg: “Vneshtorgizdat” Publ. (in Russian).

30. Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo I remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ. (in Russian).

31. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware from the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

32. Shcheglova, O. A. 2004. In Makushnikov, O. A. (ed.). *Slavianskii mir Poles'ia v drevnosti I srednevekov'e (The Slavic World of Polesye in Antiquity and Middle Ages)*. Gomel: Francysk Skaryna Gomel State University, 190–193 (in Russian).

33. Shcheglova, O. A. 2005. In Yu. A. *Lipking I arkheologii Kurskogo kraia (Yu. A. Lipking and Archaeology of the Kursk Region)*. Kursk: Kursk State Regional Museum of Archaeology, 57–60 (in Russian).

34. Shcheglova, O. A. 2002. In Kirpichnikov, A. N. (ed.). *Ladoga I ee sosedi v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and its Neighbours in the Middle Age)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 134–150 (in Russian).

About the Authors:

Belavin Andrey M., Doctor of Historical Sciences, Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; belavin@pspu.ru

Krylasova Natalia B., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Статья поступила в номер 21.11.2016 г.

УДК 903.25

СМЕНА ИНВЕНТАРЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ XI–XIII ВЕКОВ МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО ПОВЕТЛУЖЬЯ

© 2017 г. А.В. Акилбаев

В статье анализируется процесс смены набора украшений и металлических деталей костюма, который прослеживается на материалах древнемарийских могильников Нижнего Поветлужья и прилегающих районов Поволжья начиная с середины XI в. Этот процесс отражает направление торговых и культурных контактов населения Нижнего Поветлужья в середине XI–XIII вв. Анализ погребального инвентаря ряда средневековых марийских могильников Нижней Ветлуги – таких как Выжумский II, Выжумский III, Дубовский, Руткинский, Починковский, Русенихинский – позволил выявить предметы, происходящие с территории Древней Руси, а также более отдаленных западных территорий: Финляндии, Скандинавии, Прибалтики. На основании датировок и аналогий установлено, что преобладающая часть этих вещей имеет древнерусское происхождение. Удастся связать происхождение отдельных типов украшений с конкретными территориями и племенами Северной Руси и установить основные центры их поступления.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Нижнее Поветлужье, раннее средневековье, марийская культура, Древняя Русь, погребальный инвентарь, типы украшений.

Тема смены инвентаря, произошедшей с середины XI в. в погребениях древнемарийских могильников не нова и уже затрагивалась в литературе, однако требует более пристального рассмотрения.

Среди памятников средневековой марийской культуры особое место занимает группа могильников, расположенных в Нижнем Поветлужье и прилегающих районах Поволжья. К ним относятся Выжумские могильники, Дубовский, Руткинский, Починковский. Эти памятники отдалены от древнемарийских могильников в Среднем Поветлужье и Вятском бассейне (Веселовский, Юмский, «Черемисское кладбище», Кочергинский) и представляют собой обособленную группу. Особое положение занимает Русенихинский могильник. В целом он тяготеет к северной группе могиль-

ников, но по ряду признаков, в рамках этой статьи, его можно объединить с перечисленными некрополями. Обозначенные могильники примыкают к Волге – крупнейшей магистрали того времени.

С середины XI в. в погребениях древнемарийских могильников начинает заметно меняться облик инвентаря. Этот процесс отмечался исследователями (Никитина, 2002, с. 153–154) и характерен не только для древнемарийских памятников. В этот период в материалах могильников Вятско-Ветлужского междуречья наблюдается постепенный приток вещей славян и западных финно-угров, который усиливается к рубежу XI–XII в.

Большой интерес представляют находки **височных колец** – украшений, часто имеющих яркую этническую окраску.

1. Кольцевые, небольшого диаметра, с несколькими напускными бусинами и загнутым концом (2 экз.) (рис. 1: 1). Такого типа украшения характерны для восточной и распространены на северо-западе Новгородской земли в XI–XIV вв. (Левашева, 1967, с. 19; Древняя Русь, 1997, с. 65; Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. X: 1–6).

2. Кольцевое, небольшого диаметра, с бубенчиком (1 экз.) (рис. 1: 2). Такие височные кольца встречены на Елизаровском могильнике (Горюнова, 1961, с. 215), в могильнике Минино II (Археология севернорусской деревни, 2008, с. 116).

3. Ромбоцитковое височное кольцо (1 экз.) (рис. 1: 3), характерное для словен новгородских (Седова, 1981, с. 9–10).

4. Кольцевые, большого диаметра, концы никак не оформлены, заходят друг за друга, иногда перевязаны тонкой проволокой (20 экз. и 11 обломков) (рис. 1: 4). Такие изделия распространены в финно-угорском мире, но основной массив находок находится на северо-западе Новгородской земли (Археология севернорусской деревни, 2008, с. 101).

5. Кольцевые, большого диаметра, концы которых завязаны (3 экз.) (рис. 1: 5), характерны для смоленско-полоцких кривичей, встречаются в Ярославском и Костромском Поволжье, Новгороде (Древняя Русь, 1997, с. 64; Седов, 1982, с. 160, табл. XLVIII, XLIX: 1).

6. Кольцевые, небольшого диаметра, с одной-тремя напускными бусинами (32 экз.) (рис. 1: 15). Были распространены достаточно широко по территории Северной Руси (Рябинин, 1986, с. 57–58, табл. I: 12–12).

К рубежу XI–XII в. эти типы височных украшений вытесняют браслетообразные проволочные височные кольца с отогнутым концом, а в XII в. постепенно распространяются бусинные височные кольца и рубчатые перстни (см. ниже), применяемые в качестве височных украшений.

Следующим характерным элементом влияния славяно-финского потока следует отметить **шейные гривны**.

1. Гривна из тонкого, круглого в сечении дрота, концы которого раскованы, оформлены крючками и украшены орнаментом «волчий зуб» (1 экз.) (рис. 2: 1). Оформлением дрота это изделие похоже на гривны Костромского Поволжья, Владимиро-Суздальской и Новгородской земель, Белозерья и Поонежья (Фехнер, 1967, с. 71–73; Макаров, 1997, с. 117; Рябинин, 1986, с. 60).

2. Гривны из тонкого, треугольного в сечении дрота, концы которого заходят друг за друга и оформлены головками. Лицевая сторона раскованной части дрота украшена орнаментом «волчий зуб» (3 экз.) (рис. 2: 2). Встречаются на широкой территории Руси в X – начале XI в. (Фехнер, 1967, с. 78–79; Макаров, 1997, табл. 151: 3).

3. Железные гривны (10 экз.) (рис. 2: 3). Сильно корродированы. Гривны из Русенихинского и Руткинского могильников имеют следы обмотки латунной проволокой. Такая же гривна встречена в Нефедьевском могильнике (Макаров, 1997, с. 125, 179, 151: 5). Железные гривны часто встречаются на Руси (Древняя Русь, 1997, с. 66).

4. Бронзовая гривна из перевитых, круглых в сечении проволок (1 экз.) (рис. 2: 4). Концы ее оформлены в

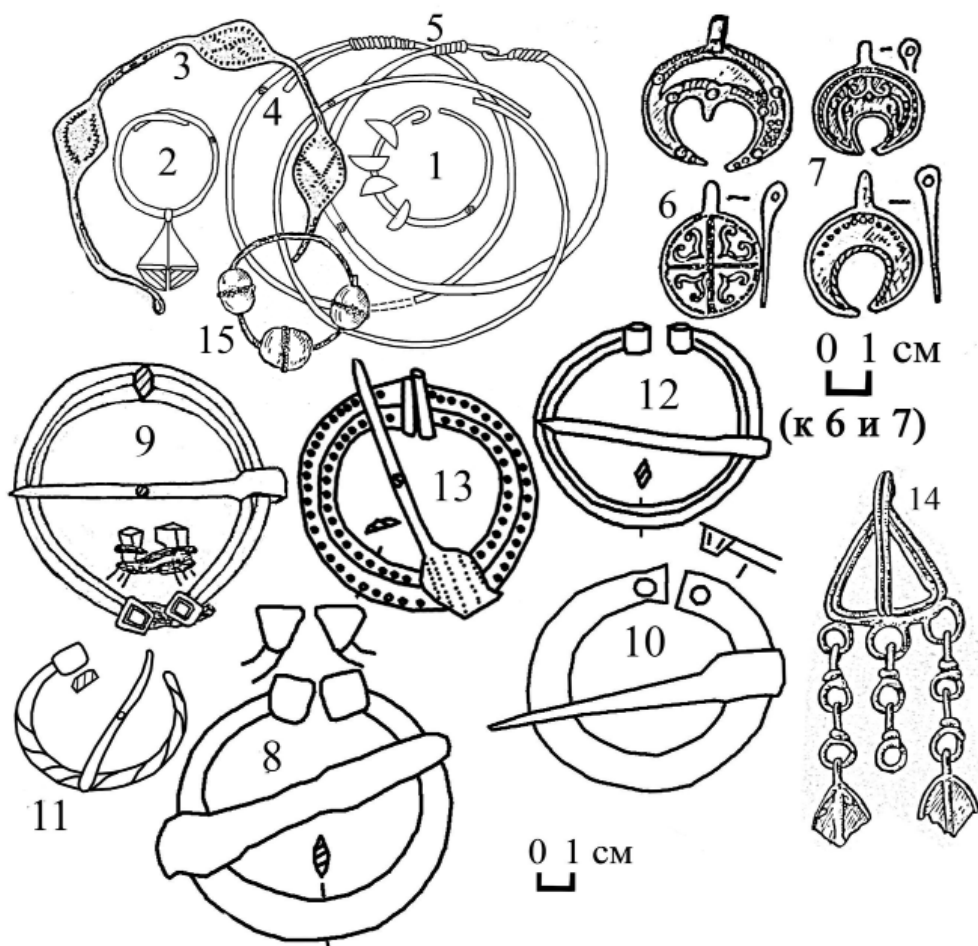

Рис. 1. Головные и нагрудные украшения из погребений могильников Нижнего Поволжья: 1 – Нижняя Стрелка, п. 11-а; 2 – Нижняя Стрелка, п. 4; 3 – Выжумский II, п. 3; 4 – Нижняя Стрелка, п. 5; 5 – Нижняя Стрелка, пп. 5, 23; 6 – Выжумский III, п. 22; 7 – Выжумский III, пп. 22 и 24; Починковский, п. 6; 8 – Нижняя Стрелка, п. 5; 9 – Дубовский, п. 42; 10 – Выжумский III, п. 10; 11 – Русенихинский, п. 6; 12 – Руткинский п. 17; 13 – Выжумский III, п. 22; 14 – Выжумский II, п. 2; 15 – Выжумский III, п. 24. (1, 2, 4, 5, 8, 9 – по Никитина, 2012; 3, 6, 7, 10, 11–15 – по Архипов, 1986).

Fig. 1. Head and chest garments from the graves of burial grounds in the Lower Veltuga region: 1 – Nizhnyaya Strelka, gr. 11-a; 2 – Nizhnyaya Strelka, gr. 4; 3 – Vyzhum II, gr. 3; 4 – Nizhnyaya Strelka, gr. 5; 5 – Nizhnyaya Strelka gr. 5, 23; 6 – Vyzhum III, gr. 22; 7 – Vyzhum III, gr. 22 and 24; Pochinok, gr. 6; 8 – Nizhnyaya Strelka, gr. 5; 9 – Dubovo, gr. 42; 10 – Vyzhum III, gr. 10; 11 – Rusenikha, gr. 6; 12 – Rutka, gr. 17; 13 – Vyzhum III, gr. 22; 14 – Vyzhum II, gr. 2; 15 – Vyzhum III, gr. 24. (1, 2, 4, 5, 8, 9 – after Nikitina, 2012; 3, 6, 7, 10, 11–15 – after Arhipov, 1986).

виде петли и крючка. Похожие изделия найдены на памятниках Новгородской и Владимиро-Суздальской земель (Фехнер, 1967, с. 71, 72).

5. Бронзовая гривна из перевитых проволок, с оформленными гранеными головками концами (1 экз.) (рис. 2: 5). Похожие гривны имеются в материалах радимичей (Седов, 1982, табл. XLVII: 12).

6. Гривна, свитая из двух бронзовых проволок, концы раскованы, украшены орнаментом «волчий зуб» и оформлены в виде петли и крючка (1 экз.) (рис. 2: 6). Такие украшения встречены во Владимиро-Суздальской и Новгородской землях, Костромском Поволжье (Фехнер, 1967, с. 71–73, 84).

7. Пластинчатая серповидная гривна (1 экз.) (рис. 2: 7). Такие гривны характерны для мордвы и славянских древностей Московской и Ленинградской областей (Древняя Русь, 1997, с. 66).

Таким образом, можно выделить несколько территорий, из которых гривны поступали в Нижнее Поволжье. Это прежде всего земли между Белым озером и средним течением Оки, Костромское Поволжье. Еще одна территория – Новгородская земля. Все рассмотренные шейные гривны появляются на территории расселения древних марийцев в XI в., но обычные для раннесредневековых марийских древностей «глазовские» гривны они вытеснили только к концу XI в.

Изменения претерпели и **шейные подвески**.

Широкое распространение по сравнению с предыдущим периодом получили круглые (монетовидные) подвески (13 экз.) (рис. 1: 6), особенно это характерно для погребений

XII–XIII вв. К XII–XIII вв. относится и появление лунниц (5 экз.) (рис. 1: 7). Аналогичные подвески являются частыми находками на территории Руси (Древняя Русь, 1997, с. 67, 69).

В рассматриваемый период, как и в X–XI вв., в древнемарийских погребениях встречаются **фибулы**.

1. С дугой линзовидного сечения и воронковидными концами (1 экз.) (рис. 1: 8). Головки оформлены в виде перевернутой усеченной пирамиды, с выемками по краям. Аналогии можно встретить в странах Прибалтики, Финляндии, Скандинавии, в Ленинградской, Смоленской, Владимирской областях, Новгороде (Древняя Русь, 1997, с. 73).

2. Сечение дуги восьмигранное а на концах – головки в виде усеченной перевернутой пирамиды со срезанными углами (1 экз.) (рис. 1: 9). Аналогии встречены во Владимирской, Ленинградской областях, Новгороде (Мальм, 1967, с. 183).

3. Сечение дуги прямоугольное, а головки оформлены в виде восьмигранных «башенок» (1 экз.) (рис. 1: 10). Подобные украшения известны из памятников территории Латвии (Нукшинский могильник, 1957, табл. VIII: 8).

4. Дуга оформлена кручением или нарезкой, одна головка не сохранилась, вторая сохранилась крайне плохо (1 экз.) (рис. 1: 11). Фибулы с крученой дугой известны из материалов Новгорода (Древняя Русь. Быт и культура, 1997, с. 73, 56: 1; Седова, 1981, 31: 6–7), Прибалтики (Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. III: 6, табл. CVIII: 6–10, CXIV: 20, CXXI: 20).

5. Со спиралевидными концами и с ромбическим сечением дуги (1 экз.)

(рис. 1: 12). Аналогичные фибулы происходят из памятников Верхнего Поволжья, Прибалтики, Скандинавии, Ленинградской области (Мальм, 1967, с. 179–180).

6. Со спиралевидными концами и с рубчиком вдоль дуги (1 экз.) (рис. 1: 13). Аналогии таким изделиям встречаются на Верхней Волге, в Финляндии, Смоленской и Ленинградской областях (Мальм, 1967, с. 178).

Говоря о нагрудных украшениях, стоит отметить, что на смену арочным и трапезиевидным подвескам, широко распространенным в IX–XI вв., приходят **подвески** с треугольной основой из гладких спаянных проволок (3 экз.) (рис. 1: 14). Ближайшие аналогии им имеются в материалах Владимирской, Ярославской, Тверской, Ивановской областей. Они считаются типичным элементом материальной культуры мари IX–XII вв. (Голубева, 1982, с. 117).

Наиболее ярко смену погребального инвентаря на рубеже XI–XII вв. иллюстрируют **браслеты**, поскольку он широко применялись древними марицами.

1. «Звериноголовые» (58 экз.). Концы таких браслетов оформлены стилизованным изображением головы животного (рис. 3: 1). Аналогии имеются в материалах могильников Верхней Волги (Степанова, 2010, с. 287). Встречены также в курганах Южного Приладожья (Левашева, 1967, с. 215).

2. Ложновитые (3 экз.) (рис. 3: 2). Представляют собой дрот, на который нанесена нарезка, имитирующая витые. Известны аналогичные браслеты из древностей Белоозера, Костромского Поволжья, владимирских курганов. Единичные аналогии найдены в Верхнем Поволжье, бассейне р. Мо-

сквы, Оки (Захаров, 2004, с. 180; Левашева, 1967, с. 220, 225).

3. Пластинчатые разомкнутые узкие браслеты с расширяющимися концами (15 экз.) (рис. 3: 3). Они получили распространение на Верхней Волге, в Прибалтике, на севере Руси (Левашева, 1967, с. 237; Археология севернорусской деревни, 2008, 105; Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. III; Нукшинский могильник, 1957, табл. VI: 10, 13; Макаров, 1997, с. 125, табл. 139: 5; Спицын, 1905, с. 153, 333, 338, 339, 346; Леонтьев, 1984, с. 188). Стоит отметить, что аналоги в целом отличаются от древнемарийских образцов орнаментом.

4. Пластинчатые браслеты с одним закругленным концом (2 экз.) (рис. 3: 4). На одном экземпляре из погребения 10 могильника «Нижняя Стрелка» в закругленный конец продето кольцо. Браслеты такого типа широко представлены на Золотаревском поселении. Экземпляры с этого памятника без колец, но в публикации указано, что они «имеют на концах отверстия для колечек» (Белорыбкин, 2001, с. 53). Аналогии есть в материалах Белоозера, мордвы (Захаров, 2004, с. 181, 85: 48; Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008, 65: 5–6; 72: 3–4).

5. Витые из проволок, петлеконечные (11 экз.) (рис. 3: 5). Витые петлеконечные браслеты встречаются в Новгороде (Седова, 1981, с. 94–96, 34: 3а), в материалах мордвы (Петербургский, Аксенов, 2006, 25: 11), на памятниках вятичей (Никольская, 1981, с. 228), в костромских курганах (Рябинин, 1986, табл. II: 9).

6. Плетеные, свободноконечные браслеты (2 экз.) (рис. 3: 6). Встречены они в Новгороде (Седова, 1981, с. 100–102).

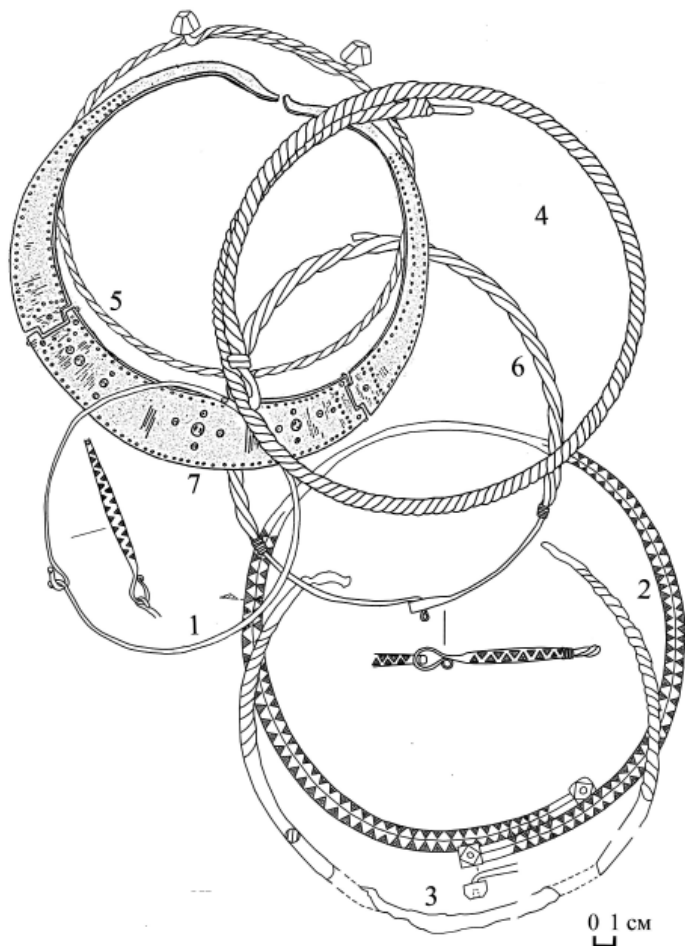

Рис. 2. Шейные гривны из могильников: 1 – Русенихинский, п. 17; 2 – Нижняя Стрелка, п. 11; 3 – Нижняя Стрелка, п. 30; 4 – Русенихинский, жертвенный комплекс; 5 – Нижняя Стрелка, п. 23; 6 – Нижняя Стрелка, п. 4; 7 – Руткинский, п. II (1 – по Никитина, Акилбаев, 2014; 2, 3, 5, 6 – по Никитина, 1990; 7 – по Архипов, 1986).

Fig. 2. Neck grivnas from the burial grounds: 1 – Rusenikha, gr. 17; 2 – Nizhnyaya Strelka, gr. 11; 3 – Nizhnyaya Strelka, gr. 30; 4 – Rusenikha, sacrificial complex; 5 – Nizhnyaya Strelka, gr. 23; 6 – Nizhnyaya Strelka, gr. 4; 7 – Rutka, gr. II (1 – after Nikitina, Akilbaev, 2014; 2, 3, 5, 6 – after Nikitina, 1990; 7 – after Arhipov, 1986).

7. Витые из проволоки браслеты, концы которых намотаны друг на друга (22 экз.) (рис. 3: 7). Аналогии широко представлены материалами из древнерусских памятников X–XII вв. (Древняя Русь, 1997, с. 74; Макаров, 1997, с. 120; Археология севернорусской деревни, 2008, 105: 1; Горюнова, 1961, 84: 4).

8. Сплетенные из нескольких проволок концы связаны между собой (2 экз.) (рис. 3: 8). Аналогии известны из могильников муромы и мешеры и из владимирских курганов XI–XII вв. (Монгайт, 1961, с. 119).

9. Имеются случаи использования в качестве браслетов височных колец, концы которых завязаны (см. выше).

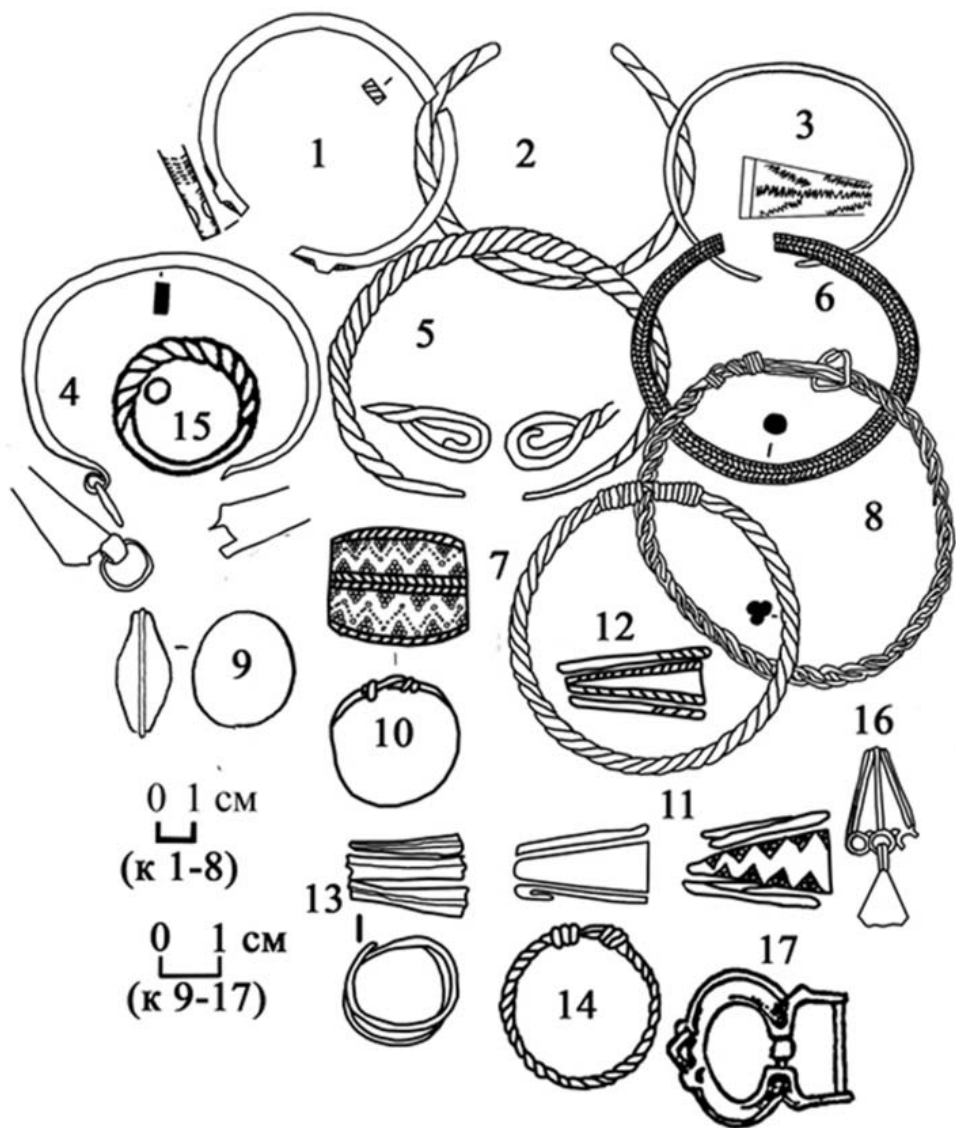

Рис. 3. Украшения рук и поясная пряжка из могильников: 1 – Нижняя Стрелка, п. 19; 2 – Дубовский, п. 74; 3 – Нижняя Стрелка, п. 15; 4 – Нижняя Стрелка, п. 10; 5 – Нижняя Стрелка, п. 5; 6 – Нижняя Стрелка, п. 19; 7 – Нижняя Стрелка, п. 4; 8 – Нижняя Стрелка, п. 15; 9 – Дубовский, п. 23; 10 – Нижняя Стрелка, жертвенный комплекс 4; 11 – Нижняя Стрелка, п. 17 и Дубовский, п. 74; 12 – Нижняя Стрелка, п. 17; 13 – Русениха, п. 8; 14 – Нижняя Стрелка, п. 5; 15 – Дубовский, п. 16; 16 – Нижняя Стрелка, п. 3; 17 – Дубовский, п. 19 (1–15, 17 – по Никитина, 2012).

Fig. 3. Hand garments and a belt buckle from the burial grounds: 1 – Nizhnyaya Strelka, gr. 19; 2 – Dubovo, gr. 74; 3 – Nizhnyaya Strelka, gr. 15; 4 – Nizhnyaya Strelka, gr. 10; 5 – Nizhnyaya Strelka, gr. 5; 6 – Nizhnyaya Strelka, gr. 19; 7 – Nizhnyaya Strelka, gr. 4; 8 – Nizhnyaya Strelka, gr. 15; 9 – Dubovo, gr. 23; 10 – Nizhnyaya Strelka, sacrificial complex 4; 11 – Nizhnyaya Strelka, gr. 17 and Dubovo, gr. 74; 12 – Nizhnyaya Strelka, gr. 17; 13 – Rusenikha, gr. 8; 14 – Nizhnyaya Strelka, gr. 5; 15 – Dubovo, gr. 16; 16 – Nizhnyaya Strelka, gr. 3; 17 – Dubovo, gr. 19 (1–15, 17 – after Nikitina, 2012).

Рассмотренные браслеты локализовались в Волго-Окском междуречье и Белоозерье, на территориях поволжских финнов, а также в Новгородской земле. Вытеснение характерных для марийцев IX–XI вв. дровяных граненых браслетов началось в XI в. и закончилось к его концу. В могильниках Нижнего Поволжья XII–XIII вв. такой тип браслетов уже не встречается. Их место заняли пластинчатые, «звериноголовые» и витые (завязанные или петлеконечные) браслеты, происходящие преимущественно с территории Волго-Окского междуречья.

Перстни по-прежнему продолжают играть большую роль, их носят по несколько экземпляров, но уже заметно уменьшение их количества, которое наиболее проявилось с XII в.

1. Щитковый перстень с валиком, концы образуют одну дугу (1 экз.) (рис. 3: 9). Встречаются такие перстни во Владимирской, Московской, Калужской областях, в Нефедьевском могильнике и мордовских древностях (Недошивина, 1967, с. 270; Археология севернорусской деревни, 2008, с. 121).

2. Щитковые, с завязанными концами, перстни (4 экз.) (рис. 3: 10). Такие перстни встречаются на широкой территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в Прибалтике, Скандинавии, мордовских древностях (Археология севернорусской деревни, 2008, с. 121; Древняя Русь, 1997, с. 77).

3. «Усатые» щитковые перстни без валика (10 экз.) (рис. 3: 11). Аналогии известны из материалов Прибалтики (Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. III: 8, CVII: 30, CXVI: 19; Хвошинская, 2004, с. 90), владимирских курганов, Ленинград-

ской, Псковской, Ярославской областей, Новгорода (Недошивина, 1967, с. 267; Рябинин, 1997, 60: 25–26).

4. «Усатый» рубчатоконечный перстень (1 экз.) (рис. 3: 12). Подобные изделия встречены в Новгороде, на северо-западе Новгородской земли, в Финляндии, Прибалтике (Седова, 1981, с. 130), на Сарском городище (Леонтьев, 1996, 74: 6–7).

5. С очень узким щитком, «усы» раскованы в пластину (1 экз.) (рис. 3: 13). Похожие перстни (но не прямые аналоги) есть в древностях словен новгородских (Седов, 1982, табл. XXI: 6), латгалов (Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. CVII: 29), муромов (Бейлекчи, 2005, 9).

6. Витой из проволоки, с завязанными концами перстень (1 экз.) (рис. 3: 14). Аналогия встречена на Мининском археологическом комплексе (Археология севернорусской деревни, 2008, с. 296; 110: 14).

7. Рубчатые (ложновитые) перстни (61 экз.) (рис. 3: 15). Такие украшения были широко распространены на территории Северной Руси (Недошивина, 1967, с. 264; Захаров, 2004, с. 182; Древняя Русь, 1997, с. 76).

8. С простым щитком и лапчатыми привесками (1 экз.) (рис. 3: 16). Привески расположены поперек щитка. Аналогии известны из материалов мари (Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. XXIX: 9, 16), муромы (Бейлекчи, 2005, 18), во Владимирской и Тверской областях (Недошивина, 1967, с. 270).

Как можно увидеть, перстни происходят преимущественно из территории Волго-Окское междуречья и Белоозерья. Имеются аналогии и на более

западных территориях, однако все они встречены в Северо-Восточной Руси и в Волго-Окском междуречье.

До конца XI в. в costume древнемарийского населения господствуют «усатые» перстни с валиком и лишь в конце XI в. их вытесняют рассмотренные виды перстней.

К концу XI в. все еще встречаются наборные пояса с обилием накладок, но в XII в. они заменяются простыми поясами с **пряжкой**. Появляются лировидные пряжки (5 экз.) (рис. 3: 17), характерные для всей Северной Руси (Седова, 1981, с. 144). Иногда встречаются разделительные поясные кольца, также аналогичные изделиям севера Руси (Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987, табл. XXII; Седова, 1981, с. 150–152; Археология севернорусской деревни, 2008, 86).

Металлические украшения обуви, столь характерные для марийских могильников IX–XI вв., исчезают.

Таким образом, наблюдается существенная смена погребального инвентаря в древнемарийских могильниках на рубеже XI–XII вв. Украшения славяно-финского облика вытесняют характерные для древних марийцев типы украшений («глазовские» гривны, граненые браслеты, «усатые» перстни), а в XII в. коренным образом изменяются как женский, так и мужской марийский костюм. Марийская культура во многом теряет яркие этнические черты, характерные для IX–XI вв., количество украшений уменьшается.

Изменения касаются и железных предметов. Уже не встречаются биметаллические кресала, на их место приходят железные калачевидные и

овальные огнива, типы топоров становятся аналогичными орудиям с более западных территорий, исчезает оружие (боевые топоры, клинковое оружие, копья), однако сохраняется большое количество наконечников стрел.

Многие из представленных вещей имели широкое распространение на территории Северной Руси, но достаточно четко локализируются три центра: 1) Волго-Окское междуречье и Верхнее Поволжье, 2) Белоозерье, 3) Новгород и Новгородская земля. Причем изделия из первого центра заметно преобладают.

Характер поступления вещей западного облика, вероятно, был сложным. Большое количество однотипных изделий (браслетов, топоров, кресал) может говорить о сбыте ремесленной продукции древнерусских (вне зависимости от их этнической принадлежности) мастеров, которые в связи с освоением Волго-Окского междуречья стали ближе к Среднему Поволжью и Поветлужью, но редкое марийское население вряд ли могло быть стабильным потребителем этих товаров. Это может свидетельствовать и о некоторых этнических контактах, поскольку речь идет о времени усиления феодализации и христианизации славяно-финского населения Восточной Руси, сопровождавшихся так называемым «восстанием волхвов» в Ростове и Белоозере. Вероятно, эти процессы спровоцировали миграцию на восток. Однако вопрос о том, захоронены ли в древнемарийских могильниках представители иных этносов, остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология северорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / Отв. ред. Н.А. Макаров / Т. 2: Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.
2. Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.
3. *Архинов Г.А.* Марийцы XII–XIII вв. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1986. 163 с.
4. *Бейлекчи В.В.* Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. 278 с.
5. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.
6. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2008. 352 с.
7. *Голубева Л.А.* К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 110–124.
8. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.
9. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 2004. 592 с.
10. *Левашова В.П.* Браслеты // Очерки истории по русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–247.
11. *Левашова В.П.* Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 7–54.
12. *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
13. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: «Скрипторий», 1997. 368 с.
14. Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 149–206.
15. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.
16. *Недошивина Н.Г.* Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Тр. ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 253–274.
17. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
18. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: «Отечество», 2012. 408 с.
19. *Никитина Т.Б.* Погребальный обряд могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Повелужья / АЭМК. Вып. 17 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. С. 81–118.
20. *Никитина Т.Б., Акилбаев А.В.* Древнерусские вещи в материалах Русенихинского могильника (XI в.) // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 9 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ. 2014. С. 65–74.
21. *Никольская Т.Н.* Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК. 1949. Вып. XXX. М.: АН СССР. С. 31–41.
22. Нукшинский могильник // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Т. I / Отв. ред. Э.Д. Шноре, Т.Я. Зейд. Рига: Издательство АН Латвийской ССР, 1957. 103 с.

23. *Петербургский И.М., Аксенов В.Н.* Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2006. 148 с.
24. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.
25. *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе древней Руси. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 260 с.
26. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
27. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
28. *Спицын А.А.* Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84–172.
29. *Степанова Ю.В.* Хронология древнерусских погребальных комплексов Верхневолжья // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 285–296.
30. *Фехнер М.В.* Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–87.
31. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. Т. 17. М.: Наука, 1987. 511 с.
32. *Хвоцинская Н.В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове). СПб.: Изд-во "Дмитрий Буланин", 2004. 428 с.

Информация об авторе:

Акилбаев Александр Владимирович, научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия), akilbaev.alexandr@yandex.ru

CHANGE OF GRAVE GOODS IN THE MIDDLE 11TH – 13TH CENTURIES IN THE BURIAL GROUNDS IN THE LOWER VETLUGA AREA

A. V. Akilbaev

The author examines changing patterns in the decoration set and metal elements of costume traceable by materials offered by the Old Mari burial grounds in the Lower Vetluga area and the neighboring Volga area starting from the middle 11th century. This process reflects trade and cultural contacts of the Lower Vetluga population in the middle of 11th – 13th centuries. The analysis of grave goods from a number of medieval Mari burial grounds in the Lower Vetluga, such as Vyzhum II, Vyzhum III, Dubovo, Rutka, Pochinok, Rusenikha, allowed distinguishing some artefacts originating from the territory of the Old Rus' and more remote western territories: Finland, Scandinavia, the Baltic Sea zone. The dating and the analogies support the Old Russian origin of the majority of these artefacts. The study allowed linking some types of decoration to certain territories and tribes of the Northern Rus' and identify their main production centers.

Keywords: archaeology, Middle Volga area, Lower Vetluga region, Early Middle Ages, Mari culture, Ancient Rus', grave goods, types of garment

REFERENCES

1. Zakharov, S. D. (ed.). 2008. *Arkheologiya severnorusskoi derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake)* 2. *Material'naia kul'tura i khronologiya (Material Culture and Chronology)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Kolchin, B. A., Makarova, T. I. (eds.). 1997. *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

3. Arkhipov, G. A. 1986. *Mariitsy XII–XIII vv. (Mari People in 12th – 13th Centuries)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel’stvo” Publ. (in Russian).
4. Beilekchi, V. V. 2005. *Drevnosti letopisnoi muromy. Pogrebal’nyi obriad i poseleniia (Antiquities of the Chronicles’ Muroma Tribe: Burial Rite and Settlements)*. Murom: Moscow Psychological and Social Institute (in Russian).
5. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevskoe Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
6. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiiia mordovskikh mogil’nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh’ia (Chronology of Mordovian Burial Grounds of the 1st – 14th Centuries Population in the Western Part of the Middle Volga Area)*. Saransk: Mordovia State University (in Russian).
7. Golubeva, L. A. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsy River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 110–124 (in Russian).
8. Gorionova, E. I. 1961. *Etnicheskaia istoriia Volgo-Okskogo mezhdurech’ia (Ethnic History of the Volga-Oka Area)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 94. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
10. Levashova, V. P. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 207–247 (in Russian).
11. Levashova, V. P. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 7–54 (in Russian).
12. Leont’ev, A. E. 1996. *Arkheologiia meri. K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi (Archaeology of the Merya People. Towards Pre-History of North-Eastern Rus’)*. Moscow: “Geoeko” Publ. (in Russian).
13. Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiia severnykh okrain Drevnei Rusi v XI–XIII vekakh. Po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov na volokakh Belozh’ia i Poonezh’ia (Colonization of Northern Margins of the Early Rus’ in 11th – 13th Centuries. By Materials from Archaeological Sites on the Portages of Belozero and Onega)*. Moscow: “Skriptorii” Publ. (in Russian).
14. Mal’m, V. A. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 149–206 (in Russian).
15. Mongait, A. L. 1961. *Riazanskaia zemlia (The Ryazan Land)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
16. Nedoshivina, N. G. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: “Sovetskaia Rossiia” Publ., 253–274 (in Russian).
17. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov’ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).
18. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal’nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech’ia (Funerary Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).
19. Nikitina, T. B. 1990. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Drevnosti Povetluzh’ia (Antiquities of the Vetluga River Basin)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and

Ethnography of Mari Land) 17. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute, 81–118 (in Russian).

20. Nikitina, T. B., Akilbaev, A. V. 2014. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 9. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 65–74 (in Russian).

21. Nikolskaia, T. N. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 31–41 (in Russian).

22. Šnore, E. D., Zeid, T. Ja. (eds.). *Nukshinskii mogil'nik (Nukšu Burial Ground)*. 1957. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Latviiskoi SSR (Materials and Studies on the Archaeology of the Latvian SSR)* I. Riga: Academy of Sciences of the Latvian SSR (in Russian).

23. Peterburgskii, I. M., Aksenov, V. N. 2006. *Vadskaiia mordva v VIII–XI vv. (Mordvinians of the Vad River Basin in 8th – 11th Centuries)*. Saransk: Mordovian State University (in Russian).

24. Riabinin, E. A. 1986. *Kostromskoe Povolzh'e v epokhu srednevekov'ia (The Kostroma Volga Region in the Middle Ages)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

25. Riabinin, E. A. 1997. *Finno-ugorskie plemena v sostave drevnei Rusi (Finno-Ugric Tribes as a Part of Ancient Rus)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

26. Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv. (Eastern Slavs in 6th – 13th Centuries)*. Series: *Archaeology of the USSR* 14. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

27. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th – 15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

28. Spitsyn, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 15. Saint Petersburg, 84–172 (in Russian).

29. Stepanova, Yu. V. 2010. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 285–296 (in Russian).

30. Fekhner, M. V. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Series: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 55–87 (in Russian).

31. Sedov, V. V. (ed.). 1987. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: *Archaeology of the USSR* 17. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Khvoshchinskaia, N. V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli (po materialam mogil'nika Zalakhtov'e) (Finns in the West of Novgorod Land (by materials of graveyard Zalakhtovye))*. Series: *Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences* VI. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).

About the Author:

Akilbaev Alexander V., Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; akilbaev.alexandr@yandex.ru

Статья поступила в номер 23.12.2016 г.

УДК 902.2

К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИИ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ (НА ОПЫТЕ РАБОТЫ МАРАЭ)

© 2017 г. А.В. Михеев

В статье проанализирован опыт работы Марийской археологической экспедиции с 2011 по 2016 годы по определению границ объектов культурного (археологического) наследия на основе методики, рекомендованной Министерством культуры Российской Федерации. В процессе практической работы были выработаны рекомендации по совершенствованию отдельных положений методики применительно к различным типам памятников на территории Марий Эл. Автором внесены предложения по корректировке соответствия методических положений по определению границ с нормативными инструкциями Института археологии РАН при проведении полевых работ и существующим законодательством по охране культурного наследия.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, Республика Марий Эл, Марийская археологическая экспедиция, памятник археологии, границы объекта археологии, культурное наследие, методика.

Работы по определению границ территории объектов культурного (археологического) наследия МарАЭ ведутся с 2011 года, когда стал вопрос о количестве памятников в зоне влияния Чебоксарской ГЭС, степени их разрушения и территории, ими занимаемой. Площадь определялась по распространению культурного слоя и подъемного материала, визуально фиксируемым объектам, отчасти по топографическим особенностям местности. В течение полевого сезона на предмет определения границ было обследовано более 80 объектов археологии (Михеев, 2011; Ефремова, 2012). Основную массу составляли поселенческие памятники, которые имели внешние признаки в виде западин от древних жилищ. Можно говорить о том, что при исследованиях в зоне затопления Чебоксарского водохранилища, проводимых МарНИИЯ-ЛИ совместно с ИА РАН, практически проверялись те положения, которые

в настоящее время рекомендованы Министерством культуры РФ. В первую очередь, имеется в виду «Письмо Минкультуры РФ от 27.01.2012 № 12-01-39/05-АБ «О Методике определения границы территории объекта археологического наследия». В период с 2012 по 2016 год работы по определению границ объектов археологии были уже не такими масштабными (Акилбаев, 2012; Ефремова, 2012; Михеев, 2014, 2015). По сути, методом проб и ошибок велась работа по уточнению положений «Методики...» применительно к различным типам памятников на территории Марий Эл. Результаты проведенных исследований стали предметом рассмотрения в данной статье.

Основной целью рассматриваемого вида работ «Методикой...» признаются картографическая привязка и определение координат (в системе WGS-84 или МСК) границ объекта археологического наследия. Опыт по-

казывает, что системы WGS и МСК значительно отличаются друг от друга в плане погрешности: в первом случае она исчисляется метрами, во втором сантиметрами. Поэтому весь комплекс работ лучше сразу выполнять в местной системе координат, что значительно упрощает законодательное закрепление объекта археологии в реестре.

Определение границ памятников археологии – действительно интересная и очень нужная работа, которая требует не только знаний специфики объекта исследования и опыта полевой работы, но и знания современного законодательства. Глазомерные планы, как показывает практика, не соответствуют реальным границам памятников. Конечно, методика таких работ пока отрабатывается и уточняется, но основная практическая значимость заключается в обеспечении юридической защищенности памятника путем включения сведений о границах территорий объектов культурного наследия (ОКН) в государственный кадастр недвижимости. Важным моментом проведения таких работ является и осуществление мониторинга состояния памятников археологии. Как следствие в ходе исследований не только уточняются и корректируются границы, но часто могут поменяться культурная принадлежность памятника и соответственно датировка.

Согласно пункту 3.2. «Методики...» определение границ выявленного объекта археологического наследия осуществляется на основании анализа нескольких составляющих, касающихся территории, местоположения, характеристики сооружений, места сбора и расположения находок, участков фиксации культурного слоя;

ландшафтно-топографической и антропогенной ситуации, архивной и музейной информации. Относительно непосредственно археологических работ, связанных с определением границ объектов археологического наследия (ОАН), предполагается три этапа: изучение архивных источников (кем и когда открыт, место расположения, датировка, культурная принадлежность); полевые (натурные) исследования (закладка шурфов, уточнение привязок и топоплана, датировки, культурной принадлежности, определение границ распространения культурного слоя); написание отчета. Разберем по порядку.

Наиболее легкий путь в работе с архивами, в частности при составлении исторической справки, может ограничиваться выписками из опубликованных источников: «Атлас» или «Карта» археологических памятников. В действительности в них содержатся краткие сведения, но нет, пожалуй, основного – графического материала, в котором даются топоплан, места шурфовки и/или сбора подъемного материала. Отсутствие первоисточника (полевых зарисовок, отчета) порождает целую череду неточностей и часто грубых ошибок. Учитывая, что большая часть памятников археологии не обследовалась в течение последних 20–40 лет, в настоящее время наиболее проблемным является обнаружение ранее открытых памятников археологии. Иногда ситуация меняется кардинально: изменение русла реки, пересыхание водоема, лесоустроительные работы (вырубка или посадка деревьев), активное хозяйственное освоение территории и т.п. Они усугубляются и отсутствием у наших предшественников инстру-

ментальной топосъемки, привязок по GPS-навигатору и других технических новшеств современности. В результате появляются вопросы типа: «А тот ли это памятник?».

Если современному исследователю повезло и объект соответствует заявленному местоположению и названию, то проблем в составлении нового топоплана и привязок к ближайшему населенному пункту не возникает. Далее все зависит от постановочных шурфов, количество которых и местоположение определяется исходя из специфики и типа конкретного памятника. При этом принципиальных отличий в определении границ распространения культурного слоя нет. Иными словами, если в шурфе/шурфах зафиксирован культурный слой, то на прилегающей территории необходимо забить шурф/шурфы, свидетельствующие об отсутствии культурного слоя, и наоборот.

Непосредственно при проведении полевых исследований было выявлено своеобразие археологических работ по определению границ и их коренное отличие от того, что понимается под «археологической разведкой». Во-первых, классическая разведка предполагает фиксацию новых (выявленных) памятников археологии с определением их культурной принадлежности, датировки и границ. Во-вторых, мониторинг известных объектов археологии на предмет их современного состояния. Ни первое, ни второе не предполагают закладку большого количества постановочных шурфов. Границы определяются по геоморфологии (дюна, мыс и т.п.), визуально заметным признакам (жилищная западина, курганная насыпь, вал, ров городища и т.п.) и/или рас-

пространению подъемного материала. Получаем в итоге, что при прохождении какого-либо конкретного выбранного разведочного маршрута границы выявленных объектов археологии определяются приблизительно. На практике, в 90% случаях, реальные границы существенно отличаются. Исключение составляют археологические исследования в пределах территорий выделяемых под хозяйственное освоение, где точное определение границ выявленного объекта – важнейшая составляющая, которая требует наличия у исследователя достаточных знаний и опыта полевой работы.

Важно понимать, что у каждого объекта археологии существует своя специфика в определении границ. Рассмотрим наиболее распространенные на территории Марий Эл типы археологических памятников и их особенности.

На поселениях эпох камня и бронзы в подавляющем большинстве случаев жилищные западины визуально фиксируются на современной дневной поверхности. Что нужно знать при определении их границ? Во-первых, за пределами видимых границ впадин культурный слой, а тем более находки, как правило, отсутствуют. Во-вторых, в составе поселения могут быть как визуально фиксируемые впадины, так и невыраженные, что вполне объяснимо для песчаного грунта. Кроме того, впадины могут быть засыпаны в результате антропогенного влияния. В этом случае необходимы полевые чертежи предшественников, которые вкуче с постановочными шурфами помогают определить в современном рельефе изначально зафиксированные котлованы от древних жилищ (рис. 1). В-третьих, следует учиты-

вать расположение источника воды. Как правило, границы очерчиваются по распространению культурного слоя на склоне верхней части дюны (возвышенности, мыса и т.д.) или по краю террасы. При этом выходы от поселения/жилища к воде не учитываются. Постановочным шурфом такой объект (тропа) выявить очень сложно или практически не реально. Кроме того, визуально фиксируемые впадины не отражают реального размера древней постройки (рис. 2). Это дает возможность воспользоваться пунктом 7.6.3. «Методики...»: «В случае если культурный слой, археологический объект, археологический материал (находки и предметы), связанные с каким-либо этапом функционирования объекта археологического наследия, расположен за пределами границ, определяемых по подошве естественного возвышения, но не более чем на расстоянии 25 м от нее, необходимо определить территорию распространения слоя (объектов, материала) для включения ее в границы территории объекта археологического наследия». Соответственно остается констатировать, что границы распространения культурного слоя и объектов не совпадают с общими границами памятника археологии. И постановка шурфов должна производиться так, чтобы были подтверждены реальные границы распространения культурного слоя, то есть шурф с культурным слоем должен подтверждаться шурфом без признаков культурного слоя. Например, в 2013 году разведочным отрядом МарАЭ определялись границы объекта археологического наследия «Шалангуш, поселение 8» (рис. 3). Была произведена шурфовка по периметру визуально фиксируе-

мых жилищных впадин. Все шурфы подтверждают наличие культурного слоя поселения, граница была проведена по внешней стороне шурфов максимум в 5 метрах. При работах 2015 года, проводившихся в связи с выделением территории под зону хозяйственного освоения, произведена дополнительная шурфовка, в результате которой площадь памятника по распространению культурного слоя увеличилась более чем на 200 кв. м.

Опыт показывает, что для определения границ поселений достаточно забить шурфы по периметру впадин визуально фиксируемых на момент обследования и отмеченных на топографических планах предшественниками. Для определения характера культурного слоя (культурной принадлежности и датировки), особенно если памятник является выявленным объектом и шурфовки на нем ранее не производились, необходимы шурфы в межжилищном пространстве. В какой-то степени это позволяет выяснить и характер самих впадин: искусственные сооружения или естественные формы рельефа. Идеальным является закладка постановочного шурфа во впадине, но это запрещено методикой полевых исследований.

Поселения/селища открытого типа эпох раннего железного века (РЖВ) и средневековья в большинстве случаев не имеют визуальных признаков. Топографическая граница также часто не выражена, особенно если памятник расположен на дюне в пойме, то есть, по сути, имеется одна топографическая особенность: край террасы/дюны. Пункт 7.2. «Методики...» гласит: «Граница территории объекта археологического наследия определяется на местности по резуль-

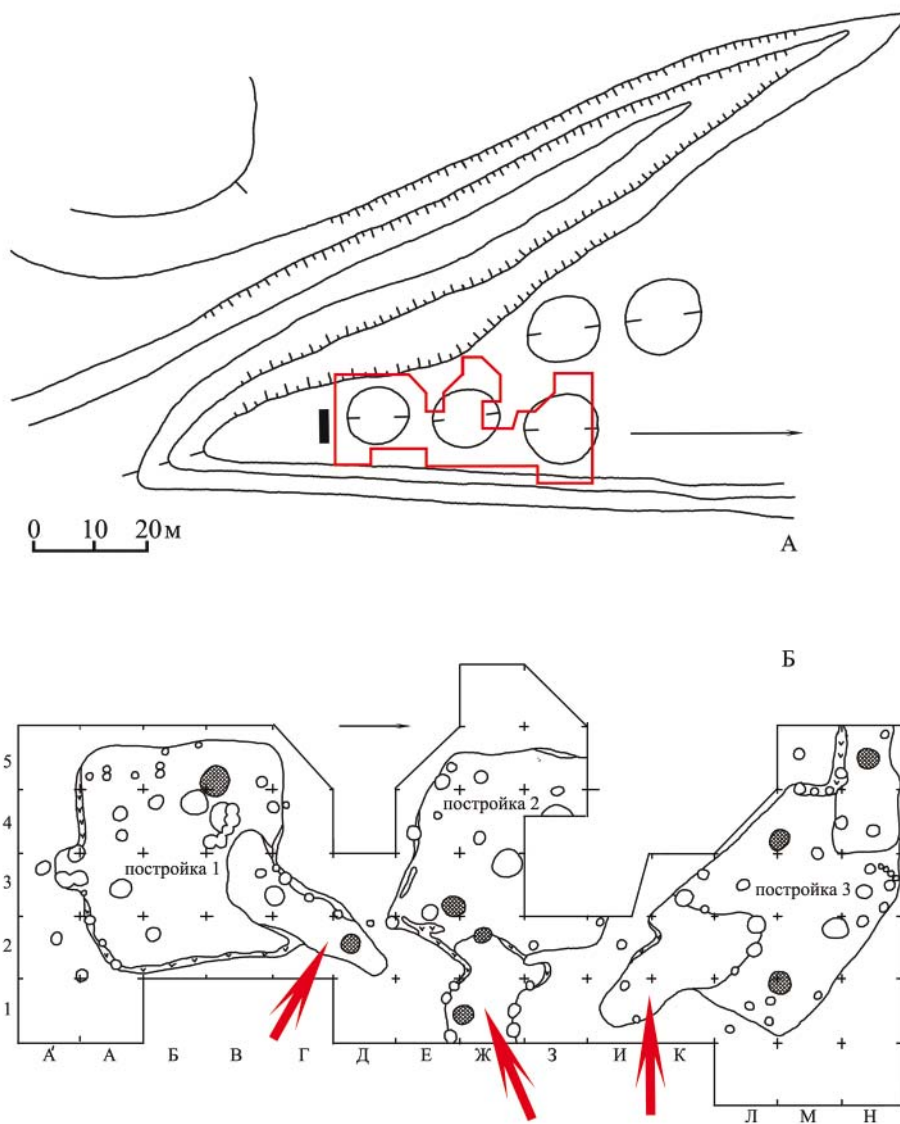

Рис. 2. Кокшамарское II поселение (по В.В. Никитину, Б.С. Соловьеву, 2002, Табл. 26, 1). А – топографический план, Б – план раскопа.

Fig. 2. Kokshamary II settlement (after В.В. Никитин, Б.С. Соловьев, 2002, Табл. 26, 1). А – topographic plan, Б – dig plan.

Рис. 3. Шелангушское VIII поселение. Топографический план.

Fig. 3. Shelangush VIII settlement. Topographic plan.

татам проведенных археологических (естественнонаучных) исследований, особенностям элементов рельефа (подшва террасы или гривы, лог, овраг, ложбина и т.д.), границам растительных зон или условно, на расстоянии не менее 25 м от крайних визуально определяемых археологических сооружений, обнажений культурного слоя, мест скопления археологических предметов». Таким образом, в случае выделения земель под хозяйственное освоение, исследованиям будет подвержена вся площадь, очерченная и утвержденная в кадастре согласно установленным границам.

Однако фиксация границ таких объектов по распространению подъемного материала – самый простой выход, но и менее всего отражающий реальную площадь, занимаемую памятником. Поясню. Если территория распаивалась на протяжении последних ста лет, то при залегании культурного слоя на глубине менее 40 см площадь распространения находок могла увеличиться в несколько раз, а не на 25 м от границ культурного слоя. Конечно, объектом охраны является не только культурный слой памятника как таковой, но и артефакты, связанные с периодом существования объекта археологии. Вероятно, имеет смысл определять и отделять границы распространения культурного слоя и границы распространения находок из этого слоя с тем, чтобы изначально обозначить различные виды археологических работ: археологические раскопки и археологические наблюдения соответственно в случае попадания территории в зону хозяйственного освоения.

Есть определенные наработки и в определении границ укрепленных по-

селений – городищ. В идеальном варианте распространение культурного слоя ограничивается валом, рвом и склонами мыса, как, например, на городищах у с. Пайгуново или д. Красная Горка (рис. 4). С учетом оползания склонов граница определяется по подошве террасы и включает в себя все выступы и площадки террасы, то есть, поскольку имеются четкие топографические границы – склоны террасы и вал/ров, – необходимости шурфовки нет. Однако имеются обстоятельства, которые нельзя обойти. Практика показывает, что большинство площадок «жилой зоны» городищ являются многослойными. При этом более раннее поселение может являться поселением открытого типа, и его культурный слой распространяется за пределы визуально фиксируемых оборонительных сооружений (вал, ров). В качестве примера можно привести Ардинское городище, где оборонительные сооружения построены во второй половине I тыс. н.э., а культурный слой ананьинской эпохи со стороны напольной площадки распространяется более чем на 30 м (рис. 5). При этом слой РЖВ является неотъемлемой частью культурных напластований городища, и границы памятника в данном случае будут включать не только ограниченную валом и рвом территорию, но и всю территорию со слоем ананьинской эпохи. В данном случае получается, что городище является одним из элементов территории многослойного археологического памятника. Второе обстоятельство связано с распространением за пределы оборонительных сооружений поселения/селища, которое по материалу (культурная принадлежность, хронология) аналогично тому,

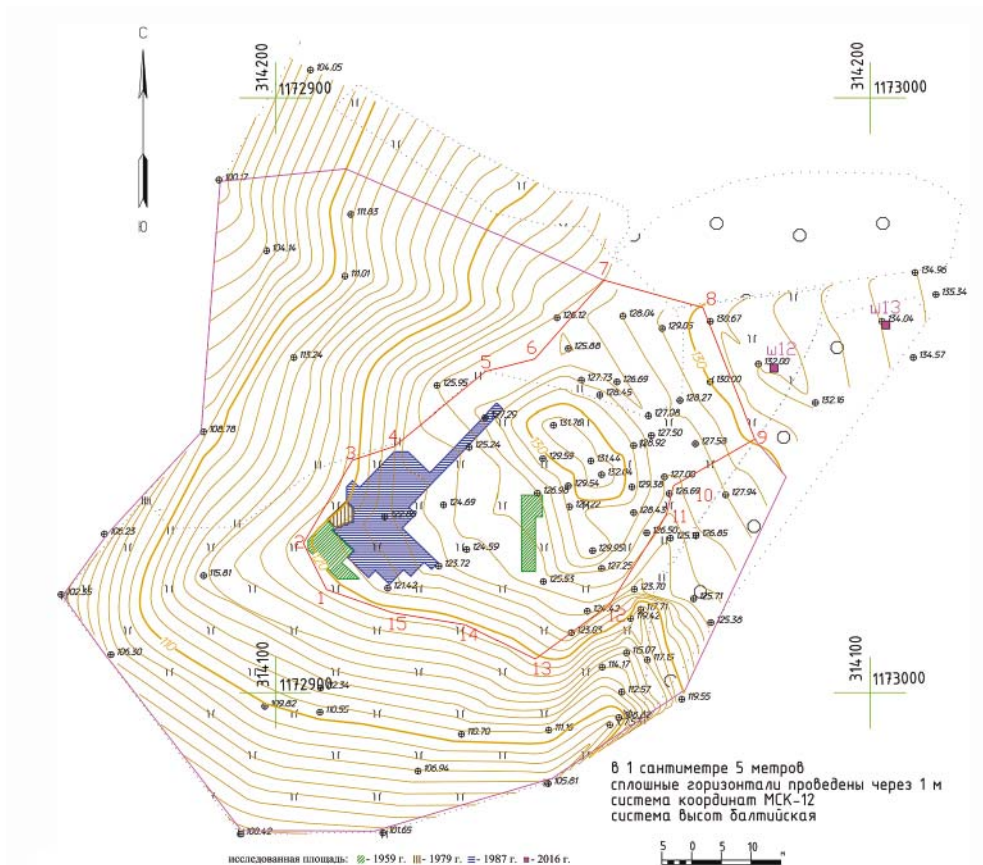

Рис. 4. Пайгусовское городище. Топографический план.

Fig. 4. Paygusovo hillfort. Topographic plan.

что найдено в слоях «жилой зоны» городища. Что, например, прослежено при постановке границ городища «Иванова Гора». Отделять границы городища от границ распространения культурного слоя в таком случае также будет неправильным. Соответственно границы объекта определяются вообще по результатам распространения культурных слоев на всей прилегающей территории. «Иванова Гора» интересна также тем, что открытое поселение раннего средневековья имеется и у подножия городища, но оно не попадает в зону 25 м, которая обозначена в «Методике...»

и соответственно должно иметь свои границы. Трудно судить, насколько это правомерно, хотя было бы логично объединить всю территорию в единый комплекс.

Пожалуй, наиболее конкретно в «Методике...» (пункте 7.6.9.) сказано об определении границ курганных могильников: «Граница территории одиночного объекта археологического наследия также может быть определена с учетом возможных визуально не фиксируемых сооружений. В этом случае граница территории одиночного объекта археологического наследия может быть определена на расстоянии

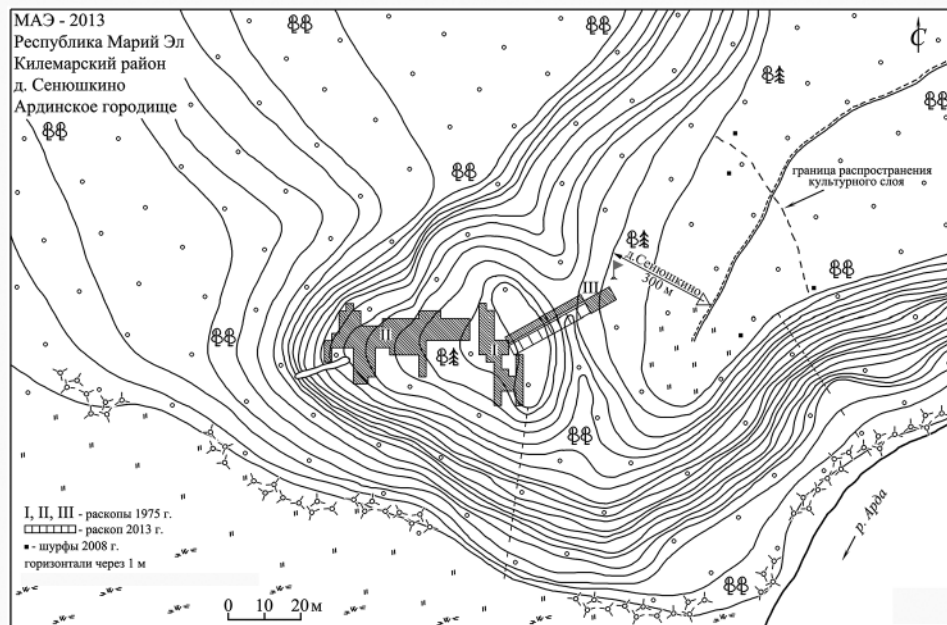

Рис. 5. Ардинское городище. Топографический план.

Fig. 5. Ardy hillfort. Topographic plan.

от 2-х м от подошвы насыпи, внешнего периметра сооружений, ориентировочных границ элементов объекта археологического наследия; указанное расстояние не должно превышать 25 м». К сожалению, опыта определения границ курганов/курганых могильников пока нет, наличие курганно-грунтовых могильников (типа Климкинскогo) остается большим вопросом. Опыт раскопок курганых групп (на территории Марий Эл представлены памятниками абашевской культуры) показывает, что сооружений, культурного слоя и находок за пределами насыпей нет.

В 2016 году впервые была проведена работа по определению границ территорий грунтовых могильников. Данный вид памятников является наиболее сложным в части определения границ, поскольку главной задачей является локализация места рас-

пространения погребений. По сути, грунтовые могильники не имеют культурного слоя и состоят из множества отдельных объектов – погребений. Погребения могут располагаться рядами и группами. Между рядами и группами может быть (часто именно так и есть) расстояние более 5 м. В результате установлено, что наиболее точным методом определения границ территории памятника применительно к данному типу объектов археологического наследия, является постановка траншей. Большую роль при этом играет ориентация погребений. Например, поскольку ориентация погребений на Пайгусовском могильнике – север–юг, – для большей вероятности попадания на могильное заполнение траншеи забивались по линии северо-восток – юго-запад (рис. 6). Поскольку ранее на этом памятнике было вскрыто 11 погребений

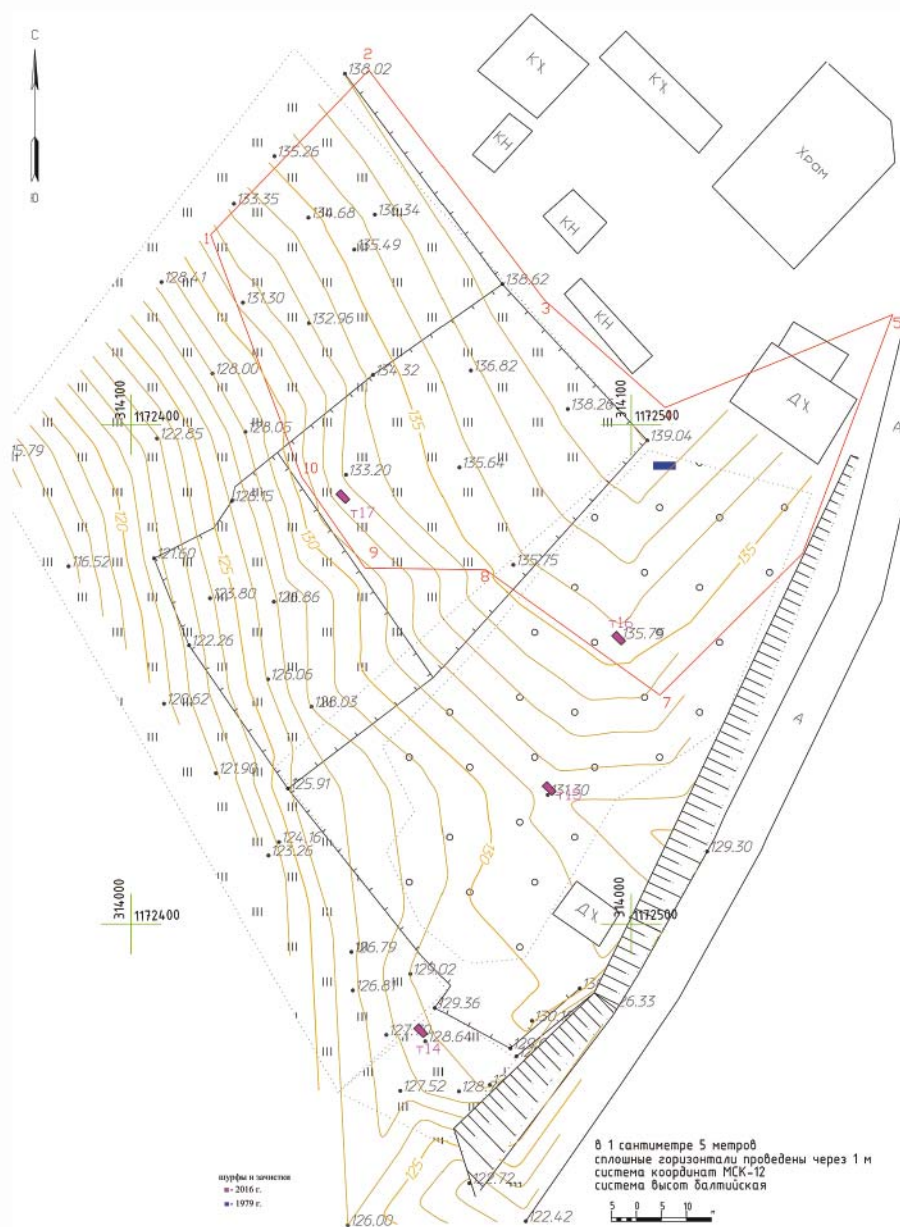

Рис. 6. Пайгусовский могильник. Топографический план.

Fig. 6. Paygusovo burial ground. Topographic plan.

и установлены культурная и хронологическая принадлежность памятника (Горюнова, 1937, с. 279–284; Архипов, Шикаева, 1979, с. 180), необходимость вскрывать погребения, обнаруженные

в ходе определения границ территории, отсутствовала. Таким образом, погребения фиксировались на уровне обнаружения, наносились на план и консервировались. Данная методика

является наиболее приемлемой именно для установления границ грунтовых могильников.

В ходе работ текущего года возникла необходимость в доработке и корректировке методики определения границ памятников археологии. При этом важно отметить, что п. 1.4. «Методики...» дает весьма широкие возможности: «Территориальные органы охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Российской Федерации, органы охраны объектов культурного наследия субъектов Российской Федерации вправе дополнять положения настоящей Методики с учетом археологической, ландшафтно-топографической и хозяйственной специфики отдельного региона. Региональные дополнения настоящей Методики должны основываться на принятых методиках археологических исследований в конкретном регионе и согласовываться в Учреждении Российской академии наук Институте археологии РАН (ИА РАН)».

В заключение хотелось бы указать на то, что обращает на себя внимание при проведении исследований по определению границ, а особенно при написании отчета о проделанной работе. Будем руководствоваться тем, что археологические работы предполагают: а) археологические разведки; б) археологические раскопки; в) археологические наблюдения (п. 2. Правил). Во-первых, согласно существующей законодательной базе и сопутствующей документации («Методика определения границ», «Положение о порядке производства археологических работ») на памятниках с определенной культурной и хронологической позицией шурфовка не допускается. Однако при рабо-

тах по определению границ это неизбежно. Во-вторых, «Открытый лист для работ по определению границ» выдается с формулировкой «археологические разведки с осуществлением локальных земляных работ...». Это предполагает закладку на одном объекте шурфов объемом не более 20 кв.м. Практика показала, что при определении границ средневековых селищ, топографические границы которых не выражены, количество шурфов превышает допустимые при разведочных работах объемы (рис. 7). Границы грунтовых могильников шурфами 1 × 1 или 2 × 2 м также не определить – необходима закладка траншей, что опять же неизбежно ведет к превышению допустимых вскрытию площадей. Будет ли оправдана ссылка на пункт 7.6.12 «Методики...», которая гласит: «Во всех случаях определение границы территории объекта археологического наследия происходит с учетом индивидуальных особенностей исследуемого объекта», – сказать трудно. Однако существующее противоречие между двумя основополагающими документами – «Методикой...» и «Положением...» – следует каким-то образом устранять.

В целом наиболее важными положениями «Методики...», которыми, собственно, и следует руководствоваться при работах по определению границ объектов археологического наследия, являются пп. 6 и 7, в которых, по сути, определено понятие того, что входит в территорию ОАН и соответственно подлежит охране в пределах границ, установленных в ходе архивных и полевых исследований.

Работа по определению границ объектов археологического наследия,

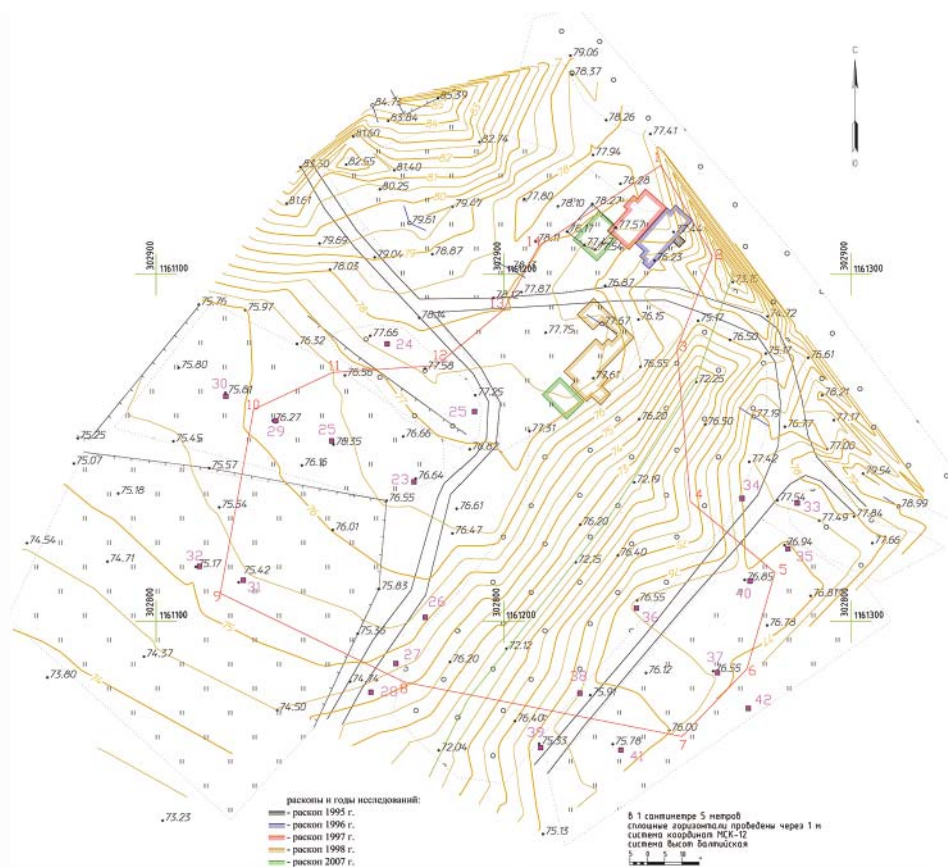

Рис. 7. Красное Селище, селище II. Топографический план.

Fig. 7. Krasnoye Selische, unfortified settlement II. Topographic plan.

является, пожалуй, самым действенным механизмом по предотвращению разрушения памятников в результате хозяйственной деятельности. Данное направление важно и в плане обеспечения государственного учета памятников, поскольку в ходе работ значительно корректируются учетные данные объектов археологии, определяется техническое состояние памятников, уточняется датировка. Матери-

алы дают обоснование для внесения изменений в землеустроительную, лесоустроительную и градостроительную документацию. В целом это позволяет Госоргану оперативно вносить сведения для регистрации объектов в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акилбаев А.В. Отчет о работах по определению границ территорий объектов историко-культурного наследия в Килемарском и Юринском районах Республики Марий Эл в 2012 году / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 1211.

2. *Архинов Г.А., Шикаева Т.Б.* Отчет о раскопках МарАЭ за 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7688.
3. *Горюнова Е.И.* Археологические разведки на территории горного правобережья Волги в пределах Марийской ССР // СА. Т. 4 / Отв. ред. В.В. Струве. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937 С. 279–284.
4. *Ефремова Д.Ю.* Отчет о результатах разведочных работ на территории Горномарийского района РМЭ летом 2011 года (Том II) / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 1146.
5. *Ефремова Д.Ю.* Отчет о результатах разведочных работ на территории Республики Марий Эл в 2012 году (Горномарийский и Звениговский районы) (Том II) / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 1181.
6. Методика определения границ территорий объектов археологического наследия, рекомендованной к применению с 1 января 2012 года (письмо Министерства культуры РФ № 12-01-39/05-АБ от 27 января 2012 г.) // <http://7law.info/russia/government1f/s383.htm> (дата обращения: 02.12.2016)
7. *Михеев А.В.* Научно-исследовательские археологические работы (разведки) на территории Килемарского района РМЭ / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 1193.
8. *Михеев А.В.* Научно-исследовательские археологические работы (разведки) на территории Звениговского района РМЭ / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 1185.
9. *Михеев А.В.* Определение границ территории объектов археологического наследия в Звениговском районе РМЭ в 2015 году (в 2-х томах) / НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 1209.
10. *Никитин В.В.* Отчет о разведках в зоне газопровода Уренгой-Помары-Ужгород в Звениговском районе (1991). Йошкар-Ола, 1991 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 16246.
11. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МарАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 162 с., илл.
12. Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия. Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2014 года N 127 // <http://docs.cntd.ru/document/499077970> (дата обращения: 02.12.2016).
13. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составление научной отчетной документации (Утверждено постановлением Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27 ноября 2013 г. № 85 // http://www.archaeolog.ru/media/2014/Polozhenie_ori_12-02-14.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

Информация об авторе:

Михеев Алексей Викторович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); miheev.alexey@mail.ru

DELINEATING SITES OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE: METHODOLOGY BASED ON ENDEAVOURS OF THE MARI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION

A.V. Mikheev

The article analyzes the experience of the Mari Archaeological Expedition from 2011 to 2016 to delineate the boundaries of cultural (archaeological) heritage sites by applying the methodology recommended by the Ministry of Culture of the Russian Federation. Practical experience helped generating a number of recommendations on how to improve some techniques applied to different types of sites on the territory of Mari El. The author made a few proposals on how to bring methodological provisions in compliance with the Field Regulations of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences and the relevant legislation on protection of cultural heritage.

Keywords: archaeology, Volga-Kama region, Mari El Republic, Mari Archaeological Expedition, archaeological site, borders of archeological site, cultural heritage, methodology.

REFERENCES

1. Akilbaev, A. V. 2012. *Otchet o rabotakh po opredeleniiu granits territorii ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediiia v Kilemarskom i Iurinskom raionakh Respubliki Marii El v 2012 godu (Report on Fieldworks for Demarcation of the Borders of Objects of the Historical and Cultural Heritage in Kilemary and Yurino Districts, Mari El Republic, in 2012)*. Collection of scientific manuscripts, Mari Language, Literature, History and Ethnography Scientific and Research Institute. Inv. 1, dossier 1211 (in Russian).
2. Arkhipov, G. A., Shikaeva, T. B. 1979. *Otchet o raskopkakh Mariiskoi arkheologicheskii ekspeditsii za 1979 g. (Report on Excavations of the Mari Archaeological Expedition in 1979)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 7688 (in Russian).
3. Goriunova, E. I. 1937. In Struve, V. V. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* IV. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 279–284 (in Russian).
4. Efremova, D. Yu. 2011. *Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot na territorii Gornomariiskogo raiona Respubliki Marii El letom 2011 goda (Report on Results of Archaeological Surveys in the Gornomariysky District, Marii El Republic, in the Summer of 2011)* II. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute. Inv. 1, dossier 1146 (in Russian).
5. Efremova, D. Yu. 2012. *Otchet o rezul'tatakh razvedochnykh rabot na territorii Respubliki Marii El v 2012 godu (Gornomariiskii i Zvenigovskii raiony) (Report on Results of Archaeological Surveys in the Marii El Republic in 2012: Gornomariysky and Zvenigovskiy Districts)* II. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute. Inv. 1, dossier 1181 (in Russian).
6. *Metodika opredeleniia granits territorii ob"ektov arkheologicheskogo naslediiia, rekomendovannoi k primeneniiu s 1 ianvaria 2012 goda (pis'mo Ministerstva kul'tury RF № 12-01-39/05-AB ot 27 ianvaria 2012 g.) (Approach to Delineation of Archaeological Heritage Sites' Territories, recommended for application from 1 January 2012 (letter from the RF Minsistry of Culture, no. 12-01-39/05-AB of 27 January 2012))*. Available at: <http://7law.info/russia/government1f/s383.htm> (accessed 02.12. 2016) (in Russian).
7. Mikheev, A. V. *Nauchno-issledovatel'skie arkheologicheskie raboty (razvedki) na territorii Kilemarskogo raiona RME (Research Archaeological Fieldworks (Field Surveys) on the Territory of the Kilemary District, Mari El Republic)*. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute. Inv. 1, dossier 1193 (in Russian).
8. Mikheev, A. V. *Nauchno-issledovatel'skie arkheologicheskie raboty (razvedki) na territorii Zvenigovskogo raiona RME (Research Archaeological Fieldworks (Field Surveys) on the Territory of the Zvenigovsky District, Mari El Republic)*. Scientific Hand-Written Fund of the Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute. Inv. 1, dossier 1185 (in Russian).
9. Mikheev, A. V. 2015. *Opredelenie granits territorii ob"ektov arkheologicheskogo naslediiia v Zvenigovskom raione RME v 2015 godu (Delineation of Territories under Archaeological Heritage Sites in the Zvenigovsky District, Mari El Republic, in 2015)* (in 2 vols.). Scientific Hand-Written Fund of the Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute. Inv. 1, dossier 1209 (in Russian).
10. Nikitin, V. V. 1991. *Otchet o razvedkakh v zone gazoprovoda Urengoi-Pomary-Uzgorod v Zvenigovskom raione (1991) (Report on Archaeological Surveys in the Area of*

the Urengoy-Pomary-Uzhgorod Gas Pipeline in 1991). Yoshkar-Ola. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 16246 (in Russian).

11. Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2002. *Poseleniia i postroiki Mariiskogo Povolzh'ia (epokha kamnia i bronzy) (Settlements and Dwellings of the Mari Volga Region: Stone and Bronze Ages)*. Series: Trudy Mariiskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

12. *Ob utverzhdenii Pravil vydachi, priostanovleniia i prekrashcheniia deistviia razresheniia (otkrytykh listov) na provedenie rabot po vyivleniiu i izucheniiu ob"ektov arkhelogicheskogo naslediya. Utverzhdeny postanovleniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 20 fevralia 2014 goda N 127 (On approval of the Regulations for issuance, withdrawal and termination of authorizations (permissions for archaeological works) to carry out exploration and investigations activities on archaeological heritage sites. Endorsed by the Directive of the RF Governmnet no. 127 of 20 February 2014)*. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/499077970> (accessed 02.12.2016) (in Russian).

13. *Polozhenie o poriadke provedeniia arkhelogicheskikh polevykh rabot i sostavleniia nauchnoi otchetnoi dokumentatsii (Utverzhdeno postanovleniem Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk Rossiiskoi akademii nauk ot 27 noiabria 2013 g. № 85) (Regulations of archaeological fieldworks and scientific reporting (approved through Decision no. 85 of the History and Philology Department of the Russian Academy of Sciences on 27 November 2013))*. Available at: http://www.archaeolog.ru/media/2014/Polozhenie_opi_12-02-14.pdf. (accessed 02.12.2016) (in Russian).

About the Authors:

Mikheev Alexey V., Candidate of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; miheev.alexey@mail.ru

Статья поступила в номер 19.12.2016 г.

УДК 902+930.2

МАРИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

© 2017 г. С.В. Кузьминых

В статье идет речь об истории Марийской археологической экспедиции, научной деятельности и судьбах археологов, работавших в составе МАЭ. Это не только ее руководители А.Х. Халиков, Г.А. Архипов, В.В. Никитин, но и многие другие археологи. Показана роль МАЭ в подготовке кадров для региональной археологии. Выявленный экспедицией огромный массив источников всех археологических эпох поставил перед исследователями множество научных проблем. В их разработке принимали участие специалисты, а также аспиранты и студенты из разных академических центров и вузов страны. С деятельностью МАЭ связаны важные научные свершения. Они должны занять свое достойное место в истории отечественной археологии.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, Республика Марий Эл, Марийская археологическая экспедиция, региональная археология, история археологической науки.

60 лет Марийской археологической экспедиции – это не только история полевых археологических открытий и научных результатов МАЭ, но и история людей, работавших в ней. За этими десятилетиями кроется научный путь многих известных и рядовых, ныне почти забытых археологов, уже ушедших от нас и здравствующих, – история МАЭ во многом тесно переплелась с историей их личных и научных судеб.

Начнем с руководителей МАЭ. Для Альфреда Хасановича Халикова, Геннадия Андреевича Архипова, Валерия Валентиновича Никитина экспедиция стала подлинным трамплином в научной карьере. Она позволила выявить и раскопать базовые памятники, дала им материалы для археологических, этно- и культурогенетических гипотез и реконструкций, а также диссертационных исследований.

А.Х. Халиков возглавил Марийскую археологическую экспедицию

в 1956 г. уже вполне сформировавшимся исследователем, кандидатом исторических наук, специалистом по позднему бронзовому веку и неолиту Казанского Поволжья.

Куйбышевская археологическая экспедиция и масштабные раскопки в 1951–1952 гг. 5 (Казанским) отрядом, руководимым Н.Ф. Калининным, поселений эпохи поздней бронзы близ сс. Займище, Большие и Малые Отары, Карташиха, Атабаево (Калинин, Халиков, 1954) определили исследовательский выбор молодого ученого. Эти памятники стали для него опорными при работе над кандидатской диссертацией «История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы» (Халиков, 1955), в которой было обосновано выделение приказанской культуры.

Альфред Хасанович возглавил МАЭ как «бронзовик», но стратегия работ экспедиции с самого начала была направлена на сплошное архео-

логическое обследование территории Марийской АССР, которая оставалась «белым пятном» на археологической карте Волго-Камья. При выборе раскопок поселений он отдавал предпочтение базовым памятникам разных эпох и археологических культур. Но погребальные памятники – и курганы, и грунтовые могильники – раскапывались в первые годы, по сути, «с колес», часто в момент их открытия. Буквально за четыре полевых сезона (1956–1959) благодаря работам МАЭ было ликвидировано «белое пятно» на археологической карте региона. Результаты раскопок, особенно памятников каменного, бронзового и раннего железного веков (Халиков, 1960; 1962), явились поистине впечатляющими. Публикация двух первых томов «Трудов Марийской археологической экспедиции», материалов из абашевских курганов Марийского Правобережья и Левобережья (Халиков, 1961; Халиков и др., 1966), Васильсурского поселения эпохи бронзы (Халиков, Халикова, 1963) явственно продемонстрировали те качественные сдвиги, которые произошли в исследовании мезолитических, неолитических, волосовских, балановских, абашевских, чирковско-сейминских, поздняяковских, приказанских и ананьинских древностей региона по сравнению с предшествующими десятилетиями. А.Х. Халиков не только ввел в научный оборот большой корпус археологических памятников, но на базе новых первоклассных материалов наметил схему развития – пока предварительную – истории древнейшего населения Волжско-Камского края (Халиков, 1960, с. 179–184; 1962, с. 7–24). Она стала ядром будущей концепции древней истории Среднего

Поволжья, реализованной им в середине 1960-х гг. в докторской диссертации «Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы» и в фундаментальной монографии «Древняя история Среднего Поволжья» (Халиков, 1966; 1969).

В 1960 г. А.Х. Халиков передал руководство МАЭ Г.А. Архипову. Альфреду Хасановичу предстояло подвести итоги своих напряженных трудов и подготовиться к защите докторской диссертации. Он продолжил полевые исследования в Марийском крае, но уже точно – раскопки Пепкинского кургана, Майданской стоянки, поселения «Галанкина Гора», Старшего Ахмыловского могильника (совместно с В.С. Патрушевым), чтобы восполнить материалы для своего докторского исследования. А казанские археологи, составлявшие костяк МАЭ, с этого времени направили основные усилия на охранные работы в зоне Куйбышевского водохранилища, рекогносцировочные – в ложе предстоящего затопления Нижнекамской ГЭС, разведочные – в ряде недостаточно обследованных районов Татарской АССР с целью продолжения и завершения программы составления археологической карты республики, работа над которой началась в первые послевоенные годы по инициативе Н.Ф. Калинина.

Г.А. Архипов, первый профессиональный марийский археолог, хотя и был официально учеником А.П. Смирнова, под началом которого защитил кандидатскую диссертацию о древних марийцах, своим первым учителем в археологии называл А.Х. Халикова. Для Геннадия Андреевича, прошедшего, как он не раз признавался, крайне важную и полезную

школу Болгарской экспедиции, его alma mater в археологии была все же МАЭ, с ней были связаны первые разведки и раскопки и вся дальнейшая научная деятельность. На материалах, добытых экспедицией (включая его собственные раскопки на Волге, Ветлуге и Вятке), были защищены и кандидатская (опубликована: Архипов, 1973), и докторская диссертации (Архипов, 1991). Эти исследования стали заметным вкладом в изучение археологии, истории и культуры средневековых марийцев и до сих пор высоко оцениваются специалистами. Сам Геннадий Андреевич скромно оценивал свой вклад в науку, считал себя ее рядовым тружеником, был лишен зазнайства и спеси, хотя на административном поприще вырос до руководителя МарНИИ. Изучение средневековых марийских древностей, конечно, было главным его научным занятием, но их раскопки он никогда не ставил на первый план, если дело касалось исследования разрушаемых памятников каменного и бронзового веков в зоне затопления Чебоксарской ГЭС.

Долгое время Г.А. Архипов оставался единственным археологом в МарНИИ и понятно, что его полевые работы носили точечный характер. Их масштабы не шли ни в какое сравнение с планомерными раскопками МАЭ второй половины 1950-х гг. под руководством А.Х. Халикова. Ситуация изменилась в 1968 г. с началом охранных исследований Чебоксарской археологической экспедиции. На долю ее Марийского отряда (а, по сути, МАЭ) выпал огромный объем спасательных работ в зоне затопления Чебоксарской ГЭС. На помощь марийским коллегам вновь пришли

казанские археологи – А.Х. Халиков, его сотрудники и аспиранты Р.С. Габяшев, М.Г. Косменко, В.С. Патрушев, студенты Т.В. Колодешникова, А.А. Захаров и С.В. Кузьминых; откликнулись и специалисты из Ленинграда – В.П. Третьяков из ЛОИА и студентка И.В. Калинина. Но главный прорыв был сделан в Йошкар-Оле – Геннадий Андреевич привлек к работе в экспедиции В.В. Никитина – тогда сотрудника Марийского республиканского краеведческого музея, в 1971 г. перешедшего на службу в МарНИИ. С этого шага началось приращение кадров археологов и формирование в МарНИИ полноценного сектора археологии. С началом охранных исследований в 1968–1969 гг. и до дня сегодняшнего зона затопления и подтопления Чебоксарской ГЭС была и остается основным полигоном полевых работ МАЭ. Г.А. Архипов все годы руководства экспедицией следовал этому неукоснительно. Для оперативного введения в научный оборот массовых материалов археологических памятников, раскопанных на водохранилище, он организовал издание серии сборников «Археология и этнография Марийского края», в котором начали оперативно публиковаться материалы, связанные с новостроечными исследованиями в Марийском крае.

Третьим руководителем МАЭ стал В.В. Никитин. Его путь в науку не назовешь ни простым, ни легким. Свои первые археологические университеты он – студент Марийского пединститута – прошел в степном Крыму в экспедиции О.Д. Дашевской (и навсегда сохранил с Ольгой Давидовной теплые, дружеские отношения), но о профессии археолога Валерий

Валентинович тогда не помышлял – в семье было двое детей и надо было зарабатывать на жизнь. В Тюменской области ему пришлось поработать и школьным учителем, и воспитателем, а также бурильщиком в нефтеразведке – в полной мере познать, как нелегко даются немалые по советским временам северные оклады. В 1968 г. он вернулся в Йошкар-Олу и стал научным сотрудником, затем заведующим отделом дореволюционной истории Марийского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Марий Эл).

В 1969 г. Г.А. Архипов привлек В.В. Никитина к раскопкам Руткинского волосовского поселения и древнемарийского могильника на его территории. Тогда я и познакомился с обоими на раскопе Ахмыловского 2 поселения. Та экспедиция, для меня первая вообще, а для Валерия Валентиновича – первая в родном крае, определила наши научные интересы и судьбы: для меня в области изучения древней металлургии, а для В.В. Никитина – волосовской культуры. Поселения этой культуры (Руткинское, Ахмыловское 2, Уржумкинское) в ходе работ Чебоксарской экспедиции были раскопаны большими площадями, коллекции сосредоточились в Йошкар-Оле. Так получилось, что Т.В. Колодешникова, дипломница А.Х. Халикова, отказалась от аспирантуры и работы над волосовской проблематикой, и в этой связи вопрос с темой будущего диссертационного исследования решился для Валерия Валентиновича сам по себе.

Начиная с 1974 г. неолитическим отрядом МАЭ под руководством В.В. Никитина уже полвека ведутся поиски и раскопки поселений камен-

ного века и эпохи раннего металла в Марийском Левобережье и на притоках Волги. Ключевые опорные памятники введены им в научный оборот. Без этого он не мог позволить себе выйти на защиту кандидатской и докторской диссертаций (Никитин, 1983; 1996а). В качестве последней на защиту была вынесена книга «Каменный век Марийского края» (Никитин, 1996б). Этот труд, бесспорно, явился прорывом в изучении древностей мезолита и неолита лесной полосы Среднего Поволжья, совершенно по-иному (в развитие халиковской концепции древней истории этого региона) раскрыв процессы культуругенеза, протекавшие в крае в каменном веке.

Возглавив в 1985 г. отдел археологии МарНИИ, а в 1993 г. и МАЭ, В.В. Никитин положил немало сил на кадровое укрепление и отдела, и экспедиции. МАЭ активизировала поисковые разыскания не только в зоне Чебоксарского водохранилища, но и на большинстве средних и малых притоков Волги, Ветлуги и Вятки. Материалы разведочных исследований были оперативно опубликованы (Никитин, Старостин, 1978; Никитин, Патрушев, 1982), а следом настал черед и для издания двухтомного «Атласа археологических памятников Республики Марий Эл» (Никитин, Соловьев, 1990; Архипов, Никитина, 1993) и «Археологической карты Республики Марий Эл» (Никитин, 2009). Необходимость осмысления археологических материалов, накопленных МАЭ, целый ряд диссертационных и монографических исследований, выполненных им самим, Т.Б. Никитиной, Б.С. Соловьевым, С.В. Большовым, настоятельно потребовали возобновления серии «Труды Марийской археологической

экспедиции», которая снискала себе заслуженную репутацию в археологическом сообществе России и за рубежом. Оперативная публикация археологических источников продолжилась в серии сборников «Археология и этнография Марийского края».

С МАЭ оказалась связана не только научная, но и личная судьба, по крайней мере, двух ее руководителей – А.Х. Халикова и В.В. Никитина. Альфред Хасанович привлек к работам экспедиции на Ветлуге и в устье Суры сотрудницу Горьковского областного краеведческого музея Е.А. Безухову. В итоге плодотворное сотрудничество переросло на долгие годы в семейный «подряд»: Елена Александровна внесла заметный вклад в изучение проблем мусульманизации волжских болгар и Magna Hungaria древних венгров. Т.Б. Шикаева прошла в разведках и на раскопках у В.В. Никитина школу археологического выживания и выдержала испытание на прочность. Семейный дуэт Никитиных был и остается цементирующим началом МАЭ все десятилетия их совместной жизни.

Марийская археологическая экспедиция с первых полевых сезонов стала кузницей кадров для региональной археологии. В 1956–1959 гг. ее костяк составляли казанские археологи: А.Х. Халиков, Н.Ф. Калинин, Т.А. Хлебникова, Н.Д. Аксенова, В.Ф. Генинг; в разные годы к раскопкам привлекались студенты В.Е. Стоянов, Е.П. Казаков, Р.Г. Фахрутдинов, И.С. Вайнер, Т.В. Колодешникова, С.В. Кузьминых. Научные сотрудники МарНИИ и Марийского республиканского краеведческого музея Г.А. Архипов и Б.В. Бабушкин были в 1956 г. единственными дипломированными

специалистами в МАЭ с марийской стороны, но с первого же сезона в работах экспедиции самое деятельное участие приняли студенты МГПИ им. Н.К. Крупской Г.Н. Айплатов, П.Н. Старостин, Ф.П. Павлов и др., возглавившие наряду с Архиповым и Бабушкиным разведочные отряды МАЭ; несколькими годами позднее к ним присоединился В.С. Патрушев. Все они оказались отменными разведчиками, открывая за сезон до ста и более памятников. В те начальные годы работ МАЭ ими был заложен весомый фундамент в будущую археологическую карту республики (Архипов, Халиков, 1960). В археологии из них остались Г.А. Архипов, П.Н. Старостин и В.С. Патрушев. Все последующие поколения марийских археологов выросли в МАЭ (позднее и в экспедиции Марийского университета), прошли ее полевую школу, получили в ней материалы для собственных исследований (Т.Б. Шикаева (Никитина), Б.С. Соловьев, С.В. Большов, А.И. Шадрин, А.В. Михеев и др.). Опыт полевой работы в составе МАЭ получили нижегородцы Е.А. Безухова (Халикова) и В.Ф. Черников, москвичи О.Н. Евтюхова и Е.Н. Черных. Палеоантропологические материалы экспедиции обрабатывали ведущие советские антропологи В.П. Алексеев, М.С. Акимова, М.М. Герасимова, Г.В. Лебединская.

В Марийской экспедиции выросли не только кадры археологов Йошкар-Олы и Казани. Огромный массив источников всех археологических эпох – от палеолита до позднего средневековья – представлял собой множество научных проблем. Их разработка стала уделом не только руководителей МАЭ (мы говорили об этом выше).

Напротив, они старались привлечь и к полевым работам, и к исследовательскому поиску как признанных специалистов, так и студентов и аспирантов. Приведу несколько примеров. Т.А. Хлебникова (1967) провела в 1958 и 1964 г. раскопки Мало-Сундырского городища. Ей впервые на массовых керамических материалах удалось выявить специфику древнемарийского комплекса посуды, его взаимосвязи с болгарским и древнерусским. Спустя почти полвека эта работа была успешно продолжена Т.Б. Никитиной и А.И. Михеевой (2006). На Ветлуге в 1958 г. В.Е. Стоянов возобновил раскопки Богородского и Русенихинского городищ. Работы на этих памятниках в 1920-е гг. успешно вела Антропологическая комплексная экспедиция Музея и Института антропологии МГУ под руководством Б.С. Жукова и О.Н. Бадера, однако полноценная публикация материалов АКЭ не состоялась. Раскопками В.Е. Стоянова на Богородском городище под укреплениями ананьинского времени удалось выявить догородищенский культурный слой, на обоих памятниках была прослежена стратиграфия культурных напластований эпохи раннего железа на Ветлуге, стал ясен керамический комплекс ветлужских городищ финала бронзового и раннего железного веков (Халиков, 1962, с. 11–14; 1977, с. 15, 16, 241–248). К сожалению, материалы и этих раскопок известны только в обзорном виде – их публикации крайне не достает при обсуждении дискуссионных проблем археологии конца II–I тыс. до н.э. П.Н. Старостин еще в студенческие годы проявил себя не только как неутомимый разведчик. Он обработал и подготовил к публикации ананьинский керамический

комплекс городища Ройский Шихан (вошел в исследование Г.А. Архипова об этом памятнике: Архипов, 1962, с. 188) и с усердием погрузился в изучение неолита Марийского Поволжья. К сожалению, А.Х. Халиков «пожадничал» и не дал ему эту тему в качестве кандидатского исследования, переориентировав в аспирантуре на именковскую проблематику. В то же время после защиты докторской диссертации А.Х. Халиков, напротив, стимулировал обращение своих учеников к дальнейшей разработке тех материалов, которыми ранее занимался сам, и львиную долю среди них занимали материалы МАЭ. В.С. Патрушев продолжил раскопки Старшего Ахмыловского (Патрушев, Халиков, 1982) и Акозинского могильников (Патрушев, 1982) и в целом разработку проблематики финала бронзового и начала раннего железного веков Среднего Поволжья. Изучением чирковских, балановских, сейминско-турбинских и позднебронзовых древностей Марийско-Чувашского Поволжья стал заниматься Б.С. Соловьев (2000), абашевских – С.В. Большов (2003). Т.Б. Никитина исследовала погребальные памятники марийцев IX–XI и XVI–XVIII вв. (Никитина, 1992; 2012). Долгое время оставалась неразработанной проблема формирования ранних марийцев. Т.Б. Никитиной (1999) удалось показать окские истоки генезиса памятников типа Младшего Ахмыловского могильника и соответственно выявить основной вектор этногенетических связей древних марийцев.

Материалы МАЭ легли в основу курсовых и дипломных работ нескольких поколений студентов вузов Казани, Йошкар-Олы, Нижнего Нов-

города. Сужу об этом и на собственном примере. В 1969 г. после окончания первого курса я участвовал в раскопках Ахмыловского 2 поселения волосовской культуры, в одном из жилищ которого было найдено заметное количество фрагментов глиняных тиглей. А.Х. Халиков, увидев на бровке их скопление, сказал: «Сережа, вот Вам и тема для курсовой работы». Так оно и получилось. Материалы, связанные с металлообработкой волосовских и гаринских племен, стали темой моих студенческих и первого аспирантского доклада, а затем были опубликованы (Кузьминых, 1974; 1977).

История любой археологической экспедиции (а тем более такой многолетней, как Марийская) – это, прежде всего, история жизни и судьбы ее творцов, не только руководителей, но и рядовых сотрудников. В археологической литературе в последние десятилетия появляется все больше и больше работ, посвященных жизни и судьбе археологов разных поколений. Но гораздо меньше внимания уделяется в них деятельности самих археологических экспедиций и их роли в археологической жизни того или иного региона, а также в разработке той или иной научной проблемы. Археологии Волго-Уральского региона в этом отношении повезло немного больше. У нас есть очерки работ Камской, Камско-Вятской, Средневожской,

Чувашской археологических экспедиций. К.А. Руденко (2014) при освещении исследований по болгарской проблематике показал роль и вклад в ее изучение не только конкретных исследователей, но и крупных археологических экспедиций. По инициативе А.Г. Ситдикова вскоре в Казани выходит в свет монографическое исследование об археологических экспедициях 20–30-х гг. XX века и их деятельности по археологическому изучению Татарстана. Мне кажется, что этот опыт крайне важен.

История МАЭ, опыт ее поисков и достижений не менее поучительны. К нему важно обратиться сейчас, пока в силе и бодрости находятся ее активные участники, пока жива память о трудах и свершениях ушедших коллег, пока не заросли архивной пылью наши живые воспоминания. История многих археологических экспедиций канула в лету, не найдя должного освещения в истории отечественной науки. Это имеет отношение и к Волго-Камскому региону. Вспомним о Ветлужской экспедиции середины и второй половины 1920-х гг. Много ли мы знаем о ее трудах и деятельности, о людях, работавших рядом с Б.С. Жуковым и О.Н. Бадером в те годы. К сожалению, крайне мало. Хочется надеяться, что Марийскую археологическую экспедицию ждет иная судьба и ее история привлечет к себе внимание исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Ананьинские городища на р. Вятке // Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 188–205.
2. *Архипов Г.А.* Древние марийцы: (Этногенез и ранняя этнокультурная история): Доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1991. 40 с.
3. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 198 с.

4. *Архипов Г.А., Никитина Т.Б.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1993. 152 с.
5. *Архипов Г.А., Халиков А.Х.* Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным Марийской археологической экспедиции 1956–1959 гг.). Вып. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 130 с.
6. *Большов С.В.* Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) / Труды МАЭ. Т. VIII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 184 с.
7. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1951 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 157–246.
8. *Кузьминых С.В.* К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // Тез. докл. III научной конференции молодых ученых. Казань: КФАН СССР, 1974. С. 65–68.
9. *Кузьминых С.В.* К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977. № 2. С. 20–34.
10. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
11. *Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 415 с.
12. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996б. 180 с.
13. *Никитин В.В.* Мезолит и неолит лесной полосы Среднего Поволжья: Научный доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: ИА РАН, 1996а. 39 с.
14. *Никитин В.В.* Энеолит Волго-Вятского междуречья: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1983. 21 с.
15. *Никитин В.В., Патрушев В.С.* Материалы к археологической карте Марийской АССР (каталог памятников). Вып. III. Йошкар-Ола: ВООПИК, Мар. отд-ие, 1982. 110 с.
16. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Атлас археологических памятников Марийской ССР. Эпоха камня и раннего металла. Вып. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 244 с.
17. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.
18. *Никитин В.В., Старостин П.Н.* Материалы к археологической карте Марийской АССР (каталог памятников). Вып. II. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. 103 с.
19. *Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды МАЭ. Т. V. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.
20. *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 159 с.
21. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань: «Отечество», 2012. 408 с.
22. *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2006. 196 с.
23. *Патрушев В.С.* Исследования Аkozинского могильника в 1971–1972 годах // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1982. С. 19–56.
24. *Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
25. *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

26. Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.
27. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.
28. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.
29. Халиков А.Х. История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1955. 18 с.
30. Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 187 с.
31. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.
32. Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. № 97 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 157–241.
33. Халиков А.Х. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы: Автореф. дисс... докт. ист. наук. Казань, 1966. 39 с.
34. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек) / Труды МАЭ. Т. III. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 69 с.
35. Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 239–268.
36. Хлебникова Т.А. Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // История, археология, этнография мари / Труды МарНИИ. Вып. XXII / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 148–169.

Информация об авторе:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); Kuzminykhsv@yandex.ru

MARI ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION: PEOPLE AND DESTINIES

S.V. Kuzminykh

Dedicated to the 60th Anniversary of the Mari Archaeological Expedition, the article elucidates some key facts related to its history and scientific endeavors of its team archaeologists. The author introduces its leaders A.Kh. Khalikov, G.A. Arkhipov, V.V. Nikitin, as well as many other archaeologists and defines the role of the MAE in training of the regional archaeologists. Massive archaeological sources of all ages uncovered by the expedition set numerous questions to the researchers. The work on these questions involved large circles of specialists and PhD and graduate students from different cities. Today, it is important to ensure that the MAE history be documented and take its deserved place in the history of the national archaeology.

Keywords: archaeology, Volga-Kama region, Mari El Republic, Mari archaeological expedition, regional archaeology, history of archaeology.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 188–205 (in Russian).

2. Arkhipov, G. A. 1991. *Drevnie mariitsy: Etnogenez i ranniaia etnokul'turnaia istoriia (Ancient Mari People: Ethnic Genesis and Early Ethnic and Cultural History)*. Presentation of Doctoral Thesis (Doctor of History). Moscow (in Russian).

3. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th–11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

4. Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. 1993. *Atlas arkheologicheskikh pamiatnikov Respubliki Marii El (Atlas of Archaeological Sites of the Republic of Mari El) 2. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Early Iron Age and Middle Ages)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

5. Arkhipov, G. A., Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k arkheologicheskoi karte Mariiskoi ASSR (po dannym Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1956–1959 gg.) (Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Republic: by the reports of the Mari Archaeological Expedition, 1956–1959) 1*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

6. Bol'shov, S. V. 2003. *Srednevolzhskaiia abashevskaiia kul'tura (po materialam mogil'nikov) (Abashevo Culture in the Middle Volga Basin: by Materials of Funerary Sites)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VIII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

7. Kalinin, N. F., Khalikov, A. Kh. 1954. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition) I*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 42. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 157–246 (in Russian).

8. Kuzminykh, S. V. 1974. In *Tezisy dokladov III nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh (Abstracts of 3rd Scientific Conference of Young Scientists)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 65–68 (in Russian).

9. Kuzminykh, S. V. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology) (2)*, 20–34 (in Russian).

10. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

11. Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaiia karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskii poligraficheskoi-izdatel'skii kombinat” Publ. (in Russian).

12. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo kraia (Stone Age of the Mari Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

13. Nikitin, V. V. 1996. *Mezolit i neolit lesnoi polosy Srednego Povolzh'ia (Mesolithic and Chalcolithic of the Forest Belt in the Middle Volga Region)*. Presentation of Doctoral Thesis (Doctor of History). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

14. Nikitin, V. V. 1983. *Eneolit Volgo-Viatskogo mezhdurech'ia (Chalcolithic in Volga and Vyatka Interfluves Area)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

15. Nikitin, V. V., Patrushev, V. S. 1982. *Materialy k arkheologicheskoi karte Mariiskoi ASSR (katalog pamiatnikov) (Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Republic: Catalogue of Sites) III*. Yoshkar-Ola: All-Union Society for Conservation of Historical and Cultural Sites, Mari Section (in Russian).

16. Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 1990. *Atlas arkheologicheskikh pamiatnikov Mariiskoi SSR. Epokha kamnia i rannego metalla (Atlas of Archaeological Sites of the Mari Republic:*

Stone Age and Early Metal Age) 1. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

17. Nikitin, V. V., Solov'ev, B. S. 2002. *Poseleniia i postroiki Mariiskogo Povolzh'ia (epokha kamnia i bronzy)* (*Settlements and Dwellings of the Mari Volga Region: Stone and Bronze Ages*). Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

18. Nikitin, V. V., Starostin, P. N. 1978. *Materialy k arkheologicheskoi karte Mariiskoi ASSR (katalog pamiatnikov)* (*Materials for the Archaeological Map of the Mari Autonomous Republic: Catalogue of Sites*) II. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

19. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov)* (*History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD (by Materials from Burial Grounds)*). Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

20. Nikitina, T. B. 1992. *Mariitsy (konets XVI – nachalo XVIII vv.) po materialam mogil'nikov* (*Mari People in Late 16th– Early 18th Centuries by Materials of the Burial Grounds*). Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

21. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia* (*Funerary Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area*). Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

22. Nikitina, T. B., Mikheeva, A. I. 2006. *Alamner: mif i real'nost' (Vazhnangerskoe (Malo-Sundyrskoe) gorodishche i ego okruga)* (*Alamner: Myth and Reality (Vazhnanger (Maly Sundyr') Hillfort and its Surroundings)*). Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

23. Patrushev, V. S. 1982. In Patrushev, V. S. (ed.). *Voprosy etnicheskoi istorii v pervobytnuiu epokhu* (*Issues of Ethnic History in Prehistoric Epoch*). Yoshkar-Ola: Mari State University, 19–56 (in Russian).

24. Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik)* (*The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground)*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

25. Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.)* (*History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th– the Beginning of the 13th Century)*). Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

26. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia* (*Bronze Age of Mari Volga Area*). Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

27. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e.* (*The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC)*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

28. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia* (*Ancient History of the Middle Volga Region*). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

29. Khalikov, A. Kh. 1955. *Istoriia naseleniia Kazanskogo Povolzh'ia v epokhu bronzy* (*History of Kazan Volga Area Residents in the Bronze Age*). PhD Thesis. Moscow (in Russian).

30. Khalikov, A. Kh. 1960. *Materialy k izucheniiu istorii naseleniia Srednego Povolzh'ia i Nizhnego Prikam'ia v epokhu neolita i bronzy* (*Materials for the Study of the History of Population of the Middle Volga and Lower Kama Regions in the Neolithic and Bronze Age*). Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) I. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

31. Khalikov, A. Kh. 1962. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

32. Khalikov, A. Kh. 1961. In Merpert N. Ya. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 97. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 157–241 (in Russian).

33. Khalikov, A. Kh. 1966. *Srednee Povolzh'e v epokhu kamnia i bronzy (Middle Volga Basin in the Stone and Bronze Age)*. Doct. Diss. Thesis. Kazan (in Russian).

34. Khalikov, A. Kh., Lebedinskaia, G. V., Gerasimova, M. M. 1966. *Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek) (Pepkino Burial Mound: the Abashevo Human)*. Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition III. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

35. Khalikov, A. Kh., Khalikova, E. A. 1963. In Tretyakov P. N. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 110. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 239–268 (in Russian).

36. Khlebnikova, T. A. 1967. In Khlebnikov, A. V. (ed.). *Istoriia, arkheologiia, etnografiia mari (History, Archaeology, Ethnography of the Mari People)*. Series: Trudy Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (Proceedings of the Mari Research Institute) XXII. Yoshkar-Ola: Mari Book Publisher, 148–169 (in Russian).

About the Author:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в номер 31.12.2016 г.

Критика и библиография

УДК 903.59

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: МОРДОВСКИЕ ПЛЕМЕНА
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
(УСТЬ-УЗИНСКИЙ МОГИЛЬНИК III–IV ВВ.):
МОНОГРАФИЯ / В. В. ГРИШАКОВ, С.Д. ДАВЫДОВ, О.В. СЕДЫШЕВ,
А.Н. СОМКИНА; МОРДОВ. ГОС. ПЕД. ИН-Т. САРАНСК, 2016. 195 С.**

© 2017 г. В.В. Ставицкий

В рецензируемой монографии опубликованы материалы 95 погребений Второго Усть-Узинского могильника, расположенного на Верхней Суре. Могильник был оставлен местным древнемордовским населением III–IV вв. н.э. Авторы анализируют обрядность и погребальный инвентарь могильника, реконструируют социальную стратификацию населения, определяют хронологию существования памятника, датируя ранние захоронения III веком, а поздние – началом V в. Основные выводы монографии всесторонне аргументированы, но некоторые нуждаются в уточнении. Судя по планировке могильника, погребения совершались здесь не более 150 лет и самые поздние из них не выходят за пределы первой половины IV в. Социальная стратификация населения носила половозрастной эгалитарный характер, что было обусловлено низкой степенью милитаризации местного населения. Несмотря на дискуссионный характер отдельных положений, монография заслуживает самой высокой оценки.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Верхнее Посурье, позднеримское время, Усть-Узинский могильник, погребальный обряд, хронология, социальная стратификация, древняя мордва.

Важным событием этого года для исследователей финно-угорской археологии стал выход монографии: «Мордовские племена накануне Великого переселения народов», в которой опубликованы материалы многолетних раскопок экспедицией Мордовского пединститута Усть-Узинского могильника. Значение этой публикации обусловлено тем, что это первый практически полностью исследованный древнемордовский могильник III–IV вв., раскопанный в соответствии с современными методическими требованиями. Выразительные материалы 95 усть-узинских

погребений существенно расширили источниковую базу по истории населения Верхнего Посурья в поздне-римское время. Анализ полученных материалов позволит пролить свет на многие спорные вопросы данного периода древнемордовской истории, и их публикация является первым плодотворным шагом, сделанным ее авторами в этом направлении.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения и дневника раскопок могильника. Издание подготовлено четырьмя авторами – участниками полевых исследований, но основной объем выполнен В.В. Гришаковым, который участвовал в написании всех разделов, за исключением главы по социальной стратификации. Во введении им кратко анализируется история исследований южномордовских памятников первой половины I тыс. н. э. Поднимается вопрос о разделении генезиса мордовской культуры на два основных периода: 1) древнемордовская культура финала раннего железного века III–IV вв.; 2) средневековая мордовская культура V – первой половиной XV в. На основе анализа погребального инвентаря и размеров могильных ям рассматривается половозрастная структура могильника. При этом к детским захоронениям были отнесены могилы, длина которых не превышает 150 см. Однако, судя по таблице 4, пороговое значение между детскими и взрослыми погребениями находится в интервале 160–175 см. Обычно оно имеет меньшую величину (Ставицкий, 2013), и его превышение, видимо, связано с общими значительными размерами погребений на памятнике. Кроме того, по не объясненным в книге причинам, ряд могил длиной менее 150 см, был

отнесен к неопределенным захоронениям, что привело к занижению количества детских и подростковых погребений на могильнике.

Первая глава монографии (авторы В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов) посвящена погребальному обряду. При оценке планиграфии памятника ими было выделено 11 рядов, однако некоторые из них оказались сгруппированы формально, исходя из расположения могил по линии север–юг. Между тем в юго-западной части раскопа ряд могил имеет отклонение в ориентировке в юго-восточную сторону, вследствие чего могильные ряды располагаются здесь не с севера на юг, а по линии ССВ–ЮЮЗ. Данная поправка устраняет имеющееся несоответствие, когда в девятом ряду оказались сгруппированы погребения, имевшие значительную разницу в хронологии их совершения, что вряд ли могло иметь место в реальности.

Погребальная обрядность памятника анализируется отдельно для мужских, женских, детских и неопределенных погребений, что позволяет уловить разницу в обряде их совершения, хотя общие признаки все же преобладают. Для взрослых погребенных характерна восточная ориентировка, обряд труположения вытянуто на спине, различная степень использование огня, наличие керамических сосудов, расположенных в ногах или головах. В одном из мужских погребений зафиксировано ритуальное разрушение костяка, одно погребение было ограблено в древности. Отличительной чертой детских захоронений является слабое использование огня.

Наибольший объем имеет вторая глава монографии, в которой анализируется материальная культура па-

мятника. В ней авторами разработана детальная классификация погребального инвентаря, каждой из категорий которого найдены многочисленные и убедительные аналогии как в синхронных могильниках мордвы, так и в древностях более отдаленных территорий. Скрупулезная проработанность данного раздела обеспечивает основательность и достоверность сделанных в монографии выводов. Классификация украшений костюма разработана В.В. Гришаковым, С.Д. Давыдовым и А.Н. Сомкиной. Наиболее многочисленны бусы, среди которых преобладает мелкий золотостеклянный бисер. Большинство погребений с подобным бисером справедливо датируются авторами III веком, а единственное захоронение (№12), которое его не содержит – отнесено к началу V века, что не совсем оправдано, поскольку других веских оснований для подобной датировки нет. Кроме краснопастовых бус здесь найдена сьюльгама и височная подвеска с бипиримидальным грузиком, хронология которых по периодизации В.В. Гришакова (2008, с. 131, рис. 15, 6, 8) вполне укладывается в рамки первой половины IV века. Судя по планиграфии могильника, одним из хронологических признаков является количество пластинчатых блях в погребениях. В погребениях раннего участка их обычно по две или даже по три, а поздние захоронения содержат только по одному экземпляру.

Предметы вооружения и конского снаряжения проанализированы В.В. Гришаковым и О.В. Седышевым. Наибольший интерес представляют находки меча и кинжала сарматского типа. Их появление на памятнике авторы связывают с готскими походами,

в результате которых часть сармат вынуждена была покинуть свои прежние территории обитания, в связи с чем наблюдается процесс проникновения ряда сарматских вещей к оседлому населению лесостепной зоны. Позднесарматское влияние справедливо отмечено авторами и в конской узде. В целом же ограниченный набор вооружения в составе погребального инвентаря свидетельствует о низкой степени милитаризации населения, оставившего Усть-Узинский могильник.

Предметы быта и ременная гарнитура в монографии классифицированы В.В. Гришаковым и С.Д. Давыдовым. Весьма представительна коллекция керамики, насчитывающая 61 сосуд, среди которых преобладают горшки (31%), бокалы (29%) и чаши (22%). Менее многочисленны миски (11%) и банки (3%). К оригинальным изделиям, доселе не известным на памятниках данного периода относятся блюда (3%). По справедливому наблюдению авторов, усть-узинская керамика иллюстрирует развитие традиций носителей культуры Андреевского кургана. Отдельного упоминания заслуживают горшки с тюльпановидными очертаниями тулова, близкие сосудам Тезиковского могильника, распространение которых В.В. Гришаков относит ко второй половине IV в. Но на Усть-Узинском могильнике одно из погребений (№ 15) с подобным сосудом датируется временем не позже середины III в. Не исключено, что появление такой керамики на Суре и Мокше, как и сарматского вооружения, связано с последствиями центральноевропейского импульса.

Анализ ременной гарнитуры Усть-Узинского могильника положен в

основу его абсолютной хронологии, которая рассматривается В.В. Гришаковым в третьей главе. Относительная хронология артефактов в монографии устанавливается на основе эволюционных рядов основных типов украшений – височных подвесок, пластинчатых и дисковидных блях, браслетов, скульгам, шейных гривен. Погребальные комплексы памятника распределены по периодам на основе взаимострачаемости вещей в погребениях. Как уже неоднократно отмечалось автором рецензии, избранный в монографии метод установления хронологии наряду с положительными факторами имеет ряд существенных недостатков. Главным из них является использование для анализа материалов только богатых погребений, содержащих не менее двух хроноиндикаторов, что существенно обедняет источниковую базу исследования. В результате значительная часть погребений либо датируется слишком широко, либо не датируется вовсе. Устранение данных недостатков возможно при учете планиграфии расположения погребений, но в данной главе планиграфический анализ используется недостаточно. Тем не менее, хронология погребальных комплексов, которые содержат необходимое количество артефактов, на наш взгляд, установлена верно, и только отдельные положения нуждаются в уточнении.

Наиболее ранними погребениями на могильнике признаны захоронения 5 и 7. Ранний облик погребения 7, содержащего наконечник из тканной ленты с наложенными друг на друга двумя круглыми полированными пластинчатыми бляшками и двумя полукруглыми цилиндрическими пронизками, не вызывает никаких возражений, чего

нельзя сказать о погребении 5, которое кроме спиральной пронизки не содержит узко датированных вещей. Аргументация раннего возраста пятого погребения преимущественно основана на факте его проседания в засыпку погребения 7. Однако если допустить возможность перекрытия 7-го погребения деревянными плашками, то разница во времени между совершением захоронения и моментом проседания его засыпки может быть довольно существенной. К аналогичному результату могла привести и деятельность грызунов. Кроме того, о достаточно позднем возрасте 5-го погребения свидетельствует набор бус, изготовленных способом нарезания (отшибания) тянутой стеклянной палочки. Помимо этого погребения подобные бусы зафиксированы только в самых поздних захоронениях могильника 12 и 93, что вряд ли случайно. По наблюдениям О.С. Румянцевой, подобные бусы не характерны и для ранних погребений могильников Среднего Поволжья (Румянцев, 2010, с. 279).

На наш взгляд, примерно этим же временем, что и 7-е погребение, датируются расположенные неподалеку погребения 11 и 13. В их инвентаре присутствуют браслеты в 1,5 оборота с ланцетовидными концами и бронзовые пряжки с овальной рамкой, прямоугольной обоймой и наконечниками пояса прямоугольной формы из согнутых вдвое пластин с прорезями или их имитацией на лицевой стороне. Подобные браслеты и пряжки с наконечниками пояса характерны для самых ранних погребений Ражкинского могильника, материалы которых датируются временем не позднее конца II века (Гришаков, Ставицкий, 2015, с. 16–18, рис. 1: 8, 16).

Первой половиной III века, видимо, датируются погребения трех прибрежных (восточных) рядов могильника, которые включены В.В. Гришаковым во 2-ю хронологическую группу. Именно этим временем они продатированы в разделе по классификации бус и в статье более раннего времени (Гришаков, 2008), но в разделе по хронологии предложена более широкая датировка – III веком. На наш взгляд, ко второй половине III века относятся погребения 2-й хронологической группы, расположенные в юго-западной части раскопа, в инвентаре которых отсутствуют ранние формы браслетов в 1,5 оборота с ланцетовидными концами, а также щитковые перстни, круглодротовые браслеты и гривны, парные пластинчатые бляхи.

К IV веку В.В. Гришаковым отнесены погребения 3-й хронологической группы, для которой характерны: пластинчатая бляха с двумя зонами циркульного орнамента и крестовидной накладкой, сюльгамы с невыступающими концами, бронзовая пряжка с рамкой В-образной формы. Данная группа состоит всего из 11 погребений, число которых явно не достаточно для непрерывного функционирования могильника на протяжении целого столетия. По всей видимости, основная часть этих погребений не выходит за пределы первой половины IV века. Данному предположению не противоречит время бытования предметов, выбранных В.В. Гришаковым в качестве хронологических маркеров. Находки сюльгам и В-образных пряжек известны в мордовских погребениях первой половины IV века (Гришаков, 2008, с. 131, 133, рис. 15: 8; 17: 4). Второй половиной IV века

на пензенских памятниках датируются бляхи с крестовидной накладкой (Гришаков, 2008, с. 135, рис. 19: 2), однако по наблюдениям И.Р. Ахмедова и Белоцерковской, время формирования подобных блях в рязано-окских могильниках приходится на вторую половину III – начало IV века (Ахмедов, Белоцерковская, 1998, с. 41). Таким образом, общее время функционирования Усть-Узинского могильника укладывается в период с начала III до середины IV века.

Новаторский характер носит 4-я глава монографии (автор С.Д. Давыдов), посвященная социальной стратификации усть-узинского населения, поскольку ранее данные вопросы исследователями древнемордовских памятников практически не затрагивались. В качестве основного признака социальной иерархии выбрано количество погребального инвентаря, в качестве дополнительного – размеры могильных сооружений. Среди мужских и женских погребений были выделены три имущественные группы. Все неопределенные погребения были отнесены к первой, бедной инвентарем, группе. В первую («бедную») мужскую группу вошли погребения с сосудами, ножами, поясными и обувными пряжками, во вторую («рядовую») – с элементами конского снаряжения и/или топорами, в третью («богатую») – с предметами вооружения. К первой женской группе были отнесены погребения с керамикой, бусами, бисером, височными привесками или наконечниками, ножами и шильями; ко второй группе – погребения, где дополнительно присутствовали бляхи наконечники и/или нагрудные бляхи, шейные гривны и/или браслеты; в третью группу вошли

погребения, где вышеперечисленные предметы встречались единым комплексом.

По итогам анализа С.Д. Давыдовым был сделан вывод о том, что население, оставившее Усть-Узинский могильник, было неоднородным по своему социальному составу. Стратификация имела половозрастной и профессионально-ранговый характер. При этом имущественное расслоение было минимальным и находилось в прямой зависимости от пола, возраста и профессиональной принадлежности. Земледелие в тот период еще не играло заметной роли в хозяйстве древней мордвы, а охота и скотоводство не позволяли накапливать большое количество прибавочного продукта, необходимого для образования сложной социальной организации с имущественным расслоением.

К сожалению, при анализе стратификации не были учтены хронологические факторы, которые в данном случае играют очень важную роль, поскольку самыми богатыми на могильнике являются ранние женские погребения, расположенные в прибрежной зоне памятника. Только одно из этих погребений (№ 53) занимает место в центре раскопа. Следовательно, принятый в монографии критерий «богатства» захоронений является относительным и не отражает истинного положения вещей.

К прибрежной зоне тяготеют и мужские погребения с оружием. Только в ранних погребениях первой половины III века представлены находки удила и другого конского снаряжения на могильнике. Концентрация данных предметов в ранней части памятника, возможно, связана с сохранением некоторых реминисценций андре-

евско-писеральского времени, когда оружие было обязательным атрибутом каждого взрослого мужчины. По всей видимости, главным фактором как имущественного, так и социального расслоения в эпоху «военной демократии» было не развитие земледелия, а организация грабительских походов. Следовательно, основным тормозом социальной стратификации выступала постепенная демилитаризация местного общества, получившая развитие во второй половине III – начале IV века.

В Заключении монографии В.В. Гришаковым подводятся итоги исследования, делается вывод о синхронном сосуществовании в III в. в пензенской группе памятников двух локальных традиций: присурской и примокшанской, обладающих незначительными различиями. Формирование материальной культуры примокшанского населения проходило под воздействием западных импульсов. Генезис культуры присурского населения испытывал большее влияние прикамских (позднетьяноборских) импульсов. Указанные различия объясняются В.В. Гришаковым наличием традиционных связей примокшанского населения с территорией Окского бассейна, а присурского – с Прикамьем.

Поскольку монография была подготовлена к печати давно, в ней, к сожалению, не были учтены результаты последних раскопок Ражкинского могильника, в свете которых сделанные выводы нуждаются в определенной корректировке. В частности, на Ражкинском могильнике получены материалы, которые датируются второй половиной II века, следовательно, Примокшанье было заселено несколь-

ко раньше, чем Верхнее Посурье. При этом в ранних материалах Ражкинско-го могильника также зафиксировано присутствие прикамского (кара-абызского) компонента, наличие которого объясняется не связями с населением Прикамья, а непосредственным выносом этих традиций переселенцами, поскольку, чем позднее датируются материалы, тем меньше в них фиксируется прикамского влияния, что

актуально и для территории Верхнего Посурья.

Несмотря на дискуссионный характер отдельных положений, высказанных авторами монографии, подготовленное ими издание, безусловно, заслуживает самой высокой оценки. Не сомневаюсь, что данная монография на ближайшие годы станет настольной книгой для всех исследователей ранней истории волжских финнов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. 96 / Отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: ГИМ, 1998. С. 32–42.
2. Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.
3. Гришаков В.В., Ставицкий В.В. Хронология древнемордовского Ражкинского могильника // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук: сборник статей II Международной научно-практической конференции / Ред. О.В. Ягов. Пенза: РИО ПГСХА, 2015. С. 14–19.
4. Румянцева О.С. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э.: Проблемы и материалы / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 277–300.
5. Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская Археология. 2013. № 2. С. 143–150.

Информация об авторе

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, Пензенский государственный университет, (г. Пенза, Россия), stawiczky.v@yandex.ru

REVIEW OF THE MONOGRAPH: MORDVINIA'S TRIBES ON THE EVE OF THE GREAT MIGRATION (UST-UZINSKY BURIAL 3RD–4TH CENT.): MONOGRAPH / V.V. GRISHAKOV, S.D. DAVIDOV, O.V. SYEDYSHEV, A.N. SOMKINA. SARANSK, 2016. 195 P.

V.V. Stavitsky

The reviewed monograph publishes materials from 95 burials of Ust-Uzinski cemetery II located on the Upper Sura. The cemetery was left by the local early Mordvinian population in the 3rd – 4th centuries AD. The authors analyze the rites and grave goods and reconstruct the social stratification of the population. They suggest the chronology of the site and date the earliest grave by the 3rd century, and the latest – by the early 5th century. The main conclusions of the monograph are comprehensively substantiated, though some require further clarification. Judging by the planigraphy of this cemetery, burying activity took not more than 150 years here, and the latest graves cannot be any older than the first half of the fourth century. Social stratification was egalitarian by age and gender, which was due to a low

degree of militarization of the local population. Despite the controversial nature of certain theses, the monograph is highly commendable.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Upper Sura, late Roman times, Ust-Uzinsky cemetery, funerary rite, chronology, social stratification, early Mordvinians

REFERENCES

1. Akhmedov, I. R., Belotserkovskaia, I. V. 1998. In Studzitskaia, S. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 96. Moscow: State Historical Museum, 32–42 (in Russian).
2. Grishakov, V. V. 2008. In Stavitskii, V. V. (ed.). *Penzenskii arkheologicheskii sbornik (Penza Archaeological Collected Papers)* 2. Penza: "PIRO" Publ., 82–137 (in Russian).
3. Grishakov, V. V., Stavitsky, V. V. 2015. In Iagov, O. V. (ed.). *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk (Recent Issues of Humanities and Social Sciences)*. Penza: Penza State Agricultural Academy, 14–19 (in Russian).
4. Rumiantseva, O. S. 2010. In Islanova, I. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Arkheologiya Vostochnoi Evropy v I tysiacheletii n.e.: problemy i materialy (Archaeology of the Eastern Europe in the I Millennium AD: Problems and Materials)*. Series: Ranneslavianskii mir. *Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)* 13. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 277–300 (in Russian).
5. Stavitskii, V. V. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 143–150 (in Russian).

About the Author:

Stavitsky Vladimir V., Doctor of Historical Sciences. Penza State University. Lermontov St., 37, Penza, 440026, Russian Federation; stawiczky.v@yandex.ru

Статья поступила в номер 31.12.2016 г.

Хроника

УДК 902/903

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АНАНЬИНСКИЙ МИР: КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, СВЯЗИ, ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ»

© 2017 г. А.А. Чижевский, С.В. Кузьминых

В публикации представлены краткое содержание и итоги конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации», которая прошла 28–30 ноября 2016 г. в г. Болгар (Республика Татарстан). Ее организаторами выступили Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Институт археологии РАН и Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. На конференции обсуждался широкий круг тем, связанных с изучением позднего бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. Рассматривались вопросы хронологии и культурогенеза, развитие традиций металлообработки и керамического производства, религиозные представления и мотивы изобразительного искусства. Особое внимание традиционно было уделено археологии ананьинской культурно-исторической области.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральский регион, поздний бронзовый век, ранний железный век, ананьинская культура, археологические исследования, конференция.

28–30 ноября 2016 г. в г. Болгар (Республика Татарстан) проходила конференция «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». Она была организована Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Институтом археологии РАН, Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. В ее работе участвовали специалисты из Воронежа, Донецка, Йошкар-Олы, Ижевска, Казани, Киева, Кишинева, Коломны, Костромы, Красноярска, Москвы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Ульяновска, Уфы, Хельсинки, Юрино (Марий Эл). На обсуждение было вынесено 45 докладов. Они охватывали широкий диапазон проблем, связанных с изучением позднего бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. Особое внимание было уде-

лено археологии ананьинской культурно-исторической области (АКИО), ее хронологии, развитию комплекса материальной культуры, взаимодействию с археологическими культурами леса, лесостепи и степи Восточной Европы и Западной Сибири.

Конференцию открыл директор Института археологии АН РТ А.Г. Ситдинов, отметивший важную роль конференций «Ананьинский мир» в изучении археологии бронзового и раннего железного веков Волго-Уралья.

Со времени предыдущей конференции скончались Г.В. Бельтикова, А.Н. Башенькин, Е.А. Беговатов, В.П. Денисов, В.А. Кореняко, Л.Т. Яблонский, исследования которых в той или иной степени были связаны с ананьинской проблематикой. С.В. Кузьминых (Москва) и А.А. Чи-

Рис. 1. Пленарное заседание, слева направо С.В. Кузьминых, А.Г. Ситдииков, В.И. Гуляев, А.А. Чижевский

Fig. 1. Plenary session, left to right: S.V. Kuzminykh, A.G. Sitdikov, V.I. Gulyaev, A.A. Chizhevsky.

жевский (Казань) предварили пленарное заседание кратким сообщением о жизни и научной деятельности ушедших из жизни коллег.

На пленарном заседании было заслушано пять докладов.

С.В. Кузьминых (Москва) и *А.А. Чижевский* (Казань) обратились к обсуждению общих проблем археологии предананьинского и ананьинского времени на северо-востоке Европы, характеристике материальной культуры, трансформации археологических культур финала позднего бронзового века (ПБВ) и формирования культурных образований раннего железного века (РЖВ), выявлению их ареалов, контактов и исторических судеб.

В.И. Завьялов и *Н.Н. Терехова* (Москва) рассмотрели проблему появления железообработки у носителей АКЮ. Они установили, что эта технология пришла в Волго-Камье в начале I тыс. до н.э. с Кавказа. Кав-

казские кузнецы передали местным мастерам способы выплавки железа и простейшие приемы его обработки. Высокие технологии, такие как цементация и мягкая закалка, применявшиеся на Кавказе, остались неизвестны кузнецам ананьинского мира. Собственный технико-технологический стереотип сложился здесь лишь к VII–VI вв. до н.э.

В.И. Гуляев (Москва) представил на обсуждение исследование о мотиве медведя в скифо-сибирском искусстве. Он дал подробную характеристику изображений медведя и амулетов из его когтей, найденных на территории Лесостепной и Степной Скифии и Южного Урала. Докладчик пришел к выводу о том, что конская упряжь и поясные крючки с мотивом медведя в памятниках АКЮ появились в результате культурных контактов с населением Лесостепного Подонья. Эти предметы рассматриваются

Рис.2. После заседания, слева направо Л.С. Андрианова, С.В. Кузьминых, М.Ш. Галимова, А.Н. Усачук.

Fig. 2. After the session, left to right: L.S. Andrianova, S.V. Kuzminykh, M.Sh. Galimova, A.N. Usachuk.

им как отражение культа медведя, существовавшего на Среднем Дону и в Волго-Камье в V–IV вв. до н.э.

М.С. Макарова (Пермь) познакомилась с первым полным сводом предметов металлической миниатюрной скульптуры гляденовской культуры. Она выделила семь крупных групп изображений, а именно: медвежьих, волчьих, пресмыкающихся, орнитоморфных, насекомообразных, антропоморфных и полиморфных существа; внутри групп намечены более мелкие морфологические дефиниции.

Е.В. Детлова (Красноярск) и *С.В. Кузьминых* (Москва) обратились к исследованию переписки одного из основоположников ананьинской археологии А.М. Тальгрена с его австрийским (а затем немецким) коллегой Г. фон Мергартом, внесшим замет-

ный вклад в сибирскую археологию. Основное внимание в докладе обращено на полемику между учеными по проблемам хронологии и культурной принадлежности Сеймы, Турбино, Галича, фатьяновских, ананьинских и енисейских древностей.

На заседании **сессии 1** «Ананьинский мир: древности эпохи поздней бронзы Восточной Европы» было заслушано пять докладов.

Ю.И. Колев (Самара) попытался в своем докладе выявить роль андроновских традиций в генезисе археологических культур ПБВ лесостепного Волго-Уралья.

Е.С. Азаров (Москва) обратился к изучению поселений эпохи поздней бронзы Поочья, оставленных носителями культуры текстильной керамики (КТК). На основании сопоставления с синхронными поздняяковскими памят-

Рис.3. В.В. Сидоров (в центре) и молодое поколение российской археологии.

Fig. 3. V.V. Sidorov (in the center) and the young generation of Russian archaeologists.

никами были выделены характерные черты планировки поселений КТК, определены особенности конструкции жилищ и их интерьера.

А.В. Лыганов (Казань), *С.В. Кузьминых* (Москва) и *А.А. Чижевский* (Казань) дали подробную характеристику маклашеевского очага металлообработки. Два этапа функционирования очага напрямую связаны с этапами развития маклашеевской культуры. Каждый из них – ранний атабаевский и поздний маклашеевский – характеризуется особым набором типов изделий при сохранении единых рецептов сплавов.

М.Ш. Галимова и *А.В. Лыганов* (Казань) представили результаты исследования материалов Пестречинской II стоянки, раскопанной в 2013 году. Основной комплекс принадлежит к редкому типу памятников ПБВ,

относимых ранее А.Х. Халиковым к займищенскому этапу приказанской культуры. В РЖВ и в эпоху великого переселения народов здесь же отложились немногочисленные находки АКИО и азелинской культуры. Особенно интересен среди них фрагмент сосуда прохоровской (раннесарматской) культуры.

В.А. Подобед, *А.Н. Усачук* и *В.В. Цимиданов* (Донецк) рассмотрели проблему происхождения конской упряжи маклашеевской культуры. По их мнению, разнообразие форм стержневых трехдырчатых костяных псапиев и многочисленность этих изделий в Северном Причерноморье и, напротив, унификация и относительная малочисленность их в Волго-Камье свидетельствуют о появлении данного типа псапиев у носителей маклашеевской культуры в результате

Рис.4. Общий снимок участников конференции «Ананьинский мир».

Fig. 4. Common photo of “Ananyino World” Conference participants.

влияния степных культур Северного Причерноморья и, возможно, карасукского мира.

На заседании **сессии 2** «Ананьинский мир: общие проблемы изучения раннего железного века» было заслушано восемь докладов.

А.А. Хисяметдинова и *А.А. Чижевский* (Казань) представили концепцию комплексного исследования оборонительных сооружений городищ Волго-Камья эпохи раннего железа и раннего средневековья, включающую археологические, геоморфологические и геологические методы. Городища в рамках этой концепции рассматриваются как природно-антропогенные комплексы, история которых подразделяется на три периода: начальный (догородищенский), основной (городищенский) и реликтовый (постгородищенский). Собственно городищенский период подразделяется на три

этапа, которые являются историческими этапами в развитии фортификации на территории Волго-Камья.

Т.В. Рябкова (Санкт-Петербург) обратилась к изображениям оружия на новомордовских стелах и пришла к выводу о большой достоверности данной изобразительной традиции. Аналогии оружию, переданному в виде рельефных изображений на стелах, присутствуют в виде реальных предметов на территории от Передней Азии и Кавказа до Волго-Камья. Докладчик не исключает влияния переднеазиатской скульптуры на формирование изобразительного канона стел новомордовского типа.

А.Ю. Скаков (Москва) предпринял попытку выделения кавказских предметов в материальной культуре АКИО и предположил, что они являются результатом торговых контактов населения АКИО с Кавказом. Доклад-

чик отметил, что кавказский импорт в Волго-Камье состоял из предметов элитного вооружения, конской упряжи и украшений женского костюма.

Н.Ю. Смирнов (Санкт-Петербург) на основании изучения костяного предмета из погр.94 Зуевского могильника предположил, что это часть плети. Аналогии таким предметам известны, по его мнению, в синхронных степных культурах Восточной Европы. Кроме того, с деталями плетей он связал ряд предметов из других могильников АКИО.

Д.А. Топал (Кишинев) проследил эволюцию антенных наверший скифских акинаков. Он определил ареал этого типа мечей, выделил ранние и поздние варианты, сделав основной упор на изделия с орнитоморфными навершиями.

С.Я. Ольговский (Киев) всесторонне проанализировал археологические данные и установил, что т.н. «ольвийские» зеркала и крестовидные бляхи с элементами скифского звериного стиля не имеют прямого отношения к Ольвии, так как изготавливались в скифских ремесленных центрах, и скифы сами распространяли свою продукцию вплоть до Урала и Поволжья.

М.Н. Дараган (Киев) провела исследование находок человеческих черепов, которые выявлены на ряде городищ Днепровской Левобережной лесостепи. Лишь часть из них рассматривается в связи со штурмом городищ и последующим уничтожением его обитателей. Значительная часть находок является погребениями. С культовой практикой, в том числе с культом предков, связаны черепа, которые были найдены рядом с жертвенниками, черепами или скелетами

собак, предметами культовой пластики и т.п.

С.Н. Коренюк, *А.Ф. Мельничук* (Пермь) и *Е.М. Черных* (Ижевск) обратились к анализу человеческих погребений на памятниках АКИО Среднего и Нижнего Прикамья. Большая часть погребений – детские, но есть и захоронения взрослых людей. Они были как полными, так и частичными, встречаются также захоронения отдельных черепов. Погребения совершались на поселениях, часто рядом с культовыми постройками или внутри них. Отмечается ритуальный характер этих погребений и их связь с человеческими жертвоприношениями.

На заседании **сессии 3** «Ананьинский мир: регионы АКИО в раннем железном веке» было заслушано девять докладов.

В.В. Овсянников (Уфа), изучив материалы поселений бассейна р. Белой из раскопок 50–80-х гг. XX века, произвел переоценку хронологии и культурной принадлежности керамических коллекций этих памятников. Им выделены древности финала ПБВ (маклашеевская культура), сосредоточенные в основном в низовьях р. Белой, а также РЖВ: постмаклашеевские и ранние памятники ананьинской культуры шнуровой керамики. Верхняя дата существования памятников РЖВ, по мнению автора, ограничивается V в. до н.э.

Е.М. Черных и *А.Е. Митряков* (Ижевск) провели сопоставительный анализ двух систем хронологии Зуевско-ключевского I городища. Первая базируется на стратиграфии памятника и аналогиях, вторая – на датировках ¹⁴C. Расхождения двух систем значительны и составляют от 100 до 1000 лет.

Авторы отмечают большую точность системы хронологии, выработанную с помощью традиционных археологических методов, но подчеркивают, что в ряде случаев радиоуглеродные даты ее существенно дополняют.

В.С. Патрушев (Казань–Йошкар-Ола) представил результаты исследования 10 поселений АКИО Марийского Поволжья. По его представлениям, они оставлены прафинскими (текстильная керамика) и прафинно-пермскими (гладкая керамика с ямкой, шнуром и гребенкой) группами населения.

А.В. Новиков (Кострома) подвел в своем докладе итоги исследования поселений с керамикой АКИО на территории Костромского Поволжья. Он выделил три локальных группы памятников, определил их хронологию, дал характеристику керамического комплекса. На основе подготовленного свода памятников с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой докладчик предпринял попытку определения западной границы ареала АКИО.

С.Н. Коренюк (Пермь) представил обзор изделий в зверином стиле из памятников АКИО Пермского Прикамья. По видовому признаку им выделено восемь групп предметов в зверином стиле (изображения кошачьих, медведя, волка и т.д.), сюда же отнесены и фигурки насекомых. Кроме того, намечены группы антропоморфных и полиморфных изображений. Полемику вызвало отнесение к ананьинскому времени крупных ажурных блюх с изображением богини в окружении различных существ. Последние традиционно ранее относились к средневековым древностям.

А.Е. Митряков (Ижевск), тщательно изучив коллекцию керамики Грехневского I поселения на Верхней Вятке, высказал предположение о том, что наличие разных типов орнаментации на посуде данного поселения невозможно интерпретировать только как результат контактов разных групп населения АКИО. Автор предложил выработать новые подходы к интерпретации этого явления.

Е.В. Волкова (Самара) подвела итоги раскопок городища «Манчиха» на Самарской Луке в 2016 году. Керамический материал памятника представлен двумя основными группами: белогорского типа и типа «Царев курган».

А.В. Михеев (Йошкар-Ола) информировал коллег об исследованиях оборонительных сооружений Ардинского городища в 2013 году. Он отметил наличие догородищенского слоя с керамикой АКИО под валом, но усомнился в существовании оборонительных сооружений ананьинского времени. По его мнению, вал Ардинского городища были насыпан только в эпоху раннего средневековья.

А.С. Проценко (Уфа) в 2015 г. провел рекогносцировочные исследования известного Кара-Абызского городища. В докладе была представлена коллекция полученных материалов. Особый интерес вызывает значительное количество наконечников стрел, найденных в ходе шурфовки памятника.

На заседании **сессии 4** «Ананьинский мир и памятники с текстильной керамикой» было заслушано семь докладов.

М. Лавенто (Хельсинки) дал характеристику памятников с текстиль-

ной керамикой на территории Финляндии. Он отметил, что поселения этого типа размещаются возле озер, рек и на берегу моря и для них характерны небольшие жилища. Обитатели поселений занимались подсечным земледелием. На ряде памятников зафиксированы также остатки металлообработки и бронзовые изделия. Время появления текстильной керамики на территории Финляндии, судя по данным ^{14}C , относится к III тыс. до н.э., хотя известна и более ранняя дата – V тыс. до н.э., пока единичная.

С.В. Кузьминых (Москва) обратился к проблеме кельтов акозинско-меларского типа (КАМ) и их связи с археологическими культурами Восточной и Северной Европы. По мнению автора, КАМ – специфичное оружие носителей культур с текстильной керамикой. За пределами этой области они изготавливались в культурах, соседствующих и взаимодействующих с КТК.

В.В. Сидоров (Москва) представил обзор памятников с сетчатой (текстильной) керамикой лесной зоны Восточной Европы. В общем массиве выборки этой керамики он выделил разные способы текстильного оформления поверхности и представил свое видение происхождения носителей КТК.

О.А. Лопатина (Москва) рассмотрела дискуссионную проблему – как наносились текстильные отпечатки на поверхности керамики. Опираясь на этнографические, археологические и экспериментальные данные, она установила, что значительная часть подобных отпечатков выполнена особыми инструментами, которые прокапывали по поверхности, создавая тем самым рельефные отпечатки. Такими

инструментами могли быть еловая шишка, валик, обмотанный нитями, плетеные и витые шнуры и т.д.

А.С. Сыроватко (Коломна) провел исследование возможностей нанесения текстильных отпечатков на керамику с помощью еловой шишки. Он показал, что в период возникновения керамики такого облика зона еловых лесов достигала места формирования данной традиции. Интересны наблюдения докладчика о концентрации различных типов нанесения текстильных отпечатков (мелкоячеистая рябчатая, нитчатая и т.д.) по географическим ареалам Русской равнины.

А.Г. Векслер и М.Г. Гусаков (Москва) затронули проблему поздней стадии дьяковской культуры. Материалы памятников Замоскворечья и широкий круг аналогий в синхронных культурах привел их к выводу о непрерывности существования дьяковской культуры с рубежа IX/VIII в. до н.э. по VI/VII в. н.э. С I по IV вв. н.э. происходит, как полагают авторы, угасание дьяковской культуры, которая окончательно исчезает к VI/VII в.

М.М. Савенкова (Воронеж) проанализировала ряд категорий предметов эпохи раннего железа, а именно грузила для ткацкого станка, грузики «дьякова типа» и «рогатые кирпичи», на предмет оценки возможности их использования в качестве составляющих частей орудий текстильного производства.

На заседании **сессии 5** «Ананьинский мир: проблемы конца АКИО и постананьинское время» было заслушано пять докладов.

А.А. Чижевский (Казань) на основании изучения материальной культуры памятников позднего этапа АКИО

пришел к выводу о сохранении единого культурного пространства на позднем этапе существования данной области. Сохраняются и региональные отличия, прежде всего между лесными и лесостепными частями ананьинского мира. Неравномерность распределения позднеананьинских памятников по регионам обусловлена как разной степенью изученности этих территорий, так и недостаточной разработанностью хронологии керамических комплексов, на которых основывается датировка большей части памятников АКИО.

И.О. Васкул и В.А. Семенов (Сыктывкар) произвели обзор памятников ананьинского времени бассейна р. Вымь. Материальный комплекс этих селищ представлен керамикой баночной и горшковидной форм с гребенчато-шнуровой орнаментацией.

Ю.П. Чемякин (Екатеринбург) рассмотрел круг памятников бассейна р. Обь с керамикой кульминского типа. В докладе представлена общая характеристика орнаментальных традиций керамики кульминского типа, выявлен ее ареал. Отмечено, что истоки данной керамики исследователи связывают с памятниками гамаюнской и атлымской культур ПБВ.

С.Н. Кореньюк и М.Л. Перескоков (Пермь) обратились к обсуждению вопроса о хронологии рубежа ананьинской и гляденовской культур в Пермском Прикамье. Докладчики пришли к выводу о том, что рубеж между этими культурами пролегал в конце III – начале II в. до н.э.

Е.В. Волкова и И.Р. Газимзянов (Казань) представили данные краниологического исследования черепов из Гулюковского могильника на Нижней Каме. В коллекции выделены две се-

рии черепов. Первая – европеоидная – принадлежала поздним сарматам, вторая (домонгольского времени) оказалась неоднородной: женские черепа с монголоидными (уралоидными) чертами, мужские – с европеоидными.

Пять выступлений были представлены в виде **стендовых докладов**.

М.Р. Гисматуллин и Ю.В. Крылов (Ульяновск) сделали обзор находок ананьинского времени с территории Ульяновской области. Наибольший интерес среди них вызывает бронзовый чекан, оформленный в зверином стиле.

А.А. Красноперов (Ижевск) рассмотрел некоторые проблемы хронологии постананьинского времени. По мнению докладчика, наиболее хронологически близкими к поздним могильникам АКИО по погребальному обряду среди некрополей пьяноборской культуры являются Трикольский и Шидалинский могильники, которые по инвентарю следует датировать I в. до н.э. – I в. н.э.

Э.И. Оруджов (Киров-Казань) представил обзор керамического комплекса Кривоборского городища из фондов Кировского музея. Памятник отнесен им к ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики и датирован в пределах VI–III вв. до н.э.

Е.Г. Шалахов (Юрино, Республика Марий Эл) познакомил с находками керамики с дюны «Красный Выселок» в Поветлужье. Эти материалы, судя по аналогиям, относятся к КТК.

А.В. Шитлов (Казань) показал материалы ПБВ и РЖВ из фондов Музея археологии Республики Татарстан, полученные в ходе раскопок Игимской стоянки в 1970–1971 гг.

На заключительном заседании подведены итоги конференции.

Отмечено, что основным результатом ее работы является координация исследований в области археологии позднего бронзового и раннего железного веков Волго-Уралья и сопредельных территорий. Следующую конференцию «Ананьинский мир» намечено провести в 2020 году.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); Kuzminykhsv@yandex.ru

SCIENTIFIC CONFERENCE 'ANANYINO WORLD: CULTURAL SPACE, CONNECTIONS, TRADITIONS AND INNOVATIONS'

A.A. Chizhevsky, S.V. Kuzminykh

The article presents brief information on the content and findings of the conference "Ananyino World: Cultural Space, Connections, Traditions and Innovations", which took place in Bolgar on 28-30 November 2016 (Republic of Tatarstan). The Conference was organized by A.Kh. Khalikov Archaeology Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Archaeology Institute of the Russian Academy of Sciences and Bolgar State Historical and Architectural Museum-Reserve. Its participants discussed a vast range of topics concerning the late Bronze Age and the early Iron Age of Northern Eurasia. Particularly, they discussed the issues of chronology and cultural genesis, development of traditional metal processing and ceramic production, religious ideas and motifs of fine art. Special attention was traditionally focused on archaeology of the Ananyino cultural-historical area.

Keywords: archaeology, Volga-Ural region, late Bronze Age, early Iron Age, Ananyino culture, archaeological studies, conference.

About the Authors:

Chizhevsky Anrdei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Kuzminykh Sergei V., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в номер 31.12.2016 г.

УДК 069.4

**О РАБОТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ»**

© 2017 г. Т.Б. Никитина, В.В. Никитин

В статье содержится информация по итогам работы межрегиональной научной конференции «Проблемы сохранения и популяризации археологического наследия», которая проходила в Республике Марий Эл в п. Юрино с 13 по 16 августа 2016 года. Мероприятие посвящено 60-летию Марийской археологической экспедиции, созданной в 1956 году на базе Марийского научно-исследовательского института им. В.М. Васильева. На конференции были прочитаны 36 докладов, посвященных: итогам работы Марийской археологической экспедиции за 60 лет и деятельности ученых, работавших в МарАЭ; дискуссионным и актуальным вопросам сохранения археологических памятников в условиях современного воздействия природной среды и хозяйственного использования, а также общим и частным проблемам хронологии, культурной и этнической интерпретации археологического материала Волго-Уральского региона.

Ключевые слова: археология, история науки, Волго-Уральский регион, Марийская археологическая экспедиция, памятники, сохранение, интерпретация.

13–16 августа 2016 года в п. Юрино на базе государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметьева» состоялась межрегиональная научная конференция «Проблемы сохранения и популяризации объектов археологического наследия». Конференция была организована отделом археологии МарНИИЯЛИ, проходила при организационно-финансовой поддержке Министерства культуры РМЭ и Администрации Юринского района.

В работе конференции приняли участие более 50 человек, представляющие ведущие научные центры из 11 регионов Российской Федерации: Москвы, Пензенской, Пермской, Нижегородской, Ульяновской, Костромской областей, республик: Татарстан, Удмуртия, Марий Эл, Чувашия, Башкортостан.

Мероприятие посвящено 60-летию Марийской археологической экспедиции, созданной в 1956 году на базе Марийского научно-исследовательского института им. В.М. Васильева. С приветственным словом выступили зам. министра культуры и по делам национальностей Республики Марий Эл А.Н. Луничкин и директор Института археологии Республики Татарстан А.Г. Ситдинов. Начальник МарАЭ В.В. Никитин познакомил участников мероприятия с итогами работы Марийской археологической экспедиции за 60 лет и перспективами развития этого творческого коллектива. С.В. Кузьминых (г. Москва) и Г.И. Дроздова (г. Казань) в своих выступлениях осветили деятельность отдельных ученых, чья жизнь и творчество были связаны с работой в МарАЭ. Вполне справедливо осо-

бое внимание было уделено личности А.Х. Халикова как одного из основателей и первого руководителя МарАЭ.

Серия докладов была посвящена наиболее дискуссионным и актуальным вопросам сохранения археологических памятников в условиях современного воздействия природной среды и хозяйственного использования. Значительное внимание было уделено проблемам и механизмам взаимодействия научной общественности (как профессиональных, так и общественных организаций) с органами охраны памятников и Министерством внутренних дел. Михеева А.И. познакомила присутствующих с результатами совместного взаимодействия ученых и органов по сохранению объектов археологического наследия в Республике Марий Эл (Йошкар-Ола), Семькин Ю.А. (Ульяновск) поделился проблемами сохранения археологического наследия в Ульяновской области. В качестве положительного опыта отмечено сотрудничество ученых Удмуртского госуниверситета и муниципальных органов власти в деле сохранения памятников археологии в Удмуртии (Е. Черных – г. Ижевск), деятельность по сохранению и популяризации историко-культурного наследия на примере археологических исследований городища Унорож в Галичском районе Костромской области (Новиков А., Новикова О. – Кострома), работы по установлению границ объектов археологического наследия на примере Республики Марий Эл (Михеев – Йошкар-Ола). Особо была выделена проблема сохранения объектов археологического наследия от незаконных раскопок кладоискателей (Березина Н., Березин А. – Че-

боксары). А.Г. Ситдиков (Казань) на материалах г. Свияжска познакомил с использованием современных технологий по консервации археологического дерева.

В процессе обсуждения докладов, связанных с вопросами сохранения объектов археологического наследия, обращено особое внимание на невнимательное отношение к закону об охране памятников ФЗ 73 со стороны муниципальных и региональных органов в отдельных регионах.

Значительный блок докладов содержал информацию по наиболее интересным и разрушающимся памятникам в регионах: Каентубинской островной стоянки (Чижевский А., Шипилов А. – Казань), местонахождению текстильной керамики Красный Выселок II (Шалахов Е. – п. Юрино), урочищу «Гора Св. Марии» под Ростовом (Леонтьев А. – Москва), Золотаревскому кладу (Белорыбкин Г. – Пенза), древним слоям Царевкокшайска (Данилов П. – Йошкар-Ола). На конференции также были представлены доклады обобщающего характера, освещающие общие и частные проблемы культурной и этнической интерпретации археологического материала (Патрушев В. – Йошкар-Ола, Казаков Е. – Казань), хронологии (Ставицкий В. – г. Пенза), культурных, торговых взаимодействий в Волго-Уральском регионе (Иванов В. – Уфа, Руденко К. – Казань, Акилбаев А. – Йошкар-Ола; Крыласова Н., Белавин А. – Пермь).

Участники конференции ознакомились с топографией и последствиями кладоискательских раскопок на Выжумском марийском могильнике X–XII вв., результатами воздействия

Чебоксарского водохранилища на Юринской стоянке эпохи бронзы и характером хозяйственного освоения Удельно-Шумецких стоянок эпохи камня.

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, заместитель директора, ГБНУ «Марийский научно-исследовательский НИИ языка, литературы истории им. В.М.Васильева» (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

Никитин Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

**ON PROCEEDINGS OF THE INTER-REGIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
ON CONSERVATION AND POPULARIZATION
OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE**

T.B. Nikitina, V.V. Nikitin

The article informs on the findings of the inter-regional scientific Conference on Conservation and Popularization of Archaeological Heritage, which took place in Mari El Republic, village Yuryino, from 13 to 16 August 2016. The Conference was dedicated to the 60th Anniversary of the Mari archaeological expedition established in 1956 at the Mari Science and Research Institute named after V.M. Vasilyev. The participants presented 36 reports on the following topics: progress of the Mari archaeological expedition over its 60 years of activities and endeavours of its members; debatable and current issues of conservation of archaeological sites in the context of modern environmental and economic impact, as well as general and particular issues of chronology and cultural and ethnic interpretation of archaeological materials from the Volga-Ural region.

Keywords: archaeology, history of science, Volga-Ural region, Mari archaeological expedition, sites, conservation, interpretation.

About the Authors:

Nikitina Tatyana B., Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Nikitin Valeriy V., Doctor of Historical Sciences. Mari El Language, Literature and History Research Institute named after V.M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Статья поступила в номер 31.12.2016 г.

Список сокращений

- АЕС – Археология Евразийских степей
АКИО – ананьинская культурно-историческая область
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология, этнография Марийского края
БАСССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии Наук СССР
БЭК – Башкирский экономико-юридический колледж
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГУП – Государственное унитарное предприятие
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДА – Донская археология
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии Академии наук СССР/Российской академии наук
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАМ – кельты акозинско-меларские
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КИО – Культурно-историческая общность
КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КТК – культура текстильной керамики
 КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
 ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР
 МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
 МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МарГУ – Марийский государственный университет
 МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
 МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МГУ – Московский государственный университет
 МДСИКВМ – Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья Удмуртского госуниверситета
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России
 МНИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.
 МПИК – Марийский полиграфическо-издательский комбинат
 МРКМ – Марийский республиканский краеведческий музей
 МУП – Муниципальное унитарное предприятие
 НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция
 НРФ МарНИИЯЛИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
 НЦ РАН – Научный центр Российской Академии наук
 ОАН – объект археологического наследия
 ПА – Поволжская археология
 ПБВ – поздний бронзовый век
 ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
 РА – Российская археология
 РЖВ – ранний железный век
 РМЭ – Республика Марий Эл
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
 СГУ – Саратовский государственный университет
 СНЦРАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 СЭ – Советская этнография
 СЭС – Среднеазиатский этнографический сборник
 ТАС – Тверской археологический сборник

ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТИЭ – Труды Института этнографии
УАВ – Уфимский археологический вестник
УГУ – Уральский ордена трудового красного знамени государственный университет им. А. М. Горького
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УдмНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт
УдНИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский научный институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
УИИЭЛЯ – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
УРКМ – Удмуртский республиканский краеведческий музей
УроРАН – Уральское отделение Российской Академии наук
ЦИАИ – Центр исторических и археологических исследований
ЦЭИ – Центр этнографических исследований
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал «**Поволжская археология**» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская Археология» осуществляется по единому графику:

№ 1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№ 2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№ 3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№ 4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассматриваться на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять *редакционные требования* и следовать *этическим принципам редакции*.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов**:

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (<http://archaeologie.pro/ru/for-authors/article-submission/>) или по требованию, обратившись по адресу **arch.pov@mail.ru**. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал**: рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствии с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождается **полным комплектом необходимых материалов**.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу **arch.pov@mail.ru**.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

ДИСКУССИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстраций.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах **.doc* и **.rtf*. (формат **.docx* не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. **Образец оформления статьи**):

– УДК;

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

– **Список литературы (библиография)**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Название** статьи на английском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Числа (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Хронология и датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Калиброванные датировки (см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются.**

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате *.tif или *.jpg.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/>)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологи», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространственным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:**Описание монографии (книги)**

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. *Халиков А.Х.* Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

1. *Белорыбкин Г.Н.* Монголы в землях обугаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

2. *Напольских В.В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург, Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blondu_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

**Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛУСТРАЦИЙ

**Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient
Settlement ("House of the Handicraftsman")**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.03.2017 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать цифровая. Бумага мелованная. Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20